

ФОНД «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

Серия «Восточная Европа. XX век» издается с 2011 года

В серии вышли

Трагедия белорусских деревень, 1941–1944:
документы и материалы
Н.В. Кирилова, В.Д. Селеменев (сост.)

Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов
и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг.:
сборник документов
А.Р. Дюков (сост.)

«Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция
в белорусско-латвийском пограничье, февраль-март 1943 г.:
документы и материалы
В.И. Адамушко, В.Д. Селеменев и др. (сост.)

Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами
и нереализованный сценарий утраты литовской
независимости, 1939–1940 гг.
А.Р. Дюков

«Ни кацапа, ни жида, ни ляха». Национальный вопрос в идеологии
Организации украинских националистов, 1929–1945 гг.
А.И. Баканов

Сожженные села. Украина под нацистской
оккупацией, 1941–1944 гг.: анотированный указатель
Под ред. *В.Ф. Солдатенко*

Повседневность террора. Деятельность националистических
формирований в Литве, 1944–1946 гг.
Дюков А.Р. (сост.)

Неизвестный геноцид.
Преступления украинских националистов
на юго-восточном пограничье Польши, 1939–1946 гг.
Под ред. *Б. Пазя*

Неизвестный геноцид

*Преступления украинских националистов
на юго-восточном пограничье Польши,
1939–1946 гг.*

под редакцией проф. Богуслава ПАЗЯ

Фонд содействия актуальным
историческим исследованиям
«Историческая память»
Издательство «Алгоритм»
Москва, 2015

УДК 343.337(438)“1939–1946”
ББК ТЗ(4Пол)622,6
Н 45

Серия «Восточная Европа. XX век» издается с 2011 года
Выпуск 8

Редактор-составитель
проф. Вроцлавского университета
Богуслав Пазь

Перевод с польского
Юрия Андрейчука

Польская семья Ясенчуков из Воли Островецкой
(ныне несуществующее село, Любомльский р-н, Волинская обл.),
фото межвоенного периода. Все они погибли в 1943 г.
www.polradio.pl

Первое издание книги:

*Prawda historyczna a prawda polityczna w badaniach naukowych.
Ludobójstwo na Kresach południowo-wschodniej Polski w latach 1939–1946 /
Pod redakcją B. Pazia. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011.*

Н 45 Неизвестный геноцид. Преступления украинских националистов на юго-восточном пограничье Польши, 1939–1946 гг. / Под ред. Б. Пазя; Пер. с польск. Ю. Андрейчука. М.: Фонд «Историческая память», 2015. 448 с. (Серия «Восточная Европа. XX век». Выпуск 8.)

В данном сборнике рассмотрены вот уже более полувека замалчиваемые проблемы, касающиеся одного из наиболее шокирующих событий Второй мировой войны — массового убийства формированиями ОУН-УПА и дивизии СС «Галичина» польского, еврейского, армянского и украинского гражданского населения на территории юго-восточного пограничья Польши.

В данной работе исследователи из Польши, Украины и России пытаются найти ответ на самый основной из всех вопросов: почему? Почему случился этот геноцид? Почему он отличался столь поразительной жестокостью? Почему, наконец, совершившие все эти злодеяния, в большинстве своем избежали какого бы то ни было наказания, а многие из них после Второй мировой войны получили материальную помощь и политическую поддержку западных держав?

18+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.....	9	
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	16	
БЛАГОДАРНОСТИ.....	23	
ВВЕДЕНИЕ.....	25	
<i>Богуслав Пазь</i>		
Понятие исторической правды: философские и политические детерминанты		25
I. ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И ЕГО ГИБЕЛЬ	84	
<i>Станислав Сроковский</i>		
Культура и гибель польского Юго-восточного пограничья.....		84
II. ГЕНОЦИД И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ КАК ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ ИЗ ОУН-УПА И СС «ГАЛИЧИНА» НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПОГРАНИЧЬЯ II РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬСКОЙ.....	99	
<i>Петр Зайонц</i>		
Информация относительно уголовно-правовой оценки событий на территории бывшего Волынского воеводства в 1939–1945 гг. с опорой на выводы следствия Окружной комиссии преследования преступлений против польского народа в Люблине		99

<i>Вальдемар Швец</i> Информация о следственных действиях по делу о геноциде, совершенном украинскими националистами в 1939–1945 гг. на территории Гуты Пеняцкой	118
III. ЛОЖЬ УМОЛЧАНИЯ	128
<i>Богуслав Пазь</i> Умолчание как радикальная форма исторической лжи	128
<i>Чеслав Партач</i> Причины геноцида, совершенного ОУН-УПА по отношению к польскому населению, и их умолчание в украинской историографии	151
<i>Тадеуш Исакович-Залесский</i> Польско-армянский город Куты на Черемоше. Развитие и гибель	194
<i>Александр Дюков</i> Спланированное преступление: антиеврейская политика ОУН летом 1941 года	217
IV. МАРТИРОЛОГ, ИЛИ МУЧЕНИЧЕСТВО И СВИДЕТЕЛЬСТВО	244
<i>Мечислав Альберт Кромпец</i> Тень неосужденных преступлений	244
<i>Мирослав Гермашевский</i> Трагическая мартовская ночь 1943 года	249
<i>Ян Кульмановский</i>	260
«Ко мне подошли трое украинцев и начали колоть меня штыками» (Сообщение бывшего жителя селения Углы на Волыни)	260

Амелия Мамчар

«Или меня застрели, или меня выпусти,
пусть меня не сжигают живьем с этими детьми»
(сообщение жительницы поселения
Пендыки на Волыни) 263

Стефания Каминьская

Ультиматум бандеровцев и советская «помощь»
(сообщение свидетельницы преступления
в деревне Просовцы в Тарнопольском воеводстве) 270

Станислав Пелиховский 274

«Мне чудом удалось остаться в живых»
(сообщение жителя деревни Гербутов
в Станиславовском воеводстве) 274

Войцех Орловский

Доказательство преступлений, совершенных в Бродском
повяте Украинской Повстанческой Армией против
польского населения. Дело Володимира Чернявского,
командира куреня УПА из Черницы, Бродского повята. 279

Ромуальд Недзелько

Об украинцах, спасавших поляков, приговоренных
к уничтожению ОУН-УПА. 301

V. ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА.

ПРОБЛЕМА ТАК НАЗЫВАЕМОЙ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. 320

Ева М. Томпсон

Постмодернизм и европейская память. 320

Ева Семашко

Состояние исследований геноцида, совершенного
против польского населения Организацией Украинских
Националистов и Украинской Повстанческой Армией 340

Люцина Кулиньская

Проблема отношения и осуждения
преступлений ОУН-УПА, СС «Галичина» и других
коллорабационистских формирований украинцев
со стороны западных демократий во время «холодной войны» 375

Томаш Роля

Образ ОУН-УПА и геноцида на Кресах
в современной Украине 399

VI. ГЕНОЦИД НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ
ПОГРАНИЧЬЕ П РП В ПЕРСПЕКТИВЕ
УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. 404

Алексей Мартынов

Украинский полицейский коллаборационизм в контексте
фальсификаций истории великой отечественной войны:
постановка проблемы 404

Адольф Кондрацкий

Волынская трагедия глазами ученых независимой Украины 432

Игорь Ильюшин

УПА и АК. Военно-политический конфликт
на Западной Украине (Волынь и Восточная Галиция
в годы Второй Мировой войны). 439

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Предисловие к российскому изданию я хотел бы начать с одного мудрого высказывания: «Тот, кто не знает свою историю, обречен на ее повторение». Необходимость изучения прошлого подтверждают хотя бы последние сообщения с Донбасса, где с местными русскоязычными жителями зверски воюют не только войска регулярной украинской армии, уже впитавшей идеалы украинского национализма Степана Бандеры, но также спонсируемые олигархами фашистские отряды «Правого Сектора» и других радикально-националистических организаций. Это напоминает нам забытые, осуществляемые с варварской жестокостью преступления (*genocidium atrox*) против почти двухсот тысяч поляков и десяти тысяч евреев, армян, венгров, чехов, русских и самих украинцев, живших до Второй мировой войны на юго-восточных окраинах (Кресах) Польши. Виновными в совершении убийств были украинские националисты из ОУН-УПА и добровольческой дивизии войск СС «Галиция». Именно о них пойдет речь в настоящем издании.

Эти преступления, их огромные масштабы и особая жестокость, заставляют нас задать вопрос: почему они совершались, причем столь безжалостно? Складывается впечатление, что ответы на эти вопросы можно найти с помощью вдумчивого изучения двух явлений, возникших в конце XIX века. К ним относятся национализм и нигилизм. Если речь вести о нигилизме, то следует вспомнить, что его главные предпосылки были выражены в туманной, но афористичной форме немецким эссеистом, исследователем классической древности Фридрихом Ницше, который во второй половине своей жизни боролся с психическими заболеваниями. Кроме радикального атеизма, Ницше постулировал аморализм, т.е. ниспровержение всех традиционных ценностей, в

частности – добра и истины, и замену их витальными ценностями, такими как физическая сила, хитрость и власть. Это ниспровержение ценностей с помощью насилия (нем. *Umsturz der Werte*) должно осуществляться выдающимися единицами, т.е. сверхлюдьми (*Übermenschen*). Их привилегия состояла в установлении новых правил и ценностей, в соответствии с собственными взглядами. Такие единицы, в концепции Ницше, с помощью власти и насилия могли навязать свою волю остальной части общества, называемой «недолюдьми» (*Untermenschen*).

Что же касается национализма, то не случайно именно это слово стало названием работы главного идеолога украинского интегрального национализма Дмитро Донцова. Интересно, что этот труд был опубликован в том же году, что и *Mein Kampf* Адольфа Гитлера, в типографии украинского греко-католического монастыря отцов Василиан в Жолкве.

Необходимо отметить, что украинский создатель идеологии ОУН-УПА был не критичным поклонником Гитлера, а также автором первого перевода на украинский язык книги *Mein Kampf*. В соответствии с материалистическими взглядами XX века, он был убежден, что человек – это существо исключительно материальное, которое полностью подчиняется законам природы и полностью ею определяется. Главным способом человеческого бытия в мире в буквальном понимании была ожесточенная борьба за существование, которая – как и в природе – ведется не на жизнь, а на смерть. Набирающий очертаний образ мира, содержащийся в этой концепции, однозначно оправдывает применение любого вида насилия, поскольку оно якобы заключается в самой сущности развития. В этом контексте понимание человека и мира не только оправдывает применение насилия, но само насилие становится нормой, безоговорочным императивом новой материалистической этики. В основе украинского интегрального национализма лежит именно такое понимание мира, а его преступления во время Второй мировой войны были ответом на этот императив. Стоит рассмотреть основания идеологии национализма Донцова, поскольку они позволяют не только объяснить причины геноцида, совершенного украинскими националистами во время Второй мировой войны, но и понять процессы, происходящие в современной Украине, символом которых является бандеровский Майдан.

Подобно Ницше, который писал о двух формах нигилизма: (1) пассивного, являющегося результатом своего рода истощения силы традиционных ценностей, и (2) активного, как следствия наступательной творческой позиции, в которой с помощью силы и насилия провозглашаются новые ценности. Также и Донцов в *Национализме* различил (1) пассивную («декадентскую») и (2) активную форму национализма. Если к первой форме он относился с презрением, то вторую, активную, он считал главным средством для создания «Великой Украины». Значение идеи активного национализма сводилось к следующим семи категориям.

Во-первых, радикальный волюнтаризм. Очень характерным элементом в доктрине этого и других украинских националистов является именно обращение к понятию волюнтаризм, предусматривающему превосходство воли над разумом: «На воле (не разуме), на догме (не доказанной истине), [...] должна строиться наша национальная идея»¹. Волюнтаризм сводился к отрицанию всех форм рационализма, который Донцов считал пагубным для идеи украинского народа. В концепции Донцова воля должна иметь абсолютное первенство над разумом², для того чтобы превратиться в принцип властвования³.

Во-вторых, коллективизм и догматизм. Донцов постулировал форму коллективизма, которая предусматривала первенство общества (народа) над личностью и примат общей воли над волей личности. Согласно украинскому идеологу, толпе не нужно ничего понимать, чтобы быть «убежденной» властью украинских националистических «проводников» (укр. «провідник» – «вождь»). Напротив: понимание может быть опасным для народа и поставленным властью целям⁴.

В-третьих, крайний иррационализм, который на практике означал постулат отказа от контрольной функции разума и предпочтение различных эмоциональных аффектов, генерируемых, например,

¹ *Doncow D. Nacjonalizm*, przeł. W. Poliszczuk, Kraków 2008. S. 155.

² *Ibid.* S. 157.

³ К этой категории в названии и содержании относились многие работы в Германии. Смотри.: *M. Fassbender* Hrsg. *Des Deutschen Volkes Wille zum Leben. Bevölkerungspolitische und Volkspädagogische Abhandlungen über Erhaltung und Förderung Deutscher Volkskraft*, Freiburg a. B. 1917.

⁴ *Doncow D. Nacjonalizm*. S. 174.

музыкой и светом факелов во время ночных маршей националистических активистов. По Донцову, «любые идеи, которые должны быть навязаны миру, без сопутствующих им аффектов, никогда не обладают силой притяжения»⁵.

В-четвертых, фанатизм. «Национальный фанатизм является оружием сильных народов, с помощью которого совершаются великие подвиги», – писал Донцов. Проявляющийся в агрессии фанатизм, должен составлять основу «жизни идеи» народа. Фанатизм не был каким-то патологическим и непреднамеренным эффектом национализма Донцова, но выступал в качестве главного средства, способа достижения цели⁶. Фанатизм «является обязательным состоянием души всех активистов», которые «отдались во власть какой-либо идеи»⁷. Чтобы вызвать в бессмысленных массах фанатизм, необходимо заранее *воздействовать на их аффекты*. При этом немалую роль играла мифология, в частности, совершенно иррационально понятая «религия» как сфера абсолютного догматизма.

В-пятых, чтобы придать волюнтаризму и фанатизму абсолютное значение, ничем не обусловленное и не ограниченное, Донцов выдвинул постулат аморализма: «С точки зрения этой моральности, необходимо испытывать ненависть к врагу, даже если он еще не сделал вам ничего плохого»⁸. Единственная сохранившаяся в этой концепции мораль – это сфера слепых аффектов, которые должны мотивировать онемевшую толпу к фанатической ненависти и агрессии по отношению к врагу, указанному лидером.

В-шестых, идеология Дмитро Донцова достигает высшей кульминации, своего специфического практического воплощения в идее «творческого насилия» (определение самого Донцова). Как бывшему марксисту, ему были известны правила революционного социализма; он также разделял марксистские убеждения о том, что реальные изменения в социальных отношениях требуют использования физического насилия и террора во имя «высокой цели и соображе-

⁵ *Doncow D. Nacjonalizm. S. 177.*

⁶ Социальные эффекты и введение в жизнь императива фанатизма украинскими националистами описывает Л. Кулинська: *Kulińska L. Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922-1939. Kraków 2009. S. 56, passim.*

⁷ *Doncow D. Nacjonalizm. S. 179.*

⁸ *Ibid. S. 181.*

ний». Не случайно затем свои размышления о творческом насилии он начал со слов: «Без насилия и без железной беспощадности ничего не было создано в истории»⁹. Примененный к идее «творческого террора» иррационализм был направлен на достижение своего рода автоматизма в действии так называемой «массы», из которой заранее должна была выйти иницилирующая группа с властвующим над ней одним вождем¹⁰.

Украинский национализм в течение короткого времени прошел от стадии робких теоретических «проб пера» и подражаний до разработанной идеологии интегрального национализма Донцова, от первых попыток в организационном плане применить эту идеологию на практике к фазе собственно террора, применявшегося к гражданам польского государства до Второй мировой войны. Это прекрасно излагается в монографии Люцины Кулиньской «Террористическая и диверсионная деятельность украинских националистических организаций в Польше в 1922-1939 гг.»¹¹. Тем не менее, кульминацией террора и насилия, применявшихся украинскими фашистами, называемыми «бандеровцами» по имени их предводителя – Степана Бандеры (1909-1959), было «Кровавое Воскресенье» в июле 1943 года на Волыни. Именно в этой части Украины наступил апогей насилия, поскольку этот регион был одним из малонаселенных регионов довоенной Польши, с относительно низкой долей жителей польской национальности (17%), которые проживали в разных местностях, что облегчало их уничтожение. Это население более пяти столетий проживало с украинским населением в большой гармонии, поэтому на момент нападения они были совершенно не готовы противостоять вооруженным бандам УПА, часто их соседям, нападавшим на польские дома около двух часов ночи. С Волыни геноцидарные акты террора распространились также в юго-восточных регионах Польши до западных Бещад.

Описания преступлений, совершаемых бандеровцами, которые предоставили нашему вниманию сами очевидцы, переполнены невообразимыми актами зверской жестокости. То, что до сей поры вы-

⁹ *Doncow D. Nacjonalizm. S. 193.*

¹⁰ Ср. с лозунгом немецких нацистов: «Один народ, одно государство, один вождь» (*Ein Volk, ein Reich, ein Führer*).

¹¹ *Kulińska L. Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922-1939, Kraków 2009, 743 ss.*

зывает ужас при выслушивании последних свидетелей этих тяжких преступлений – мне самому приходилось слушать такие рассказы в детстве, поскольку семья матери родом из Кресов – это непостижимая для нормального человека жестокость, с которой причинялись страдания невинным людям, прежде чем их лишали жизни. Хотя более двадцати лет меня интересует рационализм в философской мысли (Декарт, Лейбниц, Вольф), для меня совершаемые бандеровцами варварства превышают возможность их понимания и объяснения. Тем не менее, я должен сказать, что явлению бандеровщины присуща некая пугающая логика. Благодаря постулируемой Донцовым иррациональности, украинские националисты как более семидесяти лет назад в польских Кресах, так и сегодня, сжигая заживо в Одессе десятки беззащитных людей, с самого начала были лишены разума и адекватного понимания реальности. Догматизм и националистический коллективизм полностью лишил их воли и личной автономии. Вытекающая из фанатизма беспощадность окончательно ослепила бандеровцев, а аморальность лишила их остатков совести. В завершение всего постулат «творческого террора» непосредственно толкал их на преступление. Не последнюю роль в этом деле сыграла активность украинских греко-католических архиепископов: Андрея Шептицкого, Иосифа Слепого и Иосафата Коцидловского, которые не только сотрудничали с германскими нацистами, но и открыто сакрализировали преступления, совершенные украинскими фашистами.

Польская исследовательница геноцида в Кресах Эва Семашко, которая совместно с отцом, Владиславом Семашко, издала монументальную монографию, посвященную явлению геноцида на Волини¹², на открытых лекциях часто говорит о феномене одержимости среди членов УПА, а преступления определяет как «сатанизм». Характерным является тот факт, что апогей геноцида состоялся именно в воскресенье 11 июля 1943 года, а убийства совершались во время мессы. Нередки случаи, когда на глазах паствы во время мессы убивали священников, разрубая им голову топором, тогда как остальных участников жгли заживо. Эти преступления своей жестокостью далеко выходят за рамки обыденного разума и характеризуются не только уголовно-правовой и этической стороной,

¹² E. Siemaszko, W. Siemaszko. Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939-1945., t. 1 - 2. Warszawa 2000.

но имеют также и глубокое богословское измерение, которое ждет адекватного описания и объяснения.

Сегодня мы должны извлечь урок из истории, для того чтобы эта кровавая бойня не повторилась. Необходимо не только узнать факты, но и причины. История – это серия причин и следствий, поэтому именно такое изучение исторического прошлого разрешит понять и правильно интерпретировать последние события на Украине. Историческая правда о жертвах украинского фашизма, рыдания и крики наших близких, замученных ночью, приказывают нам применять все доступные действия, которые не позволят повториться прошлому в настоящем и в будущем. Никто и ничто не может освободить нас от исполнения этого приказа. Если мы допустим, что бандеровщина снова станет причиной нового геноцида, ни перед Богом, ни перед историей нам не найти оправдания.

Передаю в руки русского читателя книгу, в которой он сможет найти разнообразный материал, написанный очевидцами преступлений, историками, политологами, прокурорами, а также теоретиком литературы, писателем и историком философии. Как редактор, я искренне радуюсь, что эта работа может стать интересной русским читателям и будет способствовать углублению понимания все еще малоизвестного факта из истории Второй мировой войны. Но я не хочу, чтобы часто пугающие происшествия той истории вызывали у читателей чувство пессимизма. Даже в те варварские времена были случаи подлинного героизма, которые были глубочайшим свидетельством евангельского учения и обычной человечности. Я сам совсем недавно узнал о том, что большая часть моей семьи выжила в Кресах благодаря тому, что в последний момент украинский сосед, рискуя своей жизнью и жизнью своей семьи, предупредил их о надвигающейся бойне со стороны местных бандеровцов. Я также не могу не согласиться с Аристотелем, который более двух тысяч лет назад писал, что «правда и справедливость изначально имеют в себе больше силы, чем их противоположности»¹³.

Богуслав Пазь

22 ноября 2014 г., Вроцлав

¹³ Arystoteles, *Retoryka*, 1355a 22.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Прошло уже более семидесяти лет с начала процесса уничтожения польских Кресов, земель Юго-Восточного пограничья. Результатом данного процесса стало физическое истребление большей части польского гражданского населения (такая же участь ждала население армянское, еврейское и чешское население), жившего на этих территориях в течение почти семи веков, а также практически полное уничтожение польской материальной и духовной культуры этих мест. Насколько вопрос масштаба преступлений, совершенных немецкими и советскими властями на территории Польши может считаться относительно изученным и получившим однозначную оценку, а правительства этих стран признали свою ответственность и осудили их, настолько же до сих пор обходится молчанием вопрос участия в военных преступлениях на Восточном пограничье украинских националистов из ОУН-УПА и дивизии СС «Галичина». Хуже того, бывший президент Украины Виктор Ющенко специальными декретами объявил «Героями Украины» военных преступников: Романа Шухевича, Степана Бандеру вместе с коллаборационистами из дивизии СС «Галичина» и бандами ОУН-УПА. Эффект этих действий оказался подобен открытому ящику Пандоры и запустил массовый процесс героизации и даже, как в случае с Украинской греко-католической церковью, сакрализации упомянутых преступников, а также преступных формирований на территории Украины и за ее границами, в среде украинской эмиграции. Такое положение вещей возбуждает острое чувство протеста, ведь живы еще очевидцы преступлений. Постоянно получают огласку новые документы и свидетельства, рисующие картину невиданной в цивилизованном мире жестокости и злодеяний, совершенных этими преступниками. Естественным образом эта ситуация побуждает к многосторонним исследованиям и размышлениям над природой, причинами и размерами этих преступлений.

В данной работе рассмотрены вот уже более полувека замалчиваемые проблемы, касающиеся одного из наиболее шокирующих событий Второй мировой войны — массового убийства формированиями ОУН-УПА и дивизии СС «Галичина» польского, еврейского, армянского и украинского гражданского населения на территории Кресов, Юго-восточного пограничья Второй Речи Посполитой. Авторы выбрали два направления исследований: первое касается фактографии и попыток объяснить совершение украинскими националистами массовых убийств на территориях Юго-восточного пограничья II РП. Другое направление в некоторой мере сопутствует всем этим рассуждениям и поднимает фундаментальный вопрос о природе исторической правды, которая рассматривается с точки зрения чисто философских (познания и этики) и политических факторов. При этом правда рассматривается в классических, реалистических и объективных категориях, и понимается как адекватное совпадение мысли и формы вещей (*adaequatio intellectus et rei*). Одновременно здесь отбрасывается постулат постмодернистской фактографии полной относительности исторической правды, а также идея отмены понятия исторической правды в пользу замещения его идеологической категорией политической корректности.

Что касается первого вопроса, то поразительные масштабы этого геноцида, и прежде всего необычайная жестокость массовых убийств, сделали его предметом размышлений как историков, юристов и политологов, так и лиц, занимающихся философией и литературой. На самом деле, невозможно исчерпать смысловую многомерность этого явления в рамках одной только научной дисциплины. В данной работе специалисты в разных областях науки пытаются найти ответ на первый, самый основной, и вместе с тем наиболее философский из всех вопросов: *почему?* Почему случился этот геноцид? Почему он отличался столь поразительной жестокостью? Почему, наконец, совершившие все эти злодеяния, в большинстве своем избежали какого бы то ни было наказания, а многие из них после Второй мировой войны получили материальную помощь и политическую поддержку западных держав?

Издано уже множество монографий и коллективных трудов, посвященных геноциду польского населения Юго-восточного пограничья в годы Второй мировой войны. Однако практически ни в одной из этих работ не приводилось размышлений, способных

противопоставить сделанные на основании фактографии выводы постмодернистским теориям, подвергающим сомнению такие базовые научные категории, как правда, объективность, познаваемость действительности, и даже понятие научного метода. В данной работе особое внимание уделяется классическому пониманию категории правды, с целью обосновать ее основные положения, а также указать на угрозу, вытекающую из релятивизации и отрицания этого понятия.

Понятию правды и ее философских и политических обоснований посвящена вводная часть этой книги. Отрицание или радикальная релятивизация правды, которую провозглашают нигилисты, пророки конца философии и конца гуманитарных наук (включая исторические), такие, как Ричард Рорти и Жак Деррида, опирается на предпосылки картезианского волюнтаризма и репрезентационизма, а также ницшеанского нигилизма и марксистского историцизма. В каждом из этих примеров целенаправленно отбрасываются положения греческой философской мысли, постулирующие контемплятивное, лишенное субъективного интереса познание истины ради нее самой, познаваемость действительности, примат разума над волей (интеллектуализм), а также и разума над силой¹.

Вместе со сменой цели науки с объективного познания на практическое использование и господство (*scire propter uti*), истина, как отнесенная к области познания событий историческая правда, очень часто, как в период Новой истории, так и в современности, подвергалась идеологизации, а тем самым деформации и инструментализации. Любой из тоталитарных проектов: социализм, нацизм и коммунизм² радикально инструментализировал категорию исторической правды, превращая ее в пропагандистское и политическое оружие. От этого искушения не свободен также и современный демо-либерализм. Во введении я представил основные философские и идеологические предпосылки течения постмодернизма, который ставит под сомнение познавательную и нормативную силу категории истины. Кроме того, я указал основные постулаты классической концепции истины вместе с предложением укоренить ее

¹ См. Reale G. *Zło nękające współczesnego człowieka*. Przeł. E.I. Zieliński. «Ethos» 56, 2001. S. 15–41.

² См. Kiereś H. *Trzy socjalizmy*. Lublin, 2000.

в исторических науках через аппликацию главных тезисов классической философии и риторики, феноменологии и методов аналитической философии.

Первая часть книги касается понятия Кресов, земель Юго-восточного пограничья, их истории, необычайно разнородной культуры и их жестокого уничтожения. Оригинальный, и даже идиоматический, характер почти восьмивековой культуры польского Юго-восточного пограничья, представлен в книге родившимся на этих территориях писателем Станиславом Сроковским, который часто отражает в своих книгах реалии Кресов, восстановленные по памяти.

Польского читателя может возмутить сравнение банд ОУН-УПА с участниками Варшавского восстания 1944 г., которое этот автор предпринял в своем тексте. С таким пониманием издатели этой работы не могут согласиться, но все же мы решили поместить этот текст в книгу, которая посвящена вопросам политической обусловленности исторической правды, чтобы читатель смог сориентироваться, каким образом история Польши представляется на Западе.

Во второй части книги авторы подняли проблему правовой квалификации действий банд ОУН-УПА и коллаборационистской украинской дивизии СС «Галичина» в отношении польского населения Юго-восточного пограничья II РП. Трое прокуроров подразделений Следственного отдела Института Национальной Памяти во Вроцлаве, Кракове и Люблине, установили уголовно-правовую квалификацию этой деятельности. В любом из рассмотренных случаев ее уголовно-правовой квалификацией является *геноцид*. Это преступление не имеет срока давности и входит в область международного права. Большое значение этих экспертиз обусловлено тем, что они придают законную силу постоянно проводимым следственным отделом ИПН расследованиям дел, связанных с конкретными преступлениями на Кресах (в противном случае эти следствия должны были бы быть прекращены за истечением срока давности). Экспертизы также позволяют однозначно и с полным обоснованием опровергнуть тезисы некоторых пробандеровских историков, публицистов и политиков, которые подвергают сомнению признаки геноцида в характере действий ОУН-УПА и дивизии СС «Галичина», и преуменьшают их последствия.

В третьей части работы события на землях пограничья рассматриваются с перспективы присутствующего в историографии умол-

чания, а сама категория умолчания понимается как определенного рода метод и тактика в конструировании истории. В открывающей этот раздел статье «Умолчание как радикальная форма исторической лжи», категория умолчания была определена как форма радикальной исторической лжи, поскольку умолчание содержит все признаки лжи в ее классическом понимании — в форме знания о состоянии вещей, воли, интенции (*intentio fallendi*) и памяти³. Ложь умолчания оказывается особенно опасной в сфере исторических наук по причине разительного разрушения принципов научной ответственности, а также деструктивного влияния на процесс формирования памяти и единичной (личностной) и коллективной (народ и государство) идентичности. Кроме того, она ведет к инструментализации и идеологизации истории в русле проводимой актуальной политики. Чеслав Партач указывает на умолчание в украинской историографии причин человеконенавистнической истребительной деятельности ОУН-УПА, концентрируясь на их генетическо-идеологическом обосновании, в том числе в виде интегрального национализма Дмитро Донцова. В свою очередь, ксендз Тадеуш Исакович-Залесский, на примере польско-украинского местечка Куты на Черемоше, описывает относительно малоизвестные читателю страницы истории и кровавой гибели от рук ОУН-УПА армянской общины. Российский историк Александр Дюков деконструирует созданный на Западе в среде украинских националистов лживый миф об ОУН-УПА как организации, «дружественно настроенной к евреям».

В четвертой части, посвященной свидетельствам жителей польского пограничья, размещены волнующие показания очевидцев и жертв — жителей этих территорий. О своей родной местности Малая Березовица, всех польских жителей которой уничтожили бандеровцы, пишет Мечислав Альберт Кромпец — один из выдающихся польских философов и многолетний ректор Люблинского Католического университета. В свою очередь, польский космонавт генерал Мирослав Гермашевский описывает трагическую судьбу своей семьи, которая веками жила на Волыни (где родился и он сам) — семьи, с восемнадцатью членами которой, в том числе с его отцом,

³ См. W. Chudy. *Filozofia kłamstwa. Kłamstwo jako fenomen zła w świecie osób i społeczeństw*. Warszawa, 2013

жестоко расправилась ОУН-УПА. Кроме того, в книге опубликованы четыре других шокирующих свидетельства жертв ОУН-УПА, жителей польских деревень на пограничье: Яна Кульмановского, Амелии Мамчар, Стефании Каминьской и Станислава Пелиховского. Главу завершают два текста: первая статья Войцеха Орловского, описывает необычные повороты судьбы военного преступника, члена УПА, который после войны бежал с Кресов на территорию Нижней Силезии, где случайно был опознан своими жертвами. Второй текст, написанный Ромуальдом Недзелько, посвящен памяти некоторых украинских жителей пограничья, которые за помощь, оказанную ими польским соседям, были зверски замучены украинскими нацистами.

Пятая часть посвящена дискуссии о принципах так называемой исторической политики, в том числе в контексте установок постмодернизма. Литературовед Ева Томпсон, работающая в США, представляет обзор состояния современных дискуссий о природе памяти и природе исторической правды, и говорит об опасности, которая следует из рассуждений в русле постмодернистской параметодологии. Эта методология навязывает исследователям принятие в рамках политической корректности исторической политики основных мировых держав. Ева Семашко проводит обзор современного состояния исследований геноцида ОУН-УПА в Польше, и выделяет основные области интереса польских исследователей и доминирующие течения в методологии описания и выяснения обстоятельств геноцида на Кресах. Люцина Кулиньская поднимает завесу над практически неизвестными широкому кругу читателей, фактами легализации на Западе военных преступников из дивизии СС «Галичина» и формирований ОУН-УПА, а также прослеживает процесс «отпущения грехов», и принятия их под опеку спецслужб западных государств. В свою очередь, Томаш Роля представляет доминирующий на Западной Украине образ ОУН-УПА, в котором совершенно отсутствует упоминание каких-либо обстоятельств их преступной деятельности.

Последняя, шестая часть работы представляет собой обзор различных позиций, которые в настоящее время бытуют на Украине среди исследователей по проблеме геноцида на Юго-Восточном пограничье Польши. Статья Алексея Мартынова посвящена такому историческому явлению, окруженному в настоящее время на Украине

молчанием, как украинская вспомогательная полиция, в контексте ее сотрудничества с немецким оккупантом и участия в геноциде. Адольф Кондрацкий уделяет особое внимание вопросу восприятия геноцида на Волыни в различных научных кругах современной Украины. Оказывается, что на самой Украине эта проблема вызывает крайне противоречивые суждения и оценки, среди которых, кажется, доминируют взгляды националистических апологетов ОУН-УПА и дивизии СС «Галичина».

В статье Игоря Ильюшина мы находим совершенно разное понимание вопроса характера действий ОУН-УПА на территории польского Юго-восточного пограничья. Оно, в частности, выражается употреблением терминологии, согласно которой преступная деятельность ОУН-УПА, квалифицируемая Следственным отделом подразделений Института Национальной Памяти как геноцид, именуется «военно-политическим конфликтом», или же «антипольскими действиями». Территория же Юго-восточной Польши (в том виде, в каком она оставалась до второй половины 1945 года), «Западной Украиной», или берущим свое начало во времена австрийского раздела Польши до 1918 года названием «Галиция». Автор выражает весьма распространенную среди историков современной Украины точку зрения, согласно которой подвергается релятивизации сам факт, провокационный характер, масштаб и причины военных преступлений, совершенных ОУН-УПА на Юго-Восточных территориях II РП.

Богуслав Пазь

Вроцлав, 3 мая 2011 года.

БЛАГОДАРНОСТИ

Отдавая эту книгу в руки читателя, я вспоминаю две сентенции. Автором первой был мыслитель Нового времени Лейбниц: “*Nihil sine ratione*”, т.е. «Ничего не бывает без основания», т.е. без участия множества людей и организаций невозможно было бы собрать, подготовить к печати и издать данную книгу. Поэтому, в первую очередь, я бы хотел поблагодарить всех авторов статей, вошедших в эту книгу, за труд, вложенный в их написание. Особую благодарность спешу выразить переводчикам статей иностранных авторов: Аде Огоновской, Веславу Токарчуку, Эдыте Дештуле, доктору Люцине Кулиньской, доктору Павлу Врублевскому, Мариушу Кальбарчику и Ренате Мехневич, авторам именного и географического указателей: Еве Семашко и Александре Собаньской, а также работникам издательства Вроцлавского университета и Татьяне Студентовой — за работу над окончательным текстом, и Роберту Кутковскому — за проект обложки. Также, за финансирование данного труда, я бы хотел поблагодарить ректорат моей *alma mater*: ректора профессора Марека Боярского, декана факультета общественных наук профессора Ежи Юхновского и директора Института философии профессора Леона Мёдоньского. За финансовую помощь в выпуске этой книги выражаю благодарность также властям Волувского района в лице старосты Анджея Неймана. Также благодарю за приложенные усилия рецензентов: профессора Здислава Юлиана Винницкого и профессора Влодзимежа Бонусяку. Со словами благодарности обращаюсь к тем, кто помог мне ценными советами при редактировании текстов: профессорам Лешеку Язовнику, Леону Мёдоньскому, Радославу Кулиняку, Мареку Ходакевичу, Адаму Яворскому, госпоже доктору Люцине Кулиньской и госпоже Еве Семашко.

Второе изречение, которое мне приходит на ум, звучит так: “*Habent sua fata libelli*”, «И у книг есть свои судьбы». В сущности, работа эта, в большой мере сконцентрированная на вопросах исто-

рических, сама уже имеет собственную историю. Редактируя этот труд, я встречал помощь и поддержку множества частных лиц и организаций. От всего сердца спешу поблагодарить отца Тадеуша Исаковича-Залесского, который постоянно служил мне опорой в моей работе. Моя сердечная благодарность многим организациям жителей польского пограничья, а в особенности их отдельным деятелям и энтузиастам: полковнику Яну Невиньскому, Витольду Листовскому, Кристине Огоновской, Генрику Баевичу, Альфреду Яницкому, супругам Яну и Дануте Скальским, сотрудникам Вроцлавского Товарищества Памяти Жертв Преступлений Украинских Националистов, деятелям общественных организаций пограничья из Держонова, Волова и Клодзка, полковнику Кшиштофу Майеру, Михалу Вагнеру, Юзефу Кожуху, друзьям из-за рубежа: доктору Перу Рудлингу, доктору Шалому Ньюману, Александру Сасовскому, аспиранту Алексею Мартынову, Владимиру Цимбалюку и многим-многим другим, чьих имен не удастся здесь перечислить. Я также благодарю редакцию «Газеты Польской» и портала *Kresy.pl* за предоставление мне информационной поддержки.

Last but not least, я спешу выразить искреннюю благодарность Его святейшеству архиепископу Влодзимежу Ющаку за его письмо, которое почти три года поддерживало меня и вдохновляло на работу, призванную открыть правду о преступной деятельности ОУН-УПА и дивизии СС «Галичина» и рассказать о героизме многих тысяч часто оставшихся безымянными *украинцев*, верных заветам Христа Евангелия, и безжалостно уничтоженных за помощь, которую они оказали своим польским соседям.

Богуслав Пазь

ВВЕДЕНИЕ

Богуслав Пазь,
Вроцлавский университет

Понятие исторической правды: философские и политические детерминанты

*Мне кажется, что на свете
исчезает понятие объективной истины
[Зато] ложь войдет в историю⁴.
Джордж Оруэлл*

Совсем недавно, на встрече с одним из наиболее известных украинских историков, профессором Ярославом Грицаком⁵, во время дискуссии после лекции гостя я высказал пожелание, чтобы в настоящем и будущем хорошие отношения между поляками и украинцами можно было строить на правде, понимаемой как абсолютная ценность. К моему удивлению, докладчик и значительная часть ау-

⁴ “It often gives me the feeling that the very concept of objective truth is fading out of the world. After all, the chances are that those lies, or at any rate similar lies, will pass into history.” См.: *Orwell G. Looking Back on the Spanish War // Idem. Collection of Essays. San Diego, 1970. P. 198.*

⁵ Речь идёт о лекции Ярослава Грицака, которая состоялась во Вроцлавском Салоне профессора Дудека 29.10.2010. Подобный взгляд на историческую правду представляет Норман Дэвис, на которого Грицак ссылался в ходе своей вроцлавской лекции в статье «Нет исторической правды», см. URL: <http://www.cafebabel.pl/article/34131/norman-davies-nie-ma-prawdy-historycznej.html> (дата обращения — 31.10.2010).

дитории начали критиковать понятие исторической правды. Профессор Грицак заявил, что он *опасается* чего-то такого, как «объективная правда», а через минуту признался, что в вопросах правды является постмодернистом⁶.

1. История под угрозой постмодернизма

1.1. Status questionis

Как видно из приведенного примера, правда, ценность которой обычному человеку кажется чем-то безусловным, в определенных кругах ставится под сомнение. Оспаривается ее реальность и объективная сила. Нужно признать, что представленный упомянутым здесь историком скептицизм — это довольно распространенное явление в гуманитарных науках, в особенности французских и английских, где чаще всего он присутствует под именем *антилогоцентризма*, или постмодернизма. Вторично он был привит на почве американских гуманитарных наук, где сейчас доминирует⁷. Эта позиция ставит под вопрос так называемый логоцентризм⁸, т.е. изначальное стремление человеческого интеллекта к познанию объективной истины, возможность уверенности в познании, которая происходит из познания истины, возможность высказывания объективных, независимых от общественных, классовых и других детерминант суждений о мире. А также подвергает «деконструкции» память как реальную основу отождествления личности и народа.

Постмодернисты подвергают радикальной критике, приобретающей характер не столько прозрачной, логичной аргументации, сколько риторических, опирающихся на мутные метафоры угово-

⁶ Указанный историк, желая проиллюстрировать свою позицию, сослался на работу Appelby J., Hunt L., Jacob M. *Telling the Truth about History*. N.-Y., 1995.

⁷ Ibid. P. 241–270; *Powiedzieć prawdę o historii*. Poznań, 2000. P. 251–281.

⁸ Терминологическим эквивалентом «логоцентризма» является термин «рационализм». Жак Деррида интерпретировал логоцентризм как своего рода производную — творение цивилизации Запада, а значит как нечто культурно обусловленное. «Логоцентризм — писал он — это этноцентрическая метафизика в изначальном, а не в «относительном» смысле. Он связан с метафизикой Запада». *Derrida J. O grammatologii*. Warszawa, 1999. S. 118.

ров⁹, не только начальные категории европейской мысли: правду, добро, справедливость; так называемой деконструкции подлежат также: народ, самосознание и традиция. Их задачей является то, что немцы называют *Abbau*, т.е. уничтожение существовавших до сих пор понятийных структур, при помощи которых с античных времен строились основы цивилизации Запада. Знаменательно, что они не опираются в своих усилиях на классическую логику разума, которую агрессивно отрицают, но базируются практически исключительно на своеобразном, опирающемся на упомянутую риторику, методе убеждения. Т.е. на чисто эмоциональной передаче неясных структур смысла (а скорее, его отсутствия), которая, как, например, в случае дискурса Фридриха Ницше¹⁰, основного патрона постмодернистов, находится не только вне науки, но также за пределами каких-либо известных форм рациональности¹¹.

1.2. Историческая память как объект постмодернистской «деконструкции»

Как уже сказано, одним из объектов атаки постмодернистов является *историческая память* в качестве реальной основы отождествления личности и народа. Анализируя их активность в гуманитарных науках, Ева Томпсон замечает: «В их понимании разговор об органичной связи с прошлым, органичной общей памяти и о чувстве принадлежности к ней, это грех, который снижает ценность научного текста»¹². Кажется, что постмодернизм является чем-то

⁹ См. Woleński J. Przeciw nihilizmowi logicznemu. "Przegląd Filozoficzny" 5, 1996. № 3. S. 95–103.

¹⁰ Ф. Ницше (1844–1900) около двадцати (а, по мнению некоторых, гораздо больше) последних лет своей жизни провёл в состоянии помешательства. Сначала в закрытой психиатрической клинике, а затем в доме сестры, где полностью зависел от её опеки. Также в это время были написаны главные его работы, в том числе «Так говорил Заратустра» (1883–1885), «Ту сторону добра и зла» (1886), «К генеалогии морали» (1887). Как автор концепции «супермена» и «субчеловека». Был объектом поклонения нацистской пропаганды и самого Гитлера, который объявил его национальным философом Третьего Рейха. Сегодня интерес к наследию Ницше проявляют представители постмодернизма.

¹¹ См. Kleszcz R. O racjonalności. Studium epistemologiczno-metodologiczne. Łódź, 1998.

¹² *Tompson E. Postmodernizm, pamięć, logocentryzm. // (Nie)obecność. Pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku. Warszawa, 2008. S. 42.*

большим, а возможно, и чем-то *иным*, нежели только очередная *академическая теория*, объясняющая одну из основных категорий философии, к которым в том числе принадлежат истина и память. Об этом говорит вовлечение официальных государственных институтов практически во всех государствах-региональных державах (от России и далее, в т.ч. Германии, Израиля, и до США), в поддержку и пропаганду постмодернистской «нарративной» тактики в историческо-политическом дискурсе.

В результате постмодернизм в качестве чрезвычайно удобного и не навязывающего никаких ограничений в манипуляции материалом орудия деконструкции на поле истории и исторической памяти, становится в настоящее время интегральной составляющей государственных доктрин т.н. исторической политики, являющейся “soft power” мировых держав.

В новой постмодернистской формуле история¹³ перестала быть упорядоченным хронологически и логически собранием *фактов* в виде конкретных исторических случаев (occurrences), становясь нарративным авторским сплетением *событий* (events), которые существуют в качестве воспроизведенных и «продвигаемых», либо просто созданных из ничего внутри медийно-пропагандистского пространства¹⁴. В этой формуле нового историка-постмодерниста будет интересовать только то, что может послужить объектом политически корректного воплощения, или, относительно, то, что уже в какой-то мере было создано и *воплощено* в рамках исторической политики собственной или чужой страны, чьей помощью (в виде стипендий, наград и т.п.) он пользовался в ходе своих «исследований». Вслед за Евой Томпсон можно, таким образом, сказать, что постмодернизм становится важным элементом колонизации памяти определенными державами, который используется ими в теку-

¹³ Среди исследований, постмодернистского видения истории особенно стоит рекомендовать две работы: Wrzosek W. Historia — kultura — metafora. Powstanie nieklasycznej historiografii. Wrocław, 1995 и O myśleniu historycznym. Bydgoszcz, 2009.

¹⁴ См. Thompson E. Postmodernism and European memory. // “Modern Age”. 51, 2009. Nr. 2. P. 112–122.

щей политике. Здесь работает принцип: чем более влиятельна и чем больше заботится о своем образе страна, тем больше ее забота об этой политике и тем больше созданных (и продвигаемых) удобных с ее, страны, точки зрения, исторических событий или чего-то такого, что было сделано такими «событиями» из ничего (*ex nihilo*).

Сущность предмета постмодернистской историографии и его онтологический статус необычайно ясным образом выражает Карола Дитце:

«События не совершаются, события создаются. Происшествие становится событием только тогда, когда определенные группы в обществе обращают на него внимание, признают его важным, говорят и пишут о нем, реагируют на него и о нем помнят. Поэтому события конструируются обществом. Это, однако, не означает, что они являются чистыми конструктами. Они имеют своё начало, играют роль и обозначают своё присутствие, в силу чего абсолютно реальны»¹⁵.

Знаменательно, что в Польше все попытки создания исторической политики, обычно достаточно неудачные, встречались с лобовой атакой левых кругов на страницах влиятельных интернет-проектов и газет, которые практически полностью находятся в собственности чужого капитала¹⁶. Таким образом, Польша — одно из немногих, а может, и единственное государство в Европе, которое ни в малейшей степени не проводит исторической политики. Эффектом этой ситуации является тот факт, что даже наиболее лживые антипольские публикации не только не встречают критики государственных органов, но, наоборот, пользуются поддержкой польских государственных институтов¹⁷. Своеобразной квинтэс-

¹⁵ Dietze C. Terror in the nineteenth century: Political assassinations and public discourse in Europe and the United States, 1878–1901. // “German Historical Institute Bulletin”, 2007. Nr. 40. P. 91.

¹⁶ См. Kurtyka J., Żaryn J. Komunikat w sprawie publikacji “Gazety Wyborczej” 31.03.2006, “Polityka historyczna – fundament IV RP”, “Biuletyn IPN” 2006. S. 34.

¹⁷ Примером служит в том числе редактировавшиеся при участии Г. Мотыки образовательные материалы ИПН “Stosunki polsko-ukraïnskie w latach 1939–1945” (2006). Несмотря на содержащиеся в них личные манипуляции, смягчающие трактовку преступной деятельности украинских нацистов, которых, как мож-

сенцией государственной исторической антиполитики была позиция президента Польши Леха Качиньского, который в июле 2008 г. нарочито демонстративно отказался не только участвовать, но даже поддержать торжественную международную научную конференцию, организованную, чтобы почтить 65 годовщину так называемого «Кровавого воскресенья», т.е. одного из наиболее варварских преступлений в современной истории Европы, совершенного ОУН-УПА на Волыни против польского, еврейского, армянского и украинского населения. Одновременно президент принял участие в фестивале украинской песни и танца, который проходил в это же самое время (*sic!*) на Балтийском побережье¹⁸.

В свою очередь, противоположным и даже карикатурным примером деятельности в рамках государственной исторической политики может быть Франция, где создан мифический образ французского движения Сопротивления (*Resistance*) во время Второй мировой войны, которым руководили такие «партизаны», как Жан-Поль Сартр, Симон де Бовуар и другие завсегдатаи парижского *Café de Flore*. Особую главу в истории написания-создания подобного рода «новой» истории старых событий, составляет современная немецкая историческая политика, которая с недавнего времени множит все новые и новые сонмы, чтобы не сказать «шеренги», врагов Гитлера — правда, скрывавшихся во время войны, но также и не примирившихся с прошлым — таких, например, как писатель Гюнтер Грасс. Здесь очень важен 2002 г., т.е. год публикации его романа «Траектория краба» (в оригинале — “*Im Krebsgang*”), посвященного торпедированному советской подводной лодкой вспомогательному кораблю кригсмарине «Вильгельм Густлофф». Он шел из Гдыни, ко-

---

но заметить, Мотыка приравнял к солдатам АК, эти материалы не только не были изъяты из тиража, но в 2010 году была произведена их допечатка и расширено распространение в школах. См. *Siemaszko E. Uwagi do Teki Edukacyjnej “Stosunki polsko-ukraińskie w latach 1939–1947”*. // “*Biuletyn IPN*” 2009. Nr. 1, 2. S. 169–175, а также аналитическая рецензия-исследование авторства Е. Высоцкого: <http://www.stankicwicze.com/ludobojstwo/teki.html>. Контрпримером издательской деятельности ИПН является книга “*Wołyń 1943 rozliczenie. Materiały przeglądowej konferencji naukowej W 65 rocznicę eksterminacji ludności polskiej na Kresach Wschodnich dokonanej przez nacjonalistów ukraińskich*”. // Warszawa. 10 lipca 2008, red. R. Nie-dzielko. Warszawa, 2010.

¹⁸ См. “*Biuletyn IPN*” 2006. Nr. 5 (64) озаглавленный *Polska polityka historyczna*. S. 2–33.

торая в романе именуется гитлеровским названием «Готенхафен» (*sic!*), и вез солдат и гражданских лиц. С момента публикации этой книги в Германии поднялась волна открытого ревизионизма в переписываемой заново немецкой Новейшей истории, в которой немцы ставят себя наравне со своими жертвами. Причем в публичных дискуссиях в круг своих жертв они никогда не включают поляков, даже наоборот, в своем отношении с поляками они сами видят себя в роли жертв. Обращает на себя внимание явно двусмысленная символика этого романа. Ведь с одной стороны, покровитель корабля Вильгельм Густлофф — это убитый еврейским студентом высший функционер НСДАП, которого Гитлер посмертно объявил национальным героем-мучеником. С другой стороны, это название корабля, связанное с другими столь же «невинными» жертвами, что и этот нацист — на этот раз жертвами «советской агрессии», которых, в свою очередь, героизирует в своем романе Грасс, полвека скрывавший от общественности свою службу в Ваффен СС. Тот же автор в более раннем романе «Жестяной барабан» (*“Die Blechtrommel”*, 1959; экранизация — 1979), представил, согласно существовавшим стереотипам гитлеровской пропаганды, польских почтальонов, защитников здания польской почты в Гданьске (почти все они были казнены гитлеровцами), алкоголиками, которые, во время обороны почты от массивной атаки отрядов СА и СС, пили водку¹⁹.

Такое положение вещей имеет для нас, поляков, конкретные последствия: «Мне кажется, что такие допущения отделяют польскую память от европейской, и имплицитно, что дискурсом правят сила и власть, а не аргументы и факты»²⁰. Не нужно долго искать, чтобы найти подтверждение этого тезиса в немецком или французском учебнике истории Второй мировой войны. В них не только нет даже малейшего напоминания о событиях, которым посвящена эта кни-

¹⁹ В 1993 г. власти Гданьска объявили эсэсовца Г. Грасса почетным гражданином города. И только через 5 лет они присвоили это же самое почетное гражданство почтальонам, казненным отрядом СС. Одновременно те же власти сменили мелодию часов на Гданьской ратуше с патриотической песни «Рота» на, как сказано в обосновании, «более приятную гостям из Германии» (!), отказав при этом в присуждении почетного гражданства гданчанке Анне Валентинович, одной из лидеров «Солидарности», создательнице первых во всем социалистическом блоке свободных профсоюзов.

²⁰ *Thompson E. Postmodernizm, pamięć, logocentryzm. S. 42; см. также: Goldstein L. Evidence and events in history. // “Philosophy of Science” 29, 1962. Nr. 2. P. 175–194.*

га, но также нет ни одного примера миллионных жертв, которые поляки и другие славянские народы, например сербы, понесли во время этой войны. Вместо этого, как в серьезных западных научных работах, так и в ежедневных газетах и в Интернете, мы можем найти тезисы о соучастии Польши в завоевании Гитлером Европы²¹. Последним примером такого рода является статья «Сообщники. Европейские помощники Гитлера в уничтожении евреев» (*Die Komplizen. Hitlers europäische Helfer bei Judenmord*) в немецком журнале «Шпигель»²², в которой автор силится уменьшить роль Третьего Рейха в совершенных преступлениях и частично переложить ответственность за них, в том числе, на Польшу. Другим — более раннее громкое высказывание канцлера Гельмута Коля, что «немцы больше не могут быть в глазах мира “преступниками” (*Täter*)». В политику исторической лжи, заключающейся в использовании термина «польские концентрационные лагеря», вписываются газеты и журналы разных стран (среди них нет российских), в т.ч. *Die Welt*, *Das Bild*, *Der Spiegel*, *New York Times*, *Wall Street Journal*. Недавно, в январе 2011, о «польском концентрационном лагере «Аушвиц» написал *Daily Mirror*. На этом, последнем, примере особенно видно, что мы имеем дело с умышленным действием в рамках очерняющей Польшу исторической политики. Это подтверждает тот факт, что после реакции польского посольства, на Интернет-портале *Daily Mirror* изменили определение «польский» на «гитлеровский», но решительно отказались производить такие изменения в бумажном издании и писать опровержение, что этот лагерь был *немецким (sic!)*.

²¹ В это течение вписывается, в том числе, работа М.И. Мидлярского «Геноцид в XX веке». Категория геноцида применяется в Европе исключительно по отношению к евреям и армянам, поляков нет в списке жертв. Упомянув о межвоенной Польше, автор утверждает: «То, что в действительности не произошло этнической чистки еврейского населения, можно объяснить исключительно началом Второй мировой войны» (С. 114). В свою очередь, на С. 115 читаем: «В 1934 г. были созданы польские версии нацистских (*sic!*) лагерей, называемых местом заключения. Там должны были пребывать коммунисты, а также члены украинской и белорусской оппозиции».

²² «Der Spiegel», 18.V.2009. Nr. 21. В этом контексте до масштабов символа возрастает высказывание президента Бронислава Коморовского, который в этом году во время торжественных церемоний в память событий в Едвабном заявил перед всем миром: «Это сделали поляки». Вместе с тем, тот же президент отказался принять патронат над мероприятиями к 70 годовщине «Кровавого воскресенья», запланированными в 2013 году.

Очевидно, также можно найти исключения, как, например, книга голландского историка Карела Беркхоффа «Жатва отчаяния. Жизнь и смерть на Украине под немецким правлением» (*Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule*) (2004). Однако даже в этой работе, не смотря на понесенные миллионные потери, поляки, как национальная группа, не были выделены в оглавлении, как это было сделано в случае евреев и цыган.

Подобного рода манипулятивный подход к вопросу исторической памяти все агрессивней начинает обозначать свое присутствие также и в польской историографии. Во вступлении к сборнику работ «Память и историческая политика» мы находим такие слова:

«Отношения между памятью и историей не были устоявлены раз и навсегда. Практически каждое поколение обязано предпринимать усилия, чтобы определять их заново. Наблюдаемое с некоторого времени (не только в Польше) обращение к прошлому, является обращением к памяти, а не к истории. Восстановление в памяти прошлого не ведет к его познанию, часто осложняет его или даже делает невозможным»²³.

Должно ли это означать, что прошлое можно познать, не прибегая к силе памяти? К сожалению, нигде в этой работе мы не находим ответа на этот вопрос, а в особенности, на другой, еще более важный: как конкретно историческая память мешает в познании прошлого? Или иначе: в чем непамять (греч. *lēthē*), которая, по мнению греков, была синонимом лжи (греч. *pseudos*)²⁴, лучше памяти, служащей синонимам правды (*alētheia*)²⁵ в области исторического познания? С философской (эпистемологической) точки зрения, такая постановка вопроса о памяти, как в цитируемом фрагменте, является абсолютно абсурдной.

²³ Pamięć i polityka historyczna. Doświadczenia Polski i jej sąsiadów. Łódź, 2008. S. 8–9.

²⁴ См. Dąmbska I. Pseudos i pseudēs w filozofii Platona. // “Roczniki Filozoficzne” 1979. Z. I. S. 121–133.

²⁵ См. Detienne M. The Matters of Truth in Archaic Greece, N.-Y., 1999. P. 49–52, 69, 82–84; Heitsch E. Die nicht-philosophische ΑΛΗΘΕΙΑ, “Hermes” 90, 1962. Nr. 1. S. 24–33.

2. Правда — главный объект атаки идеологии постмодернизма

2.1. Картезианский генезис постмодернизма

Такая же судьба, как и у памяти, уготована сегодня правде. Одно из важнейших понятий философии — истина — подверглось чрезвычайно массивной и агрессивной атаке различных течений, которые коротко можно определить названием постмодернистских, и которые, по причине их антифилософской и идеологизированной направленности, я буду (вслед за Рышардом Легутко) отличать от философских школ и доктрин. Значительная их часть произрастает из течений XVII–XVIII веков, берущих начало в философии Декарта. В особенности речь идет о тех течениях, во главе с британским эмпиризмом, которые, принимая в доктрине Декарта волюнтаризм, эмпиризм и психологизм, привели к различным формам релятивизма познания, что, в свою очередь, непосредственно сказывалось на понимании истины вплоть до ее открытого отрицания, как в философии (Ж. Деррида, Р. Рорти), так и в философии истории (Л. Голдштейн, Ф. Анкерсмит и др.).

2.1. Репрезентационизм

Всем течениям картезианства в вопросе предмета познания была присуща позиция, именуемая репрезентационизмом²⁶. Согласно ей, предметом познания является не непосредственно и напрямую действительность, а существующая в сознании ее *репрезентация* в форме представлений идей и понятий. За этим стояли решения Декарта, который всю область объяснения данной нам в непосредственном восприятии трансцендентной реальности перенес на присутствующие в нашем сознании идеальные (идеативные) представления и воображения этой действительности (репрезентации), которые, в свою очередь, являются предметом воображения и рефлексии. Подобного рода смена предмета познания была, если объяснять очень

²⁶ На эту тему я написал статью «Репрезентационизм», опубликованную в *Powszechna encyklopedia filozofii*. Т. 8. Lublin, 2007. S. 755–760.

коротко, эффектом примата акта иницирующей познание рефлексии (знаменитое *cogito ergo sum*), коррелятами являются различные формы репрезентации над актами интеллектуальной интуиции, изначально ориентированной на непосредственно данный реальный мир²⁷.

Насколько до Декарта истина определялась, как соответствие мысли с конкретной объективно существующей *вещью*, настолько с XVII в. коррелятом этого соответствия уже не могла быть сама вещь, но самое большое — определенная присутствующая в нашем сознании *репрезентация* этой вещи²⁸. Под репрезентацией вещи в сознании понималось представление (воображение) этой вещи, ее идея или понятие. В дальнейшей последовательности функция репрезентации была перенесена на знаково-языковые структуры (Дж. Локк, Г. В. Лейбниц). Весь этот процесс редукции объекта познания до знаковых структур репрезентации закончит постмодернист Дж. Деррида, который напишет: «вещь сама есть знак»²⁹.

Этим однозначным утверждением, которое пересказывает принципиальный тезис постмодернистской эпистемологии, он закрыл поле нашего познания в сфере нескончаемого горизонта знаково-репрезентаций, познание которых отсылает нас к другим знакам-репрезентациям, а те — к следующим, и т.д. (явление т.н. семиозиса). Утверждение Дерриды означает, ни много ни мало лишь то, что наши знаки, как, например, высказываемые суждения, которыми мы пользуемся при познании актуальной либо прошедшей действи-

²⁷ Явление переориентирование предмета познания в философии Нового времени с пространства мира, данного в его непосредственности, (*in praesentia*), на разные формы его репрезентации (*repraesentatio*), произошло вследствие доминирования перспективы рефлексии. См. *Chudy W. Rozwój filozofowania a "pułapka refleksji"*. *Filozofia refleksji i próby jej przewycięzania*. Lublin, 1995.

²⁸ Казимеж Твардовский в своей докторской диссертации *Idea i percepcja. Z badań nad Kartezjuszem* // "Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej" 22, 1976. S. 320–344 приводит разнородные определения истины и истинности, представленные Декартом, ни одно из которых, однако, не отсылает к классическому пониманию истины. Однако же в позднейшей традиции рационализма появится отсылка к классическому пониманию истины: "Est itaque veritas consensus iudicii nostri cum objecto, seu re repraesentata; falsitas vero dissensus ejusdem ab objecto" («Таким образом, истина есть совпадение нашего суждения с предметом, то есть с представленной вещью; ложь же является его несовпадением с предметом») — *Wolff Ch. Philosophia rationalis, sive Logica...* Frankfurt, 1728. Par. 523.

²⁹ *Derrida J. Cit. op. P. 77.*

тельности, не имеют своего предметного коррелята, а тем самым, объективного смысла. Их смысл есть только лишь игра произвольно выбранных *установок*, находящихся свое объяснение в иных знаках, которые в той же самой мере лишены этого объективного смысла, что и предыдущие. В изложении постмодернизма языковой знак не имеет своего постоянного интенционального отношения к трансцендентной относительно него действительности (ее здесь нет либо она считается непознаваемой)³⁰, поэтому также его смысл является лишь производной того, что было ему приписано в силу того, что он является частью определенной системы знаков, в рамках которой функционирует. Этот тезис содержится в знаменитой сентенции Дерриды: “*Il n’ya pas de hors-texte*” — «Нет ничего за текстом»³¹.

Постмодернисты в своей агностицистской эпистемологии до определенной степени правы, поскольку, с самого начала оперируя языком синтаксиса, т.е. языком, лишенным предметного отнесения, и ограничиваясь только им, теряют способность сказать что-либо, *что выходит* за рамки этого языка. Дело в том, что выбор языка синтаксиса является их «произвольным» выбором, не имеющим ничего общего с природным языком, на котором и благодаря которому мы познаем мир. Эту проблему подробно анализировал Казимеж Айдукевич в статье «Эпистемология и семиотика». В ней он утверждает: «[...] Философ, который отрезал себя [...] от предметного языка, а значит, от языка, который служит нам для суждений о том, что в повседневности мы называем действительностью, ничего об этом мире сказать не в состоянии»³². Проблема заключается в том, что постмодернисты непоследовательны в том, что провозглашают. Если бы было иначе, то, высказав свои тезисы о невозможности познания и объяснения чего-либо, *они бы молчали*, согласно совету Людвиг Витгенштейна: «О чем нельзя говорить, о том нужно молчать»³³.

³⁰ См. Iggers G. Zur “Linguistischen Wende” im Geschichtsdenken und in der Geschichtsschreibung, “Geschichte und Gesellschaft” 21. Z. 4. Probleme der englischen Sozialgeschichte, 10–12 1995. S. 557–570.

³¹ Derrida J. De la grammatologie. Paris, 1967. P. 158–159.

³² Ajdukiewicz K. Język i poznanie. T. 2. Warszawa, 1985. S. 116.

³³ Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. Warszawa, 1997, teza 7. S. 83. Постмодернистский поток слов, который заливаает книжный рынок и страницы книг, обязательных для чтения на гуманитарных факультетах, решительно противоречит постулату Витгенштейна, определяющему, кстати, linguistic turn, на который, в свою очередь, постмодернисты ссылаются в своей идеологии.

2.2. Деконструкция понятия истины

Подобного рода последствия имеют также отношение к смыслу слов «истина» и «истинный». Поскольку, как утверждают постмодернисты, наш язык лишен реферативного соотнесения с трансцендентным относительно него миром, эти слова не имеют своего *объективного* смысла, т.е. единиц, автономных с точки зрения языковой целостности, составляющими которых они являются, а лишь образуют (случайный) продукт активности пользователей данного языка.

Рассмотрим, что все это конкретно означает в применении классического определения истины. Наиболее выразительно этот вопрос проявил много веков назад Св. Августин: «никакой знак не будет вполне познан, покуда [ранее] мы не познаем вещи, для которой он знак»³⁴.

Поскольку если вещь, к которой относится единичная репрезентация (знак), сама должна была бы быть знаком, т.е. репрезентацией чего-либо иного, кроме самой себя³⁵, классическая формула правды, звучащая как «соответствие мысли с вещью», потеряла бы какой-либо смысл. Ведь если под тем, что в этой формуле названо «мыслью» (*intellectus*), мы будем понимать разновидность ментальной репрезентации вещи в форме представления либо суждения о ней (*judicium*), то, принимая тезис Дерриды, что сама вещь является также знаком или репрезентацией, определенная через него формула правды должна была бы звучать так: «соответствие репрезентации в сознании с другой (знаковой) репрезентацией этой вещи.

При допущении же, что вещь неизвестна и непознаваема, не имеет смысла говорить о каком-либо соответствии чего-либо с чем-либо. Если я не знаю, чего касается данное суждение — репрезентация, то не могу утверждать, соответствует ли оно тому, чего касается, или нет. Тем более, когда утверждается, что это суждение лишено своего объективного смысла (предметного коррелята), на который оно интенционально направлено.

³⁴ De Trinitate, X 1.2 (PL 42, 973).

³⁵ Я не говорю уже о том, что именование самой по себе вещи знаком кажется семиотическим нонсенсом. Вопрос анализа этого суждения с точки зрения его возможной противоречивости (неприменимости), я вынужден, однако, отложить, поскольку это выходит за рамки данного выступления.

Сравнение репрезентаций вещи с самой вещью, а также сравнение различных репрезентаций одной и той же вещи между собой, также теряет здесь какой-либо смысл. Нет смысла говорить о правде, ибо нет смысла ни говорить о соответствии вещи с репрезентацией, ни, тем более, о соответствии разных видов репрезентаций одной и той же вещи, поскольку их коррелият (т.е. вещь как предмет репрезентаций) сам есть репрезентация чего-то иного, что с самого начала неизвестно.

В то же время, добавляют они, то, каким образом определенная вещь представлена в сознании, каждый раз является делом индивидуальной и, таким образом, субъективной, перцепции восприятия определенных предметов познания, которые подвергаются влияниям различных внутренних и внешних детерминантов. В связи с этим, одна и та же вещь может быть различным образом представлена при познании в сознании разных субъектов.

2.3. Представление versus репрезентация

Помимо радикальной критики сторонниками репрезентационизма, реализованной с перспективы эмпирически-прагматической эпистемологии постмодернистами (Р. Рорти), постмодернисты-историки сохранили язык репрезентационизма в историческом дискурсе, поскольку каждый раз, как им приходится называть объект исторического познания, они пользуются термином «репрезентация». При этом необходимо указать на специфику английского и французского языков, в которых употребляется термин *representation*, являющийся эквивалентом латинского *repraesentatio*³⁶. Этот последний, однако, может означать:

– определенную знаковую или образную *форму репрезентации*, например, в виде названия «Варшава» или образа «портрета»,

³⁶ Рассмотрению семиотического, историко-философского, познавательного и генетического аспектов теории представления и репрезентации я посвятил главу III книги *Epistemologiczne założenia ontologii Christiana Wolffa*. Wrocław, 2002. S. 85–116. Историко-философский генезис репрезентационизма я обсуждаю в статье *Geneza i teoria nowożytnej metafizyki reprezentacji fre-praesentatioj od św. Augustyna do Ch. Wolffa*. // *Metafizyka w filozofii. Zadania współczesnej metafizyki*, red. A. Maryniarczyk, K. Stępień. Lublin, 2004. S. 181–238. В сокращенном виде проблема репрезентационизма представлена мной в статье *Reprezentacjonizm // Powszechna encyklopedia filozofii*. T. 8. Lublin, 2007. S. 755–760.

представленная которыми форма репрезентации интенционально отсылает нас к действительности за пределами этой формы — соответственно к конкретному городу или лицу, изображенному на портрете;

– ментально-психологическую структуру в форме *представления (Vorstellung) чего-либо*. В случае представления, его объект, так, как представлял эту проблему Казимеж Твардовский, в т.ч. в работе «К учению о содержании и предмете представлений» (*Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen*)³⁷, может находиться в плоскости:

а) презентации источника (*origindre Gegebenheit*), как своеобразного явления «собственной персоной» (*in praesentia esse, нем. Selbstgebung*), в виде предметного присутствия. Такая ситуация возникает в случае любого ощущения чувствами произвольного предмета. Подобный акт ощущения (замечания) происходит в то самое время, в котором дан воспринимаемый предмет, и ему сопутствует экзистенциальное суждение о наблюдаемом предмете (р) типа: «р существует». В этом случае присутствующий объект познается в его непосредственной форме, как источник. В английском языке она передается термином *presentation*; в свою очередь, предмет представления, соответственно, *object of presentation*³⁸.

б) *вторичной репрезентации познания (repraesentatio)*, например, в воображении. В этот момент предметным коррелятом акта является не непосредственно данная вещь, но определенная форма ее репрезентации в виде воображения, понятия, идеи и т.д.

Однако, как представляется, такими постмодернистами, как Франк Анкерсмит, термин «репрезентация» понимается исключительно как вторичная эпистемически репрезентация повторного

³⁷ Польское издание этой докторской диссертации *O treści i przedmiocie przedstawień* в переводе И. Домбской [в:] *Twardowski K. Wybrane pisma filozoficzne*. Warszawa, 1965. S. 3–91. После Твардовского проблема представления и репрезентации стала объектом необычайно подробного анализа Е. Гуссерля *Badania logiczne*, II/1. Przeł. J. Sidorck. Warszawa, 2000. S. 210–229, там же о «представлении» (*Vorstellung*): S. 534–641. Zwf. S. 631–639. *Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen*.

³⁸ См. *Twardowski K. On the content and object of presentations*. The Hague. 1977, в качестве перевода на английский немецкоязычной работы *Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen*. Zob. R. Poll, Kazimierz Twardowski (1866–1938), *The School of Franz Brentano*, red. L. Albertazzi, M. Libardi, R. Poli, Dordrecht 1996. S. 207–231, zwf. 210, прыпис 13.

(re-) присутствия (*praesentia*) чего-то, что само по себе не представлено как источник «собственной персоной» (*presentialiter*). Фактически, он нигде не изложил систематическим образом эпистемологической характеристики этой категории, кроме многочисленных³⁹, но расплывчатых фраз, в которых этот термин им употребляется. При взгляде на обширную литературу, касающуюся статуса представления-репрезентации от Твардовского до поздних работ Гуссерля, даже не считая позднейшей аналитической традиции, понимание проблемы репрезентации Ф. Анкерсмитом поражает отсутствием профессионализма и настоящего, подлинного инструментария и мастерства, что достаточно характерно также и для других представителей постмодернизма. Парадоксально: этот «философ истории» в вопросах используемой терминологии представляет радикально антиисторическую позицию и производит впечатление, как будто он первый рассматривает проблему репрезентации познания (отсутствуют какие бы то ни было отсылки к уже существовавшим до того определениям по этому вопросу). В замешательство должны привести любого историка философии прежде всего его попытки обосновать теорию нарративизма в крайне рационалистической метафизике Лейбница, а в особенности его абсурдный тезис, что этот великий уроженец Ганновера был философом-нарративистом⁴⁰.

³⁹ См. *Ankersmit F.* Historical representation, "History and Theory" 27, 1988. Nr. 3. S. 205–228; Representation. History and Politics, Dimensionen der Historik. Geschichtstheorie, Wissenschaftsgeschichte und Geschichtskultur heute. Jörn Rüsen zum 60. Geburtstag. Köln, 1998. S. 27–41; Danto on representation, Identity and indiscernibles // "History and Theory", 37.XII.1998. Nr. 4. P. 44–70; Representation as the representation of experience // "Metaphilosophy". I, 2000. Nr. 1–2. P. 148–169; Historical Representation. Stanford, 2001; Political and Historical Representation, Art and Representation. Contributions to Contemporary Aesthetics. Westport, 2001. P. 69–90; *Zammito J.H.* Ankersmit and Historical Representation // "History and Theory". 44, III 2005. Nr. 2. S. 155–181.

⁴⁰ См. *Ankersmit F.* Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language, The Hague 1983. P. 129–142. Из этой работы мы можем в том числе узнать, что "In Leibniz's system there is no place for causality because any "real" influence (or as he called it himself "transcunt" causality) between monads is rejected by him". — P. 141. Автор забыл, однако, о такой «детали», как принцип обоснования («все имеет свое обоснование»), который не только не отменял причинности как таковой, но значительно расширял взаимодействие с упорядочивающей всю действительность гармонией, предустановливающей пространство образования связей между отдельными субстанциональными единицами (монадами), включавшее

2.4. «Репрезентация» вместо оригинала и экспоната

Несмотря на провозглашаемые постмодернистами нелепости, их концепции в нашей стране чрезвычайно влиятельны. Этому благоприятствует печально низкий уровень знаний в области эпистемологии и вообще философии среди гуманитариев. О том же, насколько влиятельны идеи Ф. Анкерсмита *et consortes* в нашей историографии, может свидетельствовать факт, что именно под непосредственным их влиянием и по причине доминирования английского языка, на котором совершается передача их идей в польскую историографию, исторические экспонаты в музеях с недавних пор то и дело называются «историческими репрезентациями». Это дает довольно нелепый с эпистемологической точки зрения эффект: даже музейные оригиналы становятся репрезентациями, хотя еще недавно они точно назывались «экспонатами», от лат. *expono*, что дословно значит «выставляю, выкладываю, указываю». Смысл подобной операции поясняет Анна Зембиньская-Витек:

«Сущностью публичной исторической репрезентации является определенная стратегия по интерпретации, необходимая для создания определенного видения прошлого и остающаяся результатом компромисса, достигнутого между тремя участвующими в предприятии субъектами. Настоящий творец (историк, создатель экспозиции, дизайнер) должен принимать во внимание с одной стороны, требования спонсора — частного или государственного фактора, вкладывающего деньги, а с другой стороны, потребности публики и запланированных клиентов»⁴¹.

в себя как сферу актуально существующих причин (causae), так и сферу чисто возможного существования (возможные миры) – см. Paź B. Naczelna zasada racjonalizmu. Od Kartezjusza do wczesnego Kanta. Kraków, 2007, zwł. s. 59–197.

⁴¹ Ziębińska-Witek A. Przedstawienia Holocaustu w muzeach. Próba porównania, // Pamięć i polityka historyczna... S. 157–174. См. также Holocaust – problem przedstawiania. Lublin, 2005. Проблему исторической репрезентации на фоне ее постмодернистского понимания представляет описательно и некритически К. Заморский: Zamorski K. Dziwna rzeczywistość. Wprowadzenie do ontologii historii. Kraków, 2008. S. 205–245.

Как кажется, любые комментарии данной интерпретации излишни, за исключением констатации, что поставленный диагноз великолепно сочетается с главными положениями постмодернистской историографии и с предложенной Каролой Дитце онтологией создаваемого постмодернистскими дизайнерами исторического «события» (*event*), в отличие от объективного открытого и существовавшего до нас исторического происшествия-факта (*occurrence*). В польском языке очень хорошим эквивалентом постмодернистского «события», отнесенным к сфере текущей информационной политики, служит известный из публицистики термин «факт печати»⁴².

Онтологический статус постмодернистско-исторического «события» и «факта печати» практически одинаков: фиктивное бытие (*ens fictum*). В свою очередь, будучи рассмотрены с перспективы философии и морали, они оба точно так же являются *ложью*, поскольку в своей структуре содержат все существенные компоненты лжи: *интенцию* введения в заблуждение (*intentio fallendi*) адресата высказывания, *отрицание* известной лжецу объективной действительности, языковой *фактор знака* (письмо, речь, выражение лица и т.д.), и фактор (свободной) *воли*⁴³.

2.5. Постмодернистское толкование «объективности»

Заодно изменился и смысл слова «объективный»⁴⁴. До сих пор эту черту приписывали нашему познанию. Оно перестало ка-

⁴² Термин «фактоид» (англ. factoid) впервые употреблен в 1973 американским писателем Норманом Мейлером в биографии Мерилин Монро. Мейлер определил фактоиды как факты, не существовавшие до того как они появились в журнале или газете. В более широком смысле фактоид обозначает недостоверное либо сфабрикованное утверждение, которое облекается в форму достоверного, якобы общеизвестного, факта без доказательств. В российской прессе термин используется с 90-х гг., начиная со статей журналиста Евгения Додолева в газете «Новый взгляд». О фактоидах см. Аронсон Э., Пратканис Э. Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды. СПб, 2008. — Прим. пер.

⁴³ См. Chudy W. Filozofia kłamstwa. Kłamstwo jako fenomen zła w świecie osób i społeczeństw. Warszawa, 2003. S. 49–60, 493–508; Społeczeństwo zakłamane. Esej o społeczeństwie i kłamstwie – 1. Warszawa, 2007. S. 63–99.

⁴⁴ Пожалуй, наиболее полный перечень значений слова «объективный» приводит Роман Ингарден: Ingarden R., Zagadnienia dotyczące obiektywności, U podstaw teorii poznania. Kraków, 1970. S. 451–490. Гуманистически-постмодернистское

саться качеств и способа представления распознаваемой вещи, познанию которой сопутствовала детерминированная этой вещью действительность (*evidentia obiectiva*). С тех пор объективность была сокращена до фрагмента представления этой вещи, переживаемого единичным субъектом. А точнее, содержанием данного представления, которое в этой традиции принято называть объективным⁴⁵. Это объективное содержание, которое представляло в сознании отдельные вещи или явления (*repraesentatio obiectiva*), отличали от познаваемых явлений и самих реальных вещей, которые признавались в кантовском течении философии непознаваемыми.

Вернемся к вопросу репрезентационизма посткартезианской философии, который по-прежнему остается в тесной связи с постмодернистским толкованием объективности познания и истины. Так вот, подчеркивается, что в каждом конкретном случае способ репрезентации детерминирован субъективными условиями, определяющими не только **как**, но также **что** мы познаем. На переломе XIX и XX веков появились три главных редуccionизма, которые все формы детерминации сводили к одному из трех факторов: экономическому (К. Маркс и марксизм)⁴⁶, витальному (Ф. Ницше) и сексуальному (З. Фрейд). Принятие одного из них за доминирующий влекло за собой определенное понимание объективности. Например, марксист Адам Шафф писал:

истолкование объективности представляет А. Бренк: *Brenk A. Zrozumieć świat współczesny*. Lublin, 1998. S. 115–125. Процесс разрушения категорий объективности в исторической науке показан в работе Г.Г. Иггерса *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Middletown, 2005; *Novick P., That Noble Dream. The 'Objectivity Question' and the American Historical Profession*. Cambridge, 1988.

⁴⁵ В терминологии философии Нового времени это были: у Франсиска Суареса – объективное понятие (*conceptus obiectivus*), у Декарта – объективная идея (*idea obiectiva*), у Христиана Вольфа – объективное представление (*repraesentatio obiectiva*). Значения того, что является объективным в рационалистической традиции, излагает Е. Кёниг: *König E. Über den Begriff der Objektivität bei Wolffund Lambert mit Beziehung auf Kant*, “*Zeitschrift für philosophische Kritik*” 84, 1884. S. 292–303.

⁴⁶ См. *Topolski J. Metodologia historii* (1968); *Inspiracje myśli leninowskiej w historiografii* (1970); *Marksizm i historia* (1977). Так же *Jak się pisze i rozumie historię? Tajemnice narracji historycznej*. Warszawa, 2008. S. 284–297, 302–304, 313–322.

«С точки зрения объективности познания (в единственно реальном понимании это означает объективность относительную, а не абсолютную), оптимальным решением будет занять позицию, обусловленную классовыми интересами пролетариата»⁴⁷.

Поскольку выделенные внешние факторы полностью детерминируют наше познание, следовало признать, что полученные нами в ходе познания данные не представляют независимым (автоматическим) и непосредственным образом никаких внешних вещей или их состояний, но являются исключительно производной одного из трех (или более) указанных детерминантов. Отсюда делался вывод, что все стремления наших познавательных структур к тому, чтобы автоматически представлять реальные вещи вне сознания, лишены оснований. Человек представляет собой нечто вроде закрытой в своем сознании «монады», которая выброшена скорее не в гармоничный и логичный мир (Г.В. Лейбниц), но в хаос иррациональной истории и неосознаваемых инстинктов. Постмодернизм, будучи прямым продолжением указанных философских течений, добавляет к этому репертуару множество других детерминантов, которые якобы должны сделать невозможным для нас реальное познание мира из-за воздействующих на наше познание факторов: языковых⁴⁸, культурных, политических, расовых или гендерных.

2.6. Главные составляющие идеологии постмодернизма

Постмодернистская эпистемология с одной стороны, критикует репрезентационизм, а с другой — высказывает пожелание отбросить его в пользу размещение познания и познавательного дискурса за

⁴⁷ Schaff A. Historia i prawda. Warszawa, 1970. S. 307. Bauman Z., Zarys socjologii. Zagadnienia i pojęcia. Warszawa, 1962, раздел Założenia marksistowskiej koncepcji socjologii. S. 86–97, который может служить в качестве введения к постмодернизму.

⁴⁸ «Идея, что объективность в историческом исследовании невозможна, поскольку не существует субъекта истории, приобрела возрастающую ценность. Согласно ей, историк всегда является пленником мира, внутри которого он размышляет, а его мысли и восприятие обусловлены категориями языка, которым он оперирует. Этот язык формирует реальность, но не относится к ней». — Iggers G. Historiography in the Twentieth Century... P. 9.

пределами каких-либо структур, имеющих претензии к объективному представлению структур бытия реального мира. Она принимает в свой инструментарий три концепции: прагматизм, теорию языковых игр и так называемую новую риторику⁴⁹.

Если говорить о первой, прагматизме, то в нем познание и его истинность отождествляются с успешностью и получением выгоды. Как провозглашал его создатель, «правда это [...] название класса всякого рода весьма конкретных и проверяемых опытом ценностей»⁵⁰. В таком понимании ставится под вопрос классическое понятие «корреспонденции» между действительностью и сознанием, определяя ее, как пустую и статичную. Применение прагматической концепции истины привело к утверждению, что «если теологические идеи докажут свою применимость к конкретной жизни, прагматизм признает их истинными именно в этом смысле»⁵¹. Примером связи постмодернизма и прагматизма является деятельность Ричарда Рорти и его работа «Философия и зеркало природы» (*“Philosophy and the mirror of nature”* (Princeton, 1979), в которой он чрезвычайно радикальным (что вовсе не значит эпистемологически обоснованным и произвольным) образом подверг критике понятие репрезентации⁵².

Большой популярностью пользуется среди постмодернистов концепция языковых игр позднего Людвиг Витгенштейна, представленная в форме свободных, не связанных друг с другом сентенций («Философские исследования», 1953). В них отбрасывается точка зрения о том, что язык отражает структуры бытия окружающего мира в семантической плоскости языка (знак — обозначаемое) в пользу тезиса, который редуцирует язык до чисто функционального аспекта в прагматическом сообщении (говорящий — адресат сообщения), в соответствии с одним из основных тезисов «значение слова — это способ

⁴⁹ См. Vivian B. Being Made Strange. Rhetoric beyond Representation. N.-Y., 2004.

⁵⁰ James W. Pragmatyzm. Nowa nazwa kilku starych metod myslenia. Kraków, 2004.

⁵¹ Ibid. S. 37.

⁵² См. Rorty R. Filozofia a zwierciadło natury. Warszawa, 1994; Idem. Objectivity, Relativism and Truth: Philosophical Papers I. Cambridge, 1991 (Obiektywność, relatywizm i prawda. Warszawa, 1999). Этот вопрос в общем ключе рассматривает Малгожата Чарноцкая: Czarnocka M. Destrukcyjna i konstrukcyjna koncepcja prawdy w poglądach Richarda Rorty'ego // “Przegląd Filozoficzny” 5, 1996. Nr. 1. S. 95–109. О своей позиции в вопросе истины Рорти пишет в том числе в отношении к работам Д. Дэвидсона, Ч. Тейлора и Р. Брендома в книге Truth and Progress. Cambridge, 1998. P. 19–163.

использовать его на языке»⁵³. В результате, предложение является лишь инструментом для различных приложений (связь, манипуляция и т.д.), а это смысл лишь как способ использования⁵⁴. Философия, согласно Витгенштейну, не имеет никаких компетенций познания, а только лишь терапевтические.

Наконец, в концепции т.н. *новой риторики*, созданной философом польского происхождения Хаимом Перельманом, речь идет о том, чтобы создать общую теорию аргументации речи, «адресованную аудитории любого рода, как толпе, собранной на площади, так и коллективу специалистов»⁵⁵. Правда, рассматриваемая с этой перспективы, понимается исключительно в категориях принятия (акцептации) некоей точки зрения в результате применения риторической техники убеждения (персвазии), главного средства и цели в этой форме риторики, которая в постмодернизме заменяет логическую аргументацию.

Современный постмодернизм кажется похожим на эклектическую компиляцию перечисленных традиций. Примерами американских постмодернистов, сочетающих антилогоцентрическую и риторическую оптику, являются Бредфорд Вивиан⁵⁶ и феминистка Шерил Гленн⁵⁷. В работе одного из европейских постмодернистов Мишеля Фуко, мы читаем:

«Хотя язык уже не копирует непосредственно тех вещей, которые называет, несмотря ни на что, он не отделен от мира; по-прежнему, хотя и в иной форме, он остается местом проявления и составляет часть пространства, где правда одновременно проявляется и высказывается»⁵⁸.

⁵³ Wittgenstein L. Dociekania filozoficzne, Warszawa, 2004, cz. I, утверждение 43. Что интересно, в предыдущей работе он утверждает: «Определить сущность знания – значит определить сущность всякого описания, то есть сущность мира». Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus (1921), Warszawa, 1997, teza 5.4711

⁵⁴ Wittgenstein L. Cit. op. I. 421.

⁵⁵ Perelman Ch., Imperium retoryki. Retoryka i argumentacja, Warszawa, 2002. S. 17.

⁵⁶ Vivian B. Being made strange... См. критику понятия репрезентации: Ibid. S. 21–54, а также критику понятия логоцентризма: Ibid. S. 61–71. Также: Vivian B. Style, Rhetoric and Postmodern Culture // “Philosophy and Rhetoric” 35, 2002. Nr. 3. S. 223–243.

⁵⁷ Rhetoric retold. Regendering the tradition from antiquity through the renaissance (1997); Making sense. A new rhetorical reader (2002); Unspoken. A rhetoric of silence (2004); Lyday M., Sharer W. Rhetorical education in America (2004).

⁵⁸ Foucault M. Słowa i rzeczy. Archeologia nauk humanistycznych, Gdańsk, 2006. S. 46.

3. Политически корректное конструирование истории вместо ее реконструкции. Нигилистские источники постмодернизма

Заметим, что современные оппоненты реалистического понимания исторической правды, как правило, не предпринимают попыток изначально сформировать отношение к ее основам путем добросовестного изложения ее ключевых положений. Обычно дело сводится к констатации (как это сделал Ежи Топольский), что: «согласно концепции корреспонденции правды истинным, как известно, является мнение, которое совпадает с действительностью». Этот автор не дал себе ни малейшего труда сравнить эпистемологические и онтологические положения классической концепции истины, а в особенности — указать ее основные составляющие, ограничившись заявлением о ее мнимой неточности. Его «критика» положений отрицаемого им взгляда на правду ведет к уведомлению мира, что классическая концепция правды опирается на наивный реализм, авторитет которого был серьезно подорван без, как кажется, дальнейшей возможности выжить в традиционной форме⁵⁹.

Вместо классически понимаемой правды предлагается концепция под названием *конструктивизм*, согласно которой образ действительности, описываемый исследователем (здесь — историком), является его собственным конструктом, автономным с точки зрения минувшей действительности. Эта конструкция «сооружается одновременно в ходе наблюдения (не существует «чистого» наблюдения), и в ходе исследования источников»⁶⁰. Концепция конструктивизма опирается на предпосылку одного из глашатаев этой позиции, Леоны Гольдштейна: «у нас нет никакого доступа к прошлому» (“*We have no access to that past*”)⁶¹. Таким образом, прямым продолжением

⁵⁹ Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię... S. 291. Ср. «Сегодня не удастся исповедовать классической концепции исторической правды классическим же образом. Можно лишь или исповедовать ее неклассическим образом, то есть не наивно-реалистическим, или придерживаться ее неклассической концепции, например, контекстуальной». — Wrzosek W. O myśleniu historycznym. Wydgoszcz 2009. S. 27.

⁶⁰ Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię... S. 300.

⁶¹ Goldstein L. History and primacy of knowing // “History and Theory”. 16. Nr. 4. 1977. P. 33; Historical Knowing. London, 1976; The what and the why of History. Philosophical Essays. Leiden, 1996. Синтетическую точку зрения Гольдштейна из-

конструктивизма является концепция *многообразия исторических правд* как производная многообразия конструкций нарративов отдельных исследователей⁶². Окончательным же критерием принятой за «истинную» правды отдельной нарративации является выполнение условия, согласно которому перед лицом непознаваемости прошлого в «оценке образов, претендующих на отражение действительности», указать на основе некоего консенсуса⁶³ на тот из них, который:

«[...] не будет благоприятствовать укреплению вредных для общества убеждений, приносящих ему несчастья (как, например, развязывание войны, вызванное националистическими убеждениями)»⁶⁴.

Нельзя не высказать отношения к приведенному критерию правды, который далее я буду называть критерием Топольского. Прежде чем это сделать, я хочу указать на его имманентно *нигилистический* характер. Чтение подобного рода формулировок приводит на ум слова Ницше, сказанные им на первых страницах «Воли к силе»: «Что значит нигилизм? То, что высшие ценности теряют ценность (*sich entwerten*)»⁶⁵. Первой жертвой нигилизма всегда бывает правда, поэтому мы читаем там, что:

лагает Люк О'Салливан: O'Sullivan L. Leon Goldstein and epistemology of historical knowing // "History and Theory. Studies in the Philosophy of History" 45, V 2006. Nr. 2. P. 204–228.

⁶² Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię... S. 302–304.

⁶³ Автор не указывает, между какими конкретно сторонами мог бы реализоваться подобный консенсус и по какому принципу должен был бы проводиться условный отбор участников по разные стороны этого диалога.

⁶⁴ Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię... S. 304.

⁶⁵ Сборников афоризмов Ницше под названием «Воля к силе» (Wille zur Macht). Их отобрала его сестра Элизабет Фёрстер-Ницше среди его рукописей, отредактированных в конце 1877 года. В критических сборниках их опубликовали Г. Голли и М. Монтинари, как *Nachgelasene Fragmente // Friedrich Nietzsche. Kritische Studienausgabe (= KSA) 12. München, 1999. S. 350 (= KSA XII, 350; "was bedeutet Nihilism? — daß die obersten Werthe sich entwerthen")*. Концепция ницшеанской «Воли к силе» в смысле силы деструкции (сегодня мы бы сказали: деконструкции) существующего объективного порядка ценностей во главе с истиной, и одновременно мощи установления новых антиценностей, что составляет суть так называемого активного нигилизма, а в современности — постмодернизма, сыграла огромную роль в построении идеологии национал-социализма III Рейха. В период, непосредственно предшествующий на-

«...нет никакой истины (*es keine Wahrheit gibt*); нет абсолютных свойств вещей, нет “вещи в себе”. — Это само по себе только нигилизм и притом крайний»⁶⁶.

Похоже, как в случае немецкого афориста, так и в отношении к постмодернистскому определению правды, нигилистическое мышление оказывается не столько интеллектуальным познанием и углублением в природу мира, которым ницшеанцы брезгуют, сколько проявлением так называемого активного нигилизма, сутью которого является «сила разрушения» (*Kraft der Zerstörung*) (KSA XII, 351).

Повторяя вслед за Ницше, постмодернисты — Ежи Топольский и др., в вопросе о ценности истины стараются убедить нас, что ей не соответствует:

«[...] никакая действительность, что она является только **признаком силы** на стороне тех, кто устанавливает ценности (*Symptom von Kraft auf Seiten der Wert-Ansetzer*) (KSA XII, 352)».

В одном случае они определенно правы: когда подобным образом они диагностируют смысл их собственного проекта, в котором трудно выискать какую-либо правду или реальность, кроме единственно ничем не ограниченной воли устанавливать силой новые «ценности».

4. Постмодернистская методология: от познавательного морального и логического нигилизма к постулату насилия как условия деконструкции науки истории

Приведенный Топольским критерий истины, на практике отождествляемый с самой истиной и очень показательный для постмодернистской формации в исторических и общественных

падению на Польшу после войны с Советским Союзом, наследие Ницше было предметом лекций М. Хайдегера, тогда активиста НСДАП, для будущих призывников, ожидавших мобилизационной повестки на Восточный фронт. — *Heidegger M., Nietzsche*. Т. 1–2. Tłum. zbiorowe. Warszawa, 1998–1999.

⁶⁶ KSA XII, 351.

науках, является следствием агностицизма в области исторического познания. Его следствием является смена статуса исторического познания, которое приобретает радикально иной смысл: оно перестает быть распознаванием минувшего прошлого, а становится его конструированием, сотворением (греч. *poiesis*)! Эффект этого сотворения затрагивает саму истину, которую, вместо того чтобы ее распознавать, проверить и признавать, неким неопределенным образом должны были бы, согласно постмодернистам, «обсуждать» и «оценивать» неопределенные группы лиц. На практике это обычно означает *цензуру*⁶⁷, которая в современности приобретает форму своеобразной медийно-политической матрицы, направленной на манипулирование исторической правдой⁶⁸.

Вернемся к процитированному критерию правды Топольского. При его ближайшем рассмотрении возникает множество вопросов: было бы возможно в современной ситуации, когда текущее правительство строит «добрососедские отношения» с Россией, выявление (в классическом понимании) правды о военном преступлении в Катюни, если бы был использован указанный критерий? В отношении него могу спросить больше: является ли, например, известная нам правда об Освенциме тоже только лишь одной из множества возможных (произвольных) исторических нарративов? Или, может быть, это эффект некоего консенсуса и консенсуальной правды, определяемой как:

⁶⁷ Цензура в различных формах, особенно в форме политической, является неотъемлемым знаменем присутствия постмодернистских формаций. Ее наиболее выразительную форму являет политическая корректность, обычно связанная, как и весь постмодернизм, с формацией постмарксизма. *Kołąkowska A.* Imagine: intelektualne źródło poprawności politycznej // *Idem.*, *Wojny kultur i inne wojny.* Warszawa, 2009. S. 1143; *Idem.* Brygady Politycznej Poprawności, // *Ibid.* S. 89–98; *Chudy W.* Filozofia kłamstwa. Kłamstwo jako fenomen zła... S. 217–226; *Schönbohm J.* Politische Korrektheit. Das Schlachtfeld der Tugendwächter. Leipzig, 2009; *Stobiecki R.* Historia pod nadzorem. Łódź, 1993; *Romek Z.* Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944–1970. Warszawa, 2010.

⁶⁸ См. важный анализ явления неоцензуры в статье Марека Яна Ходакевича: *Anatomia tzw. buntu, czyli nasz triumf i neo-Matrix* — <http://chodakiewicz.salon24.pl/165658,anatomia-tzw-buntu-czyli-nasz-triumf-i-neo-matrix>; *Cenckiewicz S.* Sławekopisz to, bo ja się boję. URL; <http://www.pomorska.pl/apps/pbcs.dll/article?AID=/20101213/REPORTAZ/772506899> (Дата обращения: 20.05.2011).

«[...] компромисс, установленный в современности между сообществом, объединяемым профессией, и актуальными требованиями культурной коммуникации?»⁶⁹

Если это, последнее, т.е. результат консенсуса, то из него следует факт, что, как уже сказано, это не может быть консенсус (согласование) суждения о познаваемой действительности с самой действительностью, поскольку такое согласование, по мысли постмодернистов, является невозможным по причине непознаваемости исторической действительности. Или же, говоря утвердительно, это означает в обязательном порядке *консенсус сторон диалога*. Если же понимаемая таким образом «правда» является результатом диалогического консенсуса, возникает вопрос: кто с кем ее устанавливал в данном конкретном случае?

Заметим, что сам постмодернист Топольский, подобно как и другие постмодернисты (Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лётар, Л. Голдштейн, К. Гинзбург и т.д.), авторы тезисов о нарративной и плюралистической⁷⁰ природе исторической правды и о непреодолимой непознаваемости прошлого, тотчас же *временно отменяли* положения провозглашаемой ими эпистемологии, когда писали о Холокосте⁷¹, принимая, как они сами называли их в других случаях, «наивные» предпосылки и условия классической реалистической философии, и классическое определение истины. В результате они (что абсолютно справедливо!) не выражали ни малейших сомнений ни в: 1) реальной возможности познания действительности, которая скрывается

⁶⁹ Wrzosek W., O myśleniu historycznym... S. 27; Hölscher L. Political Correctness. Der sprachpolitische Streit um die nationalsozialistischen Verbrechen. Wallstein, 2008.

⁷⁰ См. Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię... S. 302–304, 313–314.; McCullagh C.B. The Truth of Historical Narratives // “History and Theory”. 26, 1987. P. 30–46.

⁷¹ Хейден Уайт (Hayden White) в статье, а скорее, в бурном потоке слов *Fabularyzacja historyczna a problem prawdy* // *Poetyka pisarstwa historycznego*, в переводе Е. Доманьской: Е. Domańska, Kraków, 2000. S. 211–236, ограничился перечислением различных позиций по вопросу нарративизации Холокоста, опуская вопрос природы исторической правды с точки зрения этих нарративов. Вместо этого, согласно установкам политкорректности, он выражает восхищение полонофобским постмодернистским историческим романом А. Шпигельмана о периоде оккупации в Польше: *Maus. A Survivor's Tale* (1986), в котором немцы представлены как коты, евреи как мыши, а поляки как свиньи (!): «эта комическая книга шедевр стилизации, метафоры и аллегоризации». — White H. Op. cit. P. 218.

за случайным для познания названием «Аушвиц»⁷², ни в 2) ценности объективного познания этой действительности, ни в 3) изначально монистической природе истинности этого познания. Совсем наоборот. По этому вопросу все они с удивительной *harmonia praestabilita* говорили стройным хором, пребывая на позиции полного реализма познания, которому еще много веков назад покровительствовали Аристотель и Фома Аквинский.

Как Топольский⁷³, так и Уайт, Анкерсмит и др. постмодернисты в этом конкретном случае дружно возвращаются к классическому пониманию истины, которое во всех других случаях они открыто и агрессивно подвергают сомнению. Разумеется, нигде в их рассуждениях на тему Холокоста мы не найдем присутствующего где угодно еще изначального постулата постмодернистской историографии, который я называю формулой *веритативного* (от лат. *veritas*, «истина») *нигилизма*, требующего, словами Топольского,

«[...] отбросить убеждение, что существует такая-то одна истина, к которой мы приближаемся в ходе познания мира, и принять точку зрения плюрализма истин»⁷⁴.

Совсем наоборот. Упомянутый Анкерсмит в тексте «Вспоминая Холокост: скорбь и меланхолия»⁷⁵ вообще не использует термин «наррация». Хотя, принимая во внимание изначальное значение этого слова, употребление его в контексте описания огромных масштабов этого преступления кажется чем-то как нельзя более уместным и применимым.

⁷² Аргументом постмодернистов в пользу релятивизма является в том числе то, что в нашем познании мира мы обречены пользоваться названиями, смысл которых абсолютно случаен. В свою очередь, в связи с фактом, что мы должны ими пользоваться, это якобы делает для нас невозможным познание действительности и правды о ней.

⁷³ *Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię... S. 323–336.*

⁷⁴ *Ibid. S. 289.* Автор одной из монументальных исторических работ о геноциде на Кресах и вместе с тем свидетель этого геноцида на Волыни, прочитав этот фрагмент книги Е. Топольского, коротко заметил: «Это просто мерзость!» — трудно дать более емкую и точную оценку.

⁷⁵ См. *Ankersmit. Pamiętając Holokaust: żałoba i melancholia // Pamięć, etyka i historia. Angloamerykańska teoria historiografii lat dziewięćdziesiątych. Poznań, 2002. S. 163–184.*

Дело в том, что термин *narratio* обозначал (об этом еще будет речь) в том числе сообщение (как правило, обвинительную речь) об обстоятельствах преступления, которое оглашалось перед судьями. Кроме того, оный автор сам просто обязан им воспользоваться, если уж он пытается отыскать в своем тексте оптимальный языковой *decorum* по отношению к Холокосту. Однако только по одному ему известным причинам Анкерсмит этого термина не использует. В его тексте читатель не найдет также ни малейшего упоминания о нарративной природе рассматриваемого описания исторической действительности, и даже тени сомнения в том, что касается таких вопросов как: заслуживают ли отдельные высказывания, составляющие целостное сообщение-нарратацию о Холокосте, право на истинность? Или: является ли это истинностью в *классическом* понимании? Здесь ответ на каждый вопрос звучит: «да», тогда как в теоретических работах этого и других постмодернистов ответы всегда и единственно звучат: «нет». Истину трудно исследовать, отсюда и эта непоследовательность.

Как кажется, только будучи непоследовательными именно в этом конкретном вопросе, они могли бы избежать публичного выявления нелепости всех последствий провозглашаемых ими теорий, и в результате уберечь себя от полной публичной компрометации⁷⁶ (я не затрагиваю здесь вопроса об уголовной ответственности). Чем же иначе, кроме как компрометацией, можно было бы назвать применение в рамках исторического описания принципов нарративизма (в особенности практическое применение принципа неотделимости исторической действительности от литературной, т.е. фиктивной, требование плюрализма истин и требование не отделять фактографическое описание от его интерпретаций, а также принцип веритативного нигилизма) в отношении такого геноцида, каким был Холокост?

Однако сам собой возникает вопрос: может быть, существует какой-нибудь другой геноцид (или единичное преступление), по отношению к которым применение принципов постмодернистской теории не было бы точно такой же *ложью* о нем? Можно ли, при-

⁷⁶ Постмодернистское изложение истории приводит на ум слова Цицерона о том, что нет такой нелепости, которой не высказал бы кто-нибудь из философов: “Nihil tam absurde dici potest, quod non dicatur ab aliquo philosophorum” // De Divinatione II, LVIII, sec. 119.

нимая принцип, отрицающий существование классически понятой объективной правды, подвергать нарративизации, например, гибель миллионов людей — жертв коммунизма⁷⁷? Гибель миллионов людей, погибших в советских лагерях, умерших от голода на советской Украине, униженных и замученных маоистскими хунвейбинами во время культурной революции в Китае? Миллионов убитых «красными кхмерами» в Камбодже или десятков тысяч убитых выстрелом в затылок в Катыни? А что с жителями бывших Кресов: поляками, армянами, евреями, русскими, справедливыми украинцами, которых сотнями тысяч сжигали живьем, перепиливали пилами, с которых сдирали кожу и сотнями различных способов убивали банды ОУН-УПА и дивизия СС «Галичина»? Возможно, в их случае удастся применить какой-либо из принципов постмодернистского нарративизма, например, принцип плюрализма прав, одновременно *не солгав*.

Заставляет задуматься, почему ни один из постмодернистов не подверг исповедуемую теорию процедуре автофальсификации в контексте методологически значимого исключения — Холокоста, в случае которого они временно отступают от всех главных принципов постмодернистской идеологии⁷⁸. Как кажется, для того чтобы подвергнуть сомнению основы постмодернистской методологии, фактически не потребуется настолько развернутых теорий, как фальсификационизм или верификационизм, но достаточно будет элементарных критериев внутренней целостности и отсутствия противоречий (я уже не говорю об обычном разуме), чему не

⁷⁷ Стоит отметить, что многие на Западе так поступали и до сих пор поступают. Одним из наиболее известных примеров может служить высказывание Ж.-П. Сартра. Атакуя тех, кто сообщал о преступлениях марксистов в Советском Союзе, он утверждал, что эти сообщения, пусть и правдивые, не должны обнародоваться, поскольку могут задержать мировую революцию. Еще в 1994 году итальянское издательство La Feltrinelli, в котором Густав Герлинг-Грузинский издал свои шокирующие воспоминания о сибирской ссылке *Un mondo a parte* (Inny świat. Zapiski sowieckie. Londyn, 1953), подвергло цензуре его собственное предисловие к ним.

⁷⁸ Отметим, что авторы *Telling the truth about the history*, хотя и относительно часто упоминают фамилию Поппера, но так и не прониклись мыслью применить принципы фальсификационизма к собственной теории. Как следует из самого содержания книги, а также примечаний переводчика (!), многое говорит о том, что они не понимают самых элементарных положений его философии науки. *Applby J., Hunt L., Jacob M. Op. cit. S. 177 oraz przypis nr 12 tłumacza.*

многие постмодернисты в состоянии сопротивляться. Например, в случае упомянутого Ф. Анкерсмита, мы, бесспорно, имеем дело со своеобразной комической «ситуативной методологией», в которой подбор принципов и норм описания каждый раз зависит от аксиологически-политической окраски действительности, которая должна быть отражена в наррации, вплоть до такого насыщения самой действительности, что из ее описания исключается сама категория наррации со всей ее нигилистической параметодологией и эпистемологией. Заметим, что, с одной стороны, он выражает стандартный и элементарно присутствующий в арсенале каждого ученого, не только историка, императив, требуя:

«Противопоставить предлагаемое описание действительности другим, конкурирующим, историческим описаниям, которые были сделаны с той же самой целью, или которые выполнены примерно на основе уже имеющихся знаний о прошлом»⁷⁹.

С другой стороны, на той же самой странице, что и цитируемый фрагмент, мы находим достаточно загадочное предупреждение о том, что

*«когда-либо в другое время обсуждаемые обстоятельства могут включать в себя, кроме того, **социополитические** [выделено Б.П.] реалии мира, в котором живет сам историк»⁸⁰.*

Это, последнее, утверждение находит более подробное объяснение в момент, когда автор — перед этим неправомочным образом упразднив фундаментальную методологическую директиву, предписывающую отделять описываемую действительность от сферы ее оценок и норм, а также введя своеобразный принцип протяженности одних и других, и не различия их друг от друга — приходит к тавтологической, на фоне последнего положения, констатации, что на практике невозможно «указать реальную границу между чис-

⁷⁹ Ankersmit F. Pochwała subiektywności // Pamięć, etyka i historia... S. 72.

⁸⁰ Ibid.

то историческим и чисто политическим измерением дискуссии», а сами реализованные в рамках отделения этих сфер описания исторической действительности были бы, в силу существовавших социополитических обусловленностей, «уже изначально одновременно как историческим описанием, так и указанием на политическую ориентацию»⁸¹. Особенно это, последнее, утверждение выражает присутствующую в этом дискурсе пресуппозицию в виде изначально-ного положения марксистской методологии, согласно которой:

«Возможность избежать общественной обусловленности — это фикция, поскольку познающий субъект является созданием общества (в определенном значении слова “создание”), а значит, в классовом обществе — созданием классово обусловленным»⁸². (выделено Б.П.)

Вернемся к вопросам, которые вызывает приведенное ранее определение консенсуального критерия истины, предложенного Топольским. За истину в нем предлагается принять такую точку зрения, которая «не будет благоприятствовать укреплению вредных для общества убеждений, приносящих ему несчастья (как, например, войны, вызванные националистической точкой зрения)»⁸³. Вот некоторые из них:

– Кто в состоянии предвидеть, какие последствия вызовет в обществе в ближайшем, или, тем более, в отдаленном будущем, «правда», признанная в данный момент истинной?

– В чем состоит компетенция познания при вынесении оценки этой «правды» и общественная легитимность оценивающих?

– Кто уполномочен оценивать чужие убеждения, которые в демократическом обществе являются свободными, и от чьего имени должна была бы быть определена «вредоносность» какого-либо утверждения для настоящего и для будущего?

– И, наконец, что станет с теми, которые, не зная или «не понимая», какая историческая правда является «правильной» или «истинной» на данном этапе развития капитализма, социализма или, на-

⁸¹ Ankersmit F. Pochwała subiektywności // Pamięć, etyka i historia... S. 72.

⁸² Schaff A. Historia i prawda. Warszawa, 1970. S. 307.

⁸³ Topolski J. Jak się pisze i rozumie historię... S. 304.

пример, на этапе построения дружеских отношений с бандеровской Украиной, упорно будут продолжать писать историю, опирающуюся на классическую дефиницию истины, понимаемой как *vera narratio*.⁸⁴

Стоит заметить, что непонимание того, что же в настоящий момент является «истинной истиной» было во времена коммунизма настолько частым, что требовало государственной цензуры и целой системы репрессий, включая лагеря, что в результате повлекло за собой около 100 млн. жертв⁸⁵.

С этой точки зрения, постмодернизм ничем не отличается ни от марксизма, ни от других тоталитарных проектов, которые лишили личность природных прав в отношениях с вездесущими структурами государства, его чиновниками и функционерами — стражами политической корректности. У него та же самая логика: если можно поставить под сомнение в исходной точке понятие объективной правды, можно также деконструировать понятие *объективного добра* и любое другое понятие, во имя которого была проведена предыдущая деконструкция правды. Тем самым, личность становится лишена какой-либо объективной меры как истины, так и добра, а в результате обречена на волю (на) сильного со стороны ницшеанских *Vert-Ansetzer*. Сущность процедуры данной деконструкции Жак Деррида описал так:

*«Зачем же вовлекаться в деконструктивную работу, а не оставить вещи в таком состоянии, в котором они и находятся, и т.д.? Ничего нельзя сделать здесь без некоего акта **насилия** (выделено Б.П.). Деконструкция, на чем я настаиваю, не является нейтральной. Деконструкция *вмешивается*»⁸⁶.*

Насилие, необходимость которого, в связи с реализуемой во многих плоскостях деконструкцией, обосновывает нам Деррида вместе с рядом марксистских *camarades*: З. Бауманом, Дж.-Ф. Лётаром, Дж. Хабермасом и др.⁸⁷, является *насилием радикальным*, по-

⁸⁴ Bodin J. Methodus ad facilem historiarum cognitionem (1566). Amsterdam, 1650. S. 8.

⁸⁵ Courtois S. et al., Czarna księga komunizmu. Zbrodnie, terror, prześladowania (Le Livre noir du communisme. Crimes, terreur, repressiori). Warszawa, 1999.

⁸⁶ Derrida J. List do Jean-Louis Houdebine'a. Bytom, 1997. S. 102.

⁸⁷ См. G. Iggers G. Historiography in the Twentieth Century... P. 78–94.

тому что именно такой радикальный характер носит сама деконструкция, которая для этого насилия служит источником⁸⁸. Речь идет о насилии, нацеленном в самый корень (*radix*) греко-христианской культуры⁸⁹: классически понимаемую истину, опирающуюся на природный закон мораль, религию персонального бога и спасителя, а также свободу, основываться на личностной природе человека.

Давайте помнить при этом, что изначально за приведенным выше критерием правды а-ля Топольский стояла *имплицитно* принимаемое объективное добро в виде мира, отсутствия вредоносных общественных явлений и т.д. Также и сегодня оно выступает в таких на первый взгляд благородных лозунгах, как борьба с дискриминацией, недопущение изоляции в обществе, борьба с «разжиганием ненависти» или охрана детей от насилия в семье. Его присутствие, однако, лишь элемент деконструктивной тактики, в которой, на первый взгляд, сохраняют одни объективные ценности при деконструировании других, чтобы в дальнейшем, в свою очередь, деконструировать эти сохраненные. Что же останется нам от этих лозунгов, когда мы уничтожим («деконструируем») также объективность этого добра? Ответ звучит так: насилие как ницшеанский «признак силы» тех, кто реализует эти лозунги и устанавливает «новые ценности»⁹⁰.

Итак, если нет ни объективной истины, ни добра, ни справедливости, ни природы как меры морального закона и т.д., то есть ли что-то, к чему личность — жертва нигилизма — может апеллировать? Ни к чему кроме бога, о смерти которого, однако, предусмотрительно заявил ранее Ницше:

⁸⁸ По странному стечению обстоятельств, например в работе Б. Стокера *Stocker B. Derrida on deconstruction*. N.-Y., 2006, нет даже упоминания о декларировавшей себя самой Дерридой связи идеи деконструкции с насилием как эффектом реализации этой идеи. См. работу известного американского философа Джона Капуто (John Caputo) *The Prayers and Tears of Jacques Derrida Religion without Religion*. Bloomington, 2006, особенно ч. 9: *Of Marx and Messiah*, и ч. 17: *Is deconstruction really a Jewish science?* Ср. *Derrida J. Przemoc i metafizyka. Esej o myśli Emmanuela Levinasa*. Przeł. K. Matuszewski, P. Pieniążek // *Idem. Pismo filozofii*. Kraków, 1993. S. 189–263.

⁸⁹ См. *Nancy J.-L. Dis-Enclosure. The Deconstruction of Christianity*, N.-Y., 2008.

⁹⁰ Философский анализ категории насилия в нигилистических течениях XX века проводит Витторио Поссенти: *Possenti Filozofia po nihilizmie*. Przeł. J. Merecki. Lublin, 2003. S. 32–40; см. также: *Chudy W. Filozofia kłamstwa. Kłamstwo jako fenomen zła...* S. 39–56; *Idem. Kłamstwo jako metoda. Esej o społeczeństwie i kłamstwie-2*. Warszawa, 2007. S. 224–230.

«Бог умер, бог остается мертвым. И это мы его убили. (Gott is todt. Gott bleib todt. Und wir haben ihn getodet)»⁹¹.

В подразделе «Правда или насилие» книги «Лживое общество. Эссе о лжи и обществе» В. Худы так пишет о звучащей в заглавии альтернативе и стоящей за ней мысли:

«[...] тезис, указывающий на окончательное укоренение общественного порядка в объективных ценностях (правда, достоинство, моральное благо, природа и ее закон), а в конечном итоге, в абсолютной ценности бога, имеет веское обоснование. Следует уяснить для себя, что если убрать бога, как основу в этой области, если теоретически и практически отказаться от ценности абсолюта, то окажется, что мы вынуждены признать, что единственный принцип власти есть насилие»⁹².

О том, как личность становится безоружной в результате реализации ницшеанского атеистического замысла, знали его последователи, реализовавшие эти постулаты. Среди них были как Гитлер, так и вдохновившийся им Дмитро Донцов, переводчик “*Mein Kampf*” и ведущий идеолог украинского национального социализма⁹³. Оба они позволяют нам полностью представить в исторической перспективе огромные размеры зла, которое они причинили, а также непреодолимость альтернативы, перед которой ставит нас современный нигилизм: правда или насилие.

Стоит вместе с тем обратить внимание, что нигилизм, будучи отрицанием всех ценностей, а бога и истины в особенности, со временем — как практически любая теория — нашел свое воплощение. В этом убедились прежде всего те, на кого напали ночью, чей сон внезапно прервал пронзительный крик их детей и близких, кто погибал на Кресах от ударов, наносимых штыками и секирами укра-

⁹¹ Nietzsche F. Fröhliche Wissenschaft, KSA III, 481.

⁹² Chudy W. Społeczeństwo zakłamanie... S. 49. S. 62–99.

⁹³ См. Doncow D. Nacjonalizm. Kraków, 2008. В данной работе Ницше является наиболее цитируемым автором. Эта «библия» национализма, пропитанная ненавистью ко всему иностранному (не украинскому) была впервые опубликована Украинской греко-католической церковью базилиан.

инских нацистов. В результате, вопреки огромному масштабу преступлений упавших палачей, но в полном соответствии с логикой ницшеанского нигилизма и основанного на нем постмодернизма, президент Украины Виктор Ющенко смог написать о деяниях этих палачей в предисловии к посвященному им альбому:

«Борьба УПА стала великой моральной победой (борьба УПА стала великою моральною перемогою)»⁹⁴.

Действительно, это была «победа» по меркам нигилистического идеала ницшеанского «сверхчеловека», о котором в то время высказывались и Гитлер, и вдохновленный им Донцов. Ющенко, написав приведенные слова, был просто последователен. Не только в мыслях, но и в действиях, поскольку ранее объявил «Героем Украины» одного из самых жестоких палачей — Романа Шухевича⁹⁵, а в начале 2010 присвоил это же звание военнослужащим дивизии СС «Галичина» и членам ОУН-УПА во главе с ее провидником (вождем) Степаном Бандерой. Столь же последовательной в смысле нигилистической логики постмодернизма была торжественная речь в честь Ющенко, произнесенная 1 июля 2009 г. в Католическом университете Люблина. Во время торжественной церемонии в честь этого апологета и певца палачей можно было, в том числе, услышать из уст награждавшего:

«В политической жизни президента Виктора Ющенко принципиальную роль играет христианская система ценностей, христианская этика и христианское видение человека»⁹⁶.

⁹⁴ См. Українська Повстанська Армія: історія нескорених, Центр досліджень визвольного руху Служба безпеки України, Український інститут національної пам'яті 2008. Как можно увидеть, данная работа опубликована эквивалентом польского Института национальной памяти и, следовательно, государственным учреждением.

⁹⁵ В частности, он был организатором и участником геноцида на Волыни, в результате которого были убиты десятки тысяч поляков, евреев, армян и украинцев.

⁹⁶ Текст выступления: http://www.kul.pl/filcs/254/lipca_calosc.pdf (Дата обращения: 10.01.2011). Также там можно увидеть видеотчет о вручении В. Ющенко почетной степени доктора КУЛ на фоне звучащего латинского песнопения *Gaudę Mater Polonia*. – URL: http://www.kul.pl/akf-doktorat-honoris-causa-kul-dla-przcdstawicicla-narodu-ukrainskicgo-wiktora-juszczcnki,art_18529.html.

Согласно той же самой интерпретации («наррации») исторической действительности, подвергнутой постмодернистской деконструкции, последовательно звучат и слова рецензии на присвоение ему докторской степени:

*«Присвоение докторской степени **honoris causa** КУЛ лидеру украинской оппозиции, который сблизил Украину с демократическими государствами, отвечает духу Люблинской унии».*

В контексте этих высказываний, возможно, стоит вспомнить слова Иоанна Павла II, патрона и многолетнего преподавателя КУЛ: «Университет, служи истине!»⁹⁷, и другие его слова, записанные несколько ранее в энциклике “*Centessimus annus*” (1991):

«История учит, что демократия без ценностей быстро превращается в явный либо закамуфлированный тоталитаризм [...]. Свобода, однако, в полной мере наполняется ценностью лишь через принятие правды: в мире без истины свобода теряет свое содержание, а человек остается брошен на произвол страстей и обусловленностей, явных или скрытых (V 46)»⁹⁸.

Крайностью, и даже гротескной маской современного нигилизма, является проводимая в плоскости текущей политики операция «демократизации», т.е. уничтожения (лат. *tollere*) ценностей посредством противопоставления демократии существовавшей доселе морали и ее принципам. Моральным благом должно быть только то, что демократично, а демократично то, что установлено в ходе голосования. Демократия, которая сама по себе не является ничем иным, кроме как формой передачи власти, сейчас подвергается процессу своеобразной *деификации* (Р. Легутко), который заключается в том, что она должна стать абсолютным источником всех (в особенности моральных) обязательных ценностей. Одновременно главным

⁹⁷ Эти слова Иоанн Павел II произнес во время своего визита в Люблинский католический университет 9 июня 1987 года.

⁹⁸ URL: http://www.vatican.va/edocs/POL0016/_C1B.HTM

врагом в обществе, согласно провозвестникам так понимаемой «демократии», оказывается не только истина, но также христианская мораль, опирающаяся в значительной мере на природное право, основы которого были заложены еще в Древней Греции⁹⁹. Заставляет задуматься то, что если бы мы жили не в 2011, а сразу же после 1933, в Третьем Рейхе, то эти взгляды левацких либералов встретили бы полное одобрение тогдашних властей в стране за Одером¹⁰⁰.

Ведь и в то время та самая «антидемократическая» христианская мораль стала на пути демократически избранных властей, которые под полным презрением к жизни лозунгом “*Das Leben unwürdig zu leben*” («Жизнь недостойна жить») ввели демократические законы, позволявшие, в том числе, стерилизацию и эвтаназию умственно отсталых и других неизлечимо больных. Интересно, почему сегодня ни один из проповедников примата демократии над моралью не отваживается применить эти свои критерии к действиям властей Третьего Рейха? Ведь с 1933 г. почти до самого конца Второй Мировой войны они располагали несравнимо более сильным демократическим мандатом, чем большинство современных западных режимов.

5. Идея министерства правды, или история под контролем: вчера и сегодня

Кажется, что современное постмодернистское видение исторической правды и исторической памяти являет собой воплощение описанного в книге Джорджа Оруэлла «1984» Министерства правды, т.е. институционализированной государственной формы контроля за прошлым и памятью общества и народа, целью которого является господство над текущей политикой и будущим, как пространством возможных общественных проектов, реализуемых

⁹⁹ См. *Krąpiec M.A.* Człowiek a prawo naturalne. Lublin, 1999. То же самое естественное право лежало в основе философии Средневековья, Возрождения и всего рационализма Нового времени во главе с системой великих идей, собранных в работах Г.В. Лейбница. См. *Schneider H.-P.* Justitia universalis. Quellenstudien zur Geschichte des “christlichen Naturrechts“ hei G. W. Leibniz, Frankfurt, 1967; *Bourke V.* Historia etyki. Przeł. Białek A. Warszawa, 1994, zwł. S. 122–126, 153–169.

¹⁰⁰ См. *Kiereś H.* Trzy socjalizmy. Tradycja łaćnińska wobec modernizmu i postmodernizmu. Lublin, 2000; *U podstaw życia społecznego. Personalizm czy socjalizm?* Radom, 2001.

современной властью. Глубинную основу этого института Оруэлл описал следующим образом:

«Воистину поражает в тоталитаризме не то, что он влечет за собой “зверства”, но то, что он атакует понятие объективной правды; что он пытается контролировать одновременно как прошлое, так и будущее»¹⁰¹.

В этом утверждении содержится суть современных тоталитарных проектов, общей чертой которых является отрицание классически понимаемой истины, которая, в свою очередь, является условием (фундаментом) свободы целых обществ и личности, понимаемой как автономное существо.

Недавнее прошлое коммунизма является конкретно воплощением оруэлловского Министерства правды, главным элементом которого был полный контроль личности со стороны государства и его бюрократии. Сегодня функцию Министерства правды в большей мере реализуют различные службы государства, и более всего «независимые» СМИ, которые стремятся развернуть контроль над историей и исторической правдой. Несмотря на то, что прошло уже немало времени, даже недавняя история этих явлений практически не описана в каких-либо значительных исследованиях. Исключением здесь являются работы Рафала Стобецкого, среди которых следует выделить прежде всего две монографии: «История под надзором. Споры о новой модели истории в Польше (2-я половина 40-х — начало 50-х гг.)» (Лодзь, 1993) и «Большевизм и история. Попытка реконструкции большевистской философии истории» (Лодзь, 1998). С перспективы этих рассуждений важной представляется также статья об одном из наиболее позорных явлений в польской исторической науке, которым стала печально известная I Методологическая конференция в Отводске¹⁰². Тогда в присутствии товарищей,

¹⁰¹ Orwell G. Looking Back on the Spanish War... P. 198.

¹⁰² Stobiecki Z. Pierwsza Konferencja Metodologiczna Historyków Polskich // Skryte oblicze systemu komunistycznego. U źródeł zła. Warszawa, 1997. S. 193–211; Między dogmatem ideologicznym a modernizacją. Marksizm a historiografia w Polsce po II wojnie światowej // “Historyka” 32, 2002. S. 45–62; Spór o PRL. Metodologiczne oblicze debaty // Opozycja i opór społeczny w Łodzi 1956–1981. Warszawa, 2003. S. 123–131; Romek Z. Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944–1970. Warszawa, 2010. S. 104–244, подраздел Z praktyki stosowania marksizmu na przykładzie

прибывших из Москвы, была провозглашена новая методология, основной принцип которой сформулировала сталинский историк Жанна Карманова:

«Решающим пунктом в борьбе за новую марксистскую историческую науку является проблема методологии. История, не опирающаяся на марксистскую методологию, не строящаяся на положениях диалектического материализма, научно бесплодна и не является наукой в полном значении этого слова»¹⁰³.

И сегодня, если попробовать заменить в приведенной цитате слова «марксизм», а также «марксистская методология» словами «постмодернизм/нарративизм» и «постмодернистская методология», мы получим столь же актуальную методологическую формулу, определяющую условия современного понимания *корректности*, как в области общественных наук, так и в области общественной жизни, организованной при помощи СМИ, руководствующихся политкорректностью (*political correctness*), как главным принципом¹⁰⁴. Принцип этот дополняется сформулированной в современных обстоятельствах марксистско-коллективистским тезисом о том, что:

«Высказывание правды требует коллективного усилия (Telling the truth takes a collective effort)»¹⁰⁵.

Ибо, по мысли идеологов тоталитарного проекта, которым является постмодернизм, человек как личность — это своеобразное «неполноценное существо», которое (точно так же, как и в марксизме), не способно не только к самостоятельному познанию истины,

cenzuralnych recenzji prachistorycznych z lat 1952–1955. S. 172–201 (на эту книгу я наткнулся уже по окончании редактирования данной статьи).

¹⁰³ Реферат подсекции истории. I Конгресс польской науки. Секция общественных и гуманитарных наук. Warszawa, 1951. S. 5. Цит. по: *Stobiecki R. Pierwsza Konferencja Metodologiczna...* S. 5. По поводу этого автора см. *Stobiecki R., Żanna Karmanowa. Szkic do portretu // Niebem i sercem okryta. Studia historyczne dedykowane dr Jolancie Malinowskiej*, red. M. Malinowski. Toruń, 2002. S. 611–626.

¹⁰⁴ См. *Kołąkowska A. Wojny kultur i inne wojny*, Warszawa, 2010. S. 89–98.

¹⁰⁵ *Appelby J., Hunt L., Jacob M. Powiedzieć prawdę...* S. 321.

но и, тем более, к самостоятельному ее формулированию¹⁰⁶. Для этого он нуждается в политически корректных и универсальных в том, что касается компетенции, «авторитетах»¹⁰⁷. Данные авторитеты необходимы личности, поскольку именно они объявляют об истинности «правдивых» в настоящий момент правд и ценностей, составляя своего рода их последнюю инстанцию. Сами же правды и ценности провозглашаются в результате консенсуального дискурса, реализуемого в рамках узкого круга таких же самых, т.е. созданных согласно тому же самому «формату», авторитетов. Следует обратить внимание, что указанное видение идет, однако, в абсолютно противоположном направлении, нежели классическая, следующая из рудиментов латинской культуры, формула, согласно которой, для провозглашения лжи требуются толпы, а для того чтобы сказать правду, хватит и одного человека.

6. Изложение классической концепции истины

Есть ли у нас перед лицом вышеизложенных угроз принятия объективности истины как нормы научного познания, какие-либо шансы защитить классическое толкование истины? Ответ однозначно звучит: «да». Для обоснования следует указать на доводы двоякого свойства.

Во-первых, перед лицом постмодернистской тактики персвазии, точно так же, как и картезианского демона-искусителя, мы должны помнить, что насколько бы соблазнительной и одновременно нелепой не была бы эта персвазия, но все же «мы осознаем, что прежде всего свобода служит нам, чтобы мы могли всегда воздержаться от того, чтобы принимать на веру такие вещи»¹⁰⁸, т.е. принимать на веру утверждения, которые противоречат наиболее простым и базовым проявлениям интуиции, которые даны нашему врожденному разуму.

Во-вторых, принятие положений широко понимаемого *реализма* познания и основанного на нем классического понятия правды,

¹⁰⁶ См. Schaff A. Marksizm a jednostka ludzka. Przyczynek do marksistowskiej filozofii człowieka, Warszawa, 1965. S. 196–232.

¹⁰⁷ Чаще всего это «медиа-авторитеты». Обычно они не имеют ничего общего с рационально понимаемыми авторитетами-эпистемическими, деонтическими или моральными. См.: Bocheński J.M. Co to jest autorytet? Przeł. J. Parys // *Idem*. Logika i filozofia. Warszawa, 1993. S. 187–324.

¹⁰⁸ Descartes R. Zasady filozofii. Kęty. 2001, I, 6.

гарантирует сохранение интересу субъективности нашего познания и объективности его результатов¹⁰⁹. Оборона классически и реалистически понимаемой правды должна вестись по образцу сократической мысли в двух фазах: в первой следует ответить на аргументацию его противников с целью опровержения их тезисов, а во второй необходимо предоставить утверждения своей позиции. И одно, и другое я очень кратко постараюсь представить в этой части.

6.1. Последовательный скептицизм разрушает сам себя

С перспективы почти двадцати шести веков европейской философии необходимо сказать, что постмодернизм, как эпистемологический и веритативный нигилизм, не является чем-то новым. Современные скептики-постмодернисты, однако, отличаются от своих предшественников, прежде всего, отсутствием критического самосознания, которое часто следует из незнания генезиса и положений излагаемой ими позиции. Вопреки тому, что они сами считают, осмысленность их скептицизма в области истины оказывается в своих обоснованиях не менее проблемным явлением, чем критикуемое ими понятие объективной истины. Ведь даже радикальнейший из скептиков, называвшихся в прошлом также «академиками»¹¹⁰, в вопросах правды основывал свой скептицизм — как учил Св. Августин — на чем-то, что имеет характер, принимаемый *implicite* посылке (или многих посылок), в истинности которой он сам не сомневается, а сила его сомнения по отношению к критикуемым тезисам (например, опознаваемости объективной истины) пропорциональна силе питаемой им *веры*¹¹¹ в безошибочность и объективную *истинность* этой посылки. В противном случае,

¹⁰⁹ См. *Thompson E. Ways out of postmodern discourse // "Modern Age" 22.VI.2003. P. 195–207.*

¹¹⁰ Это название происходит от Академии, основанной Платоном, а точнее, от определенной фазы ее функционирования, когда власть в ней перешла к враждебной доктрине основателя формации скептиков под предводительством Аркезилая (315–240) и Каркада (219–119), вплоть до времени так называемой Пятой Академии. См. *Reale G. Historia filozofii starozytnej. Przl. I.E. Zieliński. Lublin, 1999. T. 3. S. 499–538.*

¹¹¹ Разновидность веры, с которой мы здесь имеем дело, это своеобразные представления об истинности высказываемого суждения, называемые в логике ассенцией (лат. *assensus, assensus*).

т.е. если бы его сомнение не имело эпистемологически верных оснований, его тезисы, подвергающие сомнению возможность познания объективной правды о действительности, были бы ничем не обоснованы¹¹².

Примером, образующим этот догматизм, может быть утверждение К. Бина Маккуллаха, якобы признающее недействительной всю традицию «наивной» эпистемологии от Платона до Гуссерля, и заявление в форме аксиомы, что у нас нет такого подхода к миру, который до того уже не был бы интерпретирован¹¹³. Обоснованием в форме *petitio principii* этой позиции должно быть то, что *до этого* предполагает постмодернизм:

«Понятия, которые мы используем с целью придать смысл нашим наблюдениям, приняты нами из нашей культуры: мы научены замечать вещи в категориях тех же самых [понятий]»¹¹⁴.

Вопрос, который нам здесь подсказывает Св. Августин, звучит так: является ли тезис Маккуллаха также следствием некоторой одной из многих возможных интерпретаций мира и его познания, пользующейся случайными, т.е. обоснованными в культуре, понятиями, или же этот тезис является заслуживающим внимания *исключением* из того, что сам провозглашает, и сам образует эффект чего-то, что он называет *“uninterpreted access to the world”*?

¹¹² Существует масса литературы на эту тему. Одним из тех, кто впервые эффективно опровергал тезисы скептиков, был св. Августин из Гиппона, который в том числе проделал это на страницах диалога «Против академиков» (*Contra Academicos*). Przeł. K. Augustyniak // *Idem*. Dialogi filozoficzne. Kraków, 1999. S. 51–150. Явление самоопровержения скептицизма заново описал языком философской рефлексии Гегель: Hegel. *Phänomenologie des Geistes*. Red. J. Hoffmeister. Hamburg, 1952. S. 154–158.

¹¹³ “We have no uninterpreted access to the world” — *McCullagh C. B.*, *The Logic of History. Putting Postmodernism in Perspective*. London, 2004. P. 6. Работа эта, несмотря на характерные для постмодернизма существенные изъяны (отсутствие критического отношения, замкнутый круг в обосновании и т.д.), содержит, пожалуй, наиболее систематизированное и в меру стройное изложение об истине в исторических науках из всех, которые мне известны. См. *Ibid*. S. 6–17, эти рассуждения являются пересказом предыдущей работы *The truth of history*, London, 1998.

¹¹⁴ *McCullagh C. B.* *The Logic of History...* S. 6.

Тезис вышеупомянутого Л. Голдштейна и иных постмодернистов о непознаваемости прошлого это точно такая же нелепость, как и приведенный тезис Маккуллаха, в том числе и потому, что все придерживающиеся его — это существа, каким-то образом присутствующие во времени, а в связи с этим, все их познание, а также высказываемые ими суждения, непрерывно и неизбежно уходят в прошлое, становясь частью этого самого прошлого. «Настоящее же — писал Св. Августин — если бы оно всегда было настоящим и не уходило в прошлое, было бы уже не временем, но вечностью». Значит, если бы их утверждение должно было оказаться истинным, то этого не могли бы познать мы, и не мог бы знать сам Голдштейн, поскольку высказанное когда-либо кем-либо (в данном случае им самим) сегодня является таким же прошлым, как битва с монголами под Легнице в 1241 г. А поскольку это утверждение было высказано *в прошлом*, следовательно, и само утверждение о непознаваемости прошлого, согласно ему же, должно было бы остаться непознаваемым вместе с фактом его высказывания и личностью его автора. Ибо настоящее «есть время только потому, что уходит в прошлое»¹¹⁵. Агностик в области познания прошлого был бы прав только тогда, если бы мог сформулировать свою позицию вне времени, т.е. в вечности, поскольку тогда, как могло бы казаться, он не подлежал бы указанной антиномии. Однако и в этом случае он не мог бы утверждать, что прошлое непознаваемо, поскольку именно с перспективы вечности (*sub specie aeternitatis*) настоящее, прошлое и будущее, будучи взятыми одновременно, полностью познаваемы. Более того: если прошлое могло бы быть непознаваемым, то точно так же не могла бы существовать наука о том, что происходит в настоящем, поскольку настоящее, понимаемое в рефлексии, сейчас же становится прошлым, т.е. чем-то, что только что прошло.

Как видно из вышеизложенного, постмодернизм, имплантированный в историографию в качестве методологического инструмента, оказывается нелепостью. Однако он становится опасен, если пытаться применять его к организации общественной жизни. В свою очередь, рассматривая его в плоскости самой науки, остается только лишь повторить за аналитическим философом Яном Воленьским, что

¹¹⁵ Św. Augustyn. Wyznania. Przeł. Z. Kubiak. Warszawa, 1992, XI, 14.

«[он является], в сущности, нигилистической революцией в мире мысли, угрозой для элементарной интеллектуальной общности, заинтересованной в передаче мысли о чем-либо, а не только в обмене метафорами настроения»¹¹⁶.

Перефразируя же его слова, сказанные в контексте будущего философии, можно сказать, что польская историография (и вообще гуманитарные науки) только тогда получают шанс на развитие, когда отбросят постмодернизм и обратятся к традиции аналитической философии, феноменологии или реалистической философии (неотомизм), эти философские течения имеют значительные достижения в нашей стране.

6.2. Изложение классической науки об истине

Наиболее полно взгляд классической науки на истину представил Св. Фома Аквинский (1225–1274). Это великий синтез классической рефлексии об истине, где было учтено наследие в том числе таких мыслителей как: Платон, Аристотель и Св. Августин. На страницах монументального труда *“Quaestiones quod libetales de veritate”* мы находим следующее определение логически понимаемой истины (истинности), как черты суждения о действительности:

«Когда же разум (*intellectus*) сравнивается (*adaequatur*) с тем, что проявлено вовне вещи, говорят, что суждение истинно»¹¹⁷.

Основным в понятии логической истины, которая выражает разум (*intellectus*), является момент *уравнивания* (*adaequatio*)¹¹⁸

¹¹⁶ Woleński J. Op. cit. S. 103.

¹¹⁷ Tomasz z Akwinu. Dysputy problemowe o prawdzie. Lublin, 1999 (далее: O prawdzie, quaestio I, articulus 3 resp. (= 1, 3 resp.).

¹¹⁸ Этот момент — формирующая истину адекватация (*adaequatio*), синонимами которой являются консенсус (*consensus*) и соответствие (*convenientia, conformitas*). Категория адекватации функционировала в картезианской философии, как структурная составляющая истины до периода создания положений современной феноменологии. См.: Husserl E. *Badania logiczne*. Т. 2. Cz. 2. Przeł. J. Sidorek. Warszawa, 2000. S. 138–152, zwł. 141–142.

двух элементов — разума и вещи. Эта последняя, то есть широко понимаемая *вещь*, в изложении средневекового мыслителя проявляется как нечто, что дано нам непосредственно и что отличается своеобразной интеллектуальной прозрачностью (*perspicuitas*), которая обычно отождествляется с предметной очевидностью (*evidentia obiectiva*). Она нечто, что само «навязывается» нам своим присутствием, как нечто чуждое, от нас независимое, и выводит из состояния спокойствия наш интеллект¹¹⁹.

В представленном Фомой Аквинским предметном (объективистическом) течении философии бытие (вещь), т.е. широко понимаемая предметная сфера, определяет результаты познания, и одновременно то же самое бытие (в виде отдельной вещи) является *мерой* истинности этого познания. Иными словами, познание, а точнее, его результаты, определяются познаваемым предметом, и именно он является окончательным *критерием* истинности нашего познания. По причине доминирования вещи (предмета) в процессе познания, философские течения, признающие этот принцип, носят название предметных. Согласно этому толкованию, субъект исключительно познанием «ассимилирует» познаваемый предмет, которому он неким образом подчинен. Это возможно, поскольку наш интеллект сам по себе представляет собой чистую возможность («незаполненную таблицу»)¹²⁰, которая способна соотноситься с предметом (явление интенциональности) и уловить его в его внутренней истинной структуре¹²¹.

Необходимо также обратить внимание на пространство, о котором сигнализирует Аквинский, и с которым разум и артикулируемое им суждение должны уравниваться. Это, собственно, «внутренняя область вещи», т.е. объективный смысл (*eidos*) отдельного предмета, явления или события. Согласно реалистическим положениям этого мыслителя, познание действительности означает своеобразное *чтение* (лат. *legere*), т.е. прочтение существовавшей до сих пор и не зависящей от нас действительности. В свою очередь, сила, позволяющая нам это, есть разум, смысл которого объясняется так:

¹¹⁹ М.А. Крампек (OP) образно называл эту ситуацию моментом, в котором «бытие хватает за горло».

¹²⁰ *Aristoteles*. *O duszy*. Warszawa, 1988. 430 s.

¹²¹ В классической философии это последнее действие называлось интеллекцией, а в феноменологии, в свою очередь, идеацией (*Wesensschau*).

«[...] Название «интеллект» [intellectus] происходит от того, что он познает глубину [intima] вещей; познание интеллектуальное [intellegire] есть как бы внутреннее чтение [intus legire]. Ибо чувства и воображение познают исключительно внешние недуги, и только интеллект доходит до сути вещей»¹²².

Кроме определения истины (истинности) как квалификации логического суждения, Фома Аквинский наделяет истину еще двумя значениями в зависимости от контекста. Речь идет об онтологической истине. В обоих случаях она является не качеством суждения о вещи, но атрибутом самой вещи. Смысл истины в этом понимании, однако, разнится в зависимости не только от того, какой природой и статусом обладает данная вещь, но и от того, какого рода и какой силы разумом она рассматривается. Природные вещи (*res naturalis*), составляющие мир природы, называются истинными с точки зрения соответствия с двумя интеллектами — абсолютным и природным.

«С точки зрения сравнения с божественным разумом, [вещь] называется истинной настолько, насколько выполняет то, на что она направлена божественным разумом»¹²³.

Истина здесь есть «соответствие (*convenientia*) бытия с интеллектом»¹²⁴. В этом случае вещь рассматривается в аспекте ее абсолютного *генезиса*, как призванного к существованию из ничего разумом творца в соответствии с присутствующими в нем образцовыми идеями. Истина в онтологическом смысле означает момент *совпадения* вещи с творческим абсолютным разумом. Идея абсолютного разума, как изначального образца познания и крайней меры истинности этого познания, присутствовала не только в средневековой схоластике, но также и во всем течении рационализма Нового времени (Декарт, Мальбранш, Лейбниц и др.), вплоть до Иммануила

¹²² О prawdziem... I, 12 resp.

¹²³ Ibid. I, 2 resp.

¹²⁴ Ibid. I, 1 resp.

Канта, который во 2-м издании «Критики чистого разума» (1787) называет его *intellectus archetypus*¹²⁵. Интеллект этот понимался как абсолютный первоисточник отдельных вещей; с учетом этого первоисточника, натуральным вещам приписывался атрибут реальности и правдивости.

Однако, как учили философы, тот же самый предмет может называться истинным также с перспективы человеческого разума. Это происходит в той степени, в которой вещь

«[...] по природе вызывает оценку самой себя, подобно как иначе ложными называются те вещи, которые по природе могут казаться не тем, что они есть, или не такими, какие они есть»¹²⁶.

Примером применения слова «истинный» в этом контексте является распознавание некоего камня, как истинного алмаза.

Толкование Фомой Аквинским истины, как широко понимаемого отношения соответствия, имеет универсальную ценность благодаря своим многообразным субъектным отношениям. Кроме эпистемологического аспекта истины, оно выделяет смысл правды, соотношенной с плоскостью *творения* (искусство) и действия (мораль). Если речь идет о первом из этих аспектов, то в случае вещи, созданной человеком, т.н. артефакта (например, какой-либо скульптуры или постройки), можно говорить о ее истинности в случае, когда вещь совпадает с интеллектуальным¹²⁷ проектом, реализацией которого и должна быть данная вещь. Например: данный мост заслуживает названия «истинный», если является верной реализацией проекта, бывшего ранее замыслом некоего архитектора. Вещь, для того чтобы быть истинной, должна соответствовать (*adaequare*) своему образцу. Истинным, таким образом, в этом смысле может быть не только некий мост, но также, например, представление «Антигоны», поставленное в театре, если оно *верно* передает замысел Софокла, содержащийся на страницах его произведения¹²⁸. В случае

¹²⁵ См. Kritik der reinen Vernunft. Hamburg, 1998 (цит. KrV) В 723.

¹²⁶ O prawdziem... I, 2 resp.

¹²⁷ В терминологии Канта: intellectus derivativus, KrV В 72.

¹²⁸ Это так называемая *intentio auctoris*. Что знаменательно, в искусстве сегодня мы тоже имеем дело с повсеместным размыванием данного понимания истины,

вещей-объектов природы, они были мерой истинности нашего познания; в свою очередь, в случае произведений искусства, мерой их истинности является интеллект их творца.

Истину также можно отнести к морали. Моральная правда (*veracitas*) есть совпадение интенции с актуальным действием. Отрицание этого соответствия носит название моральной фальши, или лжи, которую Аквинат определял как «высказывание чего-то иного, нежели то, что мыслится»¹²⁹.

Ложь является негативом правды в моральном смысле. Однако она не просто несовпадение между нашим познанием вещи и суждением о ней. Это структура, в состав которой входит берущее свое начало в свободе субъекта отрицание того, что является переживаемым субъектом содержанием познания, и языковое выражение этого отрицания в виде определенного суждения, в котором формулируется противоречащий переживаемому опыту действительности смысл того, что в настоящий момент познается¹³⁰. Ложь является своеобразным артефактом и предметом мысли (*ens rationis*), структурой, абсолютно не зависимой от действительности, поскольку она является ее отрицанием. Будучи творением лжеца, в своем бытии ложь целиком зависит от его умысла.

В случае обсуждаемых нами проблем, именно такой ложью и является мнимая постмодернистская слепота в форме отрицания познаваемости действительности, особенно действительности исторической, и одновременно стремления к абсолютизации высказываемых о ней суждений¹³¹. Как пишет Стенли Розен:

«Там, где нет места «правде» в смысле истинных интуиций, там также нет места осмысленной речи»¹³².

А если нет шансов на осмысленную речь, то тем более, добавим, нельзя ожидать от постмодернистов речи *правдивой*.

которое из интенции автора как мерил истинности его произведения некоторым образом переносится на режиссера спектакля и актеров.

¹²⁹ Summa theologiae II—II, 110, 1.

¹³⁰ См. Chudy W. Filozofia kłamstwa. Kłamstwo jako fenomen zła... S. 166.

¹³¹ О постмодернистской интерпретации лжи см. Derrida J. Historia kłamstwa. Prolegomena. Przeł. V. Hmissi. Warszawa, 2005; Chudy W. Filozofia kłamstwa. Kłamstwo jako fenomen zła...

¹³² Rosen S. Hermeneutyka jako polityka. Warszawa, 1998. S. 111.

7. Классическое понимание правды и современные способы ее выражения и применения

Главными чертами категории истины Аквината являются ее *объективизм* и реализм. Истина — это категория объективная, т.е. существовавшая до нас и от нас не зависящая. Ее объективизм означает, что познающий предмет ни в малейшей степени не влияет на результат познания действительности, а точнее, на истинность познания оной. Субъект единственно констатирует существующее положение вещей, интеллектуально присваивает его себе и выражает в виде высказываемых о нем суждений. Мерой истинности познания существовавшей до нас вещи является сама вещь: «Бытие вещи опережает понимание истины; познание же есть некий результат истины» («Об истине», I). Реализм же означает, что истина не только познаваема, но и познаваема благодаря врожденным способностям к познанию, которыми располагает человек, такими как: разум, чувства, воображение, память, способность к аперцепции и рефлексии. С этой точки зрения разум, познающий действительность, назван Аквинским спекулятивным интеллектом (от лат. *speculum*, т.е. «зеркало»). Дело в том, что наш разум и является именно таким зеркалом, в котором изначально проявляется действительность, заполняя собой его отражающую поверхность. В момент, когда это наступает, интеллект проявляет свою мощь (*vis*) и врожденный свет, который позволяет ему осветить это отображение (*intus*), открывая и читая (*legere*) объективные структуры отдельных предметов и отношений между ними. При этом нужно заметить, что речь не идет о некоем дословном «отражении» действительности в смысле ее раздвоения в разуме, но имеется в виду процесс интенционального *становления*, что познается разумом, который «не может иметь иной природы кроме той, чтобы быть возможностью [познания]»¹³³. Поскольку сам разум «потенциально есть всё, что составляет предмет мысли»¹³⁴. Однако *прежде чем* данная вещь станет его объектом, «она присутствует в нем, как [написанное] на доске, на которой еще ничего не написано»¹³⁵.

¹³³ *Arystoteles*. Op. cit. 429a.

¹³⁴ *Ibid.* 429b.

¹³⁵ *Ibid.* 430a. В XVII веке Джон Локк почерпнет от Аристотеля это определение природы нашего сознания, которое облечет в форму известной латинской формулы: *tabula rasa*.

На этом фоне язык, которым мы выражаем наше познание и который является природным носителем его истинности, служит выражением ассимиляции этих структур и проникновения (интериоризации) их внутренних объективных исконных смыслов¹³⁶. Наше познание мы спонтанно сообщаем другим при посредстве языка, но также при его посредстве можем получить другое познание, которым мы ранее не располагали.

Возникает вопрос: может ли постмодернизм, если применить его к теории исторического познания и методологии истории, что-либо предложить классической интеллектуальной формации, опирающейся на широко понимаемый реализм познания? Ответ на этот вопрос зависит от подробного ответа на другой вопрос: каких конкретно авторов и какие их предложения мы принимаем во внимание. Если речь идет о постмодернистском агностицизме, то он по определению не заслуживает внимания ни в одной науке, которая стремится к познанию (в отличие от создания) действительности, в равной мере в настоящем и в прошлом. Внимания, однако, заслуживают те элементы постмодернистской тактики, которые связаны с двумя сферами философской традиции: классической феноменологией и классической риторикой.

7.1. Классическая феноменология

Она остается неиспользуемым¹³⁷, хотя потенциально необычайно удобным инструментом описания исторической действительности. Особенно широкое применение может найти феноменологический метод в эпистемологическом описании исторических источников, если бы можно было применить ее основные методологические ди-

¹³⁶ Подробнее см. *Krąpiec M.A. Język i świat naturalny*. Lublin, 1984..

¹³⁷ Я не знаю ни одного польского историка-методолога, который опирался бы на принципы описания, использующие установки одного из важнейших течений философии XX века — феноменологии. Несмотря на то что в Польше существуют значительные достижения на этом поле, начиная от Казимежа Твардовского, создателя львовской философской школы, включая прямого ученика Гуссерля — Романа Ингардена, и заканчивая краковскими учеными Владиславом Стружевским и Анджеем Полтавским. Но и на Западе, например, в работе Г. Иггерса (G. Iggers), *Historiography in twentieth century...* фамилия Гуссерля не появляется ни разу, зато Маркс и Фуко упоминаются по несколько десятков раз.

рективы в качестве постулатов: непосредственности, наглядности и адекватности описания. Своего применения в области методологии истории ждет главный принцип феноменологии Гуссерля («принцип всех принципов»), который звучит так:

«[...]Каждая изначально представленная наглядность является источником правомочности познания, что всё, что изначально представлено нам в “интуиции” (можно сказать: в своей телесной действительности), следует просто принять как то, что представляется, но только в тех границах, в которых оно представляется»¹³⁸.

Это определенная разновидность критического видения¹³⁹ мира в его непосредственности, подразумевающая способ и границы его данности, что отсутствует в идеологически ангажированных постмодернистских проектах. Знаменательно, что ни один из современных польских (с историками других стран дело обстоит подобным образом) постмодернистов-историков не ссылаясь на опыт феноменологии. В особенности это касается Ежи Топольского. Исповедуемый им марксизм не позволял ему принять такой разновидности методологии, которая абстрагировалась бы от идеологического контекста и постгегелевского историцизма, т.е. крайней версии историзма¹⁴⁰. Ведь в марксизме, подобно как и в постмодернизме, все, а особенно познание, опосредовано и обусловлено различными детерминантами. Все детерминанты, в свою очередь, марксизм редуцирует до экономических факторов. Феноменология как таковая с самого начала представлялась марксистам проявлением буржуазной идеологии, суть и реакционная цель которой состоит в поддержании капиталистического status quo. Для революционно настроенного историка-марксиста (то же самое подтверждают сегодняшние постмодернисты), феноменологическая опция с ее

¹³⁸ Husserl E. Idee czystej fenomenologii i fenomenologicznej filozofii. Księga pierwsza. Warszawa, 1975. S. 73.

¹³⁹ О постмодернистском изложении данной точки зрения и опирающемся на нее знании см.: Wrzosek W. O myśleniu historycznym... S. 88–97.

¹⁴⁰ Проблеме историзма я посвятил (в соавторстве с Барбарой Вишневецкой-Пазь) статью «Историзм» (Historyzm) в: Powszechna encyklopedia filozofii. Red. A. Maryniarczyk. T. 4. Lublin, 2003. S. 508–519.

постулатом отсутствия предпосылок и ее средством методического сомнения *epoché*, целью которого является отстранение от всех полагаемых предпосылок, позволяющее выйти за пределы исторических и экономико-политических обусловленностей, была неприемлема по догматически-докринальным причинам, поскольку она противоречила изначальным положениям исторического материализма, а в особенности классово-исторического детерминизма.

Стоит указать на те установки Гуссерля, касающиеся понятия правды, которые возможно было бы использовать, например, при толковании исторической правды. Используя категорию интенциональности (*intentio*, от *in-tendo* — «намереваюсь»), указывающую на момент перехода нашего сознания к отдельным объектам, он заново сформулировал в «*Logische Untersuchungen*» (1900–1901) толкование классической дефиниции истины, концентрируясь на выступающей в ней категории *adaequatio*. Здесь она должна означать не столько приравнивание разума к вещи, сколько адекватность как своеобразный идеал, желаемое состояние в отношениях между интенцией нашего сознания и объектом, в который «попадает» интенция. Дело в том, что в различных актах познания их объекты *различным образом* выражены, и также различна степень «наполнения» (охвата) этих объектов направленной на них интенцией¹⁴¹. В особенности при внешнем наблюдении вещи проявляются в так называемых видах (нем. *Abschattungen*), т.е. аспективно, с одной определенной стороны, и потому неадекватно. Те виды, в которых дана определенная вещь, выполняют функцию абсолютно прозрачных познавательно (ре)презентаций вещи через сходство с данной вещью¹⁴². Область презентации вещи через ее вид может быть выражена в большей или меньшей степени, а ее идеальная целевая граница — это абсолютное, т.е. лишенное каких-либо средств-посредников самоприсутствие (*praesentia*) вещи, т.е. ее «проявление собственной персональной» (*in praesentia esse*). Тогда:

¹⁴¹ «[...] из отмечания вещи в общем не следует, что вещь действительно присутствует, но только, что она является как присутствующая, причем проявляются разные степени присутствия». — *Husserl E. Badania logiczne*. Т. 2. Cz. 2. Par. 37. S. 140.

¹⁴² Способы этой (ре)презентации могут быть разными «в зависимости от того, включает ли презентация проявляющееся во внешнем виде содержание как образ, либо как само представление (облик самого объекта) // *Ibid.*

«[...]интуитивным репрезентантом является сам предмет, такой, какой он есть сам в себе. Содержание, репрезентующее и репрезентованное, становится здесь идентичными одному и тому же»¹⁴³.

Ввиду этой идентичности, формула корреспондентного (классического) определения правды получает новый смысл:

«[...] создано настоящее *adaequatio rei et intellectus*: предмет точно такой, каким мыслится, на самом деле “дан” либо присутствует»¹⁴⁴.

Если очевидность, в узком смысле слова, это акт «наиболее совершенного синтеза наполнения», то истина является объективным коррелятом, тем, что подчиняется очевидности:

«[...] В качестве коррелята покрывающей идентификации выступает идентичность: абсолютное соответствие, наступающее между тем, что мыслится, и тем, что дано (*Gegebenet*) как таковое»¹⁴⁵.

Своего применения в исторической науке ждут также определения польского феноменолога Романа Ингардена — приемника Казимежа Твардовского в Университете им. Яна Казимира во Львове. В работе “*Das literarische Kunstwerk*” 1931, он писал:

«Под “истинностью” в узком смысле этого слова мы понимаем некое определенное **отношение** между **высказыванием**, выполняющим функцию суждения, и выбранным по

¹⁴³ Husserl E. *Badania logiczne*. Т. 2. Cz. 2. Par. 37. S. 141.

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ Ibid. Par. 39. S. 146. В этой работе мы находим еще три различных определения истины: (1) «понимаемая как идея сущность эмпирически случайного акта очевидности, или идея абсолютной адекватации», Par. 39. S. 147; (2) «предмет, переживаемый в действительности в акте предположения, являющийся «идеальным наполнением для интенции и делающий ее истинной; идеальное наполнение специфической познавательной сущности интенции», Ibid; (3) истина как точность (*Richtigkeit*) интенции, но также и как точность суждения либо как точность «познавательной сущности интенции *in specie*». — Ibid.

смыслу этого высказывания **объективно существующим состоянием вещей**»¹⁴⁶.

А в связи с таким определением истинности, на первый план вышел его анализ относительно объективности и объективного состояния вещей. Объективность в узком смысле¹⁴⁷ служит данному объекту, который, помимо многих других качеств, отличается, в том числе, автономией бытия и полной независимостью от познавательных либо эмоциональных переживаний человека как субъекта. В связи с такой характеристикой того, что *объективно*, Ингарденом рестриктивно была ограничена сфера истинности в узком смысле. Слово «истинный», согласно ему, можно также применять «в связи с функцией воспроизведения, выполняемой в некоторых действиях представленными предметами»¹⁴⁸.

7.2. Классическая риторика

После окончания периода коммунистического правления в современной Польше классическая риторика практически неизвестна¹⁴⁹, хотя она повсеместно изучалась в польских школах с позднего Средневековья до 1939 г. Ценным интеллектуальным богатством риторики, которое следовало бы использовать в рассуждениях об исторической правде, являются, прежде всего, две ее составляющие.

¹⁴⁶ Ingarden R. O dziele literackim. Badania z pogranicza ontologii, teorii języka i filozofii literatury. Warszawa, 19882, par. 52. S. 378.

¹⁴⁷ См. Ingarden R. Zagadnienia dotyczące obiektywności // U podstaw teorii poznania, Kraków, 1970. S. 451–490.

¹⁴⁸ Ingarden R. O dziele literackim... S. 379. На тему истины и истинности см. Idem, Szkice z filozofii literatury. Kraków, 20002. S. 97–174.

¹⁴⁹ Если даже некоторые постмодернисты пробуют прибегать к тому инструментарию, каким является риторика, то как правило делают это отрывочным, антиисторическим образом, без элементарного знания классической риторики и ее теоретических положений. См.: Topolski J. Jak się pisze..., passim. Стоит отметить, что в последнее время в Польше возрастает как интерес к риторике, так и число монографий ей посвященных. Напр.: Jaroszyński P. Kultura słowa. Podstawy retoryki klasycznej. Szczecinek, 2008. О восприятии риторики в Польше см.: Skwara M., O polskiej retoryce po 1945 roku Retoryka. Red. M. Skwara. Gdańsk, 2008. S. 7–34. Также см. интересную обзорную статью о восприятии риторики в XX веке Йоргена Фафнера (Jorgen Fafner), Wege der Rhetorikgeschichte, "Journal of the History of Rhetoric" 1. Nr. 20 (осень 1983). S. 75–91.

Во-первых, как это описывал Аристотель, риторика вырабатывает «силу — способность видения» (*dynamis tou theoresai*, 1355b 25; *dynasthai theorein*, 1355b 32) того, что в данной области проявляется наиболее убедительно (*pithanon*, 1355b 10). Во-вторых, пространство, на котором разворачивается риторический дискурс и которое крайне важно для рассмотрения проблемы исторической правды — это прагматическая плоскость языка, т.е. отношения говорящий — адресат сообщения¹⁵⁰. Забытая риторика скрывает от современной культуры наследие искусства развивать и совершенствовать природную способность замечать и демонстрировать другим минувшее и отсутствующее. Искусство, которое практически с самого начала исторической науки было ее медиумом и своеобразной вспомогательной наукой (*ancilla historiae*)¹⁵¹. Ценность риторики для историографии сегодня возникает именно из того, что историческую правду нужно уметь не только «увидеть», извлекая из мрака прошлого, но также умело показать и успешно передать собеседнику, что является полем именно риторики. На самом деле, обязательным условием истории как науки, является индивидуальная память. Однако без надлежащей передачи (в значении коммуникации познавательного содержания, главным источником которого является человеческая память, а вторичными — различные исторические источники), история как наука невозможна.

Необходимо обратить внимание, что пользующийся в настоящий момент огромной популярностью в постмодернизме термин «наррация» был частью базового словаря классической риторики. В классическом учебнике, приписываемом Цицерону “*Rhetorica ad Herennium*” мы находим следующее его определение: «Наррация —

¹⁵⁰ См. *Fisher W.R.* Human communication as narrative. Toward a philosophy of reason, value, and action, Columbia 1989; Narration as a Human Communication Paradigm: The Case of Public Moral Argument, “Communication Monographs”, 52 (1984). S. 1–22.

¹⁵¹ См. *Bodin J.* Methodus ad facilem historiarum cognitionem (1566). *Ginzburg C.* History, rhetoric and proof. New England, 1999. Автор, декларирующий себя как марксист и постмодернист, с одной стороны, постулирует редукцию историографии до нарративно-риторического размера, а с другой — обосновывает критику попыток поставить под сомнение некоторые исторические тезисы, касающиеся Холокоста. Весьма знаменательно, что его постулаты вообще не включают критики случаев отрицания фактов коммунистического геноцида в странах советского блока.

это представление минувших событий, как уже минувших»¹⁵². По замыслу авторов древних учебников риторики, *narratio* была пониманием минувших событий, с опорой на такие врожденные качества познания, как чувства, разум и память. Эта часть судебной речи следовала после *exoridium* (введение), а за ней шли: *divisio* (разделение), *confirmatio* (доказательство), *confutatio* (опровержение доказательств противной стороны), *conclusio*, т.е. заключение вывода в соответствии с нормами ораторского искусства (*artificiosus orationis terminus*). В случае судебной речи, в которой категория *narratio* играла особенно важную роль, речь шла об изложении дела в контексте существенных для его хода фаз и составных элементов, среди которых были те, что диагностировались как его причины (*causae*).

Можно сказать, что проходит некая аналогия между риторической составляющей судебной речи в виде классически понимаемой *narratio* и тем, чего читатель или слушатель может ожидать от наррации данного историка. Точно так же, как в судебном зале мало кого интересуют классовые, культурные и иные обусловленности автора судебной наррации, от которого мы ожидаем единственно честного и объективного представления (*artificiosa expositio*) минувшего события, так же дело обстоит в случае с результатами работы историка. Его авторские, не сочетающиеся с самой действительностью, взгляды мало кого интересуют. Интересной, в свою очередь, может быть практическая реализация феноменологически-риторического постулата «допущения видения»¹⁵³ со стороны воспринимающего прошлое как то, чего касается классически понятая историческая наррация. Более же всего интересна сама *правда* о прошлом, и жаждущему хватит ее познания.

¹⁵² Rhetorica ad Herennium. Cambridge Mass, (1954) 2004. I. III-4. S. 8. По вопросу *expositio rerum gestarum* см. *Zamorski K.* Op. cit. S. 53–76.

¹⁵³ Среди феноменологов XX века в полной мере этот постулат реализовал Мартин Хайдеггер, который снабдил его термином *das Sehenlassen*, дословно: «позволение, допущение увидеть». Он часто использовал этот термин, главным образом во время изложения феноменологии суждения: *Sein und Zeit*, Tübingen 1993/17. S. 33, и самого определения феноменологии “*das, was sich zeigt, so wie es sich von ihm selbst zeigt, von ihm selbst her sehen lassen*” [выделено. В.Р.]. Ibid. S. 34. См. также *Idem.* Grundbegriffe der Metaphysik. Frankfurt a. m. 1983. S. 460–164.

8. Заключение

Великий философ и логик Юзеф Мария Бохеньский (ум. 1995) писал не так давно:

«Знание и разум сегодня находятся под угрозой столь большой, какая редко доселе случалась, а вместе с ними под угрозой находится также попросту все человеческое; быть может даже, само существование человека. Только аутентичная философия, которая для познания использует все средства, могла бы прийти на помощь в такой ситуации»¹⁵⁴.

Подобно как века тому назад, на протяжении многих веков, и сейчас стоит перед нами задача, чтобы в виду очередного варварства, свидетелями которого мы становимся после упадка коммунизма, заново достичь рудиментов европейской и общечеловеческой культуры, а в особенности, понимания правды, как ее глубочайшего фундамента. Все это для того, чтобы позволить говорить тем, кого история — в этом контексте метко отождествленная Гегелем с резней¹⁵⁵ — лишила не только отчизны на Кресах, многовековой традиции и достояния всей их жизни, но прежде всего жизни и достоинства, осудив их в придачу на забвение и умолчание со стороны современных лжецов. Для того чтобы вернуть настоящим и будущим поколениям память от тех времен, правду о минувшем времени, и напомнить манипуляторам исторической памятью, что они не вправе рассчитывать на наше беспамятство.

Обнаружение скрываемой правды о геноциде на Кресах, которое является главной целью этой книги, пусть напоминает лжецам от истории предостережение Квинтилиана, что это именно они обязаны обладать хорошей памятью¹⁵⁶. Памятью об истине, которую хотят скрыть и о которой хотят забыть, одновременно желая, чтобы о ней также забыли и другие. Всем остальным, желающим познать историю и правду о ней, стоит напомнить слова Аристотеля:

¹⁵⁴ Bocheński J.M. Współczesne metody myślenia, Poznań, 1993. S. 138.

¹⁵⁵ Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte // Hegels Werke, Frankfurt a. M., 1970. S. 37.

¹⁵⁶ Qunitilianus, Institutioni oratoñae libri XII. Darmstadt, 2006. T. I. IV 2. 91.

«[...] Истина и справедливость содержат в себе по природе больше силы, чем их противоположности»¹⁵⁷.

---

¹⁵⁷ *Arystoteles. Retoryka, 1355a 22 // Retoryka. Poetyka. Warszawa, 1988.*

I. ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И ЕГО ГИБЕЛЬ

Станислав Сроковский
Вроцлав

Культура и гибель польского Юго-восточного пограничья

1. Определение используемых понятий

Понятие «культура» происходит от латинского слова *cultus*¹⁵⁸, и означает разведение, уход, обработку; например, *cultus agri*, «обработка земли, земледелие». Но оно также означает образ жизни, ее обустройство, одежду, костюм, образование, ремесло, навыки, и множество других вещей, явлений идей и моделей поведения, в зависимости от того, как они проявляются в отдельные эпохи в разных областях общественной жизни и науки. Например, в этнографии, культура обозначает человеческое поведение, песни, сказки, легенды, мифы, обычаи, обряды. В антропологии — государственные институты, религии и языки. В психологии — мысли, чувства, реакции. В библиографии — сборники трудов, книги, словари, учебники, энциклопедии, и т. д. Потому мы часто говорим: культура тру-

¹⁵⁸ *Kumanicki K. Słownik łacińsko-polski. Warszawa, 1984.*

да, культура земли, культура мысли, культура переживания, и даже просто — культура жизни (*cultus vitae*).

Впервые это понятие использовал для обозначения развития человеческой мысли римский писатель, политик и оратор Цицерон¹⁵⁹, говоря о культуре разума (*cultura animi*), и определив новое понимание философии.

В Новое время мы замечаем употребление этого понятия в научном значении в работе Самуэля Пуфендорфа¹⁶⁰. Он говорит о культуре как об образе существования человека среди созданных им предметов, общественных институтов, языков и идей.

Мы будем употреблять это понятие в очень широком значении, как обозначение всей целостности материального и духовного развития человека и народа, а прежде всего развития на протяжении шестисотлетней истории областей польского пограничья — Кресов¹⁶¹, и их жителей. Самуэль Богумил Линде использует термин «Кресы» уже в 1807 году для обозначения пределов и границ, а поэт-романтик Винцентий Поль¹⁶² употребляет его в рыцарской рапсодии «Мохорт», изданной в 1855 году. Эта рапсодия была своеобразным сказом в стихах из эпохи короля Яна III Собеского, в то время очень популярным произведением, которое вдохновило таких художников как Ежи Коссака и Петр Михаловский. «Кресы» у Поля появляются в таких вот строфах:

Когда мы Кресов объезжали границу
В степи застигнуты тёмной ночью
Кафарка факел принимался светиться
И не раз бросался татарину в очи.

Понятие гибели¹⁶³ мы употребляем в повсеместно известном значении — полное уничтожение, истребление, разрушение, физическое уничтожение населения, народа, что в конкретном случае

¹⁵⁹ *Cicero. Tusculanae Disputationes* I 45, 62 (*cultus vitae*), 64, 68, 69 (*cultus agrorum*) и др.; см. *Kumanicki K. Syceron i jego współcześni*. Warszawa, 1989.

¹⁶⁰ *Pufendorf S. De iure naturae et gentium*. I.2. Oxford, 1934.

¹⁶¹ *Linde S.B. Słownik języka polskiego*. Warszawa, 1807.

¹⁶² *Pol W. Pieśń o ziemi naszej, Mohort. Rapsod rycerski z podania* [1857]. Kraków, 2002.

¹⁶³ *Słownik języka polskiego*. T. 3. Warszawa, 1989.

представляется как геноцид, называемый также холокостом (от греческого *holokautos*), т.е. «жертва, сожженная целиком», или «полное сожжение жертвы»¹⁶⁴.

2. Народы, языки и религии

Кресы — это территория многих культур, религий, языков и обычаев. Напомним, кто ее населял. Там жило около тридцати народностей, в том числе: поляки, русины-украинцы, евреи, литовцы, латыши, эстонцы, белорусы, немцы, русские, чехи, словаки, венгры, турки, татары, армяне, греки, валахи, румыны, сербы, голландцы, караимы, шотландцы, австрийцы, лемки, бойки, гуцулы, цыгане.

Какие здесь исповедовались религии и существовали церкви? Римско-католическая, греко-католическая, православная, иудаистская, католическая армянского обряда, караимская, ислам, буддизм, протестантизм (существовало два течения: лютеранство кальвинистов и церковь баптистов-пятидесятников), церковь Свидетелей Иеговы.

Кресы имеют значение не только как исторический факт. Их значение актуально и сегодня. Без Кресов мы не в состоянии понять процессов, происходящих в нашей стране сегодня. Мы не поймем сути дискуссий, споров, общественных и политических конфликтов. Мы не осознаем отношений, связей и напряжения, которое существует в Европе, в особенности между поляками и русскими (Катынь), поляками и украинцами (уничтожение польского населения), поляками и немцами (трагедия депортации), и т.д. Мы не поймем также самих себя и наших сложных внутренних проблем. Без Кресов мы будем не в состоянии определить истоки и сложности нашего национального характера, то, откуда происходит наш дух и интеллект, то, куда и как мы направляемся. А значит, нам придется распознать знаки Кресов: язык, символы, эмблемы, метафоры, мифы, легенды, традиции. Поскольку культура — это путь нашего развития, и понятия, которые сопровождали и сопровождают нас на этом пути, хотя бы такие как: национальная гордость, честь, достоинство, стремление к свободе, правда, спра-

¹⁶⁴ Słownik grecko-polski. T. 3. Warszawa, 1962.

ведливость, красота, благо, гражданские идеалы и добродетели, а также их противоположности. Без великих артистов, творцов, ученых народ разлагается и теряет свое величие и способность к самоидентификации. А на землях пограничья именно деятели культуры были в основной своей массе уничтожены. Осталась пугающая пустота на месте польской интеллигенции, интеллектуалов и ученых, уничтоженных, сосланных в Сибирь или искалеченных физически или психически, — главным образом, немецкими и советскими властями, но также бандами УПА.

В течение более чем сорока лет коммунистического режима из коллективного сознания поляков удалялось сознание духовного единства с населением польского пограничья перед лицом геноцида, развязанного УПА не только против поляков, но также и против евреев, армян, чехов, и даже самих украинцев, которые не поддерживали эти преступления. Эти земли как бы перестали иметь для нас какое бы то ни было значение. Мы были, и по-прежнему все еще являемся, свидетелями ампутации огромной части польской национальной памяти. В школьных программах обучения нет главы об истреблении населения Кресов. В университетах об этой проблеме забывают. А ведь мы знаем множество случаев, когда отменялись научные конференции и творческие встречи, в которых должны были принимать участие авторы компетентных работ и живые свидетели трагедии. Средства массовой информации редко уделяют внимание в ежедневных программах гибели поляков пограничья. А где же сотни замечательных фильмов и художественных произведений, вошедших в моду благодаря политике государства, книг о страшных преступлениях на Кресах? Где широкие исторические дебаты, которые достигали бы народа при содействии средств массовой информации? Именно это я называю ампутацией национальной памяти.

Давайте же вкратце напомним, насколько мы должны гордиться тем, что являемся наследниками интеллектуальных и духовных ценностей, создававшихся на протяжении веков не только величайшими жителями Кресов Мицкевичем и Словацким, но и множеством других творцов, которые в определенный период своей жизни были связаны с польским пограничьем, черпали оттуда мотивы для своего творчества, и чей вклад в науку и культуру, а также в польскую и европейскую художественную, общественную и политическую мысль невозможно переоценить.

3. Культура как жизнь в семье и на малой родине

Расскажу об этом на собственном примере. Я родился в деревне, которая называется Гнильче (повят Подгайце, Тарнопольское воеводство)¹⁶⁵, и которая перед войной насчитывала около 3,5 тысяч жителей — поляков, украинцев и евреев. Это этническое разнообразие позволило мне с молодых лет принять мир многокультурным. В деревне находилась начальная школа, в которой учились поляки, украинцы и евреи. Была греко-католическая церковь, римско-католический костел, еврейская молельня, библиотека, дом культуры, пожарная станция, дружина «Стрельца», польские, украинские, еврейские магазины, мельница, народный хор, музыкальные ансамбли, танцевальные, спортивные группы, и даже несколько радиоточек. Оба моих деда, Игнаций и Петр, прекрасно играли на музыкальных инструментах и занимались резьбой. Дед Игнаций вырезал фигуры святых, а также миниатюрные орудия труда из дерева: косы, грабли, серпы и тележки с четырьмя колесами и дышлом. Для детей делал тачки, санки, и мастерил настоящие лыжи и деревянные коньки, которые крепились к подошвам проволокой. Дедушка Петр играл на свирели, цимбалах, мандолине, губной гармонике, и даже мог сыграть на обычном листке или стебле растения. Эти способности позже передались моей маме и отцу: мать пела в хоре, а отец играл на гармошке. Оба деда замечательно пели. И об этом мире — дедушек, праздников и детских забав, я пишу в книге «Ненависть»¹⁶⁶. Родители брали меня с собой на выступления хора и концерты приезжих артистов. Многие ученики начальной школы получили среднее образование, а некоторые и высшее. Основными источниками образования за пределами школы были костел и религия. Там не только черпались знания об окружающем мире, но и формировался моральный остов и прививались гражданские добродетели.

Жители старшего поколения вспоминают Стефана Банаха, знаменитого польского математика, который приезжал в деревню к сво-

¹⁶⁵ Здесь и далее в свидетельствах очевидцев и авторских текстах применительно к населенным пунктам польского пограничья применяются единицы административного деления Польской Республики: повят (район), воеводство (область). — Прим. пер.

¹⁶⁶ Srokowski S. Nienawiść. Warszawa, 2006.

им знакомым и дальним родственникам. Он также бывал на вечерах в народном доме и рассказывал о научной жизни.

У меня были двое друзей — украинец Славко и еврей Берк, который в моих книгах выступает или под этим именем, или под именем Мотя. В детстве я пользовался тремя языками: польским, украинским и идиш. До сего дня мне не составляет особого труда понимать украинский язык. Я также помню некоторые еврейские выражения. Это сейчас с познавательными и научными целями мы отделяем и классифицируем языки, в деревне же они чаще всего смешивались, составляя своеобразный четвертый язык, в котором можно было найти лексику и грамматику каждого из них. Переход с языка на язык не составлял ни малейшего труда. Мои родители до конца жизни прекрасно владели украинским. Бывало, что в споре между собой они постоянно перескакивали с языка на язык, чтобы лучше выразить сильные эмоции. Я помню праздники Рождества и Пасхи, проведенные вместе с украинцами. А евреи угощали меня халой.

Так я жил в трех языковых культурах, участвовал в трех религиозных обрядах: польском, украинском и еврейском. Я ходил и в костел, и в церковь. Это погружение в культуру трех народов изначально сформировало мой взгляд на общественную жизнь и систему ценностей. Научило меня уважению к людям и сделало меня чувствительным к любого рода отличиям. Следует добавить, что огромное влияние на эмоциональную культуру, культуру поведения и ощущения, оказывала модель семьи, состоявшей из многих поколений, в которой дед, отец, сын и внук постоянно общались друг с другом в разных обстоятельствах, учились жить в согласии, вместе работать и действовать для общей пользы. Это в огромной степени влияло на формирование чувствительности к интересам других и уважения к старшим по возрасту. Возраст означал тогда опыт, мудрость и умение улаживать конфликты. Без сомнения, семейная основа культуры образовывала крепкую почву, вырастая на которой, было легче войти в мир высокой культуры, литературы, искусства и науки. Моя деревня как в зеркале отразила в себе явления и тенденции развития культуры пограничья. Гнильче была как бы Кресами в миниатюре. А если бы подвергнуть анализу жизнь Коломыи, Вильна, Станиславова или Львова, мы бы заметили, как та же самая культурная модель развивается, усложняется и обогащается.

Насколько в моей деревне жили рядом поляки, евреи и украинцы, настолько уже во Львове мы встречаем большее переплетение культур. В согласии с поляками, украинцами и евреями жили и трудились армяне (армянский собор), австрийцы, немцы, чехи, словаки, венгры, и другие народы. Появлялись журналы и газеты на нескольких языках. Были польские, украинские и еврейские школы. Такое формирование многокультурного общества в XIV–XX вв. позволяло лучше понимать каждого человека, уважать его как непреходящую ценность, и глубже познавать явления, механизмы и процессы, происходящие в обществе.

4. Писатели и артисты

Формирование чувств, разума, чуткости и восприимчивости человеческой личности происходит уже с момента рождения ребенка, когда он видит первые движения матери и слышит первые слова. Ученые добавляют сейчас, что даже в пренатальный период мать сообщает ребенку множество эстетических впечатлений. Левое полушарие мозга благодаря чувству слуха воспринимает звуки речи, а правое — музыку, песни, мелодии. Исследователи считают, что уже в лоне матери у ребенка формируются сны, чувства, и происходит упорядочивание памяти¹⁶⁷. Таким образом, мы имеем дело с первыми истоками культуры — чувствами, словами, ритмами.

Язык при зарождении каждой индивидуальности несет с собой огромное богатство культуры. Поэтому так важны первая прочитанная ребенку сказка, первая колыбельная, и загадка, которая пробуждает интерес к миру. Затем первая книга, другие художественные и нехудожественные произведения, живопись, музыка, а с ними новые образы действительности. Мудрый подбор литературы и добросовестный анализ прочитанного позволяют взаимодействовать с высшими культурными ценностями, которые формируют нас, грани нашего мировоззрения и самосознания, а также делают нас восприимчивыми к богатству нашего мира.

¹⁶⁷ Kornas-Bicla D. Kontakt rodziców z dzieckiem przed urodzeniem // Najlepszy start dla twojego dziecka. Warszawa, 1995. S. 53–60; *Relicr P.* Pokochajcie nim się narodzi. Warszawa, 1994; Kornas-Bicla D. Kształtowanie się przywiązania matki i dziecka w prenatalnym okresie jego rozwoju. Problemy współczesnej psychologii. Lublin, 1992. S. 249–259.

Кресы почти от зарождения польской истории приносили нам в дар подлинные великие таланты. В богатой шляхетской семье в Журавне под Галичем на Подолье родился отец польского литературного языка — Миколай Рей. Он укоренил в литературе понятие «почтенного человека», и мы помним его по громкой максиме: «И пусть всегда народы другие разумеют, что поляки не гуси, что свой язык имеют»¹⁶⁸. От него начинается развитие польской поэзии и, шире, литературы. Творчески развил литературную мысль Рея и поднял ее до художественных высот Ян Кохановский, который хоть в действительности и не родился на Кресах, но познакомился с местными обычаями во время путешествий по Речи Посполитой, служил у короля Сигизмунда II Августа и описывал такие важные события из жизни пограничья, как, например, унию Короны и Литвы. Большие заслуги перед культурой Кресов, а значит, и Польши, имеют Миколай Семп Шажиньский и Францишек Карпиньский, авторы многих духовных песен и молитв: «На заре встают поутру все дела дневные наши, бог родится, сила тлеет»¹⁶⁹.

Но это всего лишь начало развития великой культуры слова. Каждая эпоха приносит все новые фамилии и новые таланты. Перечисляя писателей тех времен, я в скобках отмечаю их связи с землями пограничья, место рождения, обучения, или мотивы, которые они использовали в своем творчестве. Назовем только самые важные персоналии из числа литературных знаменитостей: Юлиан Урсын Немцевич (родился в Скоках на Подлясье), автор стихов, романов и драм, позже секретарь Тадеуша Костюшко; Юзеф Игнацы Крашевский (учился в Вильне); Александр Фредро (жил в имении во Львове, там же умер); Антоний Мальчевский (родился в Княгинине на Волини, учился в Кременце); Северын Гоциньский (родился в Ильинцах под Уманью, умер во Львове); Юзеф Богдан Залесский (родился в Богатырке под Уманью); Корнель Уейский (родился в Беремянах под Язловцом); Винцентий Поль (учился во Львове); Генрик Сенкевич (бывал во Львове, широко использовал мотивы Кресов); Мария Конопницкая (умерла во Львове); Элиза Ожешко (родилась на Милковщине около Гродно); Софья Налковская (жила в том числе

¹⁶⁸ *Rej M. Krótka rozprawa. Zwierzyniec. Żywot człowieka poczciwego* [1562]. Warszawa, 1991.

¹⁶⁹ *Pieśni nabożne*. Kraków, 2002.

в Гродно и недалеко от Вильно); Ян Каспрович (ректор Львовского университета); Болеслав Лесьмян (провел молодость в Киеве, работал в том числе в Хрубешове и в Замостье); Казимира Иллакович (родилась в Вильне); Леопольд Стафф (родился во Львове); Ян Бжехва (родился в Жмеринке на Подолье); Мария Родзиевич (родилась в деревне Пенюха около Гродно); Юзеф Конрад Коженевский (родился в Бердичеве); Тадеуш Бреза (родился и вырос в Секежинцах под Остробом); Ян Парандовский (родился во Львове); Марыля Вольская (родилась во Львове); Леопольд Бучковский (родился в Накваше на Подолье); Мельхиор Ванькович (родился в Калужичах под Минском, участвовал в товариществе «Стража Кресов»); Теодор Парницкий (учился во Львове); Станислав Винценз (окончил школу в Коломые, учился в Стрые, знаток гуцульского края и Покутья); Бруно Шульц (родился в Дрогобыче); Артур Зандауэр (родился в Самборе, учился во Львове); Мариан Хемар (родился во Львове); Корнель Макушиньский (родился в Стрые); Анна Ковальская (родилась во Львове); Тадеуш Бой-Желеньский (работал во Львовском университете); Кароль Ижиковский (окончил школу в Бжежанах и Злочеве); Анджей Кусьневич (родился в Ковеницах около Самбора); Станислав Лем (родился во Львове); Юзеф Мацкевич (учился и работал в Вильне); Мечислав Яструн (работал в Бресте и во Львове); Ярослав Ивашкевич (жил и учился в Киеве); Владислав Бэлза (работал во Львове); Юлиан Стрыйковский (родился в Стрые, работал во Львове); Адам Загаевский (родился во Львове), и многие-многие другие. Как выглядела бы польская литература без этих фамилий? Конечно, сейчас мы знаем эти фамилии, хотя бы отчасти. Многое знаем об этих авторах. Их произведения читают и издают, но способны ли мы представить себе в полном объеме, какую литературную, интеллектуальную и духовную мощь представляли собой Кресы? Все богатство, величие и разнообразия этого края, неисчерпаемые культурные ресурсы части Речи Посполитой, которую мы потеряли, можно будет понять только если собрать всех этих великих творцов культуры вместе и поставить одну фамилию рядом с другой, взглянув на эти явления как на единое целое.

Не раз в мировой истории случается так, что дух творчества выбирает для себя какую-либо эпоху или землю. Тогда мы говорим: *genius saeculi*, т.е. «дух времени», или же *genius loci* — «дух места». Принимая эту категорию мышления, мы можем задуматься над

тем, как в V в. до Рождества Христова (и в сопредельные ему времена) в Греции соединились оба этих «духа». Тогда греческая земля произвела на свет величайших философов, драматургов, писателей и художников. Например, таких как: Сократ, Платон, Аристотель, Софокл, Эсхил, Еврипид, Аристофан, Сафо или Фидий. В случае Польши мы можем именно так говорить о Кресах, месте, где аккумуляровалась творческая энергия.

Вспомним, что как раз в научных и литературных произведениях мы находим самые важные идеи и отражения общественно-политических и творческих течений социальной жизни. Культура — это дорога, которая неустанно открывает для нас нашу жизнь, а память, в которой содержится история, — это большое зеркало, в котором истина ищет сама себя. Вспомним также, что то, что более шести веков формировалось на землях польского пограничья, в глобальном масштабе было большим историческим экспериментом.

Но не только литература формирует чувства, восприимчивость и новые понятия. Это делают также люди искусства, а среди них — художники, например, такие как: Артур Гротгер, Леон Хвистек, Ян Матейко, Юлиан Коссака, Войцех Коссака, Генрик Родаковский, Эугениуш Гепперт, Мария Давская¹⁷⁰. Немало в творчестве каждого из них мотивов польского пограничья.

Отдельную категорию составляют актеры, режиссеры, певцы и постановщики. Перечислим самых известных: Войцех Богуславский (актер, режиссер, писатель, связанный с Львовским театром); Людвиг Сольский (актер, выступавший во Львове); Леон Шиллер (режиссер, ставил спектакли в Вильне и Львове); Хелена Моджеевская (выступала во Львове и Бжежанах); Эрвин Аксер (театральный режиссер, детство и юность провел во Львове); Анджей Хиольский (певец, баритон, родившийся во Львове); Адам Ханушкевич (режиссер, родившийся во Львове); Рышарда Ханин (актриса, родившаяся во Львове); Анджей Тшос-Раставецкий (режиссер, родившийся во Львове); Анджей Жулавский (режиссер, писатель, родился во Львове); Барбара Биттнер (танцовщица, прима-балерина, родилась во Львове); Рышард Петрусский (актер, детство и юность провел во Львове); Игор Пшегородский (актер, чье творчество связано с Вильно); Артур Млодницкий (актер, театральный режиссер, Львов); Эдвард Любашенко

¹⁷⁰ *Morawińska A. Malarstwo polskie od gotyku do współczesności. Warszawa, 1984.*

(актер, Белосток); Войцех Пшоняк (актер, родился во Львове); Анджей Щепковский (актер, работал во Львове); Чеслав Немен (Юлиуш Выджицкий, родился под Новогрудком, автор-исполнитель); Станислав Скровачевский (композитор, дирижер, родился во Львове)...

Этот богатый литературный и художественный пейзаж веками формировал польское самосознание и создавал образ Польши в мире. Ничего удивительного, что во времена всех военных бурь и невзгод агрессоры, в первую очередь, ликвидировали польскую интеллигенцию, в особенности ученых и людей творчества. То же самое произошло и на польском пограничье. Немцы уничтожили многих польских писателей и профессоров. Советские власти убивали их и ссылали в Сибирь. А дело их завершили убийцы из УПА. Они хотели стереть любые следы польской культуры на Кресах.

5. Геноцид

Стоит ли говорить о Кресах и геноциде, который учинили формирования ОУН-УПА в отношении польского, еврейского, чешского, русского населения и самих украинцев? Вопрос просто абсурдный, но я задаю его, поскольку он появляется в публичных дебатах. Можно задать и вспомогательные вопросы. Стоит ли говорить правду? Стоит ли эту правду выражать? Вот в чем у меня нет сомнений. Правда — это фундамент развития человека и мира. Если кто-то уговаривает меня не говорить правду о геноциде, он тем самым уговаривает меня лгать, поскольку умолчание — это форма лжи, и уговаривает меня делать гораздо худшее — встать на пути развития человека и мира.

Истоки геноцида, совершенного Организацией Украинских Националистов и Украинской Повстанческой Армией в отношении поляков, следует искать в сильно развитых в Европе в межвоенный период общественных движениях и партиях крайне националистического и фашистского толка. Фашистские идеи, буйным цветом распустившиеся в Италии и Германии, дошли также и до украинских националистов, ищущих возможности создания собственного государства и населяющих земли Второй Речи Посполитой, а прежде всего ее Юго-Восточное пограничье.

Главный идеолог украинских фашистов Дмитро Донцов в своей книге под названием «Национализм», ссылаясь на Вольтера, Дарви-

на, классиков революционного социализма, а также любителя большевиков Густава Сореля, писал в том числе: «Творческое насилие [...], вот основа почти каждого общественного процесса, путь, которым побеждает идея»¹⁷¹.

Украинские фашисты из формирований ОУН-УПА извлекли из этих идей выводы, которые привели их к геноциду поляков, евреев, армян, русских, чехов и самих украинцев, которые сопротивлялись так понимаемому «прогрессу».

Фанатизм и принуждение, в свою очередь, «выполняют неотъемлемую функцию в общественной жизни»¹⁷².

Из этих идей лидеры партии конструируют конкретные программы, политические и военные планы. Они весьма подробно воплощают в жизнь «творческое насилие». Донцов ссылается на творцов революционного социализма: «Без насилия и железной беспощадности ничего не создано в истории»¹⁷³.

«Сочинение» Донцова было издано в Львове в 1926 году, а тремя годами позже, в 1929 была создана Организация Украинских Националистов. В предисловии к польскому изданию «Национализма» Богумил Гротт, ссылаясь на Виктора Полищука, пишет:

*«Устранение поляков было записано в качестве цели в программе ОУН уже в 1929 году. В годы Второй мировой войны и в первые годы после нее украинские националисты реализовали данную цель с величайшей жестокостью»*¹⁷⁴.

В конце 1942 года возникает вооруженное крыло Организации Украинских Националистов — Украинская Повстанческая Армия. Внутри националистического лагеря, в ожесточенной борьбе, побеждает фракция Степана Бандеры. В начале 1944 года Шухевич, один из руководителей ОУН-УПА на Волыни, издал приказ: «В связи с успехами большевиков надлежит ускорить ликвидацию поляков, истреблять их поголовно, сжигать польские деревни»¹⁷⁵. На са-

¹⁷¹ *Doncow D.* Nacjonalizm. Kraków, 2008. S. 193.

¹⁷² *Ibid.* S. 257.

¹⁷³ *Ibid.* S. 193.

¹⁷⁴ *Ibid.* S. 9.

¹⁷⁵ *Śladowska M.* Propagandowa ofensywa spadkobierców UPA, “Tygodnik Przegląd” 2010. Nr. 11.

мом деле, истребление людей в массовом порядке началось уже в 1943 году, и этот приказ лишь подтверждает решение по уничтожению поляков.

Самым черным днем террора стало 11 июля 1943 года, когда банды УПА одновременно напали почти на 100 населенных пунктов на Волыни и поголовно вырезали их польское население, не щадя женщин, стариков и детей. Жертвами стали также священники, совершавшие богослужения у алтарей, а также монахи и монахини. В течение нескольких последующих дней и недель уничтожение польских деревень на Волыни продолжилось. Всего во время этой резни погибло около 60 000 поляков.

Но здесь важно не только убийство, а также то, *как* они совершались, и мученическая смерть, которую приняли десятки тысяч невинных людей. Убийцы издевались над жертвами при помощи таких орудий как: ножи, штыки, секиры, вилы, пилы, серпы, гвозди и молотки. Женщинам отрезали груди и вырывали из их лона нерожденных детей, а на это место зашивали котов или крыс. Выкалывали глаза, ремнями сдирали кожу, отрезали языки и гениталии. Делали это, как правило, ночью, но убийства бывали и днем. Их совершали сотни УПА. В убийствах также принимали участие части СС. Об этом пишут как свидетели геноцида, так и историки-исследователи.

Одно из самых жестоких массовых убийств было совершено в Гуте Пеняцкой [Гута Пеняцька], в Тарнопольском воеводстве. Генрик Команьский и Штепан Секерка в своей книге *“Ludobójstwo dokonane przez ukraińskich nacjonalistów na Polakach w województwie Tarnopolskim 1939–1946”*, пишут:

«28 февраля 1944 года около 6 часов утра солдаты дивизии СС “Таличина” силой до 3 батальонов (около 1500 человек), вооруженные стрелковым оружием, минометами и артиллерией, окружили плотным кордоном Гуту Пеняцкую. После сигналов ракетами: зеленая со стороны Майдана Пеняцкого, желтая от Пенек и красная от Жаркова, началось наступление. От огня минометов и тяжелых пулеметов загорелись постройки на окраине деревни. Кольцо быстро замкнулось, тем более что со стороны местной самообороны не было оказано никакого сопротивления.»

Ночью, получив известие о приближении к Гуте Пеняцкой воинских частей, в лес были выведены польские партизаны и мужчины из самообороны. Деревня осталась практически без защиты. За украинскими эсэсовцами к деревне подъехали боевые группы ОУН-УПА и занялись грабежом и уничтожением укрывавшихся в постройках и подвалах поляков. По приказу немецкого командира и его заместителя — украинского офицера, большинство оставшихся жителей согнали в костел, школу и стоявший неподалеку большой хлев. Украинские эсэсовцы обыскали постройки, извлекая из них в основном стариков, женщин и детей. Их спрашивали о советских партизанах, а женщин также об их мужьях... Ограбленные постройки затем подожгли. Без перерыва были слышны выстрелы, взрывы гранат и треск пламени. Это продолжалось до 17 часов, после чего нападавшие уехали»¹⁷⁶.

Согласно описанию Команьского и Секерки, в Гуте Пеняцкой было уничтожено около 1100 человек. В работе кс. Юзефа Волчаньского *“Eksterminacja narodu polskiego I Kościoła rzymskokatolickiego przez ukraińskich nacjonalistów w Małopolsce Wschodniej w latach 1939–1945”*¹⁷⁷ содержатся шокирующие свидетельства католических священников, которые говорят о терроре против католической церкви, ужасающих убийствах священников и монахов, сожженных костелов, украденных литургических облачений, а также об актах святотатства, изнасилованиях и пытках.

Данный масштабный геноцид был попыткой ликвидировать латинскую цивилизацию на землях Восточного пограничья. Всего, согласно исследованиям, было убито около 200 000 поляков, в том числе около 200 священников, а также множество монахов и монахинь.

Жертвами ОУН-УПА стали также десятки тысяч украинцев. Тысячи порядочных украинцев укрывали и прятали своих соседей-поляков от убойц, за что им глубокая благодарность.

¹⁷⁶ *Komański H., Siekierka S. Ludobójstwo dokonane przez ukraińskich nacjonalistów na Polakach w województwie tarnopolskim 1939–1946. Wrocław, 2004. S. 66.*

¹⁷⁷ *Wółczański Ks. J. Eksterminacja narodu polskiego i Kościoła rzymskokatolickiego przez ukraińskich nacjonalistów w Małopolsce Wschodniej w latach 1939–1945: materiały źródłowe, cz. 1–2. Kraków, 2005–2006.*

Информация о геноциде позволяют лучше понять не только времена трагедии, но и современную действительность, в которой, как в зеркале, отражаются незалеченные раны. Узнавая о событиях еще недавней истории, мы лучше поймем и с большей долей критики проанализируем те процессы, которые идут сейчас на Украине, где уже возрождается крайний национализм фашиствующего оттенка, который опирается на идеи Донцова и ОУН-УПА, являясь угрозой для Европы. Изучение истории польского пограничья, в особенности периода геноцида, позволит пристальней взглянуть на проблематику межнациональных отношений в Европе. Поиски правды всегда служат укреплению морального состояния человека и целых народов, а не его ослаблению и расшатыванию. Они служат также взаимной открытости и искренности в отношениях личностей и народов¹⁷⁸.

---

¹⁷⁸ Приведенный выше текст возник на основе материалов, послуживших для написания статьи на схожую тематику для Зеленогурского университета.

II. ГЕНОЦИД И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ КАК ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ ИЗ ОУН-УПА И СС «ГАЛИЧИНА» НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО- ВОСТОЧНОГО ПОГРАНИЧЬЯ II РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬСКОЙ.

Петр Зайонц

*Окружная Комиссия преследования преступлений
против польского народа в Люблине*

**Информация относительно уголовно-правовой
оценки событий на территории бывшего
Волинского воеводства в 1939–1945 гг. с опорой
на выводы следствия Окружной комиссии
преследования преступлений против польского
народа в Люблине**

Окружной комиссией преследования преступлений против польского народа в Люблине проводится следствие по делу о ге-

ноциде, совершенном на территории Волынского воеводства в 1939–1945 гг. украинскими националистами, в частности по делу об убийстве нескольких десятков тысяч мужчин, женщин и детей польской национальности, а также причинению физического и психического вреда представителям вышеозначенной национальной общности, уничтожению или краже их имущества и применении иных репрессивных мер и действий, унижающих человеческое достоинство, с целью создания условий, грозивших им биологическим уничтожением либо вынуждавших их покидать места своего проживания и бежать с территории Волынского воеводства, т.е. о преступлениях, предусмотренных статьями 118 (параграф 1 и 2) Закона от 06 июня 1997 года — Уголовный Кодекс (Dz. U. Nr 88, пкт. 553 с поздн. изменениями) в связи со статьей 3 Закона от 18 декабря 1998 года «Об Институте Национальной Памяти» — Комиссии преследования преступлений против польского народа. (Текст — DZ.U. от 2007 г. № 63 пкт. 424 с поздн. изменениями).

Уголовное преследование по данному делу было возбуждено бывшей Окружной комиссией расследования преступлений против польского народа в Люблине в силу постановления от 12 августа 1991 года. В постановлении о возбуждении следствия, при определении его объекта было указано, что следствие касается физического уничтожения в 1939–1945 гг. на территории Волынского воеводства украинскими националистами нескольких десятков тысяч мужчин, женщин и детей польской национальности.

Для расследования преступлений против общечеловеческих ценностей (включая преступления против мира и человечности как права на жизнь личности и социальных групп), Польша приняла обязательства в рамках различных международных соглашений, и выполняет свои обязательства, применяя нормы, предусмотренные внутренним законодательством Польши. Однако это породило ряд юридических недоговоренностей. До вступления в жизнь действующего в настоящий момент Уголовного Кодекса преступления, расследуемые согласно нормам международного права, не рассматривались в рамках единого законодательного акта. Подобное некомпетентное состояние законодательства приводило к попыткам введения в очередных проектах Уголовного Кодекса новых регулирующих актов. Ряд неизвестных до сих пор специфических типов преступлений, описанных в рамках догово-

ров, обязательства по которым Польша приняла на себя после их подписания, были включены в Уголовный Кодекс только в редакции от 6 июня 1997 года. В результате, 27 ноября 2000 года, в момент возбуждения уголовного дела, неизбежным стало противоречие между фактическими выводами следствия и изменившимся юридическим статусом, охватывающим действия, описанные в международных договорах, которые еще не имели своего нормативного эквивалента во внутренней системе польского уголовного права. Необходимость новой интерпретации с юридической точки зрения «волинских событий» следовала, помимо прочего, из того факта, что до 1997 года в польском уголовном законодательстве не выделялось отдельного типа преступлений, отвечающих определению Конвенции о геноциде.

Основанием для возбуждения уголовного преследования послужил опубликованный в 1990 году в работе Юзефа Туровского и Владислава Семашко обзор «Преступления украинских националистов, совершенные против польского населения на Волини в 1939–1945 гг.», подготовленный Главной комиссией расследования гитлеровских преступлений в Польше и Обществом солдат 27-й Волинской дивизии Армии Крайовой статьи; 134 анкеты, собранные в 1968–1969 гг. Окружной комиссией расследования гитлеровских преступлений во Вроцлаве, на основании актов «СМ» городских судов, касавшихся установления обстоятельств смерти польских граждан в годы войны на территории воеводства, а также обращение Товарищества семей жертв украинских националистов во Вроцлаве «Миссия объединения и покаяния» от 22 января 1991 года, касавшееся преступлений, совершенных украинскими националистами против населения польского пограничья.

Доказательный материал, собранный в рамках уголовного дела до 2000 года, сделал возможным принять в ходе следствия три основные следственные версии, которые должны были быть подтверждены в ходе установления новых обстоятельств.

Согласно первой версии, антипольские акции, имевшие целью физическое уничтожение (ликвидацию) польского населения на территории Волини, были запланированы и разработаны политическими и военными руководителями ОУН-УПА, и выполнены подчинявшимися им вооруженными формированиями и группами украинской самообороны, а также сагитированными с этой це-

люю украинскими крестьянами. Массовые убийства и истребления гражданского населения на Волыни были предприняты с целью уничтожения поляков как национальной группы. Организация убийств, ход истребительных операций, их масштабы, территориальный охват, а также цели и мотивы, которые определяли эти действия, позволили сформулировать тезис о том, что на территории Волыни в 1939–1945 гг. происходил геноцид.

Вторая следственная версия предполагала, что руководство ОУН-УПА стремилось очистить территории Волыни, которые считало этнически украинскими землями, от польского элемента, который мог представлять собой преграду к созданию независимой Украины (в том числе подразумевалось, что после окончания войны на этих территориях может быть проведен плебесцит, согласно которому определится принадлежность Волыни к Украине либо к Польше), и с этой целью предприняло действия, призванные вынудить польское население покинуть эти территории. В свою очередь, физического уничтожения поляков не предусматривалось. Случаи массовой резни, которые, без сомнения, происходили, не планировались, не направлялись и не приветствовались руководителями ОУН-УПА, а развитие событий вышло из-под их контроля.

Согласно третьей следственной версии, массовые истребления польского населения на Волыни стали следствием частной инициативы командиров отдельных отрядов, чьи действия не были согласованы с руководством ОУН-УПА и были направлены против отрядов польской самообороны, которые, как считалось, представляли угрозу для украинских националистов, либо эти действия носили характер мести за подобные акции с польской стороны, и были реализацией так называемой соседской мести. Согласно этой версии, антипольские действия упали на благодатную почву межнациональной неприязни и стали предлогом для украинского населения, прежде всего в деревенских районах, чтобы отомстить за причиненные или вымышленные обиды, которые они терпели от поляков или польского государства. Эта неприязнь уходила корнями еще в межвоенный период. Предполагалось также, что эти убийства позволят воспользоваться тяжелым положением населения польского пограничья, лишенного защиты со стороны польского государства, завладеть его имуществом, присвоить земли под обработку, то есть в общем обогатиться.

Две первые версии предполагали то, что руководство ОУН-УПА опиралось в своих действиях на идею создания независимого украинского государства с идеологическим обоснованием его единой национальной структуры. Третья версия в большей степени исходила из предположения, что на территории Волыни произошло известное уже из прошлого восстание украинских крестьянских масс по типу жакерии, направленное против «польских панов», чтобы отплатить за причиненный ранее вред, на фоне национальной и социальной розни.

В объем собранной до настоящего момента доказательной базы входят показания более 1000 свидетелей (их список постоянно пополняется); доказательства, подтвержденные документами архивного характера; доказательства, полученные в ходе ознакомления с уголовными делами, которые велись после войны против бывших членов УПА; материалы и фотографии, полученные от опрашиваемых свидетелей; документы, собранные товариществами и организациями, объединяющими пострадавших и ветеранов войны; заключения экспертов разных специальностей; результаты экспертизы боеприпасов; и, наконец, материалы, полученные в ходе оказанной международной юридической помощи.

Заключения следствия, принимающие во внимание также исторические исследования, позволяют в большой мере реконструировать ход событий на территории тогдашнего Волынского воеводства в 1939–1945 гг.

Польско-украинский конфликт разразился не в 1943 году. Он существовал в течение всего периода Второй Речи Посполитой на фоне спора о ее границах. Часть украинских политических деятелей хотела создать независимое государство, в состав которого входили также земли, оставшиеся в границах Польши. Польские политики не сумели выработать однозначной позиции по этому вопросу, и тем самым проводить успешную политику с целью решения этой проблемы. Это вызвало развитие украинских националистических организаций, прежде всего возникшей в 1929 году Организации Украинских Националистов, которая стремилась к созданию независимого единого украинского государства путем жестокой вооруженной борьбы. Падение Польши, а затем нападение немцев на СССР, привели к принятию украинцами концепции создания независимой Украины как государства, занимающего все земли, населенные украинцами.

Идеологически Организация Украинских Националистов опиралась на итальянский фашизм и немецкий нацизм. Однако она подчеркивала, что является новым, специфическим общественным движением, не похожим ни на что другое. Принципы и основные черты этого национализма — это его всесторонность и исключительность (тотализм), которые проявлялись в том, что национализм действует на всех украинских землях, во всех слоях украинского народа, во всех областях жизни, и требует «нового человека». Борьба идет за: 1. Украинское государство. 2. Особый украинский общественный строй. 3. Всестороннее развитие украинской жизни. 4. Господствующую позицию Украины среди иных народов. 5. Новый тип украинца. Империалистические стремления ОУН проявлялись в концепции создания Украины, занимающей все этнографически украинские земли. Политика внутри организации опиралась на поддержание чисто националистической линии и борьбу с любыми уклонами.

Скорее всего, решение об устранении (уничтожении) поляков было принято на Третьей конференции ОУН в феврале 1943 года. Однако, оказалось невозможным найти ни одного документа или получить другие доказательства, однозначно указывающие, что в ходе конференции было принято некое обязательное решение относительно судьбы поляков, и даже о начале на Волыни партизанских действий. Один из участников конференции, Михайло Степняк, 25 августа 1944 года, в ходе проводившегося против него следствия, рассказал, что во время Третьей конференции ОУН обсуждалась практическая деятельность УПА под командованием «Клима Савура», проводившего массовые истребления польского населения, а также о роли УПА в создании «Независимого украинского государства». Действия, совершенного Климом Савуром против поляков, оправдывали в том числе «Гальна» и Роман Шухевич, критиковали М. Степняк, Микола Лебедь и Максим Рубан. Степняк показал, что в связи с тем, что в защиту Клима Савура выступало практически все бюро Руководства, Великий Сбор согласился с его деятельностью, хотя в официальных постановлениях Конгресса это не было отражено. Другой член ОУН, Збигнев Каминський, в сообщении, составленном 26 февраля 1958 года для органов безопасности ПНР относительно службы безопасности ОУН, заявил, что наиболее позорным приказом в СБ был приказ №1, отданный исполняющим обязанности проводника ОУН-Б (в период от 3 до 4 Ве-

ликого Сбора ОУН) и референтом СБ Миколой Лебедем. Этот приказ касался проведения массовых ликвидаций польского населения, находившегося на территории Западной Украины. В несколько более поздний период, т.е. в конце 1943 года, действие этого приказа было расширено на остальные отряды УПА. З. Каминський заявил, что, из-за нехватки данных, он не может более подробно описать последствия принятия этого решения, но его жертвами стало «множество лиц польской национальности». Этот приказ, основанный на крайнем шовинизме, должен был, по мнению автора сообщения, стать реваншистской акцией в ответ на политику польского санационного правительства. Следует подчеркнуть, что упомянутый приказ не удалось обнаружить ни в архивах ИНП, ни в архиве Службы Безопасности Украины. Тем не менее, З. Каминський оценивался функционерами Комитета Общественной Безопасности, как чрезвычайно достоверный источник, а предоставляемые им данные, как отвечающие действительности. Он оказался настолько ценным источником информации, что вынесенный ему смертный приговор был заменен на пожизненное заключение.

Трудности, связанные с обнаружением документов, содержащих решение об уничтожении поляков, могут быть следствием очевидного факта придания им секретного характера. Юрий Стельмашук, будучи допрошен 28 февраля 1945 года офицером НКВД, показал, что в июне 1943 года представитель Центрального Провода ОУН Клим Савур устно передал ему секретную директиву Центрального Провода ОУН о повсеместном физическом уничтожении всего польского населения, пребывающего на территориях западных областей Украины. Доказательный материал, собранный следствием, указывает, в свою очередь, на существование отчетов и рапортов командиров отрядов Украинской Повстанческой Армии, направленных руководству высшего звена, в которых указывалось, какие польские деревни ликвидированы и сколько поляков было убито. В связи с этим напрашивается простой и логичный вывод, что предпринятые УПА вооруженные действия против польского населения были следствием исполнения отданных приказов, в противном случае они встретили бы резкую реакцию высших командиров. Также и массовый характер убийств исключает вероятность того, что руководство УПА на Волыни не отдавало себе отчета в том, что происходит на подконтрольных ей территориях. Отсутствие реакции

указывает на то, что упомянутые преступления по крайней мере, воспринимались как должное.

По относительным подсчетам на Волыни было убито около 60, и даже 80 тысяч лиц польской национальности. Десятки тысяч тех, кому удалось пережить геноцид, были вынуждены бежать и оставить результаты труда всей жизни, и даже нескольких поколений. Значительная часть этих лиц попала затем на принудительные работы в Германию. Операция украинских националистов охватила сотни населенных пунктов, деревень и поселений на территории Волынского воеводства, не считая ненаселенных мест и территорий, где также совершались многочисленные убийства. Карательным операциям и нападениям, случалось, что и по нескольку раз, подвергались не только общины поляков, но также отдельные семьи, хозяйства или же группы поляков, передвигавшиеся по волынской земле, в том числе бегущие от террора. Во многих случаях этих нападений не пережил ни один человек, ни один свидетель, который мог бы дать показания, более того — пропали с карт и были навсегда забыты целые поселения, поскольку не осталось никого, кто мог при привести свидетельства об их трагическом конце.

В свете представленных выше фактов, не подлежит сомнению, что преступления, которые были совершены по отношению к польскому населению, носят характер проявлений геноцида, не имеющих срока давности. Факт принятия руководителями ОУН-УПА решения об устранении с восточных территорий Второй РП, а в случае Волыни — о полном уничтожении всех поляков, населявших спорные земли, с целью получить после окончания войны, до начала возможных мирных переговоров, этнически чистые территории, находит отражение в обнаруженных документах, показаниях сотен свидетелей, мнениях историков, заявлениях экспертов и в находящихся в их распоряжении архивных документах. Антипольские действия, имевшие целью физическое уничтожение (истребление) польского населения на территории Волыни, были запланированы и подготовлены политическим и военным руководством ОУН-УПА, и выполнены подчиненными им вооруженными формированиями и группами украинской самообороны, а также сагитированными с этой целью крестьянами. Массовые убийства и истребления гражданского населения на Волыни были развязаны с целью уничтоже-

ния поляков как национальной группы, которая считалась препятствием в создании «Великой Украины».

Об этом однозначно говорят организация массовых убийств, их ход, масштаб, территориальный охват, а также цели и мотивы, которые инспирировали эти действия. Этой оценки не могут изменить возможные побочные мотивы, которыми могли руководствоваться отдельные организаторы убийств: например, мотив мести, наживы или убеждение в том, что это единственный путь к обретению независимости, т.е. своеобразно понятый мотив патриотизма.

Геноцид повсеместно считается в международном праве особой формы преступления против человечности. Жестокость Второй мировой войны, проявившаяся в том числе в уничтожении по расовым или национальным мотивам миллионов людей, привело к тому что уголовным преследованием за эти преступления занялся Международный Военный Трибунал в Нюрнберге. Статус Международного Военного Трибунала от 8 августа 1945 года (Dz. U. z. 1947 r. Nr 63, poz. 367) составлял интегральную часть соглашения, заключенного в Лондоне между правительствами четырех держав. Согласно статье 5 Соглашения, согласно которой, присоединиться к Соглашению могло любое союзное государство, правительство Польши, 25 сентября 1945 года, присоединилось к соглашению. Статус использовал термин «преступление против человечности», термин «геноцид», авторство которого приписывается Рафаилу Лемкину, и который появился в обвинительном акте при характеристике преступлений, которые формально квалифицировались как преступления против человечности либо военные преступления. Принципы, разработанные в Положении МВТ, так называемые Нюрнбергские принципы, устанавливали, что:

1. Каждый, кто совершает преступление против международного права, несет за это ответственность и наказание;
2. Если внутреннее законодательство страны не предусматривает наказания за совершение упомянутых преступлений, то это обстоятельство не освобождает от ответственности то лицо, которое их совершило;
3. Если преступление против международного права совершило лицо, действовавшее как глава государства или публичный деятель, то это обстоятельство не освобождает его от международной ответственности и не облегчает тяжести наказания;

4. Действия по приказу правительства или командующего не освобождают от ответственности в сфере международного права, однако это обстоятельство может повлиять на облегчение наказания, если этого требуют принципы свершения правосудия;

5. Обвиняемый, который совершил международное преступление, имеет право на объективный и беспристрастный судебный процесс;

6. Международными преступлениями являются: преступления против мира, преступления против человечности и военные преступления, определенные Положением МВТ;

7. Международным преступлением является участие в каждом из приведенных в п. 6 преступлений.

Рафаил Лемкин в своей работе, опубликованной в 1944 году Нью-Йорке, определил геноцид как скоординированный план различных действий, имеющих целью уничтожение народа или этнической группы. Неологизм «геноцид» он образовал из греческого «генос» (раса, род), и латинского «циде» (убийство), и в этой формулировке он обозначает то же самое, что «убийство тирана», «убийство людей», «убийство детей». По мнению Лемкина, геноцид не обязательно обозначает немедленное уничтожение народа, за исключением ситуации, когда он осуществляется посредством массового убийства всех представителей народа. Это скорее скоординированный план различных действий, имеющих целью уничтожение базовых (основных) признаков этнической группы с целью уничтожения самой группы. Элементами такого плана могут быть: дезинтеграция политических и общественных институтов, культуры, языка, патриотических чувств, религии, а также экономических основ существования национальных и этнических групп; кроме того, уничтожение условий безопасности, свободы, здоровья, достоинства и даже жизни людей как отдельных членов, принадлежащих к этим группам. Геноцид направлен против национальной группы в целом, развязанные действия направлены против индивидуальных личностей, которые понимаются не как индивидуальность, но как представители и члены национальной группы.

Развитие Нюрнбергского права ознаменовалось принятием 9 декабря 1948 года Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Упомянутая Конвенция отсылала к приня-

той в декабре 1946 года на Генеральной Ассамблее ООН резолюции №95/1, подтверждающей основы Нюрнбергского права, и резолюции № 96/1, которая определяла, что геноцидом является отрицание права на существование целых этнических групп, и в этом качестве геноцид является преступлением против международного права. Стороны Конвенции в статье № 1 подтверждают, что геноцид, совершенный как в мирное время, так и во время войны, является преступлением против международного права, обозначая таким образом, что Конвенция не создает нового понятия преступления, но определяет его место (в изданных законах).

Конвенция предусматривала следующие действия, которые ответственными определяли геноцида как преступления, совершенного с целью уничтожения населения полностью либо частично, национальных, этнических, расовых или религиозных групп: *a)* убийство членов такой группы; *b)* причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; *c)* предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; *d)* меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы. Статья III предусматривала наказание не только за совершение геноцида, но также за проявление стадийальных и частичных форм этого преступления, т.е. заговор с целью совершения геноцида, непосредственные и публичные призывы, подготовка и соучастие в совершении геноцида.

К актам международного права, нормативно определяющим понятие геноцида и служащим обоснованием для его преследования, кроме того принадлежат:

Устав Международного Трибунала по бывшей Югославии, утвержденный 25 мая 1993 года согласно Резолюции 827 Совета Безопасности ООН (статья 4 Устава); Устав Международного Трибунала по Руанде, утвержденный ООН в 1994 году (статья 2 Устава); а также Римский статут Международного Уголовного Трибунала, принятый 17 июля 1998 года (статья 6 Устава). Положения всех перечисленных Уставов, определяя понятие геноцида как преступления, дают отсылки к решениям Конвенции 1948 года.

Конвенция 1948 года, накладывая на участников обязательства по противодействию геноциду и наказанию за него, в статье V обязала стороны учредить согласно Конституциям правовые акты,

необходимые для выполнения ее постановлений. Преследование государством за преступления, определяемые как геноцид, наступает в результате взаимодействия с международными трибуналами, карающими преступников, либо также в результате создания условий для наказания их силами судебной системы самого государства. Следовательно, геноцид принадлежит к категории деяний, непосредственно наказуемых как международным правом, так и внутренним законодательством стран-участниц. Формально-правовым выражением концепции размещения в суверенной системе государственного права в рамках уголовного права постановлений, разрешающих уголовное преследование лиц, которые совершают преступления, направленные против единых общечеловеческих ценностей, безотносительно места их совершения, является статья 113 действующего в настоящий момент Уголовного Кодекса, которая дала польским судам полномочиями для преследования лиц, совершивших преступления, наказуемые в соответствии с нормами Конвенции. Одновременно в сферу польского уголовного права были включены неизвестные до сих пор специфические типы преступлений (раздел XVI Уголовного Кодекса — преступления против мира, человечности, и военные преступления), трактуемых в рамках международного права.

Преступления, определяемые как геноцид, нашли свое отражение в статье 118, §1–3 УК. Предметом охраны, определяемым статьей 118 УК, являются равным образом как широко понимаемое человечество и человеческие ценности, так и жизнь, и здоровье отдельного человека. Отдельные положения статьи 118 наказывают любые действия, которые направлены на уничтожение определенных групп населения по причине их национальных, этнических или политических отличий. Устанавливается право этих групп на сохранение, развитие и сбережение особых условий существования и связанных с этим традиций.

Преступление, предусмотренное статьей 118, носит общий характер (преступником может быть любой человек), и может быть совершено только с преступным умыслом и с непосредственно окрашенным намерением (так наз. *dolus coloratus*). Преступные действия, определенные §1 статьи 118, состоят в совершении убийства или причинении тяжкого вреда здоровью лицам, принадлежащим к определенной группе, определяемой критериями национально-

ти, расы, вероисповедания, мировоззрения, этнических связей, а также политических убеждений. Преступные действия, определенные §2, заключаются в создании для лиц, принадлежащих к какой-либо из вышеперечисленных групп, условий жизни, грозящих им биологическим уничтожением, в применении средств, служащих пресечению рождаемости внутри данной группы (это могут быть фармакологические, химические и др. средства), и, наконец, в принудительном отъеме детей. Преступные действия, определяемые §3, заключаются в подготовке преступлений из §1 и 2. Подготовка может носить характер сговора (заговора) для совершения геноцида, его планирования, сбора информации и средств, необходимых для его осуществления.

Все действия (преступные действия, определяемые ст. 118, §1–3 УК) совершаются с целью уничтожения, полностью или частично, членов перечисленных групп. Тем самым, определяемые таким образом признаки состава преступления диктуют необходимость установления в случае каждого из совершивших геноцид, факта его действий с целью частичного или полного уничтожения членов определенной группы. В свою очередь, не имеет значения, по моему мнению, с точки зрения оценки преступных намерений, определяющих вину, хотел ли преступник в результате своих действий достичь кроме того какую-либо иную цель (например, получить этнически чистые территории). Более точно, уголовное наказание, связанное с умышленным действием, может быть применимо к виновному не только тогда, когда сами преступные действия являются целью, но и тогда, когда они стали средством для достижения другой поставленной цели. В интересующем нас аспекте преступления на Волыни, истребление лиц польской национальности не носило характера самоцели, но было средством для получения этнически чистых территорий и, по мнению украинских националистов, условием *sine qua non* создания независимой Украины. Такое же направление в интерпретации положений, определяющих геноцид, можно было заметить до сих пор в деятельности Уголовных Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. В обвинениях против Радована Караджича и Радко Младича, направленных в Уголовный Трибунал по бывшей Югославии, они обвинялись в том числе в совершении преступления, определяемого как геноцид, т.е. преступных действий и бездействий, осуществленных с целью полного или

частичного уничтожения определенной религиозной, этнической или национальной группы. Обвинения включало события, связанные с захватом Сребреницы, действия военного и полицейского характера со стороны боснийских сербов, направленные действия против боснийских мусульман и хорват, которые удерживались в лагерях для интернированных в нечеловеческих условиях, включая случаи убийств, избиений, пыток, изнасилований, голода, незаконных депортаций, и т.д. В ходе эвакуации мусульманских жителей Сребреницы, сербские войска уничтожили тысячи беженцев. Обоим обвиняемым было предъявлено не только участие в преступлении в форме его подготовки или планирования, но также участие в зверствах в качестве командиров, отвечающих за действия своих подчиненных. Отдельные пункты обвинения включали случаи геноцида (убийства членов этнических групп — мусульман и хорват), преступления против человечности (уничтожение гражданского населения), а также попрание законов и принципов ведения войны. Для сербских руководителей, стремившихся к созданию великого сербского государства, этнические чистки составляли лишь средство для реализации назначенной цели. Однако у обвинителя не было сомнений, что иницилируя убийства хорват, и, в особенности, мусульман, обвиняемые совершили геноцид.

Однако 27 сентября 2006 года Уголовный Трибунал по бывшей Югославии вынес неоднозначный приговор по делу Момчило Краишника, лидера боснийских сербов. Суд, приговорив его к 27 годам заключения, признал его виновным в массовых убийствах, преследованиях и изгнании несербского населения во время войны, но оправдал его, в свою очередь, по обвинению в геноциде, считая, что, хотя в Боснии совершался геноцид, невозможно однозначно доказать намерений преступников. Суд посчитал, что общей целью совершенных преступлений был этнический передел территорий посредством резкого изменения этнических пропорций. Свои убеждения суд подтвердил текстом постановления, принятого 12 мая 1992 года парламентом боснийских сербов, в котором, в качестве одной из стратегических целей, было указано «отделение сербов от двух других национальных меньшинств». Несмотря на предупреждения командиров, информировавших, в том числе, и самого обвиняемого, что это будет невозможно без геноцида, суд признал, что был совершен геноцид, однако виновные не хотели его

совершать. Для формулирования дальнейших оценок, необходимо ознакомиться с обоснованием этого приговора. Однако не подлежит сомнению, что его тезисы о «случайном геноциде» весьма противоречивы, а само дело требует более широкого обсуждения.

Специфической чертой преступлений против человечности, а геноцида в особенности, является тот факт, что они могли быть совершены конкретными лицами, но в рамках преступной системы государственной организации, либо же, как в случае Волыни, политической организации, которая в сфере идеологии была связана с фашизмом и располагала вооруженным крылом в виде отрядов УПА. Организация Украинских Националистов, реализуя свою цель — создание независимого украинского государства, в своих программных положениях была организацией антипольской, антисоветской и антикоммунистической. После раскола в 1940 году возникли две организации — под руководством Степана Бандеры и Андрея Мельника. Третьей националистической группировкой руководил Максим Боровец. В результате взаимного соперничества, прибегая к насилию и террору, бандеровцы постепенно ликвидировали политических конкурентов. Прежде всего, именно УПА, боевые отряды ОУН и бандеровская служба безопасности, несут наибольшую ответственность за геноцид польского населения. Помимо конспиративной деятельности, ОУН-УПА оказала значительное влияние на украинскую общественность, осуществляя непосредственную власть в так называемых регионах. В связи с тем, что гитлеровские оккупанты могли контролировать только крупные населенные пункты и проводить карательные акции, польское население, окруженное стихийной массой украинцев, было абсолютно безоружным и беззащитным, а преступники были уверены в своей безнаказанности.

Весь фактический анализ обстоятельств, установленных следствием, однозначно указывает на то, что поляков убивали на Волыни из-за их национальной принадлежности. Считается, что в этнических чистках погибло около 60–80 тысяч человек, в том числе женщины, старики и дети, которые не могли представлять никакой военной опасности для украинских националистов. Имущество поляков расхищалось либо уничтожалось, постройки сжигались (если только это не представляло опасности для находившихся поблизости украинских хозяйств), продукты и инвентарь переходили

ли в руки местных крестьян. Поляки, которым удавалось выжить, без имущества и средств к существованию, прятались в больших городах, где стояли немецкие гарнизоны. Лишенные каких-либо средств к существованию, поляки чаще всего угонялись на работы в Германию. Явлением, не имеющим прецедентов, стала необычайная жестокость преступников, убивавших наиболее изощренными способами, с использованием секир, вил и пил. Бегство с территории Волыни часто было для поляков единственной возможностью избежать физического уничтожения. Поляки, лишенные лидеров в результате проведенной ранее высылки их в Сибирь, а позже — действий украинских националистов, а также лишенные помощи польского государства и не имевшие вооружения, были для украинских националистов относительно легкой целью. Стихийно возникшие отряды самообороны и только начавшее организовываться польское партизанское движение, не смотря на отдельные успехи в боях с нападавшими, не могли противостоять резне. Результат антипольской операции на Волыни не вызывает сегодня сомнений. Большинство населения польской национальности было уничтожено или вынуждено покинуть эти земли. Резня была организована под лозунгом «За свободную Украину, чистую этнически, Украину для украинцев». Уничтожали и жгли все, что было связано с польской культурой, чтобы было невозможным возвращение поляков в будущем. Убийства были тщательно спланированы и проводились организованно. Несмотря на сомнения относительно самого процесса принятия решения, приказ об уничтожении был принят руководящими кругами ОУН-УПА и реализован вооруженными отрядами украинских националистов и сагитированных ими крестьян. Без поддержки украинских масс геноцид не был бы возможен в тот масштаб, в каком это случилось на Волыни. В качестве определяющего фактора волынских событий следует назвать украинский национализм. Как верно заметил Тимоти Снайдер, подобный традиционный общественный уклад, давний раздел территорий, упадок польского государства и советские депортации имели место и на белорусских землях. Однако там, в отличие от Волыни, не дошло до этнических чисток поляков. Разницу определял национализм или его отсутствие. Белорусский национализм, в отличие от украинского, имел в предвоенной Польше небольшой политический вес. Он не принял также характера конспиративного движе-

ния. Если добавить к сказанному более ранние примеры решения на Волыни «еврейского вопроса» при активном участии украинской полиции, общую атмосферу жестокости войны и отсутствия жалости, то цепь факторов, позволявших реализовать преступный план уничтожения польского населения на Волыни, будет замкнута.

Планы украинских националистов получить на Волыни территории чистые этнически (главным образом речь шла о лицах польской национальности), были, в принципе, реализованы. Успех этой политики развеял сомнения части руководителей ОУН-УПА, до той поры скептически относившихся к массовым убийствам. Центральный провод решил, что уничтожение населения следует продолжать на территории Восточной Малопольши. Примененная в ходе проведенного следствия правовая квалификация по статье 118 УК наиболее полным образом демонстрирует криминальный характер действий, совершенных на Волыни, и учитывает не только весь спектр преступных деяний, но также указывает на цели, с которыми эти действия были предприняты. Данная квалификация дополнена Положением статьи 3 Закона о ИНП, которое дает правовое определение понятию преступления против человечности. Конвенция 1948 года предусматривает в статье 6 две возможности осуждения преступников, обвиняемых в геноциде. Обвиняемые могут быть осуждены непосредственно трибуналом страны, на территории которой были совершены преступные действия, либо же международным уголовным трибуналом. Это положение не ограничивает уголовной юрисдикции, опирающейся на иные принципы, нежели принцип территориальности, накладывая обязательства на государство, в котором совершено преступление. Оно указывает также на приоритет этого государства в вопросе осуждения преступника, что может иметь ключевое значение в случае решения вопроса об экстрадиции.

В компетенцию ни одного из существующих международных уголовных трибуналов не входит предоставление полномочий по рассмотрению дел, которые являются предметом уже возбужденного следствия. Этому противоречат компетенции *ratione loci* (местной собственности, как в случае Уголовного Трибунала по бывшей Югославии или Уголовного Трибунала по Руанде), или *ratione temporis* (согласно статье 11 Римского Устава Международного Уголовного Трибунала), под юрисдикцией которого находятся исклю-

чительно преступления, совершенные после принятия Устава. Согласно статье VII Конвенции 1948 года, геноцид не будет считаться политическим преступлением в случае, если речь идет о допустимости экстрадиции.

Следствием массового характера геноцида является разделение категорий участников преступления на преступников, которые отдали приказ на совершение преступления, или каким-либо образом участвовали в его подготовке, руководили действиями по уничтожению на разных командных постах и, наконец, лично совершали преступление. В свете выводов следствия необходимо принять во внимание также факт, что определенное число непосредственных виновников убийств было принуждено к ним угрозами и насилием. Малейшее непослушание каралось смертью. Известны также случаи, когда УПА вынуждала украинцев убивать ближайших членов семьи польской национальности. Укрывание поляков также часто грозило смертью в случае обнаружения. Как сказано выше, до настоящего момента не удалось сделать однозначных выводов относительно лиц из руководства ОУН-УПА, ответственных за принятие решения об уничтожении польского населения на территории тогдашнего Волынского воеводства.

Из установленных в ходе следствия фактов следует, что невозможно выявить позицию по отношению к событиям на Волыни предводителей ОУН-УПА, ответственных за руководство массовыми убийствами, а тем более невозможно привлечь их к ответственности по причине их смерти.

Считая, что некоторые из участников антипольских акций могут еще проживать на территории Украины, следствие считает нужным дополнить, что Украина признает Конвенцию 1948 года, ратифицированную во времена СССР. Также в Уголовном Кодексе Украины существует статья 442, которая практически является эквивалентом статьи 118 польского Уголовного Кодекса. На основании статьи 6 Закона о правопреемстве Украины от 12 сентября 1991 года, Украина подтвердила также обязательства, содержащиеся в международных соглашениях, подписанных Украинской ССР до дня провозглашения независимости украинским государством. В том числе обязательства в рамках Конвенции об отсутствии срока давности для военных преступлений и преступлений против человечности, которая была ратифицирована на основании постановления

Президиума Верховного Совета СССР от 25 марта 1969 года. На основании статей 54 и 55 соглашения между Польской Республикой и Украиной о правовой помощи и правовых отношениях в области гражданского и уголовного права, ратифицированного в Киеве 24 мая 1993 года, Украина, по предложению польской стороны, обязуется подвергать уголовному преследованию своих граждан, а также иностранцев, постоянно проживающих на ее территории, которые подозреваются в совершении преступлений на территории Польши. Территориальное ограничение места совершения преступления не распространяется на военные преступления и преступления против человечности. Требование преследовать подозреваемых в совершении геноцида, пребывающих на территории Украины, кажется единственным действенным способом при попытке привлечения их к уголовной ответственности. Процедура экстрадиции скорее всего не может быть применена в данном случае, поскольку из положений соглашения следует, что ей не подлежат граждане стороны-участницы соглашения (в данном случае Украины), либо лица, пользующиеся в данном государстве правом политического убежища (статья 61 Соглашения).

В настоящее время невозможно разрешить, какие последствия повлекло бы за собой требование к украинской стороне об уголовном преследовании преступников, совершивших геноцид на Волыни, особенно в контексте предпринимаемых в настоящий момент попыток реабилитации УПА различными политическими силами на Украине. Поэтому, со всей уверенностью, в случае направления подобного требования, в нем может содержаться предупреждение, что польская сторона снова может возобновить судопроизводство по данному делу, в случае если сторона ответчика (которая ранее выразила согласие на проведение расследования), заявит об отказе в возбуждении дела либо о его прекращении (статья 59 Соглашения).

Вальдемар Швец
прокурор ИНП, Краков

Информация о следственных действиях по делу о геноциде, совершенном украинскими националистами в 1939–1945 гг. на территории Гуты Пеняцкой

Окружная комиссия по расследованию преступлений против польского народа в Кракове ведет следствие по делу шифр S 50/03/Zn об убийстве жителей Гуты Пеняцкой, совершенного военнослужащими из состава 14-й дивизии СС «Галичина» 28 февраля 1944 года, т.е. по делу о преступлении, предусмотренном п. 1 ст. 1 Декрета от 31 августа 1944 года о вынесении наказания для фашистских гитлеровских преступников, виновных в убийствах и издевательствах над гражданским населением и военнопленными, а также для изменников польского народа (Текст DZ. U. от 1946 г. № 69 пкт. 377 с поздн. изменениями). Следствие по данному делу было возбуждено Окружной комиссией по расследованию преступлений против польского народа в Кракове постановлением от 24 ноября 1994 года. Указанное следствие в настоящий момент проводится комиссией Отдела расследования преступлений против польского народа в кракове под шифром S 50/03/ZN.

В ходе проведенных к настоящему моменту следственных мероприятий установлено следующее действительное положение фактов.

Во второй половине 1943 года и в начале 1944, в период усиления нападений украинских националистов на деревни польского пограничья, поляки группировались в больших населенных пунктах, где, пр поддержки Армии Крайовой, действовали сильные отряды самообороны. Одним из таких центров была Гута Пеняцкая [Гута Пеняцька]. 23 февраля 1944 года члены отряда самообороны в Гуте Пеняцкой отбили атаку пытавшегося войти в деревню разведывательного отряда 4-го полицейского полка 14-й дивизии СС «Галичина». Члены отряда самообороны завязали бой, будучи уверены, что нападавшими являются украинскими националистами, переодетыми в немецкие мундиры. Этот вывод они сделали

исходя из того факта, что нападавшие пользовались в общении украинским языком. В ходе упомянутых боевых действий погибли двое бойцов данного отряда. Потери этой вспомогательной части могли бы быть определенно большими, если бы он не получил помощь в бою со стороны сотни Украинской Повстанческой Армии под командованием Дмитро Карпенко, псевдоним «Яструб». Материалы, касающиеся упомянутого события, позволили установить, что в результате описанной стычки погибли Олекса Бобак и Роман Андрейчук (это первые погибшие в ходе боевых действий солдаты дивизии СС «Галичина», чьи торжественные похороны состоялись в Бродах).

В упомянутом 4-м полицейском полку служили украинские добровольцы первого призыва, главным образом с территории бывшей Восточной Галиции. Командные функции осуществляли немецкие офицеры, а командиром полка был немец, полковник Зигфрид Бинц. Следует подчеркнуть, что обозначенные номерами от 4-го до 8-го галицийские добровольческие полки СС, как уже указывалось, состояли из украинских добровольцев, направленных в полицейские формирования и прошедших особое обучение. Они составляли часть дивизии, предназначенную для ведения различных боевых действий, в том числе политического характера. Вышеуказанным формированиям было поставлено задание обеспечить тылы немецкой армии в Восточной Галиции, уделяя особое внимание борьбе с советскими партизанами. 4-й полицейский полк прошел обучение в лагерях в районах Цаберн, Сааральбен, Ферншвайлер, а затем в лагере на территории Голландии. Полк насчитывал 1264 солдата под командованием немецких офицеров, служивших до того момента в рядах полиции. В феврале 1944 года полк был переброшен из учебных лагерей на территории Восточной Галиции и дислоцирован на линии Злочев, Броды, Збараж, на расстоянии около 20 км от линии фронта. Следует заметить, что в более поздний период, согласно приказу Гимmlера от 22 апреля 1944 года, добровольческие полицейские полки были направлены на фронт вместе с другими частями 14-й дивизии СС «Галичина», а затем приняли участие в боях с Красной Армией под Бродами.

Описанная выше стычка, произошедшая 23 февраля 1944 года, была связана с тем, что командование 4-го полицейского полка получило информацию о нахождении в Гуте Пеняцкой большого отряда

советских партизан. Сведения о ситуации в Гуте Пеняцкой скорее всего были переданы комендантом украинской полиции в Подгорцах. Упомянутый отряд советских партизан под командованием Бориса Крутикова насчитывал несколько сотен бойцов и несколько дней стоял лагерем в Гуте Пеняцкой, которую оставил 21 либо 22 февраля 1944 года. Необходимо отметить, что в Гуте Пеняцкой до этого времени пребывала группа примерно из 60 советских партизан, которые наладили сотрудничество с самообороной деревни. В рамках сотрудничества партизаны пользовались помощью жителей деревни, а сами проводили боевую подготовку членов самообороны, и передали для них оружие и боеприпасы. Находившийся в Гуте Пеняцкой советский партизанский отряд проводил диверсионные действия против немцев.

События 23 февраля 1944 года привели к тому, что жители Гуты Пеняцкой приготовились к отражению ожидавшегося нападения. Возможность организации такого нападения была удостоверена данными, полученным разведывательными ячейками Инспектората Армии Крайовой в Злочеве.

В ночь с 27 на 28 февраля 1944 года, в Гуту Пеняцкую прибыл курьер Инспектората, который передал, что в направлении деревни движутся вспомогательные части 14-й дивизии СС «Галичина». Вместе с тем, курьер передал рекомендации Инспектората, предписывавшие свернуть оборону, спрятать оружие, мужчинам покинуть деревню, а также приготовить укрытия для оставшихся жителей. В связи с этим, во многих хозяйствах и хозяйственных постройках были приготовлены укрытия. Подобного рода рекомендации и предпринятые в связи с этим действия были продиктованы убеждением, что приближающиеся части будут проводить проверку деревни с целью возможного обнаружения хранившегося у жителей огнестрельного оружия или же выяснения обстоятельств оказания помощи партизанам. Подобная операция имела место несколько дней назад в соседней деревне Майданы, где прибывший в деревню отряд полицейского полка, осуществил задержание мужчин, которые были затем подвергнуты допросам для выяснения указанных обстоятельств. После окончания допросов всех задержанных освободили.

В ранние утренние часы Гута Пеняцкая была окружена армейской частью численностью в нескольких сотен человек (в свидетельствах упоминается цифра 500–600 солдат). Солдаты были оде-

ты в белые маскировочные комбинезоны и общались между собой на украинском языке, а их командиры, в свою очередь, говорили по-немецки.

Как следует из сообщений свидетелей, солдат сопровождали украинские националисты, как члены Украинской Повстанческой Армии (сотня под командованием Дмитро Карпенко, псевдоним «Яструб»), так и жители близлежащих деревень. Сигналом к началу карательной операции в деревне был залп ракет. В первой фазе нападения атакующие обстреляли строения, находившиеся на окраине деревни. Атака привела к тому, что часть жителей укрылась в заблаговременно подготовленных убежищах. Ворвавшись в деревню, нападавшие начали обыскивать строения с целью обнаружения укрывавшихся жителей, которые под конвоем были препровождены в находившиеся в центре деревни костел и школу. В ходе следствия свидетели показали, что, закончив сгонять население в костел и школу, нападавшие начали обшаривать покинутые здания и грабить оставленное имущество. Затем постройки были подожжены. В связи с тем, что в укрытия, расположенных в подожженных постройках, находилось местное население, часть нападавших расположилась вблизи горящих построек, ожидая возможного побега скрывавшихся там лиц. Как показали свидетели, нападавшие, которые ждали вблизи подожженных строений, застрелили большинство из тех, кто предпринял попытку к бегству. На основе сообщений свидетелей установлено, что один из преступников совершил убийство новорожденного, появившегося на свет во время пребывания потерпевших в костеле. Кроме того, установлено, что одна из пожилых женщин в ходе конвоирования была смертельно ранена штыком. После захвата деревни и блокирования ее жителей в школе и костеле, нападавшие приступили к допросам задержанных поляков. Из числа собранных в костеле и школе жителей вызывали отдельных лиц, были подвергнуты допросам рядом с костелом на предмет пребывания в деревне советских партизан, укрывания лиц еврейской национальности, оказания помощи раненым партизанам. В ходе допросов применялось физическое насилие в виде нанесения ран и побоев по всему телу. Отбор допрашиваемых позволяет предположить, что преступники располагали сведениями относительно руководства и личного состава отряда самообороны, а также места, где скрывались советские партизаны.

Установлено, что командир местного отряда самообороны Казимеж В. был облит преступниками легковоспламеняющейся жидкостью и подожжен, что привело к его смерти. В ходе допроса было совершено убийство Владислава Б., члена отряда самообороны, который был ранен в ходе стычки 23 февраля 1944 года. Установив, что Войцех Ш. укрывал в своем доме одного из раненых советских партизан, его подвергли жестокому допросу, а затем облили бензином и подожгли, что стало причиной его смерти. В одном из укрытий, находившихся на территории деревни, нападавшие нашли раненых советских партизан, которые, как указывают свидетели, были немедленно застрелены.

Описанные действия совершили солдаты в мундирах СС, под командованием офицера в звании капитана, говорившего на немецком языке. Около 14 часов нападавшие начали выводить жителей деревни из костела и школы. Отдельные группы насчитывали 20–50 человек, в том числе стариков, женщин и детей, а также мужчин. Каждая группа конвоировалась отрядом до 20 солдат, которые уверяли задержанных, что те вскоре будут освобождены. В первую очередь вывели женщин и детей. Последней вывели группу мужчин и молодежи, которых в свою очередь проинформировали, что они будут вывезены в III Рейх на принудительные работы. Указанные группы препровождались в деревянные овины и другие хозяйственные постройки, находившиеся в различных владениях на небольшом расстоянии от центра деревни. Эти постройки одна за другой поджигались при помощи заранее заготовленной легковоспламеняющейся субстанции с использованием факелов, а удерживаемые блокировались так, что покинуть строение было невозможно. Как в ходе конвоирования, так и во время описанных выше преступных действий, были совершены убийства ряда лиц, которые предприняли попытку к бегству или оказали какое-либо сопротивление. Только немногим удалось бежать. На основании показаний допрошенных по делу свидетелей, а также на основе доступных источников исторических публикаций, установлено, что число жертв описанных действий составило от 700 до 1500 человек. Следует заметить, что Гута Пеняцкая в то время насчитывала 172 хозяйства и около 1000 жителей — при том, что это число не включает проживавших там в то время жителей окрестных деревень. В ходе следствия установлено, что от погрома спаслись около 160 человек. Предприня-

тые действия, направленные на установление фактического числа жертв, с опорой на показания свидетелей, документальные источники и исторические исследования, однако, не дали возможности установить в этом деле окончательную точную цифру. Собранный по данному делу доказательный материал указывает, что в результате погрома погибло около 850 человек.

Следует подчеркнуть, что постройки, покинутые жителями Гуты Пеняцкой, были дочи́ста ограблены, а затем подожжены. Эти действия, как следует из показаний допрошенных по делу свидетелей, проводили главным образом украинские националисты, сопровождавшие солдат СС. В результате вышеизложенного, разрушению подверглись практически все строения Гуты Пеняцкой, за исключением зданий костела и школы. Нападавшие оставили Гуту Пеняцкую около 17 часов, забрав с собой награбленное имущество.

На следующий день в Гуту Пеняцкую прибыли оставшиеся в живых жители, а также группа лиц, населявших соседние деревни. Прибывшие оказали помощь раненым, а также похоронили умерших в двух братских могилах, находившихся рядом с костелом и зданием новой школы, в котловане, служившего ранее для хранения извести. Данные факты были установлены на основании показаний и свидетельств лиц, которые лично участвовали в описанных выше действиях, и точно описали место захоронения. В послевоенный период эксгумация жертв расследуемого преступления не проводилась. По окончании Второй Мировой войны оставшиеся здания были разобраны, а территория заброшена. Эта территория до сего дня не была застроена.

Принимая во внимание вышесказанное, следует констатировать, что рассмотренные события были квалифицированы как преступления нацизма в понимании положения статьи 1 Закона от 18 декабря 1998 года «Об Институте Национальной Памяти — Комиссии Расследования Преступлений против Польского Народа» (Текст DZ.U. №155 пкт. 1016 текст соотв. DZ. U. от 2007 г. № 63 пкт. 424 с поздн. изменениями). В реалиях данного дела, действие преступников следует оценить как действие, состоящее в пособничестве властям немецкого государства путем участия в совершении убийств лиц из числа гражданского населения в понимании статьи 1 пункт 1 Декрета от 31 августа 1944 года об определении наказания для фашистских гитлеровских преступников, виновных в убийствах и издева-

тельствах над гражданским населением и военнопленными, а также для изменников польского народа (DZ. U. от 1946 г. № 69 пкт. 377 с поздн. изменениями). Следует подчеркнуть, что упомянутое выше положение вошло в силу на основании статьи 5, §1, пункт 3 Закона от 6 июня 1997 года. Данные положения вводили в действие Уголовный Кодекс (Dz. U. № 88, пкт. 554 с поздн. изменениями). Кроме того, рассматриваемое преступление является военным преступлением и преступлением против человечности, согласно положению статьи 3 Закона от 18 декабря 1998 года «Об Институте Национальной Памяти — Комиссии Расследования Преступлений против Польского Народа». В этом месте следует указать на статью 6, пункты а и с, Устава Нюрнбергского Трибунала, которая содержит определение подобного рода нарушений международного права. Согласно указанным формулировкам, *военные преступления* включают в себя нарушения законов или обычаев войны, среди которых в том числе: убийства, истязания гражданского населения оккупированной территории; ограбление частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью (ст. 6, п. b Нюрнбергского Устава). Преступления против человечности включают в себя: убийства, истребление и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Международного Военного Трибунала, сформированного 8 августа 1945 года для преследования и наказания главных военных преступников государств ОСИ в Европе (статья 6, пункт с Нюрнбергского Устава). Принимая во внимание все вышесказанное, следует констатировать, что преступление, расследуемое данным следствием, соответствует признакам изложенных выше нарушений международного права.

В ходе следствия были предприняты процессуальные действия с целью установления полного списка жертв преступления, совершенного в Гуте Пеняцкой, а также установления совершивших его лиц. В связи с этим были проведены допросы оставшихся в живых жителей Гуты Пеняцкой, членов семей жертв преступления, жителей соседних населенных пунктов, а также иных лиц, располагающих сведениями по данному делу. В ходе следствия допрошено в качестве свидетелей 144 человека. Предприняты действия с целью

установления полной численности жителей Гуты Пеняцкой в период совершения данного преступления, в том числе были подвергнуты анализу архивные материалы, а в особенности акты гражданского состояния прихода Пеняки, касавшиеся как числа жителей этой местности в исследуемый момент времени, так и отмеченных в материалах сведений относительно числа лиц, погибших 28 февраля 1944 года, а также в период после этой даты (умершие от полученных повреждений). Проанализированы также все доступные публикации, касающиеся преступления в Гуте Пеняцкой, в том числе изданные как Польше. Так и за границей. Основываясь на показаниях свидетелей и всех указанных материалах, удалось составить список жертв данного преступления, который на настоящем этапе следствия составляет более 400 человек.

Принимая во внимание действия, направленные на установление лиц, виновных в совершение преступления в Гуте Пеняцкой, следует констатировать, что как в показаниях очевидцев этих событий, так и в рассмотренных публикациях, а также в собранных архивных материалах, преступники описаны как солдаты, одетые в немецкое военное обмундирование, частично в белые маскировочные комбинезоны, объяснявшиеся на украинском языке, в то время как их командиры — на немецком языке. Кроме того, в показаниях упомянуты гражданские лица, описанные как жители соседних, населенных украинцами, местностей. Данные лица взаимодействовали с солдатами, а также действовали самостоятельно. Основываясь на материалах судебного процесса Апелляционного суда в Катовицах, под шифром ИК 42/49, установлено, что в преступлении, совершенном в Гуте Пеняцкой, принимал участие вооруженный отряд, состоявший из украинских националистов под командованием Владимира Чернявского. Вышеупомянутый Чернявский был признан виновным в совершении в том числе преступления в Гуте Пеняцкой, и приговорен к смертной казни. Опираясь на украинские архивные материалы из собрания НКГБ УССР, которые были собраны в ходе оперативной разработки под кодовым названием «Звери», установлено, что в преступных действиях, совершенных в Гуте Пеняцкой, кроме солдат 4-го полицейского полка СС, участвовали отряды УПА (скорее всего сотня под командованием Дмитро Карпенко, псевдоним «Яструб», направленная на Волынь с целью военных действий на территории Восточной Галиции), а также отряд, вероятно набранный из жителей

близлежащей деревни Жарки. Украинцы, входившие в состав этих отрядов, оказывали помощь солдатам, проводившим карательную операцию в деревне, а также участвовали в разграблении имущества жителей Гуты Пеняцкой. Анализ собранных по данному делу доказательств, в том числе архивных материалов, касающихся дивизии СС «Галичина», а среди последних — материалов уголовных дел, возбужденных против членов этого формирования в Польше и за границей, позволяет утверждать, что лицами, совершившими преступление в Гуте Пеняцкой 28 февраля 1944 года, были солдаты 4-го полицейского полка 14-й дивизии СС «Галичина» в составе от одного до двух батальонов, причем одним из них определенно был батальон, дислоцированный в Злочеве. Настоящее дело стало предметом следствия, проведенного прокуратурой города Ганновера, под шифром 1191 JS 55339/98, которое было прекращено постановлением от 1 октября 2004 года. В обосновании указанного действия, ссылаясь на доступные архивные материалы и свидетельства, относящиеся к ходу расследуемых событий, указано, что преступление в Гуте Пеняцкой совершили солдаты 4-го полицейского полка 14-й дивизии СС «Галичина» при поддержке украинских националистов, проживавших в соседних деревнях. В качестве потенциального командира группы, проводившей карательную операцию в Гуте Пеняцкой, указан майор Евген Побигущий. Однако вышеизложенного не удалось подтвердить при помощи собранных по делу доказательств. Кроме того, указано на нехватку данных, позволяющих установить персональный состав части упомянутой дивизии, которая проводила карательную операцию.

В рамках данных подготовительных действий направлены запросы в немецкие архивные службы, и в результате из Бундесархива в Берлине и Людвигсбурге были получены материалы в виде личных дел офицеров, проходивших службу в 14-й дивизии СС «Галичина», относящихся к личностям Евгена Побигущего, Мыколы Палиенко, Карла Бристота, Фритца Фрайтага, Вольфа Хайке, Бруно Байерсдорфа. В отношении майора СС Евгена Побигущего установлено, что 1 ноября 1941 года он начал службу в вышеупомянутой дивизии и выполнял в ней обязанности члена командного состава. В период с 17 апреля по 13 мая он прошел с положительным для себя результатом обучение на должность командира батальона. Не удалось установить, какой частью он руководил в период, предшествующий описан-

ному обучению. В этом месте следует подчеркнуть, что, опираясь на факты, выявленные НКГБ УССР в рамках оперативной разработки «Звери», установлено, что формированием, которое провело карательную операцию в Гуте Пеняцкой, командовал немецкий офицер в звании капитана, что может исключить участие Евгена Побигущего в рассматриваемых событиях. Допрошенные по делу свидетели указали фамилии лиц, которые могли участвовать в совершении преступления в Гуте Пеняцкой (главным образом украинских националистов, которые проживали в ближайших населенных пунктах), а также лиц, служивших в дивизии СС «Галичина». Предпринятый по данным материалам запрос не привел к установлению точных сведений. Следует заметить, что собранные в ходе следствия и происходящие из разных источников списки солдат вышеупомянутой дивизии (в том числе касающиеся солдат дивизии, награжденных в 1944 году немецкими Железными крестами), носят фрагментарный характер и не дают возможности для точного соотнесения отдельных лиц к определенным частям в рамках структуры дивизии, а также не позволяют точно определить срок службы в этих частях. В особенности отсутствуют точные списки солдат 4-го полицейского полка данной дивизии. В рамках данного следствия проводятся дальнейшие следственные действия, направленные на точное установление лиц, совершивших расследуемое преступление.

III. ЛОЖЬ УМОЛЧАНИЯ

Богуслав Пазь

Вроцлавский университет

Умолчание как радикальная форма исторической лжи

Философский анализ явления умолчания в контексте геноцида на Кресах

Не подлежит сомнению, что можно лгать в разговоре или на письме. Однако можно ли лгать молча? Ведь латинская поговорка гласит: “*Silendo, nemo recusat*”, т.е.: «Молча никто не грешит». И все же. Можно лгать не столько молчанием, которое этически само по себе нейтрально, сколько *умолчанием*. Прежде чем я это докажу, хотелось бы объяснить несколько гласных понятий и дать основные определения правды, лжи и самого умолчания.

Стоит обратить внимание, что вопрос молчания и умолчания оказывается одной из важнейших проблем той отрасли науки, которой является история. В особенности такую проблему представляют собой «территории молчания» истории. Именно их имел в виду французский историк Жак Ле Гофф, когда писал: «Необходимо [...] спрашивать о пробелах исторической документации, обо всем, что предано забвению, дырах, белых пятнах». Свою мысль он заканчивает вот таким вот императивом: «Нужно составить список архивов молчания. И заниматься историей исходя как из исторических документов, так и из их от-

сутствия»¹⁷⁹. Проблема (у)молчания оказывается общей проблемой философии и истории, однако методологическое первенство относительно диагноза его природы и структуры, принадлежит исключительно философии, а точнее двум ее областям: эпистемологии и этике.

1. Понятие правды

Начнем с понятия правды, поскольку ложь (как род отрицания истины) структура гораздо более сложная. Та форма лжи, которой является умолчание, предполагает изначальное *знание* истины, однако правда вовсе не предполагает знания лжи. Поэтому человек, *когда он впервые начинает говорить, спонтанно говорит ту правду, которую знает, а лжи он должен научиться*. Это находит подтверждение в психологии развития детей. Это объясняет в том числе известную искренность — иногда «до боли» — в случае детей, и такую же самую неискренность у взрослых.

Так что же такое правда? Особенности ее природы были открыты и описаны в том числе великим греческим мыслителем Платоном (427–347 до н.э.)¹⁸⁰. В ее описании Платон сослался на основное значение, которое несет само слово, которым греки определяли правду *ἀλήθεια* (*alētheia*). В нем содержатся основные интуитивные значения, которые описывают смысл правды. Слово «алетхея» является сочетанием приставки *а-* (так наз. *а приватиум*), означающей отрицание или отсутствие чего-либо (ср. «аномальный»), и слова «λήθη» (*lêthê*). Это последнее означает состояние скрытности, тайны, непонимания или отсутствия памяти о чем-либо. В связи с этим, слово «ἀλήθεια», которое мы переводим как «правда», дословно означает «нескрытность», или, говоря утвердительно, *открытость, явность того, что есть*.

Поэтому по-гречески «говорить правду» («ἀλήθειαν εἰπεῖν»)¹⁸¹ значило дословно «высказывать то, что непосредственно явлено

¹⁷⁹ *Le Goff J. Historia i pamięć. Warszawa, 2007. S. 256; Harald W. Lethe. Kunst und Kritik des Vergessens. München, 1997.*

¹⁸⁰ Одна из важнейших работ, касающихся понимания правды у Платона, это *Platos Begriff der Wahrheit. München, 1998* Яна Шаифа. См. также *Detienne M. The Masters of Truth in Archaic Greece. N.-Y., 1999*, где подчеркивается в характеристике истины ее нескрытость, а также память (как отрицание забывания), для которой изначальное понимаемая правда является синонимом.

¹⁸¹ *Heitsch E. Wahrheit als Erinnerung. "Hermes" 91(1963). S. 36–53.*

моим глазам», «выявлять, обнаруживать то, что скрыто». Правда в значении Платона, это сам момент раскрытия, выявления, извлечения на свет того, что изначально нам невидимо или неизвестно¹⁸². Точно так же в современном языке сегодня мы слышим, что кто-то, например, некий журналист, *раскрыл* какую-либо глубоко скрытую финансовую аферу. Сказать правду о скрываемой тайне, значит: сделать явным то, что скрыто, и наоборот: сделать явным то, что скрыто, значит *сказать правду*. Указанный момент раскрытия, выявления того, что скрыто, это суть изначально понимаемой правды. Человек кажется именно тем существом, которое по своей природе стремится именно к такому пониманию истины.

2. Суть скрытости (lêthê) применительно к природе и человеку

Однако другой греческий мыслитель, Гераклит, говорил, что «природа вещей любит скрываться» (*physis philei kryptes thai*)¹⁸³. В этом утверждении мы находим важную подсказку: классически понимаемая правда как выявление того, что по природе скрыто, означает состояние, противное тому, которое нам привычно и определяет мир вещей и явлений. Познание истины идет в своем роде наперекор скрытости природы отдельных вещей.

Скрытость природы вещей, о которой писал Гераклит, одним образом проявляется в мире природы, и совсем иначе — применительно к людям. Скрытость природы, отдельных физических предметов и явлений вокруг нас, следует из их *внешней структуры* (греч. *physis*). Поскольку природа вещей изначально скрыта от нас, для специалистов в области природных наук — физиков, астрономов, биологов, — становится необходимым предпринимать усилия для познания, чтобы — как мы говорим — вырвать у природы сокрытые от нас тайны.

¹⁸² Такое видение правды получило свое развитие у средневековых мыслителей, на которых ссылается в монументальном труде “De veritate” Св. Фома Аквинский (q. I, art. 1 resp). Он вспоминает в том числе Хилари Понтийского (315–367), который определял истину как: «то, что проявляет и раскрывает существование» (*verum est manifestivum et declarativum esse*), а также Св. Августина (354–430), понимавшего правду как «то, посредством чего проявляется то, что есть» (*qua ostenditur id quo est*) – См. *św. Tomasz z Akwinu. De Veritate // O prawdzie*. Lublin, 1999.

¹⁸³ *Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker*. Berlin, 1922. T. I. 1 resp. B. 123.

Абсолютно иначе обстоит дело в случае человека. Он скрывает от нас свои тайны не в силу определяющей его внешней структуры, но в силу своей *свободы*. Он скрывает что-либо от нас, например, свое знание, но делает это не по необходимости, а потому, что так *хочет*.

3. Соккрытие и ложь

Насколько факт непрявленности или скрытости сути (природы) вещей в случае определенных природных факторов является чем-то, что по сути характеризует сами эти вещи, а с точки зрения этики является чем-то абсолютно нейтральным, настолько же абсолютно иначе обстоит дело в случае человека. Поскольку только человек подлежит этической оценке.

Почему? Откуда эта разница?

Человек, в отличие от вещей, которые определены по своей сути природой и молчат, *является существом, которое говорит и свободно*. Наша речь по своей природе направлена на то, чтобы проявлять то, что есть, и чтобы делать явным то, что скрыто, т.е. направлена на выражение правды¹⁸⁴. Поэтому не нужно учиться говорить правду, поскольку наши первые слова уже являются высказываниями о том, что есть, а точнее: о том, что *открыто* и доступно для познания нашим глазам и нашей душе. Правда высказывания, словно свет, позволяет тому, кто ее воспринимает, увидеть то, что мы сами видим. Правда — это нечто очень простое и, в своем роде, ее понимание доступно нам с рождения. Оно тоже является чем-то изначальным. Это подтверждает психология развития человека: дети в самой ранней фазе развития речи всегда говорят правду, поскольку спонтанно начинают с выражения того, что и как им *доступно*.

Ложь — это совсем иное. Она — структура гораздо более сложная нежели правда. Мы не умеем сразу лгать, этому мы должны учиться. Человек начинает лгать только тогда, когда хорошо овладеет *языком* и познает сложные правила и структуру лжи.

¹⁸⁴ В Польше такой интерпретации функции речи придерживается Тадеуш Слипка. См. *Ślipko T. Godziwa obrona sekretu. Zagadnienia. Kraków, 2009. S. 79–135, особенно s. 80–85, 111–121.*

4. Что же такое ложь?

Ложь — это явление исключительно человеческое. Знаменательно, что латинское слово *persona*, которым со времен Средневековья обозначается человек (человеческая личность), во времена Древнего Рима обозначало маску, или человеческую голову в маске¹⁸⁵. В этом заключена глубокая мысль философов-христиан, согласно которой не проявленность нашей жизни, но скрытость бытия свойственна истории человечества. И с этим связана наша склонность ко лжи, несмотря на изначальную направленность человека на истину, понимаемую как проявление того, что скрыто. Таким образом, в человеке проявляется своеобразная драма, заключающаяся в наличии в нем двух противоположных векторов: первого, направленного на поиски правды, т.е. — подобно прожектору, направленного в сторону темноты — на выявление того, что скрыто. И другого, направленного на скрытость, «затемнение» (ср. греч. глагол *lanthano*), что заключается в маскировании того, что есть, т.е. во лжи. Хотя естественным природным образом мы направлены на познание того, что есть, в его явном проявлении, т.е. на правду в понимании Платона, одновременно мы способны ко лжи как отрицанию (маскированию) этой явности.

5. Два классических определения лжи

Категория лжи неоднократно была предметом философских размышлений. Философ и теолог раннего Средневековья св. Августина Гиппонского (354–430) так определил ложь:

«Ложь есть любое высказывание, произнесенное с желанием ввести в заблуждение»¹⁸⁶.

По мысли этого определения, сущностью лжи является желание ввести в заблуждение. Это означает, что имеем ли мы дело в данном случае с ложью или нет, в конечном итоге решает чья-то конкретная воля, желание ввести кого-то в заблуждение, а не обязательно сам

¹⁸⁵ См: Słownik łacińsko-polski. Warszawa, 1999. T. 4. S. 129.

¹⁸⁶ De mendatio // Patrologia Latina (PL). Parisiis, 1877, 40. P. 490

факт введения кого-то в заблуждение. Однако наряду с этой дефиницией, мы находим в письмах Августина еще одно определение:

«Ложь — это неверное обозначение (falsa signification), употребленное с намерением ввести в заблуждение»¹⁸⁷.

Значит, можно представить себе ситуацию, когда кто-то захочет кого-то обмануть, т.е. ввести в заблуждение, но по причине неполной информации или по ошибке скажет ему правду. И хотя адресат высказывания не будет введен в заблуждение или обманут, однако ложь будет иметь место, поскольку этическая квалификация чьего-либо высказывания решается наличием момента воли или также интенции ввести кого-то в заблуждение (*intentio fallendi*), а не логической ценностью этого высказывания.

6. Разные формы лжи

Св. Августин выделил различные формы лжи, понимаемые как обманывающее адресата наших высказываний сокрытие правды о чем-либо. Сокрытие всегда имеет форму некоей тактики, суть которой заключена в намерении ввести в заблуждение (*intentio fallendi*) адресата широко понимаемого высказывания. У лжи также есть свои чрезвычайно разнообразные формы выражения: от самых простых, в виде мимики лица, жестов рук, т.е. того, что мы называем языком тела, до крайне сложных форм языкового общения — от вводящих в заблуждение туриста, который на самом деле спрашивает у нас дорогу на вокзал, неискренних поздравлений с днем рождения, до лживой, скрывающей нашу неприязнь к кому-либо, улыбки на лице. Нас, однако, будет интересовать та особая разновидность лжи, коей является ложь через умолчание.

7. Молчание и умолчание

Вначале я хотел бы разделить две категории — молчание и умолчание. Молчание — это явление этически нейтральное¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Contra mendacium. PL 40. S. 537.

¹⁸⁸ Семиотический анализ молчания проводила в том числе Изидора Домбская в

Мы молчим, когда едем в трамвае, ждем у кабинета зубного врача, наблюдаем захватывающий дух пейзаж в горах. Никакому из перечисленных случаев молчания мы, однако, не можем приписать какой-либо этической квалификации, поскольку они этически нейтральны. Молчание само по себе не имеет никакой этической квалификации или определенного смысла, но может быть началом этого смысла.

В истории философии молчание имело свой метафизический, но также и этический смысл. Если речь идет о первом, то, согласно идеям неоплатоников, весь мир родился из изначального молчания (*sigé*)¹⁸⁹, само же оно является условием, дабы — как утверждали неоплатоники — человек мог уверовать и вернуться (*epistrophéin*) к богу, источнику всякого смысла (*logos*). Ранее, в школе пифагорейцев, молчание было не только духовным упражнением, которое, в течение первых трех (а, по мнению некоторых, и более) лет должны были обязательно выполнять новички, но также и своеобразным основным условием концентрации внимания, позволявшим всматриваться в вездесущую гармонию, а прежде всего, вслушиваться в музыку мира. Согласно св. Августину, настоящая риторика находит высшее воплощение в молчании, в котором замысел непосредственно достигает действительности¹⁹⁰.

Молчание можно также рассматривать в знаковой семиотической перспективе. Соотнесенное с семиотическо-прагматическим измерением, которое описывается схемой:

автор сообщения — адресат сообщения,

т.е. при наличии двух или более лиц, оно становится потенциальным знаком¹⁹¹, т.е. носителем определенного смысла. В качестве зна-

---

работе O funkcjach semiotycznych milczenia // *Znaki i myśli. Wybór pism z semiotyki, teorii nauki i historii filozofii*. Warszawa, 1975. S. 93–103); также *Milczenie jako środek taktyczny i kategoria etyczna* // *Ibid.* S. 103–105. См. также *Jaworski A. Power of Silence. Social and Pragmatic Perspectives*. London, 1993. Постмодернистскую интерпретацию маскировки дает Стэнли Розен в своей работе *Suspicion, Deception and Concealment* // *Metaphysics in Ordinary Language*. South Bend, 2010. P. 1–14.

¹⁸⁹ Подобного рода молчание в принципе тождественно «тишине», которую мы наблюдаем в нейтральном состоянии в природе, например, в высоких горах.

¹⁹⁰ См. *Mazzeo J.A. St. Augustine's rhetoric of silence* // "Journal of the History of Ideas" 23, IV–VI. 1962, № 2. P. 175–196, особенно P. 186.

¹⁹¹ Молчание как знак анализирует Д. Курзон в своей работе *Discourse of Silence*. Amsterdam, 1997. S. 5–24, особенно S. 5–9.

ка молчание оказывается чрезвычайно объемным средством выражения, которое оформляет различные смыслы и принимает разные формы. Эти смыслы должны как-то выражаться на межличностном плане¹⁹². Это значит, что кроме их субъекта-автора (отправителя), должен быть некий получатель, который является их адресатом. В контексте рассуждений об умолчании, нас будут интересовать две основные разновидности форм молчания, одни из которых (1) что-то проявляют, другие же (2) скрывают¹⁹³.

В первом случае мы имеем дело с формами значимого, красноречивого молчания, которое является особой (предпредикативной) формой выражения правды в ее платоновском понимании. Такой формой значимого молчания является, например, великолепный образ Лив Ульман в фильме «Персона» (1966 г.) Ингмара Бергмана, в котором она не говорит ни единого слова, но молчанием и актерской игрой выражает всю глубину внутренних переживаний и личного страдания. Стоит обратить внимание на само название этого фильма, т.е. слово «персона». Обычно оно означает личность, однако, как уже было сказано, это слово передает глубокий план человеческого существования, который символизирует театральная маска, бывшая в классической латыни изначальным десигнатом слова «персона». Ведь человек может перед одними открывать, проявлять правду, а от других ее скрывать¹⁹⁴. Это молчание оказывается прозрачным *medium*, которое великолепно раскрывает выражаемые мимикой лица переживания персонажа, которого играет норвежская актриса, и полностью концентрирует на них внимание зрителя.

Однако то же молчание может принять и иную форму, которая ничего перед нами не раскрывает, но также и не скрывает чего-либо. Молчание (*silentium*) в этом случае является знаком абсолютно неп-

¹⁹² См.: Jaworski A. The Power of Silence. Social and Pragmatic Perspectives. London, 1993; Rokoszowa J., Język czas milczenie. Kraków, 1999; Semantyka milczenia. Zbiór studiów. T. 1. Warszawa, 1999; Semantyka milczenia. Zbiór studiów. T. 2. Warszawa, 2002.

¹⁹³ "Some silences reveal, others conceal. Some silences stand to discourse as the non-determinate to the determinate, others as the determinate to the nondeterminate". Dauenhauer B. Silence. The Phenomenon and Its Ontological Significance, Bloomington 1980. P. 115.

¹⁹⁴ См. Danneberg L. Aufrichtigkeit und Verstellung im 17. Jahrhundert: dissimulatio, simulatio sowie das Lügen als debitum morale und sociale // Die Kunst der Aufrichtigkeit im 17. Jahrhundert. Tübingen 2006. S. 45–92.

розрачным, поскольку оно концентрирует внимание на себе вместо действительности, которая потенциально могла бы выражать и коммуницировать. В этом случае, однако, она ничего не выражает. Поскольку молчание ничего не сообщает, оно не является носителем ни правды, ни лжи. Примером такого молчания может быть пассажир, сидящий напротив нас в поезде или пешеход, которого мы видим за стеклом какого-нибудь кафе, откуда смотрим на прохожих.

Абсолютно иную и более ярко выраженную характеристику имеет молчание в значении (2), понимаемое как умолчание. Оно является состоянием, характеризующим исключительно человека. Это такая форма сознательного и целенаправленного сокрытия информации о чем-либо, особым средством выражения которой, и вместе с тем, средством введения в заблуждение, является именно молчание. Эта форма молчания понимается, однако, несколько иначе, нежели та, о которой шла речь выше. У так понимаемого молчания есть своя, чрезвычайно богатая, семантика в области риторики и эстетики музыки, а именно, воздержание от какого-либо высказывания. Молчание в значении (2) по-гречески обозначается как ἀποσιώπησις (*aposiōpēsis*), а по-латыни — *reticentia* либо *obtinētia*. Оно является формой скрытости *lēthē*, которая, в свою очередь, есть или может быть исходным компонентом лжи. Не каждая форма скрытости в случае человека должна означать ложь. Например, кто-то может скрывать от других факт, что пережил в детстве некий болезненный опыт (например, смерть кого-то из родителей), которым он не хочет делиться с другими. Однако в любой лжи, наряду с элементом намерения ввести в заблуждение (*intentio fallendi*), выступает элемент скрытости как основной фактор этой лжи.

8. Структура умолчания

Умолчание, в отличие от этически нейтрального и пустого по значению молчания, является феноменом со сложной структурой. Оно состоит из следующих элементов, которые соответствуют основным признакам лжи:

- во-первых, умолчание является действием, обусловленным целью, и добровольным;
- во-вторых, умолчание всегда скрывает под завесой молчания от кого-то определенную информацию;

– в-третьих, это форма скрытости, которая является отрицанием классически понимаемой истины в значении, сформулированном для нее Платоном;

– в-четвертых, у умолчания по своей сути есть его адресат, то есть тот, от кого скрывается эта информация.

Тем, что отличает эту форму лжи от иных ее проявлений, является ее особый знаковый носитель, при помощи которого скрывается знание. Это молчание, как изначальная единица плана выражения, своеобразное начало-источник (*principium*) речи и языка. Такое молчание не является молчанием нейтральным, о котором шла речь ранее.

Молчание, которое скрывает правду, не является молчанием «глухим», а тем более семиотически нейтральным, ничего не значащим, ничего никому не сообщающим. Обычно это так называемое красноречивое молчание. Оно сообщает нам нечто конкретное при помощи неписаного внутреннего языка (*lingua mentalis*): «ничего не знаю» или «ничего не случилось». Умолчание, или молчание, скрывающее правду, использует молчание как средство. Это знаковое выражение экспрессии, которое сообщает конкретному адресату состояние, противоречащее тому, которое испытывает тот, кто умалчивает. Что это значит? Умалчивая об информации, которой я располагаю, своим молчанием я сообщаю о состоянии противоположном тому, что на самом деле переживаю в данный момент, а именно даю понять: «но ведь я ничего не знаю!» Хотя я осведомлен, то есть знаю о чем-то, о чем я должен в данной ситуации проинформировать моего собеседника, однако своим красноречивым молчанием я даю понять, что ни о чем не знаю, либо что то, о чем я знаю, не имело места. Это классический пример лжи, о котором писал св. Августин, когда приводил определение лжи, построенное как бы в обратном порядке по отношению к предыдущему:

«Каждый, кто лжет против того, что чувствует душа, тот говорит с намерением ввести в заблуждение»¹⁹⁵.

¹⁹⁵ “Omnis autem qui mentitur, contra id quod animo sentit loquitur, voluntate fallendi.” — PL 40, e. 241.

Само реализованное в данный момент намерение ввести в заблуждение, является сущностью лжи. В свою очередь, умолчание это именно такого рода ложь против того, что чувствует душа, и одновременно действие, которое имеет целью ввести в заблуждение кого-то, от кого скрывают правду о чем-либо.

9. Правда и память против умолчания как формы скрытости (leïthē)

Классически понимаемая правда в изложении Платона, или нескрытость (*alētheia*), всегда оставалась в тесной связи с памятью (*anamnesis*). Эта связь возникала, поскольку то, чему в качестве *alētheia* была противопоставлена правда, и что обозначалось словом *lēthē*, само было эффектом беспамятства и забывтья. Отсюда правда как явность — отрицание состояния *lēthē* — должна была быть связана с получением при помощи силы памяти знания (осознания) того, что уже каким-то невыраженным образом присутствует в нашем сознании, хотя одновременно остается скрытым от нас. Душа, чтобы познать истину, т.е. то, что есть, должна была в ходе воспоминаний о себе, т.е. пользуясь силой памяти, заново отыскать знание о чем-то¹⁹⁶. К этому знанию принадлежало, в том числе, и ее собственное прошлое. Знакомство с индивидуальной историей отдельных личностей не только проясняло генезис отношений этих индивидуальностей между собой, объясняя этим ту, а не иную их общественную позицию, но прежде всего формировало их индивидуальное тождество и создавало естественные связи в рамках одного и того же народа (*ethnos*), частью которого они были и с историей которого себя идентифицировали. Память, а тем самым и правда, имели, таким образом, огромное значение одновременно в масштабе как индивидуальном, так и общественном. По отношению к индивидуальностям, память была, как уже было сказано, основой их тождества, а также условием понимания мира, в котором жила данная индивидуальность.

Дело в том, что Платон провозглашал врожденность идей, т.е. основных понятий и принципов, объясняющих существование и при-

¹⁹⁶ См. *Dąmbska I.* Pseudos i pseudes w filozofii Platona // "Roczniki Filozoficzne". 1979. Z. 1. S. 121–133; *Chudy W.* Platona i Arystotelesa poglądy filozoficzne na temat kłamstwa // *Wierność rzeczywistości. Księga pamiątkowa z okazji jubileuszu 50-lecia pracy naukowej na KUL o. profesora Mieczysława A. Krąpca.* Lublin, 2001. S. 371–396.

роду мира. Эти идеи могли быть познаваемы на базе своеобразно понимаемой памяти — анамнеза. В рефлексийном процессе воспоминания действительно существующего, но скрытого в нашей душе знания. В масштабе общества, понимаемая таким образом память формирует реальные связи в существовавшем до сих пор традиционном сообществе (семья, народ) и государстве. Историческое прошлое, которое вызывает представление о памяти, было своеобразным пространством, в котором судьбы отдельных членов данного сообщества и их предков переплетались друг с другом, составляя настоящее. Кроме того, память служит основой еще одного измерения общественной жизни, ценность которого подчеркивалась от начала времен нашей цивилизации, а именно традиции. Традиция, дословно «передача» (лат. *trado* — «передаю из рук в руки»), становится возможной исключительно на базе памяти, индивидуальной и коллективной. Составными частями традиции являются как различные ценности, достоинства и практические навыки, так и историческая память, передающаяся из поколения в поколение.

Зло, проистекающее из лжи умолчания, как фактора исторического свидетельства, заключается прежде всего в том, что негативно воздействует на индивидуальную и общественную память, в результате чего препятствует, или даже делает невозможным, создание аутентичного отождествления личности и народа. В значительной мере это зло направлено против правильного понимания закономерности современного мира и против традиции, которая, в свою очередь, является базой развития культуры, понимаемой как сохранение (лат. *colo*) и развитие существовавших до сего дня ценностей, открытых или созданных в прошлом предыдущими поколениями.

10. Современные примеры лжи посредством умолчания

Примером лжи через умолчание является выступление президента Леха Качиньского на Вестерплатте 1 сентября 2009 года. Так вот, президент в своем вступительном слове, которое освещалось крупнейшими средствами массовой информации всего мира, приводил примеры геноцида, совершенного по отношению к польским гражданам после начала Второй мировой войны. Он привел в качестве примера немецкие концентрационные лагеря и советские лагеря. Когда он говорил о первых, где погибли миллионы польских

граждан, то выразительно смотрел на канцлера Германии — Ангелу Меркель. Когда он говорил о преступлении в Катыни, где нашли смерть около 20 тысяч польских офицеров, он смотрел на премьера России — Владимира Путина. Однако рядом с Меркель и Путиным сидела и премьер Украины Юлия Тимошенко. Несмотря на то, что она была так хороша собой, на ней взгляд Качиньского в ходе этой речи не задержался ни на мгновение. Он не только ни разу красноречиво не посмотрел на нее, но в ее присутствии ни единым словом не вспомнил о судьбах более 200 тысяч поляков — женщин, стариков и детей — которые были варварски истреблены украинскими нацистами из дивизии СС «Галичина» и ОУН-УПА. Теми самыми, чьи оставшиеся в живых «ветераны» коллективно пополняют ряды партии пригожей украинской премьерши. Свою речь Лех Качиньский закончил следующими словами:

«Слава всем солдатам, которые сражались во Второй мировой войне против немецкого нацизма, но также и против большевистского тоталитаризма!»

Эти слова вызывают множество вопросов. Первый и главный из них звучит так: а как же те тысячи часто безымянных бойцов отрядов самообороны пограничья (Кресов), которые — как, например, полковник Ян Невиньский, — не щадя сил защищали жителей польских поселений, спасая тысячи из них от бандерских зверств? Неужели Лех Качиньский ничего не знал о судьбе польских жителей Волыни и других регионов Южного пограничья? Нет, он все прекрасно знал. Представители землячеств польских Кресов неоднократно контактировали с ним, прося поддержать разнообразные инициативы, имевшие целью увековечить память жертв преступлений, совершенных УПА против поляков. Но всегда наткнулись или на прямой отказ, или на молчание его канцелярии.

А может быть, его молчание на Вестерплатте было случайным, ненамеренным? Нет, Лех Качиньский молчал абсолютно намеренно, чтобы, с одной стороны, не допустить проявления старательно скрываемой в публичном медийном дискурсе темы бандеровского геноцида на Кресах (не так давно Рафал Земкевич написал на эту тему замечательную аналитическую статью «Нежелательная история» (*Ziemi kiewicz R. Niechciana historia. "Uważam Rze" 2011. Nr.39*

(31.X-6.XI.2011). S. 14–17), а с другой стороны, поддержать на Украине президентскую кампанию Виктора Ющенко, который объявил сначала Романа Шухевича¹⁹⁷, а затем Степана Бандеру, солдат дивизии СС «Галичина» и членов ОУН-УПА Героями Украины.

Давайте спросим, было ли его молчание относительно судьбы 200 тысяч зверски замученных польских жителей Кресов молчанием этически нейтральным и значимо «пустым», как то, которое мы наблюдаем во время поездки в трамвае? Медийный и политический контекст однозначно указывают: нет, не было! Это было так называемое красноречивое (значащее) молчание. В коммуникативно-медийном контексте оно было очень конкретным умышленно скрытым сообщением, которое можно было выразить следующими словами: «Иных агрессоров, кроме немецких и советских, на землях Второй Речи Посполитой не было», «Ни о каких преступлениях и геноциде на Волыни и в других регионах Кресов я ничего не знаю». Это была ложь. Но не обычная, банальная, ложь.

Ложь подобного рода следует назвать радикальной (лат. *radix* — «корень»), поскольку она затрагивает глубины исторического сознания, отрицая правду о событиях, известную тем, кто был их жертвами, а также искажая (греч. *pseudesthai*) историческое сознание тех молодых поколений, которые по причине своего позднего рождения и из-за программ обучения, принятых в школах, ничего не знают о геноциде на Кресах. Этот публичный, намеренно реализованный акт умолчания исторической правды, был актом публичного отрицания исторической правды. Актом, истоки которого находятся в самой воле, в желании отрицания этой правды. Как таковой, данный акт является репрезентативным проявлением алетофобии¹⁹⁸, то есть страха перед исторической правдой, который выражается в появлении новой формы цензуры в виде политической корректности.

¹⁹⁷ Следует напомнить, что бюст этого преступника, который лично командовал акциями уничтожения, в том числе на Волыни, львовские депутаты разместили на здании польской школы во Львове. При этом польские власти не выразили ни одного протеста по этому поводу. Даже наоборот, политические круги из членов бывшей «Солидарности» неоднократно публично поддерживали фашиствующие бандеровские организации из Львова. Эта поддержка началась с позорного постановления Сената, осудившего т.н. операцию «Висла».

¹⁹⁸ Об этом я писал в статье *Aletophobia, czyli strach przed prawdą o ludobójstwie na Kresach*, опубликованной в сборнике *Ludobójstwo OUN-UPA na Kresach Południowo-Wschodnich. Kędzierzyn-Koźle*, 2010. S. 53–63.

Следует обратить внимание, что когда св. Фома Аквинский (1225–1274) проводил анализ отдельных компонентов лжи, среди которых были, в том числе, знания, намерения (цель), фальшивое обозначение (*falsa significatio*) и воля, именно в последнем, т.е. в воле, в сознательном желании, видел он сущность (суть) лжи. Желание было для него ее обязательным признаком и наиболее тяжелым обвинением ложилось на самого лжеца.

11. «Смерть через умолчание» (Todschweigen) как тактика современных лжецов в политике и средствах массовой информации

11.1. Катынская ложь

Ложь умолчания в прагматическом и медийном измерении является наиболее удачным видом лжи вообще. Я проиллюстрирую это на примере злодеяния в Катыни. Как мы помним, почти полвека коммунистическая пропаганда заявляла: «Убийство польских офицеров в Катыни совершили немцы». Это утверждение и подобная ему советская надпись на могилах польских офицеров:

*Жертвам фашизма — польским офицерам,
расстрелянным гитлеровцами в 1941 году*

хотя и были ложны, но, однако, допускали хотя бы возможность задать вопрос: на самом ли деле это преступление совершили немцы? Потому что каждое явно высказанное суждение, даже это, на первый взгляд как нельзя более очевидное, дает его адресату возможность поставить его под сомнение.

Но что происходит, когда вместо высказанных ложных, скрывающих правду суждений, в качестве скрывающего или маскирующего правду фактора мы примем последовательное молчание о ней? Тогда никто не задаст никакого вопроса и ничего не поставит под сомнение, поскольку в ситуации последовательного умолчания нечего ставить под сомнение и не о чем спрашивать. Этот аспект лжи

отмечает Войцех Худы, когда, указывая на роль высказанного слова, как знака, говорит:

«Знак, как посредник, обличает разоблачение лжи. Он может не сочетаться с другими знаками, и таким образом вызывать подозрение того, кого обманывают; он может стать основой для будущей конфронтации с действительностью (idea) и продемонстрировать свою несочетаемость с ней. Знак дает некий шанс на защиту от предполагаемой лжи»¹⁹⁹.

Потому умолчание, если только оно последовательно и удачно реализовано, становится совершенной ложью, особенно удачной сейчас, во времена вездесущих средств массовой информации. Их повсеместное присутствие приводит к тому, что наше восприятие мира меняет свой статус, мир становится своего рода отраженным в них, поскольку в такой перспективе «быть» или «существовать» по отношению к какому-либо событию или политике, означает: «быть содержанием сообщения в средствах массовой информации», «быть содержанием чьего-либо высказывания в СМИ». Параллельно с этим: «не быть содержанием сообщения в средствах массовой информации» означает то же самое, что и «не быть вообще», «не существовать».

Вслед за Евой Томпсон можно сказать, проводя применявшееся ранее в западной литературе разделение между фактами и событиями, что нечто, некий факт «есть», «существует» только тогда, когда он становится медийным «событием», и только при этом условии он имеет значение, «считается»²⁰⁰. Это разделение и выводящийся из него принцип говорят нам, что в современности, когда наше мировоззрение в огромной мере формируется при посредстве СМИ, самый значимый факт в настоящем или прошлом имеет значение лишь настолько, и присутствует в общественном сознании лишь в той мере, насколько он будет этими СМИ подхвачен и доведен до

¹⁹⁹ Chudy W. Platona i Arystotelesa poglądy filozoficzne na temat kłamstwa... S. 375.

²⁰⁰ Thompson. E. Postmodernizm, pamięć, logocentryzm // (Nie)obecność. Pomięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku. Warszawa, 2008. S. 37–53. Здесь, описывая немецкую историческую политику по отношению к Польше и иным негерманским народам, она следующим образом диагностирует ее сущность: «Факты, которые не стали событиями, попросту не считаются».

общего сведения, если СМИ сделают из этого факта «событие»: дня, недели или даже года. Это СМИ решают де факто решают, что является, а что не является «фактом», поскольку это они решают, что они сделают «событием». Но это, последнее, вовсе не должно быть значащим фактом; оно вообще не должно быть фактом, т.е. чем-то, что на самом деле произошло в некоторое время в некотором месте. Как удивительно точно пишет Карола Дитце: «События [сами по себе. Прим. авт.] не происходят, события производятся (art produced)»²⁰¹. Задачей средств массовой информации является создание событий и концентрирование внимания общества на них, независимо от того, произошло ли то, о чем они информируют, в действительности, или нет.

Так спросим же, в чем проявляется цель, успешность и одновременно зло этой формы лжи? Ответ мы находим в языке. В словаре понятий немецкого языка мы находим слово «Todschweigen». Оно идеально передает суть деятельности современных лжецов из СМИ. Дословно оно означает «осуждение кого-либо или какого-либо события на смерть через молчание о нем». Это радикальная форма лжи. Я называю эту форму радикальной, поскольку она является самой жесткой противоположностью правде, понимаемой как открытость и явность, или же: «извлечение на свет того, что скрыто». На радикализм подобным образом понимаемой лжи указывает выразительно звучащее в данном термине «Todschweigen» слово «смерть» (Tod). Оно здесь абсолютно не случайно, и великолепно передает суть описанного явления.

11.2. Волынская ложь

Связь так понимаемой смерти, отсутствие в общественном сознании, с намерением умолчания, реализованным с полным умыслом, замечательно выразил покойный Ян Залесский, очевидец бандеровских преступлений, отец ксендза Тадеуша Исаковича-Залесского. В одной из своих неопубликованных статей о судьбе жителей Кресов он констатировал:

²⁰¹ Dietze C. Terror in the nineteenth Century: Political assassinations and public discourse in Europe and the United States, 1878–1901 // “German Historical Institute Bulletin” 2007. Nr. 40. S. 91. См. Paź B. Pojęcie prawdy historycznej determinanty filozoficzne i polityczne. S. 24, сноска 12.

«Кресовян убили дважды. Первый раз ударами топора, второй раз умолчанием»²⁰².

Умышленное игнорирование жертв посредством умолчания в масштабах общества означает их отсутствие в человеческом сознании и памяти²⁰³. Жертва не только перестает быть, т.е. существовать для других, но и теряет все принадлежащие ей права, раз уж ее нет, и создается впечатление, что никогда не было. Прежде всего, она теряет право на защиту и элементарную справедливость. Особенно опасно использование тактики умолчания в русле истории, исторической политики или текущей политики. Упомянувшийся здесь В. Худы писал:

«При интерпретации событий умолчание становится устрашающе грозным оружием, если им хотят воспользоваться с целью внушения лжи, поскольку абстрагирование от определенных аспектов содержания — это часть рутинной деятельности историка, а опущение в фактическом описании даже единственного нюанса может значительно исказить сущность явления»²⁰⁴.

Современные инженеры общественной жизни, «дизайнеры» от истории и прочие лжецы хорошо это знают, а политики в рамках текущего политического курса с большой охотой прибегают к инструменту манипуляции, которым является умолчание.

11.3. Ложь умолчания в постановлении Сената

Я думаю, что репрезентативным и вместе с тем вопиющим примером такого историко-политического умолчания является позорное постановление Сената Польской Республики от 30 августа

²⁰² Здесь имеется в виду текст неопубликованной статьи Losy Kresowian po II wojnie światowej, отредактированной в 1978 году. Фрагмент машинописной рукописи статьи предоставил сын Яна Залесского ксендз Тадеуш Исакович-Залеский.

²⁰³ Margalit A. The ethics of memory. London, 2002.

²⁰⁴ Chudy W. Społeczeństwo zakłamane. Esej o społeczeństwie i kłamstwie — 1. Warszawa, 2007. S. 360–361.

1990 года, осуждающее т.н. операцию «Висла»²⁰⁵. В нем осудили абсолютно легальные²⁰⁶, в свете международного права, действия тогдашних властей Польши, защищавших польское население [после окончания Второй Мировой войны, на территории восточных и юго-восточных воеводств самой Польши! — Прим. пер.] от убийств бандами ОУН-УПА, которые продолжались беспрестанно в ходе всей Второй Мировой войны и в течение двух лет после ее окончания; действия, имевшие своей целью лишить их снабженческой и разведывательной базы. Сенат, однако, не посчитавшись с мнением подавляющего большинства поляков, постановил осудить операцию «Висла», хотя она не повлекла никаких жертв среди находившегося в зоне ее действия украинского и лемкского населения. Вместе с тем Сенат (а также сенаторы последующих созывов) полностью умолчал следующее:

Во-первых, умышленное, реализованное в атмосфере террора, повлекшего несколько тысяч жертв среди поляков, евреев, русских и армян, изгнание нескольких сот тысяч поляков из областей на польском пограничье, бывших для них родиной на протяжении почти семи веков. Изгнанные жители Кресов ни в малейшей степени не были причастны к убийствам и бандитским нападениям на своих соседей (подобные были редкостью). В упоминаемом постановлении полностью умолчали также, что бегство из обжитых на протяжении веков родных мест было для поляков часто единственным шансом спасти свою жизнь от необычайно жестокой смерти от рук банд ОУН-УПА и дивизии СС «Галичина», стремившихся вселить ужас в тех, кто хотел бы остаться в своих домах²⁰⁷. Поэто-

²⁰⁵ См. *Prus E. Operacja Wisla. Fakty – dokumenty*. Wrocław, 2006.

²⁰⁶ Стоит указать на юридическую (с точки зрения международного права) оценку операции «Висла» авторства Рышарда Шавловского в: *Akcja “Wisla” w świetle prawa // Akcja “Wisla”. Przyczyny, przebieg, konsekwencje. Materiały konferencji naukowej zorganizowanej 23–24 lutego 2007 r. w Przemyślu*. Przemyśl, 2007. S. 139–164.

²⁰⁷ Среди разнообразной фактографической литературы, документирующей геноцид на Кресах, стоит упомянуть книгу Т. Исаковича-Залесского «Скрытый геноцид в Крессах» (*Przemilczane ludobójstwo na Kresach*. Kraków, 2008), которая особенно явно указывает на момент умолчания преступлений украинских нацистов из дивизии СС «Галичина» и банд ОУН-УПА. Эти преступники пользовались поддержкой украинской греко-католической церкви, в том числе гитлеровского пособника о. Андрея Шептицкого (*Ibid.* S.51–55), которого его современные наследники хотят провозгласить святым католической церкви (!). В нигилистической логике исторической лжи массовое убийство на Кресах на-

му, руководствуясь элементарной логикой и универсальной этикой природного права, в первую очередь осуждения Сенатом Польской Республики заслуживали изгнание поляков из их родных мест и преступная антипольская деятельность гитлеровских коллаборационистов из ОУН-УПА и дивизии СС «Галичина».

Во-вторых, разграбление огромного количества ценностей польской культуры (в том числе собрания библиотеки Ossolineum и собраний бесчисленных частных, школьных, монастырских и научных библиотек), а также умышленное уничтожение²⁰⁸ любой собственности изгнанного оттуда польского населения. До сего дня в подавляющем большинстве она не была возвращена.

В-третьих, и это самое важное, в постановлении Сената умолчали об уничтожении абсолютно изуверским образом около 200 тысяч поляков на Юго-восточном пограничье Второй Речи Посполитой. Это преступление, совершенное против поляков, а также евреев, армян, русских, чехов и добропорядочных украинцев бандами ОУН-УПА и отрядами дивизии СС «Галичина», хотя и квалифицировано следственными группами ИМП как геноцид, никогда не встречало осуждения со стороны Сената РП.

В-четвертых, ни одно из огромного числа этих преступлений не было осуждено Парламентом независимой Украины. Напротив, в последние годы идеологи, вдохновители и главные организаторы этого преступления — Степан Бандера и Роман Шухевич, — специальными указами президента Виктора Ющенко были объявлены Героями Украины (что встретило критику, но не со стороны польского Сената, а со стороны Европейского Парламента).

ходит воплощение не только в виде государственной героизации, но даже сакрализации (украинской греко-католической церковью).

²⁰⁸ Необходимо обратить внимание, что после убийства польского населения, в отдельных населенных пунктах приступали к реализованному с сознательным умыслом систематическому сожжению и разрушению любых следов польской материальной культуры: школ, монастырей, церквей и домашних хозяйств поляков. Уничтожали даже являвшийся их собственностью скот, вырубали сады и засыпали колодцы. Цель была одна: стереть память о практически девятивековом присутствии поляков на Кресах.

11.4. Каскадная природа лжи

Упомянутый В. Худы подробно описал, именно в перспективе подобных рассуждений, явление каскадности, присутствующее в структуре и динамике лжи²⁰⁹. Здесь имеется в виду внутренняя логика процесса, согласно которой одной ложь, как определенным добровольным этическим актом, мы открываем дорогу целой спирали ложных утверждений, необходимых, чтобы более ранняя ложь не проявилась.

Для этого ложь должна генерировать все новые и новые свои формы. В конкретном анализируемом примере молчание о преступлении, особенно о столь большом, не только не принесет, но и по природе своей не может принести никаких позитивных последствий. Происшествия последних лет, похоже, однозначно это подтверждают. Об этом свидетельствуют происходящие на Украине события, которым нет аналога ни в одной цивилизованной стране со времен падения Третьего Рейха: практически ежедневно проходят марши украинских неонацистов с бандеровскими флагами, факелами и шовинистическими лозунгами²¹⁰. Происходит повсеместная бандеровская индоктринация в местных школах и высших учебных заведениях, систематическое уничтожение следов любого рода неукраинской истории и памяти на территории бывшего польского Юго-восточного пограничья. Но, прежде всего, происходит направляемая сверху и явно реализованная на уровне Администрации Президента и Парламента героизация украинских архитекторов геноцида: Романа Шухевича и Степана Бандеры вместе с дивизией СС «Галичина» и формированиями ОУН-УПА, кульминацией которой стали декреты предыдущего президента, Виктора Ющенко.

²⁰⁹ См. *Chudy W. Filozofia kłamstwa. Kłamstwo jako fenomen zła w świecie osób i społeczeństw.* Warszawa, 2003. S. 92–101.

²¹⁰ Кстати, во время одного из предыдущих маршей, День соборности Украины (22.01.2011), украинские неонацисты, при поддержке Юлии Тимошенко организовал в центре Львова огромный митинг, в ходе которого потребовали включение в состав Украины Замостья. Основным выступающим на митинге был Юрий Шухевич, сын Романа Шухевича, командира УПА, который лично курировал и осуществляется геноцид на Волыни в 1943–1944 годах.

12. Заключение

С точки зрения передачи информации, ложь умолчания является нарушением существовавшей доселе конвенции/логики языка, согласно которой, молчание в определенной ситуации означает неведение либо является нейтральным по значению.

С точки зрения истории, как науки о минувших событиях, применение умолчания вызывающе подрывает сам базовый императив научной добросовестности. Прежде всего, умолчание — это отрицание истины как главной ценности научного познания, и оно поражает основной источник, из которого рождается история как наука, а именно, индивидуальную историческую память. С точки зрения онтологии, умолчание как форма исторической лжи является отрицанием, а скорее, намеренно реализованным уничтожением, аннигиляцией (лат. *nihil* — «ничто») знания о прошлом, реального прошлого, присутствующего в сознании того, кто умолчанием стремится обречь его на полное небытие.

Наконец, с точки зрения этики, умолчание, как и любая ложь, т.е. сознательное введение в заблуждение адресата высказывания, является ограничением свободы тех, кто ищет истину, чтобы суметь верно оценить действительность или совершить верное, т.е. соотносимое с действительностью, действие. Таким образом, ложь умолчания направлена против основного природного права человека — права на правду. Ограничение доступа человека к правде одновременно означает попытку поставить под вопрос другое право человека — право на свободу. Каждое наше действие, каждое сознательное решение всегда обусловлено диагнозом действительности — действительности в настоящем, но также и в прошлом, которая бывает умышленно скрыта актом умолчания.

Таким образом, желая дать ответ на поставленный вначале вопрос, можно ли лгать молча, мы должны дать только один ответ: да! Только молча и умалчивая правду можно лгать настолько явно. А значит, прав один предприниматель, который недавно написал в своем блоге: «Умолчание правды еще хуже, чем ложь».²¹¹

²¹¹ URL: <http://gudzowaty.blog.onet.pl/Oredzie-i-co-dalej,2,ID419465525,n> (дата обращения: 24.II.2011).

Чеслав Партач

Кошалинский политехнический институт

Причины геноцида, совершенного ОУН-УПА по отношению к польскому населению, и их умолчание в украинской историографии

Nescire autem quid ante quam natus sis acciderit,
id est semper esse puerum.²¹²
Cicero, Orator, XXXIV [120]

Вторая Мировая война началась 1 сентября 1939 года нападением на Польшу войск гитлеровской Германии, к которым 17 сентября присоединились войска Советского Союза. Для удара по Польше немцы использовали в том числе и Украинский легион, насчитывавший около 600 националистов. Для советских и российских политиков и историков Вторая мировая война, которую позже назвали Великой Отечественной войной, началась с момента нападения Третьего Рейха на Советский Союз, т.е. 22 июня 1941 года. Для Соединенных Штатов Вторая Мировая война началась 7 декабря 1941 года атакой японской авиации на Перл-Харбор.

Для стран Западной и Центральной Европы война закончилась 8 мая 1945 года. Для Советского Союза — 9 мая. Для Соединенных Штатов и СССР — капитуляцией Японии 2 сентября 1945 года. А для поляков в Люблинском и Жешовском воеводствах в результате действий ОУН-УПА она продолжалась еще два года.

Эта война привела к разделению территории Польши между Третьим Рейхом и Советским Союзом. Немцы оккупировали 49 % территории Польши, а Советский Союз — 51 %, главным образом Восточное пограничье²¹³. Эти территории населяло почти 14 млн. польских граждан, среди которых были поляки, украинцы, бело-

²¹² «Не знать того, что случилось до нашего рождения, значит навсегда остаться мальчиком». — Цицерон.

²¹³ Это были воеводства: Виленское, Новоградское, Белостокское, Полесское, Волыньское, Тарнопольское, Станиславовское и Львовское.

русы, евреи и литовцы. Земли, населенные ими, оказались под советской оккупацией вследствие пакта Молотова-Риббентропа, нападения Советского Союза на Польшу, а также псевдоплебсцита (выборы в Советы народных депутатов Западной Украины и Западной Белоруссии) 22 октября 1939 года²¹⁴. На территории Второй Речи Посполитой украинцы проживали главным образом на Волыни и в воеводствах: Тернопольском, Станиславовском и Львовском в количестве около 5 млн., поляков на этой территории проживало 2,6 млн. Главным образом это было крестьянское население.

Любая война пробуждает чудовищ во множестве людей. По мере развития цивилизации, роста уровня образования и благосостояния, войны становились все более жестокими. Так было и во времена Второй мировой войны. Крайние украинские националисты, по образцу Третьего Рейха и в соответствии с собственной нацистской идеологией, решили создать тоталитарное украинское государство. Это должно было быть государство этнически чистое, без чужаков, или, как говорили националисты, «без заиманцев» — поляков, евреев и русских. В сентябре 1939 года, а также в период с 1941 по 1946 год, националисты убивали польских военнослужащих и гражданское население. В результате в ужасных мучениях умерли от 134 до 200 тысяч поляков и сотни тысяч польских граждан других национальностей — евреев, украинцев и армян. К жертвам этих преступлений нужно добавить и сотни тысяч тех жителей Кресов, которые, в чем были, часто в одних штанах и рубашке, бежали со своей родной земли на Запад, куда глаза глядят, лишь бы подальше

²¹⁴ Это противоречило подписанной Россией Гаагской Конвенции от апреля 1904 года, которая, в разделе 46, четко описывает права оккупационных властей. Решения властей СССР об инкорпорации Кресов в состав Советского Союза были недействительны в свете международного права. После освобождения польских земель в 1944 году Красной Армией, созданное марионеточное правительство — Польский комитет народного освобождения подписало соглашение между Польским комитетом народного освобождения и СССР о польско-советской границе. Тем самым оно отрелось от прав на земли Пограничья. 16 августа 1945 года между польским Правительством национального единства и правительством СССР был подписан договор о границе, признав признав измененную в ущерб Польше линию Керзона в качестве восточной границы Польши, опираясь на соглашение, подписанное Польским комитетом народного освобождения. Согласно международному праву, эту дату следует признать за окончание периода принадлежности Кресов к польскому государству.

от ножей и секир УПА и ОУН-СБ. Это был первый геноцид. Только после этого советские власти провели экспатриацию²¹⁵ поляков.

В Народной Польше, которую западные союзники продали Сталину, и в которой правили агенты Кремля — коммунисты, а часто даже бывшие бандеровцы, которых перетянули на свою сторону Советы, семьи польских жертв преступлений не могли даже зажечь поминальных свечей на могилах убитых. Расцветала провозглашенная сверху дружба народов Польши и Советского Союза, точно так же, как современное польско-украинское «единение» — без покаяния, без раскаяния и без христианского признания вины. Геноцид поляков, совершенный ОУН-УПА, был запретной темой. Большинство книг на тему Восточного пограничья уничтожалось в угоду советскому империализму, а история фальсифицировалась. Это было второе убийство.

Когда в 1989 году возродилась независимая суверенная Польша, перенятая у Соединенных Штатов политкорректность, т.е. перекрашенный неомарксизм, снова запечатала уста политикам. Уроженцы Кресов должны были молчать и вспоминать убитых в четырех стенах или на своих закрытых конференциях — во имя высшей политической цели окружения России. Только некоторые деятели Польской крестьянской партии поддержали их стремление к сохранению памяти о замученных соотечественниках и преступлениях ОУН-УПА. Это было третье убийство, которое, как и предыдущее, так и последующее, можно было бы назвать «убийством через умолчание» (нем. *Das Todschweigen*).

Убийство жителей Кресов также совершили и в эмиграции. Парижская «Культура», вопреки мнению большинства польской эмиграции, во имя польско-украинского единения, чаще публиковала высказывания украинских националистов, нежели их польских жертв. Это было четвертое убийство.

Как видим, только первое, физическое убийство и моральное унижение, было совершено бандеровцами и украинскими рогулями. Поляки, изгнанные с родных мест бандеровцами и Советами, стали жертвой польско-украинского (галицкого) «единения». За растоптанное достоинство перед ними никто не извинился. С полными горечи сердцами понемногу уходят они из этой несправедливой

²¹⁵ Экспатриация — изгнание, выселение с родной земли, отчизны.

юдоли. Три следующие убийства — убийства через умолчания — совершили польские власти, пресса и ученые: в ПНР, в эмиграции и в Третьей РП. И это самое грустное и позорное.

Каковы были причины этого страшного геноцида, который Рышард Шавловский назвал “genocidium atrox” («геноцид страшный, жестокий, дикий»)²¹⁶? Мы можем констатировать, что научные исследования в их современном состоянии четко указывают на три группы причин:

1. Идеологические — стремление к построению украинского тоталитарного государства нацистского типа;

2. Общественные, продиктованные низкими побуждениями — царившая на Кресах бедность, усиленная войной, а также стремление украинских рогулей обогатиться;

3. Интересы третьих сторон — Советского Союза, заинтересованного в деполонизации Восточного пограничья, как нового приобретения своей империи, и Третьего Рейха, как незначительный вклад в помощь украинскому интегральному национализму, т.е. нацизму.

***

Как к упоминанию и выяснению обстоятельств преступления подходят украинцы и галичане²¹⁷? Историки Польши и Украины подходят к проблеме геноцида ОУН-УПА двояко, обычно в соответствии со своими политическими взглядами. Польские историки в этом трудном вопросе разделяются на «историков польского пограничья» и «ревизионистов»²¹⁸. Первые стараются добыть необхо-

²¹⁶ Александр Корман насчитал 135 способов пыток, применявшихся к жертвам перед смертью «лыцарями» УПА и ОУН. см.: *Korman A. Stosunek UPA do Polaków na Kresach Południowo-Wschodnich II RP*. Wrocław, 2003.

²¹⁷ Название происходит от города Галич, отсюда «Галиция». По-украински «Галичина» означает только то, что в Восточной Галиции было украинским. Это не тождественно понятию «Галиция». Галичане — это народность восточного и западнославянского происхождения, обладающая иной ментальностью, традициями и политическим сознанием нежели украинцы. *Zięba A. Lobbing dla Ukrainy w Europie międzywojennej. Ukraińskie Biuro Prasowe w Londynie oraz jego konkurenci polityczni (do roku 1932)*. Kraków, 2010. S. 56–57.

²¹⁸ *Motyka G. Problematyka stosunków polsko-ukraińskich w latach 1939–1948 w polskiej historiografii po roku 1989 // Historycy polscy i ukraińscy wobec problemów XX wieku*. Kraków, 2000. S. 166–178.

димые сведения независимо от их источника, сопоставляя между собой источники разного происхождения: немецкие, украинские, советские, польские и бандеровские. Они высоко ценят понятия правды, государства, народа и памяти, согласно исследованным источникам. Они осознают значение Кресов в истории польского народа, при этом демонстрируют критический подход к источникам и понимание сущности геноцида, а также осознают факт уничтожения бандеровскими боевиками и местными крестьянами культуры пограничных земель. Они подчеркивают преступный характер деятельности ОУН-УПА не как деятельности национально-освободительной, но как ЗЛА, которому нет места в европейской традиции и культуре или латинской цивилизации. Они также используют сведения из опросов и показаний потерпевших, родственников жертв и свидетелей преступлений. Для них объективная истина является высшей ценностью. К этой группе исследователей следует отнести в том числе: Еву и Владислава Семашко, Люцину Кулиньскую, Леона Попека, Здислава Конечного, Михала Климецкого, Анджея Зембу, Влодзимежа Бонусяка, Кароля Грундберга и Болеслава Шпренгеля, Влодзимежа Осадчего, Яцека Вильчура, Тадеуша Исаковича-Залесского, Владислава Филяра, Мариана Маликовского, Збигнева Пальского, Рышарда Томчика, Богумила Гротта, Чеслава Партача, а также издающихся за границами Польши Кшиштофа Ладу и уже ушедшего от нас Виктора Полищука. К этой же самой группе нужно отнести очень сильное течение исследователей-общественников, берущее начало из среды жителей Кресов, и представленное такими организациями как: Всемирный Союз Солдат Армии Крайовой, Общество 27-й Волынской пехотной дивизии АК, вроцлавское Товарищество Памяти Жертв Преступлений Украинских Националистов (SUO-ZUN)²¹⁹ во главе с председателем Штепаном Секеркой, и многих других.

Вторая группа — это историки-«ревизионисты» (как они сами себя называют), которые стараются уравновесить существующий в Польше негативный образ украинца, опираясь на ход мысли парижской «Культуры». Историки этой группы активно популяризи-

²¹⁹ SUOZUN издает журнал “Na Rubieży”. На ноябрь 2010 года издано 112 номеров. В целях увековечить память жертв галицийского нацизма SUOZUN, совместно с другими организациями, финансировал установление 22 памятников и 135 памятных табличек.

руют искажающие действительность²²⁰ определения и утверждения о преступной деятельности ОУН-УПА типа: «польско-украинская война на Кресах» или «антипольская операция УПА»²²¹. Их отличает употребление топонимов, неприменимое к описываемому исторически времени, например, «Галиция» вместо «Восточная Малопольша», а также частое умалчивание результатов исследований историков пограничья. Некоторые из них абсолютно некритично подходят к воспоминаниям политических деятелей или боевиков, которые были написаны с определенными целями, а также к украинско-галичанским исследованиям. Нестором этой группы и образцом для подражания был Рышард Тожецкий, которого за его книги обожали украинские националисты, а также их наследники в Польше и за границей. И такие публицисты как: Богдан Скарадзиньский (Казимеж Подляский) и Тадеуш Ольшанский. К этой группе следует также причислить Гжегожа Мотыку²²², Рафала Внука, Вальдемара Резмера, Гжегожа Грицюка²²³, Анджея Леона Сова, Гжегожа Мазура, Томаша Стрыека, Владзимежа Менджецкого, Яна Писулинского и Станислава Стемпеня. В кругу этих лжеисториков следует отметить чрезвычайно активную в деле обеления преступлений УПА полонистку Богумилу Бердыховскую, украинских филологов Володимира Мокрого и Ольгу Гнатюк. Наконец, назовем журналистов «Газеты

²²⁰ Я использую слово «искажающее» в смысле дефиниции лжи, приведенной св. Августином Гиппонским: «ложь есть ошибочное обозначение (именование), употребленное с намерением ввести в заблуждение». ("Mendatium est quippe falsa significatio cum voluntate fallendi") — *Contra mendatium*. Cap. XII. [в:] *Patrologia Latina* 40. C. 537.

²²¹ *Antypolska akcja OUN-UPA 1943–1944. Fakty i interpretacje*. Warszawa, 2002. S. 166.

²²² Г. Мотыка именуется уроженцами Кресов «польским Гроссом». Это сотрудник кафедры украинистики факультета международных отношений и политики Ягеллонского Университета, а также ИСП ПАН в Варшаве. Будучи сотрудником ИПН в Люблине, издал вместе с А. Ячиньской и М. Зайончковским поистине курьезные, полные фальсификаций и манипуляций образовательные материалы ИПН *TeKi Edukacyjne IPN. Stosunki polsko-ukraińskie w latach 1939–1947* (Warszawa, 2002). Разгромную рецензию на них написал Юзеф Высоцкий (*Zafalszowane teki Grzegorza Motyki*. Cz. 1–4), www.isakowicz.pl, "Łudobójstwo. Artykuły i bieżące informacje"; см. также: *Bulzacki K. Teki Edukacyjne IPN. Stosunki polsko-ukraińskie w latach 1939–1947, "Na Rubieży"* 2008. Nr. 95. S. 33–49.

²²³ *Hryciuk G. Pogromy, mordy, obozy śmierci, "Rzeczpospolita" 2.XII.2010 (dodatek: "Księga Kresów Wschodnich")*. Nr. 44: *Zagłada Żydów, rzezie Polaków. Geografia i statystyka zbrodni*.

Выборчей» Марцина Войцеховского, Павла Смоленского и Мирослава Чеха. Упомянутая Гнатюк прославилась на ниве «науки» в том числе тем, что из польского поэта XVI в. Себастьяна Клёновича, который жил в Люблине и писал по-польски и по-латыни, а оба его родителя происходили из Великопольши, сделало некоего украинца Кленовича²²⁴. В свою очередь, в качестве атташе польского посольства в Киеве публично осудила по украинскому радио выставку, посвященную преступной деятельности галичанских нацистов из ОУН-УПА, которую совместно с украинской стороной организовало SUOZUN («Нельзя публиковать все под заглавием: «Резня на Волины», особенно нельзя употреблять слово «резня»)²²⁵.

Третью группу составляют работающие в польских учебных заведениях исследователи, в той или иной степени декларирующие себя украинцами — почти тридцать членов Украинского Товарищества Историков. Это такие историки, как ректор Поморской Академии в Слупске Роман Дрозд, автор печально известной книги под названием «Украинская Повстанческая Армия. Документы. Структура» (Варшава, 1998, стр. 285), в которой порезали и политкорректно «демократизировали» документы ОУН-УПА²²⁶, или уже покойный Миколай Сивицкий, или Эугениуш Мисило и другие апологеты бандеровщины. Что касается Сивицкого, то его работы служат примером крайней степени украинского шовинизма, с которым только можно встретиться в Польше. В книге «История польско-украинских конфликтов»²²⁷ он называет польское общество «дегенеративным и больным». В своей ненависти к полякам он даже не поколебался

²²⁴ См. URL: http://dziedzictwo.polska.pl/katalog/skarb,dokument_potwierdzajacy_pochodzenie_poety_Sebastiana_Klonowica_z_16_XI_1594_roku_gid_186131_cid_1707.htm (дата обращения: 14.11.2010).

²²⁵ URL: <http://www.polskiekresy.pl/index.html?act=nowoscifulldb&id=122> (дата обращения: 14.11.2010).

²²⁶ Варшавское издательство Burchard Edition, опубликовавшее это «произведение», на последней странице обложки написал: «Верим, что дружба украинцев и поляков будет развиваться, несмотря на подлую ложь разных прусов и полищук, несмотря на провокации, инспирированными иностранными агентами. А документы, опубликованные в этом сборнике, это чистая правда, с которой НЕТ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ДИСКУССИИ!» (сохранена орфография и лексика в стиле ОУН-УПА).

²²⁷ *Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich*. Т. 1–3. Warszawa, 1992–1994; *Studia polsko-ukraińskie. Materiały z konferencji naukowej*. Kamieniec Podolski, 29–31 May 1992. Київ, Прzemysł, 1993.

оправдать необходимость преступления, совершенного советскими властями против польских офицеров в Катыни²²⁸. Особый случай в польской историографии представляет работа Романа Высоцкого, возникшая на базе его докторской диссертации и исследований П. Мирчука. В этой книге, под названием «Организация Украинских Националистов в Польше в 1929–1939 гг.»²²⁹, авторы отдают предпочтение избранным отрывкам истории, согласно пожеланиям наследников бандеризма.

Огромную работу проделали бывшие солдаты 27 Вольнской пехотной дивизии АК — Анджей Жупаньский²³⁰ и профессора Владислав Филяр и Эдмунд Бакуняк. В атмосфере неприятия и страха со стороны польских академических кругов, не желающих проводить исследование причин и осуществления геноцида со стороны ОУН-УПА на Волини и в Восточной Малопольше, они, совместно с Союзом Украинцев в Польше (ZUwP), организовали цикл исторических семинаров на тему: «Польско-украинские отношения в годы Второй мировой войны». Эти заседания попеременно проходили сначала в Рембертове и Луцке, а затем в Торунии и Львове. Их плоды составили 11 томов научных статей на польском языке и 6 на украинском, которые были опубликованы в книгах под общим титулом: «Польша-Украина. Трудные вопросы» (*Polska-Ukraina. Trudne pytania*). Когда результаты семинаров показали правду о преступной деятельности ОУН-УПА, ZUwP вышел из числа учредителей.

Украинской историографии во времена Советского Союза практически не существовало. Только в украинских диаспорах — в Федеративной Республике Германии, Соединенных Штатах и Канаде эмигранты, главным образом бывшие деятели и боевики ОУН-СБ и УПА, а также другие коллаборационисты издавали панегирики

²²⁸ См. URL: http://pl.wikipedia.org/wiki/Miko%C5%82aj_Siwicki, и Huk B., “Nasze Słowo” 39, 1996.

²²⁹ Виктор Полищук считал эту работу либо коллективным трудом, либо компиляцией. Из содержания книги были убраны упоминания обо всех негативных действиях ОУН, а также о ее нацистской идеологии; Poliszczuk W. Podręcznik nacjonalisty ukraińskiego. Polemika z książką Romana Wysockiego pt. “Organizacja Ukraińskich Nacjonalistów w Polsce w latach 1929–1939”. Wyd. UMCS. Lublin, 2003 // Materiały i studia do stosunków polsko-ukraińskich. Kraków, 2008. S. 267–305.

²³⁰ Żupański L. Droga do prawdy o wydarzeniach na Wołyniu. Toruń, 2005; Idem. Tragiczne wydarzenia nad Bugiem i Sanem przed ponad sześćdziesięciu laty. Poznaj werdykt historyków polskich i ukraińskich. Warszawa, 2007. S. 80.

в собственную честь. В них они избегают упоминания всех невыгодных им событий, в том числе истребления поляков, евреев и украинцев на Кресах. Когда в результате распада Советского Союза появилось украинское государство, украинские историки, до сих пор занимавшиеся историей коммунистического движения, приняли работы украинской бандеровско-мельниковской эмиграции как откровение. Единственное исключение составляет работа историка Виталия Масловского из Львова²³¹. Началось прославление бандеровского прошлого²³². Несмотря на это, Верховная Рада Украины приняла 1 февраля 1993 года Постановление № 2964-ХІІ «О проверке деятельности ОУН-УПА» [Про перевірку діяльності ОУН-УПА]. Созданная группа в составе шести работников Службы Безопасности Украины исследовала архивные материалы НКВД и КГБ Украинской ССР. Это были: В. Выжак, В. Бурлаков, М. Цимох, О. Лябах, В. Шевцов и М. Василенко. Они исследовали документы органов безопасности, материалы ОУН-УПА и трофейные немецкие документы. Результатом их работы был обвинительный вердикт против программных установок и действий ОУН-УПА, изложенный в виде сухой беспристрастной выдержки из архивных документов. Однако этот рапорт, насчитывавший 39 страниц, по решению политиков был положен в долгий ящик в архивах СБ Украины. В результате, опубликован он был только в 2005 году²³³. Незнакомые с этой работой украинские историки начали «творческую работу» на тему «освободительной деятельности» ОУН-УПА и разделились на две

²³¹ *Masłowski W. Z kim i przeciw komu walczyli nacjonaści ukraińscy w latach II wojny światowej*. Wrocław, 2001. За эту книгу Масловский был убит на лестничной клетке собственного дома так называемыми «неизвестными грабителями». Убийству предшествовала идеологически-политическая травля, не имевшая ничего общего с наукой, шедшая со стороны галичанских наследников боевиков из ОУН.

²³² Кульминацией этого процесса стала деятельность президента Виктора Ющенко, который особыми постановлениями в обход украинского парламента объявил Героями Украины таких военных преступников, как Роман Шухевич и Степан Бандера, а также преступные формирования ОУН-УПА и дивизии СС «Галичина». В феврале 2010 года это вызвало протесты. по всей Польше (около всех дипломатических представительств Украины), в России, Словакии и на Украине. Правительство Польши не выразило позиции по этому вопросу.

²³³ Приложение. Справка СБУ «Про діяльність ОУН-УПА» // Без права на реабілітацію. Київ, 2006. Т. 2. С. 204–239; «Довідка про діяльність ОУН-УПА» // ОУН-УПА. С кем и против кого они воевали. Севастополь, 2011.

группы. Историки Восточной и Центральной Украины в принципе продвигали старые советские стереотипы исследований о бандеровском фашизме. Историки с территории бывшей Второй РП взяли за образец сочинения бандеровцев, обеляющие исполнителей и организаторов геноцида²³⁴. Начали публиковаться панегирики, отпускающие грехи преступникам и обвиняющие в преступлениях поляков. Абсурдность тезисов этих публикаций, авторам которых щедро платили и предоставляли иностранные стипендии, состоит в попытке доказать, что поляки сами во всем виноваты и, видимо, сами поубивали друг друга. Во всем виноваты «чужие», главным образом поляки и русские (советские), но более всех Польская Республика, которая не подала на блюдечке независимости украинцам, а галичанам автономии (читай: тоже независимость). Основными фальсификаторами в этом русле являются: Володимир Сергийчук — историк-медиевист из Киева²³⁵, в советское время школьный учитель, сельский школьный учитель по образованию, так называемый культуролог Ярослав Царук²³⁶, бывший директор Украинского Института Национальной Памяти Владимир Вятрович и другие деятели из Львова, Тернополя и Ивано-Франковска. Одним из наибольших курьезов украинской историографии стал многократно переизданный альбом (в последний раз со вступительным словом тогдашнего президента Виктора Ющенко) под названием «Украинская Повстанческая Армия. История непокоренных» [Українська Повстанська Армія. Історія нескорених] (Львов, 2007). Этот альбом предоставляет мало исторических данных, но зато много фотографий (некоторые из которых инсценированы), и еще больше пропаганды. В третьей главе, озаглавленной «Польско-украинский конфликт» [«Польсько-український конфлікт»] повторяются националистические стереотипы о польских «оккупантах» или бандах АК. Однако об истреблении УПА и украинскими крестьянами 134 тысяч поляков авторы даже не заикнулись. И такие факты можно продолжать приводить. Конечно, украинс-

²³⁴ См. *Iljuszyn I.* Stosunki polsko-ukraińskie w okresie II wojny światowej oraz pierwszych latach powojennych w historiografii ukraińskiej po roku 1989 // *Historycy polscy i ukraińscy wobec problemów XX wieku.* Kraków, 2000. S. 179–188; UPA i АК. Konflikt w Zachodniej Ukrainie (1939–1945). Warszawa, 2009. S. 192.

²³⁵ *Сергийчук В.* Трагедия Волини. Київ, 2003.

²³⁶ *Царук Я.* Трагедія волинських сіл 1943–1944 рр. Львів, 2003.

кие историки и политики утверждают, что убийства начали сами поляки на так называемой Холмщине, или в Хелмском крае²³⁷. Эту ложь уже в 1943 году придумали бандеровцы. На фоне таких работ обнадеживающе смотрится «История Польши» [«Історія Польщі»] львовян Леонида Зашкильняка и Микола Крыкуна (Львов, 2002, сс. 752). Однако, этого нельзя сказать об «Истории Украины» [«Історія України»] Ярослава Грицака²³⁸, изданной также на польском языке Институтом Центральной и Восточной Европы в Люблине. Помещенные там карты показывают ревизионистские, так называемые этнографические границы Украины на протяжении последних трех столетий.

Независимая и объединенная (согласно националистам — не до конца объединенная) так называемая Западная Украина требовала поставить на постамент героев национально-освободительной борьбы. Неслучайно в некоторых архивах в конце существования ПНР были уничтожены не только отдельные документы операции «Висла», но и другие «украинские» архивы XX века. Теперь в борьбе за славу могли участвовать, практически без конкуренции, сторонники независимой государственности (читай: тоталитаристы и нацисты) из ОУН Бандеры. Это они хотели наибольшего признания своих заслуг. На так называемой Западной Украине и в Польше выжил, возродился и развился интегральный галичанский, т.е. этнический национализм. Он требовал признания своих заслуг в борьбе за независимость и жаждал медалей, прав ветеранов войны и памятников²³⁹. Таким образом, на этот раз из лояльных историков, была создана комиссия под руководством профессора Станислава

²³⁷ См. *Partacz C., Łada K.* Polska wobec ukraińskich dążeń niepodległościowych w czasie II wojny światowej. Toruń, 2003. S. 97–167; *Konieczny Z., Partacz C.* Perebig ukraińsko-polskiego konfliktu na Cholmszczyźnie w 1939–1943 // *Wposzukach prawdy. Zbiornik materialiw miżnarodnoji naukowej konferencji “Ukraińsko-polskij konflikt na Wołyni w rokach druhoj switowoji wojny: genezis, charakter, perebig i naslidki”*. Łuck, 2003. S. 353–372.

²³⁸ Я. Грицак – наиболее известный представитель так наз. украинской исторической школы Львова, интерпретирующей историю в духе национализма. Согласно представителям этой школы, земли Восточной Малопольши в период Второй РП были под «польской оккупацией»; см., например, интервью Я. Грицака польской газете “*Nasze Slovo*”, 7.XI.2004.

²³⁹ До 2011 года памятники лидеру ОУН Степану Бандере ставили только в трех западных областях Украины. Первый из них поставили еще в 1991 году, до путча ГКЧП.

Владиславовича Кульчицкого²⁴⁰ — замдиректора Института Национальной Истории Академии Украины. Эта лояльная властям комиссия подготовила рапорт, в принципе освобождающий ОУН-УПА от ответственности за все преступления, и подчеркивала «выдающиеся» заслуги в борьбе за независимость²⁴¹.

Исторически все народы, как те, которые начали творить свою историю сотни лет назад, так и те, что рождаются на наших глазах, имеют в своей коллективной памяти множество элементов традиции, примеров индивидуальных и коллективных усилий, героической борьбы с врагами, а также примеров самопожертвования, жертв, принесенных во имя народа и государства их героями. Это позитивные элементы, формирующие общность и лучшее будущее народа. Кроме элементов, положительно влияющих на будущее, есть и негативные, такие как: чрезмерная идеализация собственной истории, умолчание ее нежелательных страниц, слишком явная подмена понятий или избыточная вера в множасьи мифы, особенно те, что служат для порабощения и захвата земель других народов. Часто это целенаправленное формирование негативной и враждебной позиции в отношении соседних народов, чужеземцев либо людей иной веры и иных обычаев. Если мы приглядимся к истории нашего ближайшего соседа из-за Буга, или Украины, как земли между Бугом, Днестром и Десной, то увидим в ее историографии множество таких негативных элементов.

История стран, написанная историками из Лондона, Парижа или Берлина, показывает историю Европы сквозь призму истории ее западной части. У немецких историков иной взгляд на Восточную Европу, нежели у русских или поляков. Специфический взгляд историков в большой мере зависит от его принадлежности к группе исторических или неисторических народов, а временами и от имперских устремлений. Так, например, взгляды англичанина, русс-

²⁴⁰ Станислав Кульчицкий родился в Одессе. Украинский историк, в последнее время заявляющий о своем польском происхождении. 30 июня 2009 года был награжден президентом Польши Кавалерским крестом Ордена Заслуги «за выдающиеся заслуги в развитии сотрудничества между Польской Республикой и Украиной, за распространение учения об общем историческом наследии народов, составлявших Речь Посполитую обоих народов».

²⁴¹ Проблема ОУН-УПА. Звіт робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. Основні тези і проблеми УПА (історичний висновок). Київ, 2004.

кого, немца, поляка, чеха или украинца не обязательно будут отличаться национальной или государственной центричностью.

В течение многих веков нация отождествлялась с государством и общественным статусом. В Древнем Риме рабы, так же, как и средневековые крестьяне, не были гражданами. В Восточной Европе в Средневековье и в Новое время, вплоть до самой Французской революции 1789 года, народом были исключительно дворяне. Как народы современные нации сформировались уже в эпоху капитализма, с чем не соглашаются украинские историки, которые видят украинскую нацию уже в XVII веке, что является подменной понятий²⁴². В славянской Европе поляки и русские (до времени Петра I — москвиты, а позже уже россияне) были историческими народами. Со второй половины XIX в. в тяжелом труде и страданиях создавались такие крестьянские народы, как чешский, словацкий, словенский, украинский, белорусский, литовский и латышский. Поскольку на данной территории формирование нации увязывалось с социальными общественными проблемами, возрастало чувство обиды. Латышские крестьяне чувствовали себя униженными немецкими баронами, белорусские или украинские — польскими или русскими дворянами. Если к чувству обиды, национального и социального унижения мы добавим религиозную вражду, а со временем крайние проявления идеологии социализма и национализма, возникнет взрывчатая смесь большой силы. Так же случилось на территории географической Украины и на польско-украинском пограничье. Вместе с выделением из этноса русского/русинского народа, а со второго десятилетия XX в. — народа украинского, формирующаяся украинская интеллигенция все в большем масштабе начала демонстрировать то, что отделяет исторических русин²⁴³ от поляков и русских, чем то, что их связывает. Украинцы в царской России были населением православного вероисповедания.

²⁴² См. *Chynczowska-Hennel T. Świadomość narodowa szlachty ukraińskiej i kozaczyzny od schyłku XVI wieku do połowy XVII wieku.* Warszawa, 1985.

²⁴³ Русины — здесь и далее: традиционно в польской историографии под термином «русин», «русины» понимается население австрийской Галиции восточнославянского происхождения. Они были предками более позднюю из галицких украинцев XX века, которых, в связи с особым культурным и религиозным и политическим от киевских украинцев называют галичанами. В отечественной историографии, этнографии и филологии слово «русин» означает скорее только жителя Подкарпатской Руси. Для разделения этих понятий, здесь мы используем термин «исторические русины». — Прим. пер.

В свою очередь, в австрийской Галиции они принадлежали к греко-католической церкви. Они жили под властью царского самодержавия и австрийской демократии. Венгерские русины были униатами, т.е. греко-католиками, не имели никаких политических свобод и подвергались мадьяризации. Теперь они считаются отдельным народом и называют себя карпато-русинами, а не украинцами²⁴⁴. Эти три различные политические и две религиозные культуры привели к тому, что в начале XX в. начали создаваться две, а позднее три отдельные нации: российские малороссы постепенно становились украинцами с другой политической и религиозной традицией. Галицкие русины, жившие в условиях австрийско-польской демократии, становились галичанами-украинцами, а русины Подкарпатской Руси — карпато-русинами. В стороне от основных изменений находились лемки и русофилы, напуганные общественным и политическим радикализмом галичан. В межвоенный период эти различия усугубились, главным образом в результате развития украинского интегрального национализма, опиравшегося на национальную и социальную ненависть и пропагандировавшего ОУН бандеризма, т.е. галичанского нацизма.

Для того чтобы преодолеть национальные комплексы по отношению к историческим народам: русским, полякам или венграм, украинцы начали все ярче демонстрировать их отличия на так называемых «материнских украинских землях»²⁴⁵. Со временем эта демонстрация переродилась в националистический²⁴⁶ миф «оккупанта»²⁴⁷, присутствующий до сего дня в украинской националисти-

²⁴⁴ Русин действительно можно считать отдельным восточнославянским народом. Веским аргументом в пользу этого является, наряду с наличием у них собственной истории и культуры, как факторов национального самосознания, существование собственного, русинского, языка, который исторически не является диалектом украинского либо русского, и демонстрирует особое развитие рефлексов старославянского языка. Русинский язык официально считается одним из малых языков Европы. — Прим. пер.

²⁴⁵ По мнению украинских националистов, это были земли от Нового Сонча вплоть до Кавказа и Казахстана.

²⁴⁶ Под словом «националистическая» подразумевается не патриотическая, но шовинистическая.

²⁴⁷ Первые теоретики и создатели украинского национализма Донцов или Михновский [Міхновський] называли поляков и русских чужаками или займанцами (незаконно занимающими украинскую землю). Во II РП этнические националисты выдумали новое понятие — «оккупанты», не принимая во внимание

ческой историографии, невзирая на действующие международные трактаты и историческую правду. Для того чтобы излечиться от комплексов «нации, которая появилась неожиданно»²⁴⁸, как пишет Эндрю Вильсон, украинские историки, независимо от своей политической ориентации, начали создавать весьма специфическую историю украинского государства и народа. Они относили его возникновение к библейским временам, усматривая в сыновья Яфета или внуках Ноя первых жителей Киева²⁴⁹. Позднейшие арии и скифы были, по мнению Юрия Канигина и Зеновия Ткачука, «хліборобами», т.е. украинскими крестьянами²⁵⁰. Согласно украинским историкам, это праукраинцы создали Трипольскую культуру (4000-2700 лет до н.э.) и «украинскую цивилизацию», представители которой первыми в мире одомашнили лошадь, изобрели колесо и телегу, научились добывать медь и создали первую письменность. По версии украинской историографии, эту письменность приняли от «древних украинцев» греки и римляне. Это украинцы создали шумерскую культуру, а предки Христа происходили из Галиции²⁵¹. Некоторые украинские историки даже утверждают, что вождь гуннов Аттила и был тем легендарным Кием, который основал город Киев²⁵².

Принимая во внимание столь крайнюю мифологизацию генезиса украинского народа, а также форм его государства, существовавших и не существовавших, мы должны поставить вопрос: где находятся истоки тех комплексов по отношению к иным народам или истоки

того факта, что земли Восточной Галиции и Волыни принадлежали Польше в силу соответствующих международных соглашений (рижский договор от 19.03.1921 и решение Совета Послов (Rady Ambasadorów Entanty) от 15.03.1923). Земли Восточной Малопольши (бывшей Восточной Галиции) и Волыни в I тысячелетии были населены западнославянскими племенами, главным образом лендзянами. Они населяли территорию по Вислоке, Сану, Вепшу до самой Припяти и Верхнего Буга, а также до Стрыя (притока Днепра). От названия этого племени происходят украинское «лях» и венгерское Lengyel. После завоевания этих земель киевскими князьями значительная часть местного населения была переселена на реку Рось к югу от Киева. Понятие «рус» означало религию греческого обряда, а не народность. Переселение восточных славян, бежавших на эти земли от монголов, приходится на XI–XIII века. Они подчинили изначальное западнославянское население.

²⁴⁸ Wilson A. *Українці*. Warszawa, 2002. S. XI.

²⁴⁹ Ibid. S. 24.

²⁵⁰ Канигін Ю., Ткачук Т. *Українська Мрія*. Лексикон. Київ, 1996. С. 15.

²⁵¹ Силенко Л., Гість з Храму Предків. Київ, 1996. С. 20–21; Wilson A. *Op. cit.* S. 27.

²⁵² Василенко Г. *Велика Скіфія*. Київ, 1991.

столь явного приукрашивания выдуманной истории украинского народа? Мы должны констатировать, что истоки эти лежат в XIX в., когда, на волне помощи галичанам, создававшим нацию в оппозиции к полякам и русским, а также к старорусскому пророссийски ориентированному движению, польские консерваторы, управлявшие Галицией, перевели в 1894 году из Киева в польский Львовский университет им. Франца-Иосифа молодого украинского историка Михайло Грушевского²⁵³. Этот 28-летний магистр, по политическим мотивам назначенный профессором, развернул интенсивную научную работу, издав среди прочего монументальный труд «История Украины-Руси» [«Історія України-Русі»], написанный без подробных архивных и археологических исследований. Грушевский был личностью чрезвычайно яркой и противоречивой, отличавшейся националистическими, антипольскими и антирусскими взглядами. Они стали результатом работы со студентами-галичанами, которые заразили его бациллой национализма²⁵⁴. С тех пор началось псевдонаучное приукрашивание и мифологизация истории Руси-Украины. Украинские историки начали представлять княжество Литовское эпохи Ягеллонов как форму украинской государственности, впрочем, традиционно соглашаясь с пониманием Грушевского. Вячеслав Липиньский, украинский монархист польского происхождения подвергал сомнению сущность и политические последствия польско-литовской Люблинской унии 1569 года, когда в состав Короны²⁵⁵ были включены земли позднейших воеводств: Киевского, Брацлавского, Волынского и Подлясского (причем, по предложению местных бояр), а также значение Переяславского соглашения 1654 года, отдававшего Левобережную Украину под власть московского царя. Как писал А. Земба: «Когда события перестают быть реальными фактами и становятся для историка легендами, такими как «люблинская легенда» или «перемыславская легенда» в понимании Липиньского, под его пером буйным цветом расцветает сказочная история»²⁵⁶.

²⁵³ Если бы магистр-поляк захотел занять должность профессора в Львовском или Краковском университете не имея квалификации и звания доктора, презрению галицийской бюрократии не имело бы границ.

²⁵⁴ *Partacz* С. *Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908.* Toruń, 1996. S. 54; *Serczyk* W., *Historia Ukrainy.* Wrocław, 2001. S. 221.

²⁵⁵ Т.е. земель Речи Посполитой, управлявшихся королем. — Прим. пер.

²⁵⁶ *Zięba* A. *Op. cit.* S. 20.

Воображаемая государственность козаков считается украинскими историографами империей и партнером ведущих держав тогдашнего мира (у нее якобы были равноправные отношения со Швецией, Англией, Священной Римской Империей и папским престолом!). Похожим образом рассматривается история XVIII и XIX вв., где Польша, Россия и Австрия признаются за границей, а политики и парламентарии (независимо от их национальности и государственной принадлежности), происходящие с украинских земель — представителями Украины (которая, заметим, не существовала как предмет политики, т.е. государство)²⁵⁷. Эти историки не желают знать, что с момента разгрома под Полтавой и до подписания Брестского мира Украина была не субъектом, а лишь только объектом европейских политических игр. Мы должны отдавать себе отчет, что порядочный историк знает о необходимости соблюдения пропорций между исторической правдой и создаваемыми мифами. Поляки знают, что смерть Ванды в Висле²⁵⁸, которая не хотела выйти за немца, это всего лишь легенда, приукрашивающая историю Польши для детей. Древние римляне повторяли вслед за Цицероном: “*Historia magistra vitae est*” — «История — учительница жизни». Если история фальсифицирована или перевес в ней получают мифы, то выводы, следующие из нее для политиков, также ложны. Такая политика не может достичь положительной цели для собственного государства, она только приносит народу несчастья, а в будущем подвергнет его различным опасностям. Как написал украинский географ из Киева Павло Зубяк: «Пришло время перейти границу, которая отделяет пропагандистскую сказку от суровой, но реальной исторической правды. Переход этой границы — это первый шаг к выходу из безнадежной националистической маргинализации»²⁵⁹.

Первая мировая война принесла не только полякам борьбу за свободу и независимость, а галичанам и русинам — стремление к

²⁵⁷ Zięba A. Op. cit. S. 20.

²⁵⁸ Здесь упоминается польская легенда о королевне Ванде. Немецкий рыцарь Ридигер, добываясь руки королевы Ванды, дочери Крака, пошел на Краков войной. Город выдержал осаду немцев, но Ванда, не желая подвергать родину опасности, утопилась в волнах Вислы. Там, где, согласно легенде, нашли её тело, насыпан курган Ванды, а соседняя деревня носит название Могила. — Прим. пер.

²⁵⁹ URL: <http://www.istprawda.com.ua.columbus/2011/07/22/46394/>

автономии Восточной Галиции в рамках Австро-Венгрии. Эта война принесла также Талергоф²⁶⁰ — лагерь интернирования и смерть для многих русофилов-святоюрцев, вызванную отказом признавать их со стороны братьев, придерживавшихся другой национально-политической ориентации, т.е. украинскими националистами. Война 1918–1919 гг. вызвала новую ненависть, преступления и жестокость со стороны украинской галицкой армии, УГА (Украинской галицкой армии)²⁶¹. Малые народы окраин европейской политики — литовцы, латыши, эстонцы, чехи или словаки — создали собственные государства. Заднепровским украинцам и галичанам этого не удалось. После Первой мировой войны, волей победителей, русины Закарпатской Руси были выделены из состава Венгрии и присоединены к Чехословакии. От этого они ничего не получили, а даже наоборот — потеряли. Возможно, украинцы и галичане хотели слишком много. Украинцы были абсолютно неизвестным в Европе народом, в результате чего западноевропейские державы не были позитивно настроены в отношении украинских устремлений к независимости. Уже в 1914 году власти Франции и Великобритании обещали России свое согласие на включение в ее состав земель Галиции от Сбруча до Сана²⁶²,

²⁶⁰ Русофилы – это часть русинов, которые считали себя русскими и исповедовали православие. Политически они придерживались консервативных убеждений. Им претил общественный и национальный радикализм галичанских деятелей. Военные круги Австро-Венгрии считали русофилов агентами русского влияния. После начала Первой Мировой войны военные и полицейские власти арестовали около 10 000 подозреваемых, часто в результате доносов украинских националистов. Более 1000 арестованных было повешено, остальные заключены в лагерь интернирования в Талергофе, недалеко от Граца в Штирии. Около 25 % составили лемки. В результате жестокого обращения и эпидемии холеры умерло 1767 заключенных. После войны во Львове действовал Талергофский комитет. Ежегодные демонстрации пострадавших разгонялись украинскими националистами, а памятники им уничтожались. Во время Второй Мировой войны бандеровцы уничтожили оставшихся.

²⁶¹ Подробнее на эту тему: Polak B., Śliwiński E. Walki o Lwów i Małopolskę Wschodnią 1918–1919. Wybór materiałów źródłowych. T. 6. Represje ukraińskie wobec jeńców polskich i ludności cywilnej. Wstęp, wybór i opr. Polak B., Śliwiński E. Koszalin, 2004; Łukomski G., Partacz C., Polak B. Wojna polsko-ukraińska 1918–1919. Działania bojowe aspekty polityczne – kalendarium. Koszalin. Warszawa, 1994. S. 92–104; Klimecki M. Ojczyzna dwóch narodów. Polsko-ukraińska wojna o Galicję wschodnią (1918–1919), “Biuletyn IPN” 2010. Nr. 7–8 (116–117). S. 2–15; Partacz C. Wojna polsko-ukraińska o Lwów i Galicję wschodnią 1918–1919, “Przemyskie Zapiski Historyczne” XVI–XVII, 2006–2009. S. 59–79.

²⁶² Klimecki M. Op. cit. S. 9.

разумеется, после победы над монархией Габсбургов. Западноевропейские политики относились к малым народам Восточной, Южной и Центральной Европы, как к периферийным, и использовали их для достижения конкретной выгоды своих государств: Британии, Франции, Германии или России. Украинцы жили под властью России и Австро-Венгрии. В свою очередь, после Первой Мировой войны, они оказались в составе Советского Союза, Польши, Румынии и Чехословакии. Как пишет Анджей Земба, «если мировое сообщество и интересовалось их судьбой, то исключительно в аспекте их нахождения в Польше или в Советском Союзе»²⁶³. После войны за Восточную Галицию возникла огромная национальная и социальная ненависть галичан к Польше. Позднее ею питались идеология и пропаганда ненависти Украинской Войсковой Организации. Разгорелся антипольский террор как со стороны националистов, так и проигравших коммунистов. 31 августа 1920 года, когда Войско Польское и отряды Украинской Народной Республики Симона Петлюры истекали кровью в боях с большевиками, в Праге состоялся съезд делегатов украинских военных организаций за границей. На нем была создана Украинская Войсковая Организация [Українська Військова Організація]²⁶⁴. Это была подпольная структура, намеревавшаяся, в каком-либо отдаленном будущем, создать независимую Галичину. Ее основной целью было не допустить укрепления польской государственности на этой территории, что совпадало с политикой как Советской России, так и Германии. Эту организацию финансировали: Веймарская республика, Литва, Чехословакия, а временами, и Москва. Ее задачей было вести разведывательную деятельность, а также проводить индивидуальный и коллективный террор по отношению к полякам и представителям польского государства. Она боролась против евреев как конкурентов в торговле, а также украинских христиан, которые хотели просто спокойно жить и работать. Организация насчитывала несколько сотен членов, в основном бывших военных из числа Украинских сечевых стрельцов (УСС), греко-католических священников, представителей интеллигенции и студентов. Только в 1923 году ее боевики совершили более 300 террористических актов, в том числе убийства 22 польских по-

²⁶³ Zięba A. Op. cit. S. 43.

²⁶⁴ Mirczuk P. *History of OUN 1920–1939 years*. Wyd. 3. Kijiw, 2007. S. 20.

лицейских и 13 украинцев²⁶⁵. Одновременно галичанам прививалась ненависть к Польше. Именно прививка ненависти была, по замыслу деятелей УВО и ОУН, ведущим мотивом деятельности этих шпионско-террористических организаций. УВО проделала огромную работу, дабы «балканизировать» ситуацию на землях Восточной Малопольши²⁶⁶. Это должно было пробудить совесть европейских политиков и Лиги Наций. Как пишет Кулиньская, ответственность за этот посев ненависти, ставший делом рук крайних украинских националистов и шовинистов, лежит на украинской интеллигенции, учителях, адвокатах и, к сожалению, также на греко-католических священниках. Даже греко-католический митрополит архиепископ Андрей Шептицкий после 1908 год занял враждебную позицию по отношению к полякам-греко-католикам²⁶⁷, а позднее и к Второй Речи Посполитой. Будучи «перекиньщиком» (выкрестом), как в первые годы XX в. называли его галичане, он был обязан быть большим украинско-галичанским националистом, чем местные галичане. Галичанский депутат радикальных взглядов Кирилл Трыловский даже назвал его «новым Валленродом»²⁶⁸. УВО в 1929 году преобразовалась в ОУН, вооруженную идеологией ненависти, которая была создана родившиеся на Украине Дмитро Донцовым²⁶⁹, Миколой

²⁶⁵ Kulińska L. Działalność terrorystyczna ukraińskich organizacji nacjonalistycznych w Polsce w okresie międzywojennym. "Biuletyn IPN", 2010. Nr. 7–8. S. 45; Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922–1939. Kraków, 2009. S. 743.

²⁶⁶ Kulińska L. Op. cit. S. 183–184.

²⁶⁷ Ks. Kubasik A. Arcybiskupa Andrzeja Szeptyckiego wizja ukraińskiego narodu, państwa i Cerkwi. Lwów, Kraków, 1999; Partacz C. Metropolita Andrzej Szepetycki wobec skrajnych postaw religijno-politycznych społeczeństwa Galicji Wschodniej // Metropolita Andrzej Szepetycki, Materiały z sesji naukowej. Red. Sregener T. Gdańsk, 1999. S. 32–55; Idem. Od Badeniego...; Idem. Stosunki religijne w Galicji Wschodniej. Rusini-łacinicy i Polacy-grekokatolicy // "Rocznik Przemyski" XXVIII. Przemysł, 1992. S. 123–146. См. также: Rusini łacinicy i Polacy grekokatolicy. Skrajne stosunki religijne w Galicji i Małopolsce wschodniej // Razem czy przeciw sobie. Studia z przeszłości Polaków i Ukraińców (Rusinów i Haliczan). Koszalin, 2013. S. 57–88.

²⁶⁸ Partacz C. Od Badeniego... S. 238.

²⁶⁹ Дмитро Донцов (наст. фамилия Щелкопёров, 1883–1973), по происхождению русский, эволюционировал от марксизма к крайнему национализму (шовинизму) и увлечению гитлеризмом. В 1926 перевел на украинский язык Mein Kampf. В годы Второй Мировой войны, как лицо без гражданства, получил польский паспорт в посольстве Польше в Бухаресте od Jerzego Giedroycia. См. "Tygodnik Powszechny". URL: www.tygodnik.com.pl/apokryf/13/ankieta.html (lfnf j,hfotybz^ 13.10.2010)

Михновским²⁷⁰, Юрием Лыпой²⁷¹ и Миколой Сциборским²⁷² и галичанами Дмитро Мирон²⁷³ и Степаном Ленкавским²⁷⁴.

Адвокат М. Михновский пытался осуществить в Революционной Украинской Партии синтез социализма с национализмом²⁷⁵, что,

²⁷⁰ Микола Михновский (1873–1924), предшественник крайнего национализма. Написал «Десять заповедей», послуживших основой принципов для ОУН, две из которых звучали: «2. Все люди твои братья. Но москали, ляхи, венгры, румыны и жидаы — это враги нашего народа, до тех пор, пока они господствуют над нами и угнетают нас. 3. Украина для украинцев. Поэтому выгони отовсюду с Украины чужаков-угнетателей».

²⁷¹ Юрий Лыпа (1900–1944), идеолог украинского интегрального национализма. Близкий соратник Донцова. В 1938 году издал известную противоречивую книгу «Предназначение Украины», а в 1941 — «Раздел России». Был первым председателем мельниковского УДК в Варшаве, который начал тесное сотрудничество этого комитета с СД и гестапо. Будучи врачом в отряде УПА, был убит советскими солдатами.

²⁷² Микола Сциборский (1897–1941), теоретик украинского интегрального национализма. Один из основателей Легиона Украинских Националистов. В 1940 году, во время раскола, принял сторону «старых», то есть ОУН(м). В 1941 был членом мельниковской группы, направлявшейся в Киев. На железнодорожном вокзале в Житомире был застрелен вместе с Омельяном Сенником бандеровскими боевиками.

²⁷³ Дмитро Мирон, псевдонимы «Орлик», «Андрій» (1911–1942), осужден в 1934 к семи годам тюрьмы за деятельность в ОУН и нападение на советское консульство в Львове. Один из главных идеологов украинского интегрального национализма. Автор брошюры «44 правила життя українського націоналіста», а также изданной в 1940 году книги «Ідея і чин України». В 1940 году возглавлял ОУН на землях в зоне советской оккупации. После нападения III Рейха на Советский Союз, организовал и возглавил бандеровскую Украинскую Вспомогательную Полицию на землях Центральной Украины. Там он выделялся невиданной жестокостью при истреблении поляков, евреев и украинцев. Клотц назвал его «самым отвратительным типом гестаповского палача, исключительным преступником и садистом, который [на гитлеровской службе] утратил остатки человечности и может нести только позор доброму имени братского народа». См. *Klotz. A. Zapiski konspiratora 1939–1945. Opr. G. Mazur. Kraków, 2001. S. 249.* Отсутствуют упоминания о преступной деятельности УПП и ее начальника Мирона в «Очерке истории ОУН» [Narys historii OUN] П. Мирезука или в «Летописях УПА».

²⁷⁴ Степан Ленкавский (1904–1977), член идеологической комиссии на Учредительном Конгрессе ОУН. Был автором Декалога («Десять заповідей українського націоналіста»), вступительное слово к котрому написал Донцов (согласно Р. Высоцкому, его автором был Иван Габрусевич).

²⁷⁵ До начала Первой мировой войны национализм исповедовался во всех украинских партиях. См. *Partacz S. Przyczyny ukraińskiego ludobójstwa na kresach południowo-wschodnich RP w latach 1918–1947 // W kręgu zagadnień europejskich, Koszalin 2009. S. 314; Tomczyk R. Radykałowie i socjaldemokraci. Miejsce i rola lewicy w ukraińskim obozie narodowym w Galicji 1890–1914. Szczecin, 2007. S. 35 nn.*

к сожалению, удалось сделать после его самоубийства. В политической брошюре «Самостійна Україна» он заложил основы крайнего украинского национализма. Среди украинцев Михновский был проводником идеологической линии, которая отличалась ксенофобией и ненавистью к чужакам, которую до сих пор проводят украинские националисты. В своей брошюре он обобщил указания для будущих поколений националистов. Это были идеи, укорененные в ксенофобии и тоталитаризме: «Тот, кто на Украине не с нами, тот против нас. Украина для украинцев, и покуда хотя бы один враг-чужеземец останется на нашей территории, у нас нет права сложить оружие»²⁷⁶. Как пишет Кшиштоф Лада, трудно было поверить, что эти слова написаны за 20 лет до возникновения ОУН. Именно Михновский написал так называемые *10 заповедей*, которые послужили образцом для Декалога ОУН, служившего индоктринации собственных членов²⁷⁷. Эти заповеди объясняют, что означает понятие «Украина для украинцев». Это его идеология разбудила зверя в украинце-галичанине.

Анализ других работ Михновского указывает также на расизм. Он призывал рабочих к борьбе с «заиманцами»²⁷⁸, т.е. русскими, польскими и еврейскими рабочими на Украине, «занимавшими» места украинцев. В брошюре «Роль украинской интеллигенции в программе ОУН» он написал:

«Главной причиной несчастья нашего народа является отсутствие национализма [...]. Национализм объединяет, координирует силы, поднимает на борьбу и наполняет фанатизмом подневольные народы в их борьбе за свободу»²⁷⁹.

На территории Восточной Галиции украинский интегральный национализм распространился после Первой мировой и Польско-

²⁷⁶ Łada K. Ukraina dla Ukraińców! // *Partacz C., Łada K. Polska wobec ukraińskich dążeń niepodległościowych w czasie II wojny światowej*. Toruń, 2004. S. 74.

²⁷⁷ См. Dekalogu ukraińskiego nacjonalisty // Łada K. Treść i znaczenie "Dekalogu" nacjonalistycznego OUN, // *Materiały i studia z dziejów stosunkówpolsko-ukraińskich*. Kraków, 2008. S. 65–80. См. также *Motyka G. Ukraińska partyzantka 1942–1960*. Warszawa, 2006. S. 49–50. Согласно Мотыку автором десяти заповедей был Стефан Ленкавский.

²⁷⁸ Этими «заиманцами» были поляки, русские и евреи, которые занимали «украинские» земли и рабочие места.

²⁷⁹ Łada K. Treść i znaczenie... S. 77.

украинской войн. В послевоенные годы родившийся на Украине публицист Дмитро Донцов сделал вывод, что украинцы оказались слишком слабыми и человечными. По его мнению, было необходимо сражаться ожесточенно и опираться на собственные силы. В 1926 году он издал свою самую важную работу — «Национализм» [«Націоналізм»]²⁸⁰, которая была напечатана в Жолквы в типографии отцов базилиан (орден греко-католической церкви!!!). Эта работа содержала типичную для националистов интерпретацию истории.

Национализм Донцова вступил в полемику с основными принципами демократии и социализма в украинском политическом движении, а также содержал своеобразную интерпретацию европейской истории. Донцов создал идеологию украинского национализма, опираясь на социальный дарвинизм, согласно которому нация представляет собой природный вид, такой же, как собака, кот или конь. Такая нация²⁸¹ пребывает в постоянной борьбе с другими нациями за существование и пространство. В этой борьбе слабейший подчиняется сильнейшему. В противовес всем урокам истории, Донцов видел нацию, как вечную категорию, составляющую высшую непреходящую ценность²⁸².

Отсюда также происходит главный лозунг украинского национализма, звучащий: «Нация превыше всего», т.е. превыше бога, религии и общечеловеческих ценностей. Донцов утверждал также,

²⁸⁰ Это «Библия» украинского интегрального национализма, в переводе и с комментариями В. Полищука в 2008 году была издана в краковском издательстве Księgarnia Akademicka.

²⁸¹ Понятие нации на территории латинской цивилизации более связано с системой исповедуемых ценностей, и является термином скорее духовно-политическим, нежели этническим. Противоположным образом обстоит дело в цивилизации туранской степи. Созданная монголами и развивавшаяся запорожскими казаками и московитами, она была принята большевиками и украинскими националистами. Именно эти последние подчеркивали первостепенную роль этнических факторов: крови и территории (ср. романтический нацистский лозунг Blut und Boden), а также роль витальных сил и воли вождя-провидника; см.: *Koneczny F.* O ład w historii. Wrocław, 1999; ср.: *Doncow D.* Nacjonalizm. Przeł. Poliszczuk W. Kraków, 2008; *Eberhardt P.* Twórcy ukraińskiej geopolityki "Przegląd Geograficzny" 81, 2009. Z. 2. S. 158.

²⁸² *Poliszczuk W.* Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. Założenia ideologiczne nacjonalizmu ukraińskiego. Toronto, 1998. T. 1. S. 29 nn.; *Лисяк-Рудницький І.* Историчні есе. Т. 2. Київ, 1994. С. 493. См. также *Гогун А.* Между Сталиным и Гитлером. Украинские повстанцы. СПб., 2004.

что у нации есть прямая естественная обязанность вести борьбу с другими нациями, главным образом, соседствующими с ее территорией. Это должна была быть борьба за жизненное пространство, подобная немецкому *Lebensraum*.

Согласно идеологии Донцова, внутренняя структура нации опирается на принцип иерархии. Во главе ее стоит вождь (нем. *Führer*, ит. *Duce*, а во главе украинской нации провідник — предводитель), располагающий группой руководителей, которую Донцов назвал «инициативным меньшинством», аристократией, «орденом лучших». Инициативное меньшинство он наделял особыми чертами характера, такими как: нетерпимость и отсутствие милосердия по отношению к человеку и обществу. Согласно принципу: «Кто не с нами, тот против нас», — члены ОУН, руками УВО, а позднее УПА и Службы Безопасности, проводили это творческое насилие по отношению к полякам, евреям и русским. Остальную часть народа образовывал «плебс», «безвестный скот», который «шел в то место, которое ему было назначено, и делал то, что ему было указано»²⁸³. Разве можно больше презирать собственный народ и человека? В практике украинского национализма этим слоем «лучших», «инициативной группой» и даже «орденом» была Организация Украинских Националистов, руководимая «вождем» — проводником Евгеном Коновальцем, а позднее Андреем Мельником и Степаном Бандерой. Это был языческий национализм, без христианской души.

Для того чтобы воплотить стратегическую цель украинского интегрального национализма, которой должна была стать украинская соборная (объединенная) самостийная (независимая) держава (Українська Соборна Самостійна Держава — УССД), Донцов сформулировал исторические силы этого национализма. До сегодняшнего дня ими являются:

1) Свобода как фактор, неконтролируемый разумом. Свобода элиты не подлежит контролю разума, а является природным «желанием». Если вождь — проводник хочет построить украинскую империю, то эта цель должна быть достигнута даже ценой гибели половины нации²⁸⁴.

²⁸³ Донцов Д. Дух нашої давнини. Мюнхен, 1951. С. 154–168.

²⁸⁴ Poliszczuk W. Gorkza prawda. Cień Bandery nad zbrodnią ludobójstwa. Warszawa, 2006. С. 69.

2) Насилие, которое в ходе борьбы за жизненное пространство применяется в отношении иных наций — это навязывание воли вождя и инициативного меньшинства другим народам при помощи физического насилия, а в отношениях внутри государства — «плебсу», «черни» или «толпе». Это было отрицанием веками выработавшейся в цивилизации Запада терпимости, демократии и гуманизма. В целом, это было возвращением во мрак тюркско-монгольского Средневековья. В современности, в XXI веке, эти тезисы были прикрыты кисеей демократической фразеологии, скрывшей суть вещей за внешней активностью Конгресса Украинских Националистов (КУН) или объединения «Свобода», точно так же, как раньше делалось в ОУН.

3) Территориальная экспансия как главный принцип и сила украинского национализма. Донцов писал:

«Желание процветания для своей страны означает желание несчастья для своих соседей [...]. От экспансии для своей страны отрекается только тот, в ком полностью отмерло чувство патриотизма [...], поскольку присвоение — это прежде всего желание победы»²⁸⁵.

***

Эти черты наиболее ярко проявлялись в практической деятельности структур ОУН-УПА по отношению ко всему польскому, русскому или еврейскому. Однако, об этом не пишут галицийские историки. Теория Михновского и Донцова была реализована на практике во время войны. Фанатизм, созданный идеологией ненависти, привел к истреблению на территории польского пограничья сначала евреев, уничтоженных по приказу гитлеровцев руками украинской вспомогательной полиции, состоявшей на немецкой службе²⁸⁶, а затем поляков на Волыни и в Восточной

²⁸⁵ *Idem.* Pojęcie integralnego nacjonalizmu ukraińskiego // Polacy i Ukraińcy dawniej i dziś. Red. B. Grott. Kraków, 2002. S. 73.

²⁸⁶ См. Дюков А. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». Москва, 2008.

Малопольше²⁸⁷, а также вдоль линии Керзона²⁸⁸. Перечисленные выше движущие силы интегрального украинского национализма, или же украинского нацизма, вступают в разительное противоречие с этикой, моралью, гуманизмом и заповедями всех религий. И что еще более прискорбно, множество священников греко-католической церкви (современной византийско-украинской) и православной церкви были членами и сподвижниками ОУН, т.е. того же нацизма. Это они, вопреки всем законам, божьим и человеческим, освящали ножи и секиры, служившие для истребления поляков. Об этих фактах много говорится в литературе на данную тему. Украинские нацисты, т.е. ОУН-СД, так называемые независимые государственники, пошли против бога, разума и законов геополитики, и старались идти в направлении создания одноплеменного тоталитарного государства ОУН (после истребления всех национальных меньшинств)²⁸⁹. Это государство должно было возникнуть в результате «национальной революции». Им не удалось осуществить эту революцию ни в 1939, ни в 1941 гг. Именно поэтому на III Конференции ОУН-Б, проводившейся 17–21 февраля

²⁸⁷ *Siemaszko W., Siemaszko E.* Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939–1945. T. 1–2. Warszawa, 2000; *Komański H., Siekierka S.* Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na Polakach w województwie tarnopolskim 1939–1946. Wrocław, 2004; *Siekierka S., Komański H., Bulzacki K.*, Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na Polakach w województwie lwowskim 1939–1947. Wrocław, 2006; *Siekierka S., Komański H., Róžański E.* Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej w województwie stanisławowskim. Wrocław, 2007; Забытый геноцид: «Волынская резня» 1943–1944 годов. Документы и исследования. Москва, 2008.

²⁸⁸ Линия Керзона это символ политического стремления к отторжению во время и по окончании Второй Мировой войны Кресов у Польши. Сейчас определение «закерзонье» употребляется крайне националистическими силами для того чтобы присоединить 19 повятов из земель Восточной Польши к Украине; *Nowak A.* Czy mogło nie być II wojny? O tzw. nocie Curzona z 11 lipca 1920 roku i jej (możliwych) konsekwencjach, [w:] *Niepiękny wiek XX.* Warszawa, 2010. S. 21–46. На митинге во Львове 22.01.2011, по случаю Дня единства Украины львовский депутат Ростислав Новоженец [Ростислав Новоженец] под аплодисменти собравшей толпы призвал отобрать у Польши «исконно украинские Подкарпатье и Холмщину»; *Rękas K.* Odzyskać Chełmszczyznę. URL: www.isakowicz.pl (Дата обращения: 23.01.2011).

²⁸⁹ См. *Partacz C.* Założenia ideologiczne budowy nacjonalistycznego państwa ukraińskiego według OUN // *Akcja "Wisła": przyczyny, przebieg, konsekwencje.* Przemysł, 2007. S. 9–31. Образ моноэтнического государства был обрисован уже на I Съезде ОУН в 1929 году в Вене.

1941 года под председательством Микола Лебеда, было решено начать «революцию» путем исключительно жестокого истребления польского населения²⁹⁰.

Кроме человеческих страданий, деятельность бандеровцев привела к гибели населения целых регионов современной Украины. Они убили от 134 до 200 тысяч поляков, помогли немцам истребить местных евреев. Сегодня, после возрождения украинского государства, из них делают «лыцарей» — рыцарей без страха и упрека и героев борьбы за независимость.

В настоящей статье мы используем понятие «нацизм»²⁹¹. Польский читатель знаком только с немецкой разновидностью социализма с подобным названием. Мы должны отдавать себе отчет, что существовал еще русский нацизм, выросший в конце 30 гг. XX в. из национал-большевизма в форме сталинизма. Среди галичан-украинцев возник украинский интегральный национализм — как национальная разновидность нацизма и как идеология ОУН²⁹².

Наверняка многие читатели задают себе вопрос: зачем автор приводит в этой статье примеры «сказочной» истории Украины? Если историк использует свой исследовательский арсенал и этику, чтобы приукрашать и мифологизировать настолько удаленные от нас моменты истории собственного народа, как приведенные здесь факты и события, то ему гораздо легче фальсифицировать новейшую историю, например, историю периода Второй мировой войны. Такую фальсификацию деятельности ОУН-УПА бандеровцы

²⁹⁰ Постановление III Конференции Организации Украинских Националистов Независимых Государственников (ОУН-СД), 17–21.II.1943 года // *Poliszczuk W. Nacjonalizm ukraiński w dokumentach...* S. 240–249.

²⁹¹ Нацизм – Nationalsozialismus, или национальный социализм. Как идеология и политическая практика был воплощением фашизма. В первый период своего существования он пользовался достижениями не фашизма, а социализма. Среди его характерных черт: в политике – крайний популизм, обращаясь к рабочему классу (см. НСДАП); в экономике – социалистическое хозяйство, в котором доминирующая роль предписывалась государству; прежде всего, его характеризуют расизм и теория превосходства избранных рас, которая должна была привести к экстерминации других народов по причине их мнимой неполноценности и потому что они лишают расу господ «жизненного пространства». Бандеризм имел все признаки нацизма.

²⁹² О европейских разновидностях нацизма см.: *Partacz C. Cztery destrukcyjne nurty europejskiego nacjonalizmu // Wymiary patriotyzmu i nacjonalizmu. Studia interdyscyplinarne.* Koszalin, 2009. S. 407–421.

начали уже в 1943 году. Обычный читатель не отдает себе отчет, что ОУН, подобно большевистской партии, вела пропаганду двумя путями. Одни документы создавались для потомков. Они были полны цветистых фраз о демократии, свободе народов и т.д. Другие документы и приказы, в том числе и устные, предназначались для исполнения. Они интересуют нас больше всего. Эти документы касаются геноцида, развязанного против поляков, евреев, армян, а также украинцев, не одурманенных нацистской идеологией. Когда мы говорим о геноциде на территории Восточного пограничья Второй РП (воеводства Волынского, Тарнопольское, Станиславовское и Львовское, частично Люблинское), это касается понятия *genocidium atrox*, и относится к массовым убийствам не только членами УПА и Службы Безопасности ОУН, но также членами Кущевых Отрядов Самообороны [Самооборонні Кущові Відділи — СКВ], которых поляки называли «секирниками», и даже их семьями, женщинами и детьми. Днем это были обычные крестьяне, которые пахали поле и пасли коров. Ночью, по приказу ОУН-УПА, они превращались в упырей, убивавших своих соседей — поляков или украинцев, чтобы после такого акта «патриотизма» разграбить их имущество²⁹³. Впервые об этом написал историк из Львова Василь Расевич (*ОУН не только симпатизировала фашизму, она сама была профашистской: интервью с украинским историком Василем Расевичем*)²⁹⁴. Как мы видим, одним из мотивов и низких побуждений, которые привели украинцев к убийствам, была жажда обогащения. После неудавшегося эксперимента построения нацистского государства во Львове, в июне-июле 1941 г., бандеровцы (ОУН-Б) ушли в политическое небытие. Их (по крайней мере, некоторых из них), преследовали немцы, арестовывали, интернировали и сажали концентрационные лагеря. Многие из украинских националистов, несмотря на эти преследования, и далее вели активное сотрудничество с немцами. Один из них был Дмитро Мирон («Орлик», «Андрій», «Максим», «Пип», «Роберт», «Свенцицкий»), близкий соратник Степана Бандеры.

²⁹³ Lada K. Priorytety nowej władzy banderowskiej na Wołyniu w świetle raportów politycznych referentów nadrejonów Wojskowej Grupy UPA “Turiw” (październik 1943) // *Polityczne, religijne i kulturalne aspekty sporu politycznego na Kresach Wschodnich*. Kraków, 2009. S. 69–85.

²⁹⁴ URL: <http://www.regnum.vu/news/polit/1329328.html> (дата обращения: на: 27.IX.2010 г.).

Он организовал и курировал коллаборационистскую Украинскую Вспомогательную Полицию, которая находилась на службе немцев в 1941–1942 году. Там он показал себя как один из самых отъявленных выродков. Польский офицер, шеф разведки АК на Украине, полковник Александр Клотц лично встречался с этим «идеологом» и практиком бандеризма. В его дневниках мы читаем:

«Вечером 31 октября меня вытащили из постели украинские полицейские и под усиленным конвоем вместе с несколькими жителями соседнего дома повели к зданиям на площади Хмельницкого, которые некогда занимал НКВД. Сейчас там находился штаб украинской полиции, которую под руководством гестапо организовал Дмитро Орлик.

На просторном ярко освещенном дворе, с трех сторон окруженном постройками и отделенном высокой стеной со стороны площади, собрали уже больше 400 арестантов, разделенных на три группы: поляков, евреев и украинцев (которых подозревали в принадлежности к коммунистической партии). Польская группа была самой многочисленной, а подавляющее большинство в ней составляли женщины. Мужчин было едва ли больше 20 (а местную интеллигенцию я представлял в одиночестве). Нас поставили в колонну по четыре и приказали встать на колени. В окнах первых этажей поставили четыре пулемета, из которых время от времени давали очередь по стене, отделявшей двор, устраивая свистящую ловушку над нашими головами. Арестанты каждый раз невольно нагибали головы, что вызывало взрыв смеха полицейских и эсэсовцев (среди украинских и немецких карателей). После игры, которая продолжалась несколько часов, отобрали (у всех) документы. Их не глядя бросали в огромную корзину для угля, которую несли двое полицейских. Только тогда я понял, что дело серьезное.

С левой стороны в моей четверке стояла на коленях пожилая образованная женщина, учительница, которая еще помнила времена до Первой мировой войны, когда на Украине кипела польская жизнь. Справа — красивая молодая

девушка со своим женихом. Обе женщины очень быстро очнулись от первого потрясения и до конца сохраняли удивительное достоинство. По стечению обстоятельств, моя прекрасная соседка справа носила ту же фамилию, что и я. Она настоящую, а я — по паспорту. Отобрав документы, полицейские устроили повальный грабёж ценных предметов и частей гардероба. У моей соседки бесцеремонно сорвали крестик, который она с гордостью, демонстративно повесила на груди сразу после “освобождения” Киева немцами. Она шептала мне с сожалением: “Мамочка столько лет хранила этот крестик, с самого моего рождения”. Смеясь, стянули сапоги. Всю ночь шел мокрый снег, а с утра ударил мороз. Некоторые из арестантов были раздеты до белья. С некоторых молодых женщин стянули и белье — не для грабежа, а скорее для смеха.

Снова началась игра в свистящую ловушку, после чего в стоящую на коленях колонну ворвался сам Дмитро Орлик с двумя десятками полицейских (украинцев), вооруженных плетью и сплетенными кусками телефонного кабеля. С особой речью он обратился к полякам:

– Вы не чулы про Орлика, но вы про нёго ще добре почувуете. Я вам покажу вашого Пылсудского... Я вам покажу вашого Собеського (!) с ёго мичом пид Золотымы Воротамы...

До полудня насмерть забили трех человек. У одного из поляков (Павловского), эпилептика, начался приступ. Эсэсовец метким выстрелом разнес ему череп.

В три часа пополудни арестантов начали вывозить тремя грузовиками на место казни [...].

Я могу понять воспитанников школы ОУН — бандеровцев, инструмент немецких палачей (Гитлера), направленный против моего народа (который они считали единственным врагом), но никак не могу понять их роли на территории Великой Украины. Они, вместе с немцами, пришли туда из Галиции, чтобы издеваться над собственными братьями, превосходя в жестокости (на голову) гестаповцев и эсэсовцев. Я собственными глазами видел массовые казни в Киеве в последнем квартале

1941 года, расстрелы тысяч украинцев в Кременчуге в январе 1942 года. Я получал донесения всех ячеек о сотнях публичных казней, проводившихся без малейшего повода (не считая желания запугать местное население). Я видел миллионные толпы украинского народа, который весной 1942 года со всех уголков Украины через степь гнали на Запорожье, в голоде и холоде. След их скитаний отмечали вереницы трупов (повешенных украинцами), которые колыхались на телеграфных столбах. Большинство повешенных никогда не имели ничего общего ни с какой политикой или боевыми действиями.

[Все] казни совершались бандеровцами под руководством гестапо и СС. “Техническими работами” руководил Дмитро Орлик (Мирон) — славна людына [...]

Надднепровская Украина больше других областей СССР была склонна к уступкам (обласкиванию) ценой реализации не угасшей тоски по индивидуальному сельскому хозяйству и свободе, которые укоренились в характере Сечи, Степи, козачества (и черни).

Я думаю, что обещаниями этих уступок немцы приманили галичанско-украинских политиков и молодчиков, но никак нельзя понять, почему же до самого конца немецкой оккупации на Украине, а значит, до июля 1944 года, не наступило отрезвление (со стороны прогитлеровского лагеря, хотя немецкие намерения были абсолютно ясны с первых дней оккупации). Не остановило бандер и орликов ни присоединение Львова и Восточной Малопольши к генерал-губернаторству, ни создание в Ровно, а не в Киеве “столицы” рейхскомиссариата Украине, ни ужесточение коллективных форм сельского хозяйства, ни даже арест Бандеры и последующие казни, облавы, выселения, депортации в Рейх и тысячи виселиц (повсеместный в степи скрип колодезных журавлей немцы, при помощи бандеровцев, многократно усилили скрипом виселиц, на которых качались неделями не снимавшиеся трупы)»²⁹⁵.

²⁹⁵ Klotz A. Zapiski konspiratora 1939–1945. Opr. Mazur G. Biblioteka Centrum Dokumentacji Czynu Niepodległościowego. Kraków, 2001. S. 242–243, 249–250.

Насколько великим нужно быть теоретиком преступной идеи, чтобы из ненависти совершать такие преступления. По странно-му стечению обстоятельств украинские и галичанские историки из Украины, Канады или Польши ничего не пишут в биографиях Д. Мирона о «работе» их героя в оккупированном гитлеровцами и галичанскими бандеровцами Киеве и других местах Великой Украины.

Геноцид был совершен носителями галичанского интегрально-го национализма, местной разновидности расизма, созданной на основе идеологии, разработанной Миколой Михновским, Дмитро Донцовым и другими представителями украинской и галичанской интеллигенции, происходившей из Надднепровской Украины и Галиции. Это преступление было совершено ОУН-УПА, и особенно Службой Безопасности ОУН, а также деревенскими отрядами самообороны СКВ против польских граждан: поляков, за то, что они были поляками и римскими католиками; украинцев, за то, что они были христианами и не поддерживали нигилистически-языческой идеологии ОУН с ее символом — красно-черным знаменем, красным, как кровь невинно убиенных, и черным, как пепелища тысяч сожженных деревень. Преступники из Службы Безопасности ОУН и УПА по воле исторического парадокса были польскими гражданами. Когда, согласно ялтинским договоренностям СССР с западными союзниками, последние отсылали граждан СССР домой после войны, бывшие солдаты дивизии СС «Галичина», происходившие с территорий Восточной Малопольши, которые раньше служили в галицийских полицейских полках и проводили карательные операции в польских деревнях Дистрикта Галиция, в Люблинском и Келецком воеводствах, а также другие украинские и галицийские коллаборационисты, чтобы избежать высылки в Советский Союз на верную смерть, ссылались на факт имевшегося у них польского гражданства²⁹⁶. Оказывается, когда они боролись за жизнь, оно им не мешало. Этот факт касается также тысяч вахманов, т.е. охранников немецких концлагерей в Трешлинке, Собиборе, Берген-Бельзене, Бухенвальде, десятков тысяч украинцев и галичан — полицейав из полицейских батальонов и полков, действовавших против совет-

²⁹⁶ Польский институт и музей генерала Сикорского в Лондоне. Секретный приказ командующего 8-й британской армии от марта 1945 года, шифр А.ХП.11/1.

ских, польских, словацких, французских и югославских партизан, и участвовавших в карательных акциях²⁹⁷. Мы не можем забыть, что в оккупированной Третьим Рейхом Восточной Малопольше в 1943 году гитлеровскому режиму служило аж 355 старост и бургомистров. Среди них 346 украинцев-галичан, трое поляков и шестеро немцев. Многие исследователи считают, что почти 400 тысяч украинцев и галичан (этот требует подробного изучения) запятнало себя сотрудничеством с гитлеровским режимом. Это они, убегая от правосудия после 1945 года, создали так называемую политическую эмиграцию в Великобритании, США, Канаде и Западной Германии²⁹⁸.

Идеология преступного украинского интегрального национализма еще малоизвестна и недооценена исследователями, а также замалчивается украинскими историками. В то же время, множество открытий в этой области совершили Виктор Полищук, Кшиштоф Лада, Богумил Гротт и Чеслав Партач.

²⁹⁷ Не все преступники из Украинской вспомогательной полицией (Ukrainische Hilfspolizei) бежали на Запад. Многие из них остались в Польше с подложными документами, украденными у убитых поляков. Одним из таких был Иван Маслий, известный как Ян Масловский, опознанный в окрестностях Вроцлава в 1976 году. За совершенные им убийства польского и еврейского населения он был приговорен 27.10.1978 года к смертной казни с лишением гражданских прав и конфискацией имущества. Приговор приведен в исполнение в Варшаве 20.08.1979 года (*Horbaczewski R.*, Ostatnia kara śmierci, www.roztocze.net). В подобной ситуации оказался член ОУН украинский полицейский времен гитлеровской оккупации Богдан Козий [Богдан Козій] из Лисца [Лисець] под Станиславовым. Он собственноручно убил несколько десятков евреев. После войны с семьей бежал в США. В 1982 году, лишенный американского гражданства, бежал в Коста-Рику. В 2003 году власти Польши обратились с запросом о выдаче военного преступника. Суд Коста-Рики согласился на его депортацию. Козий умер в больнице в Сан-Хосе. Его сын не принял прошлого отца и совершил самоубийство. *Archiwum rp.pl-Zbrodniarz poszukiwany*. "Rzeczpospolita" 2.XII.2003; *Wysocka D.* Ekstradycja z raju. "Wprost". 2003. Nr. 49.

²⁹⁸ *Ukrainische Schutzmannschaft Batalionen* на территории, подчинявшейся командованию Ваффен СС и Полиции «Остланд». В феврале 1942 года существовало 52 таких батальона, а в ноябре 1942 года – 131. Состоявшие из украинцев и галичан, называвшиеся в обиходе «шума», они составляли 60 % всех иностранных полицейских частей в этом регионе. На оккупированных III Рейхом землях Украины и Польши немцы создали дополнительно 64 украинских батальона *Schutzmannschaften*. Вместе все они составляли около 70 000 полицейских из числа преступников-коллаборантов, не считая полицейских из Вспомогательной полиции *Hilfspolizei* в генерал-губернаторстве.

Уроженцы Кресов возлагали большие надежды на возвращение Польшей суверенитета и независимости в 1989 году. К сожалению, политика либералов и посткоммунистов привела к тому, что снова, как во времена ПНР, исторической правдой пожертвовали во имя добрососедских отношений. На этот раз вроде бы с Украиной, а на самом деле — с Галицией и галичанами. Эта, рассчитанная на скорейшее отделение Украины от России, и превращение Украины в страну с прозападной политической ориентацией политика, была и остается наивной.

Все большее число исследователей приходит к выводу, что понимание «украинского вопроса» творческими людьми, связанными с парижской «Культурой», было слишком односторонним и искаженным ошибками, несмотря на множество справедливых утверждений, заявленных редактором Гедройцем²⁹⁹. Честно говоря, из выводов многих авторов, печатавшихся на страницах «Культуры», можно, в свою очередь, извлечь вывод, что во Второй РП значительная часть украинского общества находилась под влиянием нацистских концепций, что делало невозможным достижение с ними какого-либо соглашения³⁰⁰. Дмитро Донцовым пропагандировались не фашистские идеи, как до сих пор писали, а нацистские. Украинские националисты видели в нем не только великого идеолога, но даже мага, владеющего мыслями галичан. Эти тезисы поддерживал часто писавший в «Культуре» Богдан Осадчук, проходивший в годы войны обучение в Берлине. Здесь мы должны отметить, что польские авторы, публиковавшиеся в этом издании, старались не поднимать тех вопросов, которые могли скомпрометировать украинское националистическое движение. Таким образом, мы можем позволить себе утверждение, что редакция «Культуры» была защитников интересов интегральных украинских националистов. Украинские авторы до сего дня усиленно продвигают мнение, что не следует применять принципа взаимности в решениях взаимных проблем. Поднятый в Польше на щит миф о «молодости и незрелости» украинского государства привел к политике значительных уступок за счет интересов польского государства, хотя трудно назвать сплош-

²⁹⁹ *Grott B.* Interpretacja stosunków polsko-ukraińskich w środowisku paryskiej “Kultury” i jej funkcja w latach po upadku komunizmu // *Materiały i studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich.* Kraków, 2008. S. 166.

³⁰⁰ *Ibid.* S. 167.

ные уступки политикой. И так продолжается по сей день. Как пишет Богумил Гротт, постулат соблюдения собственных национальных интересов стал как никогда актуален в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе, где снова возродились разновидности национализма, включая агрессивный украинский интегральный национализм³⁰¹. В том числе поэтому взгляды, продвигавшиеся на протяжении многих десятилетий парижской «Культурой», принимаемые на веру без должной доли критики, были и являются вредоносными и недружественными польской идее государства. Элита здорового государства заботится о его интересах и о сферах его влияния³⁰². И она не смотрит не мир зашоренным взглядом. Если украинцы и галичане хотят жить в Европе, то призраки прошлого в виде посткоммунизма и украинского неонацизма, поддерживаемые последователями этих идеологий, должны отправиться на кладбище истории. Галичане не хотят извлекать уроки из преступлений и политических ошибок своих интегральных националистов, за которых расплачивается вся Украина. А польская политическая элита обязана посмотреть правде в глаза, чтобы отдать себе отчет в том, что и как на самом деле происходит на Украине. Она обязана, действуя в Польше в интересах польского государства, не блокировать информацию, поступающую из этой страны по каналам радио, телевидения и в печать. Она не должна дезинформировать общество, что, к сожалению, происходит во имя «политической корректности» и чуждых, часто враждебных Польше интересов. Следует с большим опасением признать, что необандеровские движения с так называемой Западной Украины смыкаются с движениями из Центральной Украины, которые восходят к гайдамацким традициям. Принимая во внимание царящую на Украине бедность, в не столь отдаленном будущем это может создать взрывоопасную ситуацию, угрожающую стабильности в этой части континента. Подобного типа угроз польские политики не желают замечать, обманываясь заверениями постмодернистских СМИ.

Поддержка прозападной и антироссийской ориентации на Украине, к сожалению, слишком часто означает поддержку необан-

³⁰¹ Украинский интегральный национализм, или нацизм, сейчас галичане называют этническим национализмом.

³⁰² *Grott B. Interpretacja stosunków polsko-ukraińskich w środowisku paryskiej // "Kultura"...* S. 175.

деревцев и направляемых ими организаций, которые настроены решительно одинаково антипольски, антиеврейски и антирусски, и точно так же, как в старые времена — шовинистически. Они чтут таких нацистских героев как: Степан Бандера, Роман Шухевич, Микола Лебедь, Володимир Янив, Степан Ленкавский или Дмитро Мирон. Ставят памятники, восхваляющие их антипольские настроения и идеологию украинского интегрального национализма. Как нам известно, после возникновения украинского государства, туда с Запада нахлынула волна бандеровских публикаций, популяризовавших фальсифицированную версию истории. Фальшивая история становится базой столь же фальшивой, опирающейся на «хотение» политики. К сожалению, польские власти недооценивают эту проблему, точно так же, как и ревизионистские устремления украинских националистов, направленные на аннексию у Польши 19 юго-восточных повятов как части так называемых «украинских этнических земель»³⁰³. Публикации украинских националистов и их апологетов подчеркивают насилие со стороны польских «оккупационных властей» по отношению к украинцам, полностью расходясь в оценке с международным правом. Эти публикации конечно же не упоминают преступной террористической и шпионской деятельности Украинской Военной Организации и ОУН в пользу соседних государств, враждебных Польше. УВО и ОУН проводили политику террора по отношению к польским и украинским сторонникам примирения, зачастую убивая их. Националистические публикации выпячивают борьбу УПА с АК, причем пишут о данной борьбе даже в те периоды времени, когда Армии Крайовой на Волыни вообще еще не существовала. Они описывают бои УПА с немцами, которые, впрочем, можно пересчитать по пальцам одной руки. УПА не была партизанским движением. Ее боевики (как они сами себя называли) по большей части набирались в принудительном поряд-

³⁰³ В 2010 году во Львове был издан атлас «Украинские места в Польше» [Українські місця в Польщі]; его выпустили львовская областная администрация и благотворительный фонд «Україна-Русь». В нем находятся описания населенных пунктов современной Польши, связанные с выдуманной историей Украины. Так, мы, например, можем узнать, что Сенкевич и Оссолинский были украинского происхождения, а Краков это столица одного из древнерусских княжеств Белых Хорватов. Эти мысли развивает Святослав Семенюк в огромном «труде» Український путівник по Польщі Історико-краєзнавчі нариси, "Ukrajński Istoryczni Zemli". Lwiw, 2007. S. 723.

ке. Тот, кто не желал убивать поляков, будучи уповцем, вместе со своей семьей ликвидировался Службой Безопасности ОУН. УПА были боевыми группами ОУН, которые в необандеровской литературе пропагандистски именуется армией. Убийства УПА евреев, поляков, украинцев и русских, а позже — советских активистов, не оказали никакого влияния на возникновение независимой Украины. Тезисы бандеровских пропагандистов о том, что была возможна совместная борьба украинцев и поляков против немцев и Советов, абсурдна. Кем были террористы и боевики из ОУН для признаваемого в мире польского эмигрантского правительства в Лондоне или для командования АК? Сторонниками Третьего Рейха, его наемниками или, в меньшей мере, самозваными атаманами, которых никто не мог воспринимать всерьез. Несмотря на это, проводились переговоры между командованием АК и ОУН(б). Однако последние относились к этим переговорам, как к зондированию почвы без конкретных обязательств³⁰⁴. Когда поляки призывали прекратить бессмысленные убийства, делегаты ОУН(б) прямо в глаза лгали и утверждали, что на местах их уже не слушают и что это убивают какие-то анархистские банды, а сами они не имеют с этим ничего общего.

Организация Украинских Националистов, стремящаяся построить государство, основанное на нездоровых проявлениях любви к Родине (заклучавшихся в ненависти к чужакам), вооружившись нацистской идеологией, хотела достичь этой цели, используя благоприятный исторический момент. Его должна была приблизить ожидавшаяся война, способная разрушить версальский порядок, ненавистный немцам и украинцам из числа польских граждан. По мнению деятелей ОУН, выдуманное украинское государство тоталитарного и нацистского характера³⁰⁵ должно было возникнуть

³⁰⁴ *Partacz C. Próby porozumienia polsko-ukraińskiego na terenie kraju w czasie II wojny światowej // Polska Ukraina, trudne pytania. T. 6. Warszawa, 2000. S. 17–52.*

³⁰⁵ См. *Partacz C. Cztery destrukcyjne nurty europejskiego nacjonalizmu // Wymiaru patriotyzmu... S. 407–421.* Автор проводит здесь сравнительный анализ влияния крайнего национализма и социализма на возникновение итальянского фашизма, а позднее — немецкого нацизма-гитлеризма, русского нацизма — национал-большевизма, или сталинизма, а также украинского интегрального национализма — бандеризма. См. также *Partacz C. Istota banderyzmu, czyli ukraińskiego nacjonalizmu // Religia — polityka naród. Księga jubileuszowa na 70-lecie urodzin Profesora Bogumiła Crotta. Kraków, 2010. S. 268–278.*

в результате «национальной революции». Чтобы поднять на борьбу украинское крестьянство, ОУН проводила энергичное обучение молодежи и взрослого населения. Она делала упор на демонстрации враждебной и вредоносной деятельности поляков, евреев и русских на так называемых «украинских землях». Преумножение ненависти было основным лозунгом этого обучения (подобные курсы проводятся и сейчас). Поляки, жившие на Волыни и в Восточной Малопольше, а также украинцы, призывавшие к мирному труду, должны были быть изгнаны или уничтожены, т.е. истреблены в ходе «национальной революции». По мнению ОУН, котел ненависти должен был кипеть постоянно. Поэтому в 30-е гг. XX в. террористы из ОУН, в состав которой вошла УВО, убивали польских политических деятелей, силившихся нормализовать польско-украинские отношения. Убитые боевиками ОУН директор Восточного департамента МИД Тадеуш Голувко или министр внутренних дел Бронислав Перацкий были искренними друзьями украинцев, однако они постоянно совершали одну и ту же ошибку: пытались обезвредить галицийско-украинско-националистическую бомбу, противодействуя оуновской «балканизации» Польши. Тем самым они подписали себе смертный приговор, поскольку ОУН стремилась постоянно возбуждать и сеять среди украинцев ненависть к полякам, т.е. к «чужим», которые занимали не свою, но, по их мнению, украинскую землю. Такое отношение демонстрировали подпольные газетенки ОУН и КПЗУ, легальная пресса, в том числе финансирувавшаяся умеренной партией УНДЛ. Многие греко-католические священники из числа бывших солдат и офицеров Украинской Галицкой Армии также пропагандировали ненависть ко всему польскому, а греко-католические епископы из Львова и Перемышля запретили совместные праздничные ходы с прихожанами римско-католических церквей, например во время праздника Крещения. Объявляли бойкот польских школ, оскверняли польский флаг и государственные символы, угрожали наиболее активным полякам. Провинция становилась все более запуганной. Уже в 30-е годы польские жители этих земель видели, что государственные власти их не защитят. Во время украинских праздников — национальных, церковных, календарных — пропагандировалась ненависть. Это особенно явно проявлялось во время так называемого праздника могил. Также торжественно отмечали день смерти Ольги Бассараб, члена ОУН, которая была избита

в шпионаже в пользу Советской России: в тюрьме она повесилась, но в этом преступлении обвиняли поляков, хотя как раз полякам от этого не было никакой выгоды. Даже наоборот, польские власти очень рассчитывали на ее показания, способные обвинить Организацию. Так что ее смерть была важна именно для ОУН.

Войну Третьего Рейха против Польши ОУН встретила с несколькими десятками тысяч подготовленных активистов и программой «национальной революции», в результате которой должно было возникнуть единое независимое суверенное украинское государство от Вислоки до Кавказа. Организационные структуры ОУН, словно бациллой³⁰⁶, заразили национализмом все галицийские общественные организации — политические, экономические и образовательные.

Уже в обращении первого Конгресса ОУН в 1929 году, подписанного Миколой Сциборским и Володимиром Мартынцом, читаем:

«Только полное устранение всех оккупантов с украинских земель создаст возможности широкого развития Украинской Нации в границах собственного государства. В своей внешней политике Украинское Государство будет стремиться достичь границ, охватывающих все украинские этнографические территории»³⁰⁷.

В 1939 году националисты посчитали, что приходит время революции, в результате которой, при помощи Третьего Рейха, можно будет построить украинское авторитарное нацистское государство. Пакт Молотова-Риббентропа застал их в момент приготовления к восстанию в юго-восточных воеводствах Польши. Гитлер приказал сдерживать украинское восстание. Видя, что Советская Россия отказывается от принятых на себя обязательств, т.е. удара по Восточному пограничью, 15 сентября 1939 года он отдал приказ ввести ОУН в бой. Приказы были отданы, связные отправлены в район действий. В это время, 17 сентября, советские войска атаковали Польшу. Новые приказы о свертывании восстания не

³⁰⁶ Lada K. Injecting Live Bacteria into National Body. Ukrainian Nationalists and the “Organic Sector” in Interwar Eastern Galicia // Terror, War, Tradition: Studies in European History. Unley, 2007.

³⁰⁷ Poliszczuk W. Gorzka prawda... S. 95.

могли достичь всех местных отделений ОУН³⁰⁸. Впрочем, украинские националисты не ждали немецких указаний. В течение всего сентября и октября 1939 года на территории Волыни и Восточной Малопольши они убивали мирных польских беженцев, солдат и офицеров. В 1939 году, перед лицом советского наступления, «националистическая революция» не удалась. Гитлер, желая компенсировать деятелям ОУН утрату их надежд, 25 сентября позволил им пересечь советско-немецкую демаркационную линию и спрятаться под крыло Третьего Рейха³⁰⁹.

На оккупированных немцами польских землях на территории генерал-губернаторства украинцы, в особенности интеллигенты, получили привилегированные позиции: они заняли многие должности в политической и экономической администрации, притесняя поляков и евреев. Они начали украинизацию Хелмского, Замойского и Жешовского краев. Следует констатировать, что украинцы встали на путь сотрудничества с гитлеровским и советским оккупантами. Это вызвало множество конфликтов с польским подпольным государством. В то же время, в специальной полицейской школе в Закопане, немцы проводили обучение полицейских кадров, состоявших из украинских националистов. Это ее выпускники позднее стали палачами в Службе Безопасности ОУН. Действия украинских националистов должны были вызвать противодействие со стороны польского общества, т.е. смертные приговоры тайных судов польского подпольного государства.

Начало войны немцев с Советским Союзом в 1941 году застало украинских националистов уже хорошо подготовленными к построению собственного нацистского государства. Однако его провозглашение 30 июня 1941 года во Львове было отвергнуто немцами. Бандеровцы на несколько месяцев вошли в состояние конфронтации с Германией. Многие украинские националисты были брошены в лагеря и тюрьмы. Некоторых расстреляли. Мечты рушились. ОУН разделилась на 2 фракции. Ее мельниковская часть и далее явно взаимодействовала с немцами, украинские разведывательно-диверсионные батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» успели провести во

³⁰⁸ *Lada K.* Musimy ich wyniszczyć, musimy oczyścić Ukrainą // *Partacz C., Lada K.* Polska wobec... S. 279–281.

³⁰⁹ Там же. S. 284.

Львове и других пограничных городах погромы евреев и польской интеллигенции.

Тысячи молодых украинцев вступили в украинскую вспомогательную полицию (*Hilfspolizei*). Многие из них ранее служили в советской милиции, помогая депортировать поляков в Сибирь. В 1942 году эта полиция приняла активное участие в ликвидации еврейских гетто: На Волыне и в Малой Польше 12 тысяч украинских полицейских на немецкой службе вместе с 1400 немцами уничтожили свыше 450 тысяч польских евреев³¹⁰. Без их участия Холокост был бы невозможен. Участие в массовом истреблении евреев изменило моральный облик этих полицейских. Дезертировав весной 1943 года, они стали ядром УПА, искушенным в убийствах. Именно этот опыт позднее позволил им истребить 134 тысячи поляков и несколько десятков тысяч украинцев, которые не хотели принять нацистскую идеологию и методы, применявшиеся ОУН-УПА.

Мы можем констатировать, что главной причиной геноцида на Кресах было стремление ОУН-УПА к созданию моноэтнического авторитарного централизованного государства нацистского типа. *Genocidium atrox* был возможен благодаря многолетнему, а может быть, даже длившемуся несколько поколений, воспитанию галичан сначала радикальными партиями, а позже ОУН, в ненависти к «чужим», «оккупантам» или, как говорили, «заиманцам». Планы геноцида впервые были конкретно озвучены на Учредительном Съезде ОУН в Вене в 1929 году. Теоретически их развила старая гвардия ОУН (позже названная фракцией Мельника). В момент начала Второй мировой войны сформировались условия для того, чтобы галицийские нацисты бандеровской фракции могли приступить к реализации программы. Вот ее важнейшие положения, методы и условия реализации:

- 1) Стремление к построению авторитарного нацистского галицийского (украинского) государства на землях, принадлежавших Второй РП.

- 2) Воспитание ОУН в духе ненависти к полякам широких масс активистов и сторонников этой организации, а также просто крестьян и молодежи.

³¹⁰ Snyder T. Rekonstrukcja narodów. Polska, Ukraina, Litwa, Białoruś 1569–1999. Sejny, 2006. S. 180 nn.

3) Массовое сотрудничество с советским и немецким оккупантом.

4) Антипольская направленность коллаборационистской украинской вспомогательной полиции на немецкой службе, раннее принимавшей участие в истреблении сотен тысяч польских, украинских и белорусских евреев.

5) Желание многих украинцев обогатиться за счет поляков и евреев в условиях войны.

6) Массовая антипольская и антисемитская пропаганда галицийских (украинских) общественных организаций, связанных с интегральным украинским национализмом, т.е. местным нацизмом.

7) Вера в пропаганду союзников, говорившую о создании второго фронта на Балканах и об ударах с юга по центру Европы.

8) Планы, связанные с первой версией операции «Буря» и планы удара на Львов из Люблина и Перемышля в последней фазе войны.

9) Опасения вероятного захвата Восточного пограничья польской армией, направляющейся с запада (как это случилось в 1919 году).

10) Поражение войск Третьего Рейха под Сталинградом, т.е. поворот в войне в пользу Советского Союза и союзников (в т.ч. Польши).

Эти обстоятельства стали основанием для принятия решения на Конференции ОУН в феврале 1943 года. Их результатом, согласно с политической линией и планами ОУН, стал массовый геноцид польского населения сначала на Волыни, а затем в Восточной Малопольше. Лицом, непосредственно ответственным за принятие решений о совершении этого преступления, является Микола Лебедь, возглавлявший ОУН до августа 1943 года, а после войны офицер ЦРУ, «специалист» по коммунизму.

До и во время истребления поляков ОУН-Б одновременно убивала своих врагов среди украинского общества, т.е. сторонников Мельника и Тараса Бульбы-Боровца, русофилов, членов Товарищества поместной шляхты, украинцев латинского вероисповедания, баптистов, пятидесятников и т.д. Об этом говорят данные, опубликованные украинским ИНП на основании исследований, проведенных в трех волынских повятах. Они показали, что на территории этих трех повятов во время Второй мировой войны погибли 5935 украинцев от рук ОУН-УПА, 1248 украинцев от рук НКВД, 1225 убиты немцами и 32 — поляками³¹¹.

³¹¹ *Mariański A. Trochę prawdy dla miłośników OUN-UPA. "Myśl Polska". 2008. Nr. 27–28.*

Предпринимаемые деятелями и апологетами ОУН попытки переложить ответственность за собственные преступления на поляков не сходятся с фактами. Точно так же, как и попытка найти причины геноцида ОУН-УПА в политике Второй РП. Это обвинение, выдуманное пропагандистами ОУН во время Второй мировой войны, до сих пор поддерживают апологеты и наследники украинского интегрального национализма, а также недобросовестные, а иногда недоучившиеся, историки и публицисты и враждебно настроенные к Польше политики. Они должны отдавать себе отчет в том, что, прославляя эти преступления, берут на себя часть ответственности за них.

Ужасающие преступления, которые совершили галицийские и украинские нацисты из СБ ОУН и УПА, а также коллаборационисты всех мастей, находятся в абсолютном противоречии с европейской культурой и христианской религией. Никакая ложь украинских националистов не убедит жителей Европы, что у этих националистов есть собственная специфическая система ценностей, которая чудесным образом прощает им преступления, совершенные с высокой целью построения независимого единого государства. Преступления, которые они совершили, еще более отвратительны, поскольку на землях Восточной Малопольши было 35 % смешанных браков: польско-украинских и украинско-польских. Поэтому мы можем предполагать, что у значительной части населения малопольских деревень и городков были какие бы то ни было родственники — бабушка, дедушка, тетя или дядя — польской или галицийско-украинской национальности. Мы видим, что может совершить нечеловеческая, языческая и одновременно нацистская идеология, опирающаяся на ненависть. Однако, современные жители этих мест, не хотят принимать такую правду во внимание. Они предпочитают жить в сказочной и выдуманной истории, что рано или поздно жестоко им аукнется. Как написал Бронислав Вильдштайн: «Не признавая исторической правды, трудно строить будущее»³¹². Поэтому, во имя лучшего будущего, в противовес устремлениям крайних галицийских политиков, украинцы и галичане, должны захотеть узнать и признать правду. И по-христиански не только простить, но и выразить раскаяние, чтобы, во имя лучшего будущего,

³¹² Wildstein B. Waga historii. "Rzeczpospolita". 2.VIII.2004.

урегулировать исторические споры, которые до сих пор разделяют братские соседские народы.

Уже несколько лет украинские историки и политики необандеровской ориентации стараются переложить ответственность за преступления и геноцид, развязанный ОУН и УПА, на все украинское общество, что является очередным преступлением, которое они совершают на наших глазах по отношению к собственному народу. Они также уничтожили демократические традиции, выработанные галицийскими и украинскими политиками в Австро-Венгрии и в Польше. Теперь вся Украина пожинает и еще долго будет пожинать плоды бандеровско-мельниковского геноцида и анархии.

Тадеуш Исакович-Залесский

Польско-армянский город Куты на Черемоше Развитие и гибель

В прошлом уникальным местом на карте польского государства был польско-армянский город Куты, который называли «армянской Речью Посполитой». Этот город, который существует и сегодня, находится на окраине исторического Покутья, к.е. клина земель, втиснутых между Восточными Карпатами и руслом Черемоша. Эта быстрая и беспокойная река начинается со слияния двух горных потоков под названиями Белый и Черный Черемош, которые стекают с горного хребта Черногоры. Это приток Верхнего Прута, левого притока Дуная, поэтому он относится к бассейну Черного моря. С севера этот регион отделен от Подолья глубокой низиной Днестра³¹³. Исконной столицей этого региона была и до сих пор остается Коломыя, лежащая на берегу Прута, а Куты, до последней войны, наряду с Городенкой, Снятыним и Косовым Гуцульским, был одним из важнейших городов региона. Своим название город Куты, как и весь район Покутья, обязан своему положению, поскольку слово «кут», по-украински, значит «угол». Следовательно, это был самый южный «угол», или, если хотите, «закуток» тогдашнего государства. Эти территории были самой теплой частью Польши, что вместе с плодородными лёссовыми почвами положительно влияло на развитие сельского хозяйства. Здесь успешно выращивали пшеницу, кукурузу, сахарную свеклу, табак и даже виноград, дыни, абрикосы и персики. Это, в свою очередь, влияло на рост населения, особенно в долинах³¹⁴.

Покутье входило в состав Галицкого княжества, к которому в 981 г. князь Владимир Великий присоединил добытые у поляков Червонные грады, т.е. Львовскую, Саноцкую, Хелмскую и Перемышльскую земли. Так возникла историческая Червонная Русь. В 1199 г. Галицкий край объединился с Волынью в единое Галицко-Владимирское княжество³¹⁵. После того как в 1340 г. последний князь из династии

³¹³ Sobieski S. Geografia Polski. Lwyw, 1926. S. 156.

³¹⁴ Lenczewicz S. Polska. Kraków, 1937. S. 372–375.

³¹⁵ В русской историографии — Галицко-Волыньское. — Прим. пер.

Пястов Болеслав Ежи умер, не оставив потомков, эти земли, по праву наследования, получил король Казимир III Великий. В 1372 г. его племянник и наследник король Людвиг Венгерский отделил Червонную Русь, отдав ее в управление князю Владиславу Опольчику, а затем послал туда венгерских старост. В 1387 г. Ядвига Андегавенская возвратила Червонную Русь вместе с Покутьем Польше. С XV в. эти земли составляли Русское воеводство со столицей во Львове. В 1772 г., после первого раздела Речи Посполитой, эти территории оказались в составе австрийской провинции под названием Галиция и Лодомерия (от искаженных названий городов Галича и Владимира Вольнского). В 1918 г. они на 21 год вернулись в состав Польши.

Начало истории Кут следует искать в XV в. Поселение основали армяне, переселившиеся из Молдавии в Польшу. Интересно, что говорили они уже не на армянском языке, а на выученном в Крыму кипчацком, который принадлежит к тюркской семье языков. На этом языке, записанном армянским алфавитом, они издавали свои молитвенники. Только в XVIII веке, следующие волны иммиграции, принесли в Куты настоящий армянский язык, который, в форме смешанного говора, сохранился до периода межвоенного двадцатилетия.

Хотя в сравнении с другими армянскими колониями в Польше Куты возникли очень поздно, они стали важным элементом в системе армянских поселений. Кроме того, они были приграничной местностью, ведь по Черемошу проходила сначала польско-молдавская граница, а затем, во времена разделов, граница между двумя габсбургскими провинциями: Галицией и Буковиной (этот край был частью Молдавии, которую в 1775 г. заняли австрийцы). В свою очередь, в межвоенный период, там проходила польско-румынская граница. Так что, с данной точки зрения, Куты были важным пунктом восточного торгового пути, ведущего из Польши на Балканы. Кроме армян, здесь селились также поляки, евреи и русины и до Второй мировой войны все эти народы жили в мире.

В 1914 г. в Кутах проживало 7 000 человек, в т.ч. 1 300 поляков, 1 900 русин, 3 300 евреев и 500 армян, пользовавшихся в повседневной жизни польским языком, хотя часть из них использовала для общения также армянский говор. В 1933 г. число жителей возросло до 7 300 человек.

В межвоенный период город вошел в состав повята, центр которого находился в Косове Гуцульском. Данный повят входил в со-

став Станиславовского воеводства. Большой проблемой в этот период было отсутствие в Кутах железнодорожного сообщения. В то же время городе была школа, Дом Польский³¹⁶, почта, автовокзал, кинотеатр «Сокол», полицейский участок, таможенное управление и управление лесничества. Не смотря на то, что в Кутах отсутствовало большое производство, здесь находились кирпичные заводы, мельницы и лесопилки. Существовали также десятки магазинов и ремесленных мастерских. С 1935 г. в Кутах находился пост пограничной стражи, который в 1938 г. передал охрану границы с Румынией Корпусу охраны границы. Наиболее известным уроженцем Кут и человеком с наибольшими заслугами перед городом, был армянский приходской священник и сенатор Второй Речи Посполитой каноник Самуэль Манутевич. Он прославился не только как пламенный проповедник, но также как патриот и общественник. В 1928 г. он стал сенатором, а в мае 1938 г. его избрали бургомистром Кут, что для духовного лица было случаем крайне редким. Будучи неустанным пропагандистом туризма и отдыха на лоне природы, он внес огромный вклад в развитие города как летнего курорта. Он рекламировал родной город, его расположение, чарующие пейзажи и великолепные климатические условия, благодаря чему Куты стали привлекать отдыхающих и туристов со всей Польши. В результате этого город оброс десятками пансионатов, маленьких гостиниц и дач. В конце межвоенного периода сюда ежегодно приезжали почти 2 000 человек. За свою общественную работу отец Манутевич получил Золотой Крест Заслуги и почетное гражданство города.

Развитие города внезапно прервала Вторая мировая война. В первые две недели войны на польско-румынской границе, охранявшейся полком Корпуса охраны границы «Подолье» под командованием полковника Марцелия Котарбы³¹⁷, было спокойно. 15 сентября 1939 г. Верховный главнокомандующий Эдвард Рыдз-Смиглый отдал приказ о создании на линии рек Стрый и Днестр последней линии обороны, названной «Румынским предместьем». Однако через два дня началась агрессия советских войск, которая перечеркнула

³¹⁶ Официальное название польских культурных центров, в т.ч. на территориях, заселенных преимущественно неполяками. — Прим. пер.

³¹⁷ Марцелий Котарба (1887–1962) — уроженец г. Свентники Гурне под Краковом. Офицер Польских легионов, заслуженный офицер Войска Польского, пограничник.

эти планы. К пограничным Кутам начали стягиваться отступающие польские части. 17 сентября в город прибыл сам президент Игнаций Мосцицкий. Верховный главнокомандующий Эдвард Рыдз-Смиглый, премьер Фелициан Славой-Складковский и министр иностранных дел Юзеф Бек в этот день находились в расположенной неподалеку Коломые, где с утра заседало правительство. Однако уже в полдень члены правительства перенесли свое заседание в Куты, где присоединились к президенту РП.

В ночь с 17 на 18 сентября, около полуночи, президент Мосцицкий в сопровождении министра Бека покинул Польшу, перейдя деревянный мост на Черемоше. Последним из провожавших президента был отец Самуэль Манугевич, который благословил выезжавшую колонну машин крестным знаменем. Утром, в 4:00, через мост проехал Рыдз-Смиглый вместе со всем штабом, за ним маршалы Сейма и Сената, а также члены высших органов государственной власти³¹⁸.

Во многих публикациях до сих пор ошибочно указывается, что местом перехода границы президента и верховного главнокомандующего был мост в Залещиках на Днестре. Однако, из-за того что Красная Армия быстро вошла на польскую часть Подолья, этим путем эвакуировалось небольшое количество польских служащих и иностранных дипломатов. Обороняя мосты на Черемоше, полковник Котарба, который был одним из немногих командиров, попытавшихся оказать вооруженное сопротивление агрессору с Востока, перешел в контратаку. Но, ударом превосходящих сил советских танков и кавалерии, его полк был разбит. С 17 до 20 сентября автомобилями, верхом или пешком через Куты прошло огромное количество польских солдат и гражданских лиц. В небе виднелись перелетающие через границу польские эскадрильи, поскольку, согласно приказу, подавляющее большинство польских летчиков, вместе с уцелевшими машинами, эвакуировались в Румынию. В то же время, если не считать данную эвакуацию, в Кутах сохранялось спокойствие. Замешательство вызвали только советские танки, которые 21 сентября вошли в город, блокируя дальнейшую переправу через Черемош. Эти танки обстреляли отряд польских заготовителей провианта, который ехал за хлебом. Единственным убитым польским

³¹⁸ Iwanowski W. Kampania wrześniowa 1939. Warszawa, 1961. S. 506–508.

солдатом был известный писатель, капрал-подхорунжий Тадеуш Доленга-Мостович³¹⁹. В это же время недалеко от Кут погибли 6 других польских солдат, которые были разоружены и убиты членами Организации Украинских Националистов³²⁰.

Во время первой советской оккупации около 70 жителей города, в т.ч. около 20 армян, были арестованы или высланы в лагеря в Сибири³²¹. Часто этим арестам способствовали украинцы, которые писали доносы. В это время приграничные Куты стали важным пунктом переброски польских солдат, стремившихся через Румынию добраться до армии генерала Сикорского во Франции. В этом им активно помогла армянская общественность.

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз, своего бывшего союзника. Уже 30 июля немецкие войска вошли во Львов, где их с энтузиазмом приветствовали украинские националисты. Покутье, как и все Юго-Восточное пограничье, было включено в состав Дистрикта Галиция, столица которого находилась во Львове. В первые дни новой оккупации земля обильно оросилась кровью невинных.

В январе 1942 г. при поддержке вспомогательной полиции, сформированной из активистов ОУН, немцы начали реализацию «окончательного решения еврейского вопроса». Под таким обтекаемым названием скрывался педантично подготовленный геноцид. Это касалось и Косовского повята, в котором истребили практически все восьмидесятичное еврейское население. Погибли также все евреи из Кут³²².

Волна убийств, которые УПА начало на Волыни, быстро докатилась также и до Покутья. В ночь с 24 на 25 июня 1943 г. украинцы вывели из дома приходского священника в Пистыни ксендза Юзефа Гжесевского³²³, а из расположенных неподалеку Шешор Станислава Калиневича, директора госпиталя в Коломые; оба они были убиты,

³¹⁹ Тадеуш Доленга-Мостович — род. 1898 в Окуневе Витебской губернии. Солдат-доброволец, участник войны 1920 г., журналист и писатель.

³²⁰ “Na Rubieży”. 2001. Nr. 54. S. 42.

³²¹ *Siekierka S., Komański H., Rózański E.* Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na Polakach w województwie stanisławowskim 1939–1946. Wrocław, 2008. S. 283–284.

³²² “Na Rubieży”. 1998. Nr. 31. S. 30–31.

³²³ Ксендз Ян Гжесёвский – род. в 1891 году, рукоположен в 1923, приходской священник в Пистыни с 1930, каноник, за свою общественную деятельность награжден Золотым Крестом Заслуги.

при этом, перед смертью их жестоко пытали. Гибли также поляки в других частях Покутья. Например, в Косовском повяте были убиты польские семьи в деревни Яблунница на Белом Черемоше³²⁴. В самих Кутах первый акт геноцида произошел в ночь с 19 на 20 марта 1944 г.

Сообщение Романа Донгилевича:

«В период немецкой оккупации я вместе с братом был вывезен на принудительные работы. Я — во Львов, а брат в Коломыю. Когда в начале 44 года немцы начали отступать, мы бежали с работ и вернулись домой.

В это время стала нарастать агрессия украинцев. Как-то раз я пошел с братом в кино, и в фойе несколько молодых украинцев привязались к нам. Дошло бы до драки, но тут наш приятель, украинец, предупредил нас, что это бандеровцы, которые специально нас провоцируют. Еще он сказал нам, чтобы мы не ночевали дома. Мы оборудовали себе укрытие в хлеву у дяди Норсесовича. Однажды весной 44-го через город отступала маленькая группа немецких солдат, которых бандеровцы разоружили. Однажды в марте, мы с братом возвращались с ночлега в хлеву. По дороге мы встретили пани Древутову, нашу соседку. Она была заплаканная, в эту ночь бандеровцы убили ее мужа. Мы пошли к ней. Раздетый муж лежал у ворот своего хозяйства. Снег припорошил его тело, а вся спина у него была, как сито, исколота ножами. Мы были поражены: какое же это зверство, так уродовать ножами уже неживого человека! Мы занесли останки в дом.

В эту же ночь бандеровцы убили семью Березовских. Это было страшное убийство. Отцу, трем сыновьям и дочери бандеровцы отрезали головы и положили их на тарелки, поданные к ужину с молоком и мамалыгой, а матери приказали на все это смотреть. Можно ли удивляться, что несчастная женщина лишилась рассудка.

³²⁴ “Na Rubieży”. 1998. Nr. 31. S. 30–39.

Следующей жертвой преступления была пани Бузат, доктор, которая лечила многих людей в ближних украинских деревнях, и часто бесплатно помогала бедным крестьянам. Убили ее с мужем и двумя малыми детьми. В этом месяце убили мою тетку, Рыпсиму Донигевич, вместе с ее прислугой-украинкой. Ограбили весь дом, но не сожгли, потому что пожар мог бы навредить соседям-украинцам».

Сообщение Станислава Чолека:

«После бегства немцев во второй половине марта 44 года начался ужас для польского и армянского населения. Днем 19 или 20 марта я с отцом и братом был у ксендза В. Смаля. Возвращаясь домой, мы встретили примерно 20 мужчин на конях, крестьян в барашковых шапках на голове. Ехали они со стороны Тюдова³²⁵ в направлении Слободки и Рыбна. По возвращении домой, мы увидели зарева пожаров за Черемошем на Буковине, а также зарево и огонь в окрестностях деревни Рыбно. Тогда сожгли польский костел в Рыбне и пограничный пост. С утра нас разбудил громкий стук в окно. Это была пани Древутова, которая с плачем сообщила, что ночью был убит ее муж, Тадеуш Древута. Мы пошли туда с отцом и еще с парой соседей, в том числе с братьями Станиславом и Романом Донигевичами. От того, что мы увидели, нас охватил ужас. Перед домом на навозной куче у забора лежал пан Тадеуш Древута, исколотый ножами и с перерезанным горлом. Окровавленное тело Древуты было перенесено в наш дом, и в большой комнате его положили на столе. Вид был ужасающий. Как мы узнали, в эту ночь в Кутах было убито 13 человек, в основном мужчин. С этого времени мы уже дома не ночевали, а прятались на заливных лугах у Черемоша, у знакомых украинцев — с их разрешением, а чаще и без, — под крыльцом, в коровниках и т.д.»

Сообщение Гражины Дробницкой:

³²⁵ Тюдowo [Тюдів] располагалась в 4 км выше Черемоша.

«Мне было 13 лет, когда резуны из УПА убили моего папу — Стефана Брошкевича, и его брата, Владислава Брошкевича. Со стороны двора банда выломала входные двери в дом [...]. Стреляли в мою тетю Мальвину Мецан. Она получила разрывную пулю в лицо [...]. Одновременно моего папу вытолкали к выходу из комнаты, в сторону прихожей и кухни, а по дороге кололи его ножами. Он вырвался у них из рук и пытался убежать. Они догнали его за шоссе и убили в канаве. На снегу в канаве было глубокое углубление и там очень много крови. После этого они протащили его через шоссе и бросили на дворе у колодца. Мы выбрались из подвала и сейчас же бросились к папе. Я прижалась к нему. Казалось мне, что тело еще дрожало. Следы от ударов ножом были везде: на руках, на ногах, по всему телу. Я насчитала 36 ударов ножом [...]. Дядю, Владислава Брошкевича, они нашли и стянули с чердака. От наносимых ударов он упал на спину. Били его ножами с такой страстью, что чтобы его убраться, мы должны были сначала собрать его внутренности и вложить в живот»³²⁶.

В марте 1944 г. на Восточном фронте началось очередное наступление советских войск. Войска Первого Украинского фронта под командованием маршала Жукова, нанося удары из района Киева, в течение месяца дошли до окрестностей Бродов, Чорткова, Коломыи, а 17 апреля — непосредственно в район Кут³²⁷. Немцы стремительно отступали, и в некоторых населенных пунктах царило безвластие. Это замешательство использовала Украинская Повстанческая Армия, которая начала расправу над безоружными поляками. Для примера, только на Пасху, т.е. 9 апреля 1944 г., бандеровцы напали на поляков, собравшихся на торжественные службы в костелах, и варварски убили 60 человек в Березнице Шляхецкой, затем 60 — в деревне Пациков близ Станиславова, а также полностью истребили жителей и сожгли всю деревню Зады в долине Днестра. В свою очередь, в Косове Гуцульском, в двух ночных нападениях — с 29 на 30 марта и с 22 на 23 апреля — уничтожили больше 100 поляков. В это время в Косов-

³²⁶ Siekierka S., Komański H., Róžański E. Ludobójstwo... S. 300.

³²⁷ Encyklopedia II wojny światowej. Warszawa, 1975. S. 440.

ском повяте убили 20 поляков в Чергановке, 30 — в деревне Кобаки, 36 — в Рыбно, 30 — в Вербовце, а также множество жителей в Пистыни и Шешорах³²⁸. Таким образом, не было ни дня, а точнее, ни одной ночи, чтобы не лилась польская кровь. Появление в это время в Кутах идущего головным дозором военного отряда Красной Армии, жители восприняли как избавление. Однако ко всеобщему удивлению, русские быстро вывели войска, оставив город на произвол судьбы.

Сообщение Станислава Чолека:

«Сначала ужас продолжался до пасхальной недели, а сразу перед польской Пасхой, примерно 10 апреля, в Куты вошел советский отряд. Спокойствие, однако, длилось недолго, потому что, пробыв в городе примерно неделю, русские внезапно на пару дней вышли из Кут. Оказалось, что командир части был украинец, с которым “договорились” бандеровцы, чтобы он на несколько дней вышел из города и развязал им руки окончательно вырезать поляков. Так и случилось. И тогда начался ад».

Трагедия Кут началась вечером в среду, после Воскресения Светлой недели, называемого также Белым, т.е. 19 апреля 1944 г., и продолжалась трое суток. Ее размеры и хронологию лучше всего передают следующие показания свидетелей.

Сообщение Ядвиги Мигоцкой-Джазги:

«19 апреля началась геенна огненная. Каждый раз вечером с горы Овидия раздавались призывы (крики птиц) и [появлялись] развешанные на высоких палках лампы (фонари), и тогда банда сходила с гор в городок на резню. Тогда начинались массовые убийства, грабежи имущества и поджог домов. Люди прятались где могли, бандиты (бандеровцы) гуляли, убивали и жгли. Круг сужался»³²⁹.

³²⁸ “Na Rubieży”. 1998. Nr. 31. S. 30–39; 2001. Nr. 54. S. 36–48.

³²⁹ *Miгоcka-Drzazga J. Uratowani w kościele p.w. św. Antoniego w Kutach, “Biuletyn Ormiańskiego Towarzystwa Kulturalnego”*. Kraków, 2003. Nr. 34/35.

Сообщение Катажины Мигоцкой (по матери Мойзесович):

«Я молилась у окна. До моих ушей долетали одиночные выстрелы из карабина. Времени было 9:30 вечера, уже хорошо стемнело. На небе показалось зарево, потом я услышала два сильных взрыва, вроде от гранат. Наверняка это был пожар, где-то далеко горел дом, как будто где-то возле церкви. Меня охватила усталость от долгого бодрствования, и я заснула. В какой-то момент я почувствовала, как будто меня сильно трясут за плечо. Я проснулась и в ужасе увидела огромное зарево и услышала новые сильные взрывы гранат. Еще были слышны крики и выстрелы из ручных пулеметов. Я четко услышала в ушах голос: “Сейчас же беги!” Я набросила на плечи плащ, схватила сумочку с документами и деньгами и черным ходом в сад выбежала из дома, в сторону реки Млыновки. Потом я присела в кустах, может, метрах в 30 от дома. Я прекрасно видела оттуда дом и услышала стук сапог по деревянному полу длинной, на 19 метров, галереи, которая была пристроена к зданию с юга. Потом звон стекол, взрывы гранат и отсвет вцелевших кусках оконных стекол. Это уже горел дом изнутри, наверное, облитый бензином. Теперь, шепча невпопад разные молитвы, я бежала, куда глаза глядят, бежала, как раненый зверь, лишь бы дальше, лишь бы дальше... Добралась до козьего загончика и там присела, дрожа от ужаса. Прислонившись к козе, я уснула от страшной усталости.

“Тетя, не бойтесь, это я, Киркор³³⁰. Сейчас я подою козу и попьем теплого молока”, — услышала я. На счастье, я попала в армянский дом. Так меня вел святой Антоний. Мне дали свитер, толстые носки, теплую рубашку и большой городской платок. Когда настали сумерки, полевыми тропинками, которые указал Киркор, я отправилась на восток. Держась берега Черемоша, я добралась до Снятыни, где был армянский приход и церковь, в которой уже много лет священником был мой брат Петр Мойзесович. Рискну утверждать, что так начался исход беженцев из Кут, из

³³⁰ «Киркор» по-армянски означает «Григорий».

страшного пекла, о котором современная история говорит с ужасом»³³¹.

Сообщение Войцеха Мигоцкого:

«Жестокая судьба не пощадила добродетельной патриотичной семьи Чайковских. Тут разыгралась страшная трагедия. В горящий дом затолкали супругов Чайковских, а потом в пламени застрелили. Дочерей увели в лес, изнасиловали и убили»³³².

Сообщение Анны Мойзесович:

«Поджигали дома. Кто в них остался, живым не вышел. Там, где спрятался мой брат, людей было больше. Прежде всего, мужчин. Около 10:00, вечером, подожгли все дома по улице, на которой был наш дом и дом нашей соседки, которая дала брату укрытие. Я слышала выстрелы и оттуда, но пойти туда не могла, потому что улицы были заполнены этими людьми-чудовищами. Если они встречали кого-то на улице, то живым не отпускали. А впрочем, чем же я могла помочь? Украинцы стреляли в своих жертв и убивали по-всякому. Например, мужа моей двоюродной сестры вывели из дома и закололи ножами, а друга моего брата пригвоздили штыком к забору. Люди укрывались в садах, а часть спряталась в стенах армянского костела. На костел у них как-то не хватило отваги напасть. Так продолжалось до утра. Утром все стихло. Тогда мы пошли к дому, где брат искал укрытия. Дом полностью сгорел, от него не осталось ни следа, только остатки дымилась. Тех людей, которые укрывались вместе с братом, убили и сожгли вместе с домом, а раненный брат выскочил в окно, но позднее его добились. Мертвый, в опаленной одежде, он лежал под деревом. В этот день сожгли 30 из

³³¹ Сообщение Катажины Мигоцкой, урожденной Мойзесович, запись из архива автора. Фрагменты этого сообщения опубликовал сын героини, Войцех Мигоцкий: *Migocki W. Owidiusz nie zapomni*, "Biuletyn Ormiańskiego Towarzystwa Kulturalnego". Kraków, 1995. Nr. 4.

³³² *Migocki W. Wspomnienia* (копия в архиве автора).

40 домов, почти все дома были армянские. Только из тех, кого я знала и смогла сосчитать, было убито 60 армян. Большую часть армян они как бы оставили себе на потом. Нападения случались раньше, а армяне не только в самих Кутах жили. Местные украинцы делали вид, что не видят и не знают, что делается. Хотя были и такие, которые в те страшные минуты не запрещали входить в хлев или даже в дом. Но как же быть уверенным, что они через минуту не выдадут и не покажут пальцем»³³³.

Сообщение Ханны Вольф:

«Бандеровцы не пощадили даже польско-украинской семьи. Женатый на польке Володимир Дребет (34-х лет) был убит 40 ударами штыка, когда отказался своими руками убить свою жену и своего ребенка. Его жена Хелена, по матери Луцкая, была убита четвертованием. Их 4-летний сын Генрик был зарезан ножом»³³⁴.

Сообщение Ядвиги Мигоцкой-Джазги:

«Людям, которых пожгли, негде было прятаться. Они пришли к ксендзу Манугевичу и сказали: “Костел будет нашей общей могилой”. Ксендз согласился, отворил двери костела и все зашли. Ксендз Манугевич искал помощи. Среди бела дня он пошел к украинскому бургомистру Бондзяку, просить, чтобы тот что-нибудь посоветовал, помог. В ответ услышал: “Я тоже бессилен”. На обратном пути он встретился с греко-католическом священником Лотокой-Лоточиньским. Тот сказал: “Отец, еще один день попрошу только выдержать, и всё”. Ксендз Манугевич вернулся в костел и вместе с прихожанами молился у алтаря святого Антония, прося спасения. Потом сел в исповедальню и стал исповедовать всех в последний путь. Он давал последнее отпущение грехов, а мы ждали этой последней ми-

³³³ Pełczyński G. Ormianie polscy w XX wieku. Warszawa, S. 72.

³³⁴ Сообщения Ханны Вольф (из архива автора).

нуты. В костеле краска плавилась от жара и стекала на пол. Я с паном Богданом Норсесовичем (Бадени) дежурила на хорах у окна, и мы смотрели в бинокль, что делается вокруг костела и улицы Тюдовской»³³⁵.

Сообщение Войцеха Мигоцкого:

«Рядом с нашим домом был расположен дом Москалюков (смешанная семья, католики); хозяин был почтальоном, у него были три замужние дочери. Бандитам не понравилось, что дом вели в польском духе. Когда подожгли хозяйство Москалюков, хозяев еще дома не оказалось. В каких-то 50 метрах от их дома стоял большой дом, крытый жестью. Это был дом тетки Петронелии Донигевич, она держала пансионат для отдыхающих, которые во множестве приезжали в Куты из-за их хорошего климата. Украинцы не пощадили прекрасного нового дома, а тетку Донигевич застрелили и бросили в горящее здание.

На расстоянии около 100 метров от нашего дома, на улице Саперской, находился прекрасный армянский каменный дом Норсесовичей. Замечательное богатое хозяйство. Дом ограбили и сожгли; остались только грозно торчащие, закопченные, светящиеся глазницами окон кирпичные стены. Насколько знаю, ребята из этой семьи служили в армии, а родители умерли до войны.

Также дотла сожгли соседний с хозяйством Норсесовичей старинный армянский дом Антоневицей. У него была красивая высокая крыша, крытая гонтом, что было характерно для кутского строительства. С открытым крыльцом спереди, всегда красиво увитым вьющейся зеленью[...].

Рядом с домом Антоневицей, немного вдали от главной дороги, стояло здание — тоже типичный армянский дом, семьи Ломеев. В нем проживала тетка с дочкой и тяжело больным сыном. Дом тоже сожгли дотла, а тетку и боль-

³³⁵ Migocka-Drzazga J. Uratowani...

ного сына застрелили. Дочка Рома сумела спрятаться, а потом убежать [...].

Рядом с колодцем (у старой тюрьмы) зверски расстреляли Ханечку Мойзесович, жену Миколая (Мика), когда она бежала к горящему дому. Это был красивый зажиточный дом, расположенный рядом с одной из мельниц, мельницей Екелей³³⁶. Дом Мика и Ханечки Мойзесовичей был сожжен вместе с хозяйственными постройками и находящимися в них скотом и инвентарем³³⁷.

Если идти по “большаку” в сторону “башни”, на первом повороте, над излучиной, за откосом был спрятан дом Богдана Мойзесовича, известного представителя кутских армян. Богобоязненная семья, трое образованных сыновей и дочь Анна, которая держала в руках все хозяйство и собственным женским счастьем пожертвовала для блага семьи. Не пощадили также и этих Мойзесовичей. Дом сожгли, сына Миколая (Кица), инженера-лесника, который прятался в сарае соседнего хозяйства, в этом самом сарае и застелили. Двое младших детей избежали смерти, потому что их тогда призвали на военную службу. А дочь Анна, вместе с Майкой и Ясем, детьми Кица Мойзесовича, чудом уцелела. Слава богу, она жива и принимает большое участие в теперешнем описании преступных действий украинских палачей.

Если идти в сторону церкви на улице Тюдовской, то метрах 20 за армянским костелом, находился дом Давидовичей. Эта была старая армянская семья, которая вырастила к услугам церкви ксендза прелата, человека очень светлого, исполнявшего почетные задания в епископской курии во Львове и в славном армянском соборе на улице Скарбовской. Ксендз Богдан Давидович также исполнял обязанности наставника по Катехизису в армянской бур-

³³⁶ Это была семья немецких колонистов из Баварии, зажиточная и уважаемая. В 1913 г. на Корнелии, старшей дочери Германа Екеля, женился двоюродный брат Мика, Богдан Мойзесович, сын Юзефа и Марии, инженер-лесник, мой дед (доп. Алиции Гражины Гентнер).

³³⁷ Ее муж и сыновья, Гжегож и Богдан, спаслись. После войны они поселились в Оборниках. Сейчас младший сын живет с семьей во Вроцлаве. — Доп. Алиции Гражины Гентнер.

се, расположенной рядом с собором. Родного дома ксендза Давидовича тоже не пощадили. От его брата-украинца требовали долларов, желая их получить, издевались над семьей, а затем застрелили.

Был сожжен армянский дом Осадцев. На улице Косовской сожгли вместе с постройками дом, в котором жила семья старшего лесничего Лисовского. На счастье супругов Лисовских, украинским извергам не удалось найти укрытие, а то они готовили страшную смерть для старшего лесничего»³³⁸.

Сообщение Романа Донгилевича:

«На ночь мы начали прятаться в армянском костеле. Атмосфера в костеле была напряженная, около 50 человек, одни молились у алтаря, другие в страхе бежали по костелу. Я с несколькими приятелями пошел на колоколенку. Оттуда был вид на всю округу аж до Черемоша, и мы оттуда наблюдали, как целые банды бандеровцев с факелами спускались с горы Овидия в сторону городка. Ночью были видны зарева пожаров, слышны выстрелы и как кричали те, кого убивали. С утра после нападения мы незаметно вышли из костела и увидели ужасное зрелище: многие из наших домов пожгли, нам некуда было возвращаться. Я попросил украинца Дагека, чтобы он пустил меня в дом. Он отказал, говоря, что бандеровцы в отместку могут сжечь и его дом. Я видел у него на лице следы несмытой сажи. Может, он принимал участие в набеге, потому что бандеровцы мазали себе лица сажей, чтобы их никто не узнал»³³⁹.

Сообщение Алиции Гражины Гентнер:

«Из нашего дома все сумели убежать, но осталась прабабушка, которая из-за возраста не хотела никуда идти. Поэтому она решила притвориться украинской служан-

³³⁸ Migocki W. Wspomnienia (копия в архиве автора)

³³⁹ Сообщение Романа Донгилевича (из архива автора).

кой. Когда в дом ворвались бандеровцы, она сразу опознала их главаря, хоть тот был в маске. Это был поп Закшевский. Он ее тоже узнал, и поэтому ударил ее прикладом карабина в голову, чтобы она его не выдала. Он подумал, что ее убил, но она выжила и все это нам рассказала. Однако от удара она оглохла полностью»³⁴⁰.

Сообщение Марии Петрашкевич:

«Из моей семьи бандеровцами был убит Вит Чолек с женой, а шурин моего отца, Станислав Свидерский, был сожжен на глазах шести- и десятилетних детей. Еще убили Стефанию и Юзефа Напп, детей известных гончаров Томаша и Петронелии»³⁴¹.

Сообщение Войцеха Мигоцкого:

«В сожженных руинах дома Зелинских укрывались Катажина и Анеля Манугевич, а также инженер-лесник Камиль Смолик. Их родной дом не сожгли, потому что украинец Бабюк, кожевник, прятал там свои обработанные шкуры, сапоги и деньги, чтобы уберечь их от советских, когда они во второй раз входили в Куты».

Сообщение Ядвиги Мигоцкой-Джазги:

«Третьего дня, т.е. 21 апреля 1944 года, ночью в 3 часа на конях приехали трое козаков в длинных плащах и кубанках на головах. Кубанки были красные с черным крестом наверху, обшитые черным барашком. Постояли, посмотрели в бинокль на реку Черемош, на улицу Тюдовскую минут так 15, развернулись и уехали. Мы с паном Богданом сообщили ксендзу о том, что видели, и ждали, чем все кончится. На рассвете 22 апреля мы вместе со свекровью, пани Марией Мигоцкой, украдкой вышли из костела, чтобы этим голо-

³⁴⁰ Сообщение Алиции Гражины Гентнер (из архива автора).

³⁴¹ Сообщение Марии Петрашкевич (из архива автора).

дным людям дать что-нибудь поесть. Я поставила большой бак для белья, в котором варилась картошка в мундире. Было 9 утра. Во двор вошли трое. Вид у них был, как у пугала рядом с собачьей конурой. Они три раза выстрелили. Может, это был какой-то знак, я не знаю. Забежали на веранду дома приходского священника. Мы со свекровью были в страшном ужасе, что вот уже конец пришел. Поцеловались мы на прощание и стали ждать. Вбежали они в кухню. Увидев нас, встревоженных, закричали: «Бандеровцы есть? Здесь были?». Мы покивали головами, что нету [...]. Поблагодарили мы их за помощь, за то, что спасли нам жизнь»³⁴².

Сообщение Станислава Чолека:

«Ниже привожу известные мне фамилии членов УПА — бандеровцев, которые принимали активное участие в убийствах, грабежах и поджогах польских и армянских домов: Матвеев и Камат — бывшие украинские полицейские; Тарновецкий, жил около лесопилки, один из главарей резунов; Старожитник, жил на берегу Млыновки; Усик и Кахникевич; соседи с улицы Затишной, сыновья Яна Тарновецкого Дорко, Мирко и Стефан, этот последний был солдатом части СС «Галичина»; Матковские отец и сын, бывший студент Львовского университета; а еще духовный предводитель бандитов, греко-католический священник из Кут Закшевский, он освящал ножи, которыми потом убивали поляков.

Вышеуказанные Тарновецкие, после того как пробывли сколько-то там лет в Сибири или где-то в Казахстане, вернулись в Куты и все погибли трагически. То есть двое из них совершили самоубийство, а одного «удар хватил» в туалете. Матковских отца и сына застрелили во время побега советские солдаты, конвоировавшие их в тюрьму в Коломые.

Ксендз Закшевский убежал в Канаду, где выступал по радио «Свобода» и издавал по-украински молитвенные книжечки [...].

³⁴² Migocka-Drzazga J. Uratowani...

Из сообщений, которые я запомнил, в 1944 г. сопротивлялась только семья украинского ксендза Сливиньского, который был приходским греко-католическим священником в Тюдове или в Рожнове. Он был убит вместе с семьей, за то что в церкви во время проповедей призывал опомниться»³⁴³.

В ходе массовых убийств были уничтожены 200 поляков и армян, из которых были идентифицированы только 140. Они были похоронены на местном кладбище. Однако на этом геенна для армян не кончилась, поскольку в период 15–20 января 1945 г. в Банилове на Буковине, на другой стороне Черемоша, украинские националисты уничтожили еще два десятка семей. Не окончилась также геенна и для поляков с Покутья, которых безжалостным образом, при молчаливом согласии советских властей, продолжали убивать до 1946 г.

В окрестностях Кут и Коломыи фронт задержался на несколько недель и только в начале июля 1944 г. двинулся вперед. 27 числа того же месяца, при значительной поддержке солдат Армии Крайовой, был занят Львов. После установления границы на Буге, у армян не было иллюзий относительно новой ситуации. Поэтому они, вместе с поляками, начали массово выезжать в Центральную Польшу и на так называемые Возвращенные земли. Больше всего их попало в Нижнюю и Верхнюю Силезию, главным образом в Олаву, Оборники Шлёнские и Вроцлав. Многие также мигрировали на Запад. В Кутах остались лишь отдельные немногочисленные жители, в т.ч. ксендз Самуэль Манутевич, который ослеп и умер в 1956 г., всего через несколько месяцев после 60-й годовщины его рукоположения в сан. Его могила находится на местном кладбище³⁴⁴.

Память об армянах с Кресов хранит скромная табличка у чудотворного образа Матери Божьей из Подкаменья, который находится в костеле Отцов Доминиканцев во Вроцлаве. Эта табличка была освящена в 2005 г. архиепископом Марианом Голембиовским.

³⁴³ Ciołek S. Zbrodnie nacjonalistów ukraińskich, popełnione na ludności polskiej i ormiańskiej w Małopolsce Wschodniej na Pokuciu, Zakopane 2000. S. 1; машинописная рукопись из архива автора.

³⁴⁴ Isakowicz-Zaleski T. Słownik biograficzny księży ormiańskokatolickich i księży rzymskokatolickich pochodzenia ormiańskiego w Polsce w latach 1700–2000, предисловие католика Нерсеса Бедраса XIX. Kraków, 2001. S. 74–75.

В свою очередь годом ранее, 17 апреля 2004 г., в костеле Св. Миколая в Кракове был установлен первый в Польше хачкар, т.е. поминальный армянский каменный крест работы Яцека Хшонцевского. Этот монумент, несмотря на сопротивление посла Турции и примаса Польши, а также папского нунция в Варшаве, освятил ксендз, кардинал Францишек Махарский. Надпись, выбитая на хачкаре, гласит:

ЭТОТ
ХАЧКАР
ИЛИ «КРЕСТНЫЙ КАМЕНЬ»
С АРМЯНСКИМ
«ЦВЕТУЩИМ КРЕСТОМ»
ХРАНИТ ПАМЯТЬ АРМЯН
КОТОРЫЕ С XIV ВЕКА ЖИЛИ В ПОЛЬШЕ
И ОТДАЛИ МНОГО СИЛ НА СЛУЖБЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

ХАЧКАР ПОСВЯЩЕН ТАКЖЕ
ЖЕРТВАМ ГЕНОЦИДА АРМЯН
В ТУРЦИИ В 1915 ГОДУ,
АРМЯНАМ И ПОЛЯКАМ, УБИТЫМ
УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ ИЗ УПА
19–21.IV.1944 В КУТАХ НА ЧЕРЕМОШЕ,
15–20.I.1945 В БАНИЛОВЕ РУССКОМ НА БУКОВИНЕ
И В ДРУГИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ КРЕСОВ,
АРМЯНО-КАТОЛИЧЕСКИМ СВЯЩЕННИКАМ
АРЕСТОВАННЫМ, УБИТЫМ ИЛИ ДЕПОРТИРОВАННЫМ
В СИБИРЬ
СОВЕТСКИМИ ОККУПАЦИОННЫМИ ВЛАСТЯМИ
В ГОДЫ II МИРОВОЙ ВОЙНЫ³⁴⁵

Что касается самих Кут, то сейчас это очень неухоженный городишко. Армянский костел был превращен в церковь. Кладбище в Кутах сохранилось, но там нет ни одного памятника или хотя бы поминального креста в память убитых во времена геноцида, поскольку об этом не позаботились польские и украинские власти.

³⁴⁵ *Chrzyszczewski J.* Ormianie Polscy i ich chaczkar w Krakowie. Kraków, 2007.

Одни лишь добровольцы из Польши ездили туда в 2008 г., чтобы привести в порядок кладбище. Нежелание Третьей Речи Посполитой помнить о мученичестве и верности Польше армян Восточного програницья причиняет им самую сильную боль. Лучше всего это настроение передает высказывание Гражины Дробницкой, бывшей жительницы Кут — пусть ее слова станут итогом этой статьи:

«Украинцы были и до сих пор остаются подвержены влиянию нацистов из ОУН-УПА. Они по-прежнему дышат ненавистью ко всему польскому. В Польше их представляют украинцы из Союза Украинцев в Варшаве. Они “отмывают” историю, документы и книги. Хуже всего, однако, то, что несмотря на факт жестокого убийства украинцами из УПА более 200 тысяч поляков на Кресах, до сих пор, ни одно из сменяющих друг друга польских правительств, несмотря на то что прошло столько времени, не заняло позиции по этому вопросу и не осудило этих преступлений. В этой ситуации трудно простить, а тем более забыть»³⁴⁶.

³⁴⁶ Siekierka S., Komański H., Różański E. Ludobójstwo... S. 304.

Александр Дюков
Фонд «Историческая память» (Москва)

Спланированное преступление: антиеврейская политика ОУН летом 1941 года

Отношение Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии к евреям — одна из наиболее дискуссионных проблем в историографии ОУН и УПА. Исследователи этой проблемы разделились на два непримиримых лагеря. Одни считают, что ОУН и УПА принимали активное участие в уничтожении евреев, другие это отрицают. С обеих сторон звучат обвинения в политической ангажированности и использовании «пропагандистских штампов», порою вполне справедливые.

Несмотря на то, что вопрос об отношении ОУН и УПА к евреям неоднократно оказывался в сфере внимания исследователей, серьезные научные исследования стали появляться лишь во второй половине 90-х годов. Исследователями были затронуты ключевые аспекты данной темы. М. Гон дал описание довоенных украинско-еврейских отношений³⁴⁷. Усилиями таких историков, как Х. Хеер, М. Царинник, Б. Болл, А. Круглов и А. Ермаков, исследованы ключевые антиеврейские акции начала июля 1941 г. и вклад в них ОУН³⁴⁸. Острые дискуссии разразились по вопросу об

³⁴⁷ Гон М.М. Из кривдою на самоті: Українсько-єврейські взаємини на західноукраїнських землях у складі Польщі (1935–1939). Рівне, 2005; Гон М.М. «Комуністичний» фактор українсько-єврейських взаємин у Західній Україні (1935–1939 рр.) // Галичина. Львів, 2003. 36. 9; Гон М.М. Українські праворадикали та євреї Західної України (друга половина 1930-х років) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 2006. Вип. 15.

³⁴⁸ Heer H. Blutige Ouverture: Lemberg, 30 Juni 1941: Mit dem Einmarsch der Wehrmachtstruppen beginnt der Judenmord // Der Zeit. 2001. № 26; Круглов А. Львов, июль 1941: Начало уничтожения // Голокост і сучасність (Киев). 2003. № 5; Химка І. Достовірність свідчення: Реляція Рузі Вагнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність (Киев). 2008. № 2; Ермаков А. Вермахт против евреев: Война на уничтожение. М., 2009. С. 103–109; Хеер Х. Прелюдия к Холокосту: Львов в июне-июле 1941-го // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3. С. 4–17; Boll B. Zloczow, Die Wehrmacht und der Beginn des Holocaust in Galizien // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.

участии в убийствах евреев батальона «Нахтигаль» и «Буковинского куреня». Ф. Левитас, И. Альтман, К. Беркгоф, М. Царинник и И. Химка исследовали политико-идеологические установки ОУН по «еврейскому вопросу», продемонстрировав ее антисемитское содержание³⁴⁹. И. Химка и Т. Курило дали краткий, но весьма информативный обзор публикаций, касающихся «еврейского вопроса» в официальных и полуофициальных изданиях ОУН конца 20-х — 30-х годов³⁵⁰. Вопрос о служивших в УПА евреях и их судьбе предметом серьезного научного исследования так и не стал, несмотря на повышенное общественное внимание к данной проблеме. Одними из немногих историков, затронувших этот вопрос, стали Г. Мотика, описавший процесс уничтожения служивших в УПА евреев³⁵¹ и И. Химка, посвятивший участию УПА в истреблении евреев отдельное исследование³⁵². Одновременно в научный оборот был введен значительный массив документов по истории ОУН и УПА, позволяющий объективно и достаточно полно осветить вопрос об отношении ОУН и УПА к евреям³⁵³. Несмотря на это, в период правления президента Украины В. Ющенко пользующееся серьезной государственной поддержкой украинские историки-ревизионисты (В. Вятрович, А. Ищенко и др.) активно пы-

---

2002. № 10; *Boll B.* Zloczow, July 1941: The Wehrmacht and the Beginning of the Holocaust in Galicia: From a Criticism of Photographs to a Revision of the Past // *Crimes of War: Guilt and Denial in the Twentieth Century*. N.-Y., 2002; *Царинник М.* Золочів мовчить // *Критика*. 2005. № 10.

³⁴⁹ *Левитас Ф.Л.* Евреї України в роки Другої Світової війни. Київ, 1997. С. 180; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002. С. 220–225; *Berkhoff K.C., Carynnyk M.* The Organization of Ukrainian Nationalists and its Attitude toward Germans and Jews: Yaroslav Stets'ko's 1941 Zhyttiepis // *Harvard Ukrainian Studies*. 1999. № 3–4; *Himka J.P.* The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // *Canadian Slavonic Paper*. 2011. № 2–4. P. 209–243, и др.

³⁵⁰ *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира Вятровича // *Україна модерна*. 2008. № 2.

³⁵¹ *Motyka G.* *Ukraińska partyzantka, 1942 – 1960: Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii*. Warszawa, 2006. S. 96–99, 287–298.

³⁵² *Himka J.-P.* The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust: Paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boston, 12–15 November, 2009. Typescript, 2009 (пользуясь случаем, благодарю И. Химку за любезное предоставление текста доклада).

³⁵³ Подробную характеристику см.: *Дюков А.Р.* Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2009.

тались внедрить в общественное сознание миф о непричастности ОУН и УПА к уничтожению евреев³⁵⁴.

Документы свидетельствуют, что созданная в 1929 г. Организация украинских националистов изначально не имела четко сформулированной позиции по «еврейскому вопросу». Влияние антисемитских стереотипов ощущалось в среде украинских националистов достаточно сильно. Однако в рабочих материалах состоявшегося в начале 1929 г. I Конгресса украинских националистов антисемитских тезисов практически не встречается. Вопрос о политике по отношению к национальным меньшинствам (в том числе и евреям) оказался на периферии внимания Конгресса³⁵⁵.

Достаточно продолжительное время идеологи и пропагандисты ОУН ограничивались воспроизведением антисемитских тезисов о «московско-жидовском» господстве на Советской Украине и «еврейском засилье» в экономике. На страницах официального журнала ОУН «Построение нации» евреи рассматривались как враждебная украинцам национальная группа, теснейшим образом увязанная с «оккупационной» советской властью³⁵⁶. Через некоторое время, однако, антисемитизм начал превращаться в одну из идейных основ ОУН. Первым доказательством тому стала статья Ю. Милянчица «Жиды, сионизм и Украина», в которой впервые в официальной оуновской публицистике был поднят вопрос о необходимости решения «еврейского вопроса». Не давая прямого ответа на вопрос о формах решения «еврейского вопроса», автор статьи указывал, что во время создания независимой украинского национального государства «неминуемо» разгорится борьба с «жидовством» и что евреи, понимая это, всячески препятствуют созданию независимой Украины³⁵⁷.

Тем не менее, среди руководства ОУН были люди, считавшие возможным отказаться от привычных антисемитских стереотипов. Ответом на публикацию Милянчица стала статья одного из главных идеологов организации Николая Сциборского «Украинский национализм и жидовство», в которой говорилось, что в будущей

³⁵⁴ Вятрович В. Ставлення ОУН до євреїв: Формування позиції на тлі катастрофи. Львів, 2006.

³⁵⁵ Розбудова нації. 1930. № 11–12. С. 267.

³⁵⁶ Там же. 1929. № 1–2. С. 9, 13, 14.

³⁵⁷ Там же. 1929. № 7–8. С. 271, 276.

украинской державе должны получить равные права с другими национальностями и возможность проявить себя во всех сферах общественной, культурной и экономической жизни³⁵⁸. Однако эта публикация осталась не более чем казусом, не способным предотвратить быстрого превращения антисемитизма в один из программных основ идеологии ОУН. Уже в следующем номере редакция «Построения нации» начала публикацию серии статей на еврейскую тему профессора Украинского вольного университета в Праге Александра Мицюка. Статьи Мицюка выходили в течение трех лет практически в каждом номере журнала³⁵⁹, а впоследствии были изданы отдельной книгой под названием «Аграризация жидовства на фоне общей экономики». Работа Мицюка подводила «научную» основу под тезис о необходимости бороться с евреями и, несомненно, оказалась востребованной активистами ОУН, антисемитские настроения которых были сильны. Публикации же в оуновской прессе эти антисемитские настроения усиливали.

Практические последствия антиеврейской пропаганды украинских националистов проявились достаточно скоро: середина тридцатых годов ознаменовалась проведением членами ОУН масштабных акций бойкота еврейских товаров, поджогами еврейских домов, складов и магазинов³⁶⁰. Эскалация ненависти к евреям способствовала утверждению в идеологии ОУН тезиса о необходимости решения «еврейского вопроса». В 1938 г. видный член ОУН В. Мартинец опубликовал статью, в которой рассматривал «еврейский вопрос» с точки зрения расовой теории. Вывод был ожидаемый: с евреями нужно было бороться как с врагами, стараться изолировать их или вообще выслать из Украины³⁶¹. Предложение Мартинца имело очевидные параллели с антиеврейской политикой, реализовывавшейся в нацистской Германии.

³⁵⁸ Розбудова нації. 1930. № 11–12. С. 267.

³⁵⁹ Там же. 1931. № 1–2. С. 18–28; № 3–4. С. 70–79; № 5–6. С. 127–137; № 7–8. С. 172–181; № 9–10. С. 218–230; № 11–12. С. 276–292; 1932. № 1–2. С. 13–25; № 3–4. С. 75–86; № 5–6. С. 118–131; № 7–8. С. 185–196; № 9–10. С. 253–256; № 11–12. С. 296–300; 1933. № 3–4. С. 75–87; № 5–6. С. 130–138; № 7–8. С. 180–194; № 9–10. С. 226–235. № 11–12. С. 277–287.

³⁶⁰ Гон М.М. Из кривдою на самоті. С. 77.

³⁶¹ Деревінський В. Питання національних меншин в етнонаціональній концепції ОУН // Український визвольний рух. Львів, 2004. 36. 3. С. 11; Курило Т., Химка І. Як ОУН ставилася до євреїв? С. 257–258.

В начале войны против Польши нацистское руководство предполагало использовать сформированное из украинских националистов подразделение для уничтожения евреев и польской интеллигенции, однако стремительное завершение боевых действий помешало реализации этого плана³⁶². Тем не менее, украинские националисты, проживавшие на территории оккупированной нацистами Польши, получили серьезные привилегии. Так, например, им могли передаваться дома и предприятия, отобранные у евреев³⁶³. Подобный подход способствовал дальнейшей радикализации позиции ОУН по «еврейскому вопросу».

Процесс этой радикализации хорошо прослеживается при сопоставлении документов, связанных с подготовкой ОУН антисоветского восстания на Западной Украине. Весной 1940 г. одним из руководителей ОУН Виктором Курмановичем был разработан «Единый генеральный план повстанческого штаба ОУН». В нем содержались указания о необходимости проведения в начале войны «поголовных расстрелов врагов». Однако кого, следует понимать под «врагами», сказано не было³⁶⁴. Территориальные представители ОУН сочли, что уничтожению наравне с представителями советской власти подлежат «враждебные национальные меньшинства», в число которых, по всей видимости, включались и евреи³⁶⁵.

Это дополнение было учтено и развито в разработанной в мае 1941 г. членами ОУН(Б) инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны». Согласно этому документу, после нападения Германии на Советский Союз украинские националисты должны были начать уничтожение представителей советской власти, польских активистов и евреев. При этом евреи должны были преследоваться как индивидуально, так и в качестве национальной группы. После отступления советских войск сформированная националистами украинская полиция должна было приступить к арестам уцелевших представителей советской власти, активистов-поляков, пленных

³⁶² Трофимович В. Роль Німеччини та СССР в українсько-польському конфлікті 1934–1945 рр. // Незалежний культурологічний часопис «П». 2003. № 28. С. 121.

³⁶³ Там же. С. 122.

³⁶⁴ Роман Шухевич у документах радянських органів державної безпеки (1940–1950) / Інститут національного джерелознавства; Упор. В. Сергійчук, С. Кокін, Н. Сердюк, С. Сердюк; Передмова В. Сергійчук. Київ, 2007. Т. 1. С. 339; ГДА СБУ. Ф. 9. Д. 19. Л. 104–116.

³⁶⁵ Там же. С. 98–99; ГДА СБУ. Ф. 6. Д. 75170-ФП. Т. 1. Л. 236–243.

красноармейцев и евреев. Оставшиеся на свободе поляки, евреи и русские должны были быть поражены в правах: им должно было запрещено занимать государственные и хозяйственные должности. После окончания войны поляков и русских планировалось ассимилировать, а евреев — изолировать, либо выслать из страны³⁶⁶. Достаточно любопытно, что сформулированные в инструкции ОУН(Б) антиеврейские меры оказывались более жесткими, чем меры, которые следовало предпринимать против поляков. Этот парадоксальный, на первый взгляд, факт свидетельствует о весьма значительной роли антисемитского компонента в идеологии ОУН.

Позиция ОУН(М) по «еврейскому вопросу» была разработана гораздо хуже, чем у бандеровцев; впрочем, перед их боевиками так же ставилась задача уничтожение евреев в период военных действий. Известно также, что мельниковцами планировалось ограничение правового статуса евреев в будущей украинской державе³⁶⁷, а в издании «Краковские вести» контролируемого мельниковцами Украинского центрального комитета содержались призывы к мести и расправы над евреями³⁶⁸.

Нетрудно заметить, что антиеврейские настроения в ОУН развивались практически по тому же сценарию, что и в нацистской Германии: от бытового антисемитизма — к борьбе с еврейской торговлей, а затем — к борьбе с самими евреями. К лету 1941 г. ОУН(Б) исповедовала практически идентичные нацистским взгляды на пути решения «еврейского вопроса». При этом, разумеется, евреи не были для бандеровцев главным врагом. Главным их врагом оставалась Москва и поляки.

Нападение Германии на Советский Союз дало украинским националистам возможность приступить к реализации содержащихся в инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны» планов — в том числе, разумеется, и антиеврейских.

³⁶⁶ ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 1. Л. 38; ОУН в 1941 році: Документи / Інститут історії України НАНУ; Упор. О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук; Передмова С. Кульчицький. Київ, 2006. Ч. 1. С. 103–104.

³⁶⁷ ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 216; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–9.

³⁶⁸ Масловський В. Трагедія галицького єврейства. С. 21–22; Краківські вісті. 1941. 18 червня. О «Краковских вестях» см.: *Himka J.-P.* Ethnicity and the Reporting of Mass Murder: Krakiv'ski visti, the NKVD Murders of 1941, and the Vinnytsia Exhumation. Typescript, 2008.

Перед началом боевых действий ОУН(Б) были созданы «походные группы», которые должны были следовать за передовыми частями вермахта, ведя политическую пропаганду и организуя вооруженную «украинскую милицию». Отдельная спецгруппа во главе с руководителем ОУН(Б) Ярославом Стецко была направлена на Львов с целью провозглашения самостоятельной Украинской державы.

Именно походная группа Стецко одной из первых столкнулась с «еврейским вопросом». В селе под Краковцем был убит немецкий солдат. В ответ немецкое командование расстреляло двух крестьян, оказавшихся украинскими националистами, и еще двоих арестовали. Стецко, исповедовавший крайне антисемитские взгляды, был возмущен подобной неразборчивостью немецких союзников. Его возражения были услышаны и после гибели следующего немецкого солдата, как с удовлетворением писал Стецко в отчете Бандере от 25 июня 1941, «арестовали только жидов». Однако этим Стецко не ограничился. «Создаем милицию, которая поможет жидов устранить и защитить население», — писал он в том же отчете.³⁶⁹

Следует заметить, что Стецко придерживался крайних антисемитских взглядов. «Москва и жидовство, — писал он несколько недель спустя, — главные враги Украины и носители разложеческих большевистских интернациональных идей. Считая главным и решающим врагом Москву, которая властно удерживала Украину в неволе, тем не менее, оцениваю как вредную и враждебную судьбу жидов, которые помогают Москве закрепить Украину. Поэтому стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстремации [уничтожения] жидов, исключая их ассимиляцию и т.п.»³⁷⁰ Не удивительно, что именно Стецко оказался у истоков массовых антиеврейских акций.

Впрочем, роль личности в истории в данном случае не следует преувеличивать. В задачи походных групп изначально входило уничтожение «вредительских элементов», в том числе евреев. Об этом совершенно однозначно об этом говорится, например, в ин-

³⁶⁹ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941: Збірник документів і матеріалів / Інститут української археографії та джерелознавства НАНУ; Упор. О. Дзюбан; Передмова В. Кук; Я. Дашкевич. Львів; Київ, 2001. С. 77; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

³⁷⁰ Berkhoff K.C., Carynyk M. The Organization of Ukrainian Nationalists... P. 162; ЦДА ВОВ. Ф. 3833. Оп. 3. Д. 7. Л. 5–6.

формационном листке Северной походной группы: «Деятельность подразделений: помощь в организации государственного порядка, организация сетки ОУН, пропаганда, ликвидация вредительских и враждебных элементов (энкаведистов, сексотов, жидов, поляков, москалей)».³⁷¹

Необходимо отметить, что эти распоряжения не противоречили настрою украинских националистов. Благодаря предвоенной идеологической подготовке, члены ОУН придерживались радикально антипольских и антиеврейских взглядов. Об этом свидетельствуют документы нацистских спецслужб; по данным тайной полевой полиции, украинские переводчики при штабе 17-й армии вермахта считали, что «каждого еврея нужно убить».³⁷²

В это время в тылу советских войск начались подготовленные украинскими националистами вооруженные выступления. Боевики ОУН нападали на государственные учреждения, небольшие подразделения Красной Армии и даже предприняли ряд попыток захватить тюрьмы, в которых содержались их арестованные сообщники. «Когда советские войска отступали, Гуменюк со своей бандой установил пулеметы на крышах и обстреливал войска, которые там проходили, — вспоминала проживавшая в селении Зеленый Усть еврейка Регина Крохмаль. — Кого не убили на месте, того брали в плен. Я видела такой факт: Гуменюк Юзеф в Зеленом Усте топтал ногами солдата Красной Армии, солдат с плачем умолял его и просил, чтобы ему подарили жизнь, поскольку имеет жену и детей, но Гуменюк Юзеф не позволил себя уговорить и сказал, что уже долго ждал этого момента, чтобы отомстить коммунистам. Далее сказал, что коммунист, еврей и поляк не имеют права на жизнь, затем убил его ударом карабина по голове».³⁷³

³⁷¹ *Сергийчук В.* Український здви́г: Поділля, 1939–1955 / Київський національний університет ім. Тараса Шевченка. Київ, 2005. С. 43.

³⁷² *Царинник М.* «Жи́ди, поляки та інша сволоч»: Руда Ружанецька, 30 червня 1941 р. Доклад прочитан на конференції «Вторая мировая война и (вос)создание исторической памяти в современной Украине» (Київ, 23–27 сентября 2009 г.). URL: http://ww2-historicalmemory.org.ua/abstrakt_u/33.html; *Pohl D.* Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine: A Research Agenda // Shared History — Divided Memory. Jews And Others In Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / Ed. by E. Barkan, E. Cole, K. Struve. Leipzig, 2007. P. 309 (со ссылкой на ВА-МА. RH 26-454/48. Fol. 2).

³⁷³ Поляки і українці між двома тоталітарними системами, 1942–1945 = Polacy i ukraїнцы поміж dwoma systemamy totalitarnymi, 1942–1945 / Інститут націо-

Установка, что «коммунист, еврей и поляк не имеют права на жизнь», по всей видимости, была очень широко распространена среди украинских националистов. В соответствии с инструкцией мая 1941 г., еще до прихода немецких войск оуновцы начали разворачивать террор против «нежелательных элементов». Крестьянин Роман Отоманчук, проживавший в селе Переволоки Тернопольского района, впоследствии вспоминал: «Когда началась нем[ецко]-большевистская война, в село пришел незнакомый мне человек, созвал всех членов ОУН и сознательнейших мужчин и сказал, что идет война, что мы все должны взять оружие в руки и добывать УССД. Среди собранных был и я. Уже той же ночью мы уничтожили 18 сексотов, а среди них большинство жидов».³⁷⁴

Впрочем, этот эпизод нехарактерен: в большинстве случаев уничтожение «нежелательных элементов» начиналось уже после отступления частей Красной Армии.

Одними из первых националистической террор испытали на себя поляки и евреи Львова. Уже через несколько дней после нападения Германии на СССР украинские националисты попытались устроить во Львове восстание. Они обстреливали проходившие через город части Красной Армии и даже попытались захватить городские тюрьмы и освободить своих арестованных соратников.

Советские войска оставили город в ночь на 30 июня; ранним утром во Львов вошел сформированный абвером из украинских националистов батальон «Нахтигаль» («Соловей»), а вслед за ним — походная группа Ярослава Стецко. Основной целью походной группы Стецко было провозглашение Украинской державы. Руководство ОУН(Б) имело основания надеяться на то, что этот акт найдет поддержку у нацистских властей — ведь буквально несколько месяцев назад во время нападения Германии на Югославию по схожему сценарию было образовано «Независимое государство Хорватия», признанное нацистами.³⁷⁵ Что же касается батальона «Нахтигаль»,

---

нальній пам'яті Республіки Польща; Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАНУ; Упор. Б. Гронек, С. Кокін, П. Кулаковський, М. Маєвський, В. Пристайко, О. Пшенніков, Є. Тухольський, В. Худз'як. Варшава; Київ, 2005. Ч. 2. С. 886.

³⁷⁴ Боротьба з агентурою: Протоколи допитів Служби Безпеки ОУН в Тернопільщині, 1946–1948 / Упор., передмова П. Потічний. Торонто; Львів, 2006. Кн. 1. С. 249.

³⁷⁵ Следует принимать во внимание, что лидеров ОУН и усташей связывали личные дружеские отношения; после создания «Независимого государства Хорва-

то он должен был обеспечить силовую поддержку новоявленного «украинского правительства».

Провозглашение «Украинской державы» не вызвало серьезных проблем. Членами походной группы Стецко было организовано собрание представителей украинской общественности, на котором был зачитан «Акт 30 июня 1941 года». Премьер-министром «украинского правительства» стал Ярослав Стецко, одним из первых распоряжений которого стало указание об организации «украинской милиции».³⁷⁶

Тем временем в городе начались масштабные антиеврейские акции. Поводом к ним послужило обнаружение в львовских тюрьмах тел заключенных, расстрелянных перед отступлением советских войск.³⁷⁷ Вина за эти расстрелы была возложена на евреев, аресты которых «украинской милицией» начались немедленно. Часть арестованных евреев была пригнана в тюрьмы, где их заставляли хоронить тела расстрелянных. «Начали вылавливать евреев для работы, — вспоминала впоследствии еврейка Руся Вагнер. — Это задание дали низам украинской национальности. Первой работой пойманных было очищение и вынесение трупов из тюрьмы на ул. Замарстиновской, Лонского, Казимировской (Бригидки). Это была ужасающая работа, тем более что надзирающие украинцы и гестаповцы относились к евреям, как к убийцам этих людей и при этом безжалостно мучили их...»³⁷⁸

«Среди населения господствует неистовая злоба из-за преступлений большевиков, — говорится в военном дневнике 49-го армейского корпуса за 30 июня. — Она находит выход в действиях против проживающих в городе евреев».³⁷⁹ Представитель МИД Германии при командовании 17-й армии Пфляйдерер на следующий день общал в Берлин:

тия» в Загребе было создано легальное представительство ОУН. См.: *Беркут И.* Югославские русины и украинцы во Второй мировой войне (1941–1945 гг.) // Русин. 2011. № 2. С. 41.

³⁷⁶ Круглов А. Львов, июль 1941. С. 12.

³⁷⁷ Подборки документов о расстрелах заключенных западноукраинских тюрем в начале войны см.: *Гурьянов А., Кокурин А.* Эвакуация тюрем // Карта. 1994. № 6; *Романів О., Федущак І.* Західноукраїнська трагедія 1941. Львів, 2008. С. 338–396. См. так же: *Дерев'яний І.* Масові розстріли у в'язниці № 1 м. Львова в кінці червня 1941 року // Український визвольний рух. Львів, 2009. 36. 13.

³⁷⁸ *Химка І.* Достовірність свідчення: Реляція Рузі Вагнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність. 2008. № 2. С. 45.

³⁷⁹ *Ермаков А.* Вермахт против евреев. С. 104.

*«Прибыл вчера во Львов, когда в восточных предместьях еще продолжались бои... На улицах многочисленны члены украинских организаций с желто-синими значками, некоторые также с оружием. Город в некоторых местах пострадал от поджогов русских и от военных действий. Теперь есть острые выступления населения против евреев».*³⁸⁰

В тот же день в город прибыла передовая часть зондеркоманды 4Б под командованием штурмбанфюрера СС Гюнтера Хеермана. Эта зондеркоманда входила в состав айнзатцгруппы «Б»; ее задачей было уничтожение противников нацистов, в том числе — евреев. На следующий день в Львов вступили основные части айнзатцгруппы. В Берлин было направлено следующее сообщение: «Штаб айнзатцгруппы 1.7. в 5 часов утра прибыл во Львов и разместился в здании НКВД. Шеф айнзатцгруппы “Б” сообщает, что украинское повстанческое движение во Львове 25.6.41 было зверски подавлено НКВД. Расстреляно НКВД ок. 3 000. Тюрьма горит».³⁸¹

Согласно оперативному приказу № 1 шефа полиции безопасности и СД Р. Гейдриха, в задачи айнзатцгрупп входила организация еврейских погромов местным населением.³⁸² Однако антиеврейские акции во Львове оказались развернуты украинскими националистами еще до прибытия в город служащих айнзатцгруппы. Начальнику айнзатцгруппы бригадефюреру СС Отто Рашу осталось лишь придать этим акциям более массовый порядок. Служащие айнзатцгруппы включились в расстрелы евреев; кроме того, по некоторым предположениям, они совместно с украинскими националистами в пропагандистских целях уродовали тела расстрелянных заключенных львовских тюрем. «Из показаний свидетелей становится очевидно, что после прибытия батальона 800 и подчиненных ему украинских рот, некоторые находящиеся в тюрьмах трупы были изуродованы, — пишет историк Х. Хеер. — То же самое, судя по всему, происходило и в других городах Галиции. Исполнителями называют активистов ОУН(Б)».³⁸³ За «жертвы большевиков» также выдава-

³⁸⁰ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 98.

³⁸¹ Круглов А. Львов, июль 1941. С. 13; Сб. документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах. Киев, 2000. С. 26.

³⁸² РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 25. Л. 17.

³⁸³ См.: Хеер Х. Прелюдия к Холокосту: Львов в июне – июле 1941-го. С. 7.

лись убитые накануне «украинской милицией» евреи.³⁸⁴ Таким образом, антиеврейские и антисоветские настроения в городе получили дополнительную подпитку.

Антиеврейскую пропаганду развернули и украинские националисты. Утром 1 июля на стенах домов было расклеено обращение краевого провода ОУН(Б), подготовленное еще до войны руководителем ОУН(Б) на Западной Украине Иваном Климовым (псевдоним «Легенда»).

«Народ! Знай! Москва, Польша, мадьяры, жидова — это твои враги. Уничтожай их!

Знай! Твое руководство — это Провод украинских националистов, это ОУН.

*Твой вождь — Степан Бандера».*³⁸⁵

Чуть позже краевым провода ОУН(Б) был издан еще один важный приказ — о создании Украинских вооруженных сил. В нем объявлялось о «коллективной ответственности (семейной и национальной) за все проступки против Укр[аинской] державы, Укр[аинского] войска и ОУН».³⁸⁶ Таким образом, любой еврей и поляк становился законной целью для убийства.

Антиеврейские призывы были изданы и ОУН(М). В обнаруженной 5 июля листовке за подписью Андрея Мельника говорилось: «Смерть жидовским прихвостням — коммунобольшевикам!»³⁸⁷ Другая листовка ОУН(М) была обращена к молодым украинцам:

Аналогичная практика имело место в Латвии в первые дни после оккупации этой республики немецкими войсками. См.: ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 10. Д. 1. Л. 225–226; Латвия под игом нацизма: Сб. архивных документов. М., 2006. С. 65–67.

³⁸⁴ ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 3. Д. 246. Л. 80.

³⁸⁵ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 129; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 261; Ч. 2. С. 576; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 63. Л. 12; Д. 42. Л. 35; Оп. 2. Д. 18. Л. 87.

³⁸⁶ ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 197; Ч. 2. С. 486; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 41. Л. 8–9. М. Царинник отмечает, что существовало несколько различных версий этого приказа; в одних говорилось о «массовой» ответственности, в других – про «общую». Смысл, однако, оставался одним. См.: Царинник М. «Жиди, поляки та інша сволоч»: Руда Ружанецька, 30 червня 1941 р. С. 13–14.

³⁸⁷ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 151; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 74. Л. 24; Альтман И.А. Жертвы ненависти. М., 2002. С. 222.

*«ОУН несет Тебе, украинская молодежь, освобождение,
свободу и светлую национально-естественную жизнь на
Твоей земле, где не будет:*

НИ КАЦАПА

НИ ЖИДА

*НИ ЛЯХА».*³⁸⁸

Призывы руководства обеих фракций ОУН обернулись новыми убийствами, причем уже не только евреев. В журнале боевых действий вступившей во Львов 1-й горной дивизии сохранилась запись от 1 июля: «Во время совещания командиров можно было слышать выстрелы из тюрьмы ГПУ, где евреев заставили хоронить украинцев (несколько тысяч), убитых в последние недели. По настоянию украинского населения во Львове 1 июля дошло до настоящего погрома против евреев и русских».³⁸⁹

«Евреев убивали, — писал в это время жене один из немецких офицеров. — Легкое погромное настроение среди украинцев».³⁹⁰ От том, что представляло собой «легкое погромное настроение» можно понять по жалобам 711-й группы тайной полевой жандармерии: «Это фанатичное настроение перенеслось на украинских переводчиков группы... Все они считали, что каждого еврея следует тотчас убивать».³⁹¹

Украинские националисты и военнослужащие айнзатцгруппы начали настоящую охоту на евреев. «Немцы хватали евреев прямо на улицах и в домах и заставляли работать в тюрьмах, — вспоминал раввин Давид Кахане. — Задача поимка евреев, кроме того, была возложена на только что созданную украинскую полицию... Каждое утро власти сгоняли около 1 000 евреев, которых распределяли по трем тюрьмам. Одним было приказано разбивать бетон и выкапывать тела, а других заводили в небольшие внутренние дворы тюрьмы и там расстреливали. Но и те “счастливики”, которые оставались работать, не всегда возвращались домой».³⁹²

³⁸⁸ ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Д. 370. Л. 18.

³⁸⁹ Царинник М. Золочів мовчить // Критика. 2005. № 10.

³⁹⁰ Ермаков А. Вермахт против евреев. С. 104.

³⁹¹ Там же. С. 105.

³⁹² Круглов А. Львов, июль 1941. С. 13; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): Сб. документов и материалов. Иерусалим, 1991. С. 76.

«Тем временем “забава” усиливалась, — вспоминала Руся Вагнер. — Нечеловеческие крики, разбитые головы, обезображенные теле и ужасно обезображенные лица избитых, залитые кровью, смешанной с грязью, возбуждали кровожадные инстинкты черни, которая выла от наслаждения... Женщин и стариков, которые почти без дыхания лежали на земле, сторяча тыкали палками, тащили и волочили по земле... Когда же ненасытные палачи сдернули всю одежду с какой-то женщины и палками безжалостно били голое тело, то немецкие солдаты, которые проходили двором, которых мы просили вмешаться, ответили: “Das ist die Rache der Ukrainer” [“Это месть украинцев”] тоном, полным одобрения»³⁹³.

Издательства над арестованными порою принимали самый изощренный характер. Согласно показаниям Марии Гольцман, «на третий день после вступления немецких оккупантов в г. Львов группа украинских полицейских во главе с немецкими офицерами привели в дом № 8 по улице Арцышевского около 20 граждан Львова, среди которых были и женщины. Среди мужчин были профессора, юристы и доктора. Немецкие оккупанты заставили приведенных собирать на дворе дома губами мусор (без помощи рук), осыпая их градом ударов палками».³⁹⁴ Муж Марии, Бронислав Гольцман, уточнил, что участвовавшие в этих издевательствах полицейские «имели у себя на рукавах опознавательные знаки сине-желтого цвета, т.е. они были украинцами», а пятеро из жертв были в тот же день расстреляны за расположенной неподалеку железнодорожной насыпью.³⁹⁵

Действия айнзатцгруппы вызвали протест со стороны абвера. Командир батальона диверсионного полка «Бранденбург» писал в донесении от 1 июля: «30.6.41 и 1 июля в отношении евреев имели место крупные акции насилия, которые отчасти приняли характер наихудшего погрома. Назначенные полицейские силы оказались не в силах выполнить их задачи. Жестоким и отвратительным поведением в отношении беззащитных людей они подстрекают население. Собственные подразделения, как видно из донесений рот, возмущены актами жестокости и истязаний. Они считают безусловно необ-

³⁹³ Химка І. Достовірність свідчення... С. 46.

³⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 106–106об.

³⁹⁵ Там же. Л. 64–64об.

ходимым жестокое наказание виновных в резне большевиков, но все же не понимают истязаний и расстрелов схваченных без разбора евреев, в том числе женщин и детей. Все это пошатнуло дисциплину украинских рот. Они не делают различия между вермахтом и полицией и, так как они видят в немецком солдате пример, колеблются в своем осуждении немцев вообще. Это те же самые подразделения, которые вчера беспощадно пристреливали еврейских грабителей, но отвергают бессердечные истязания».³⁹⁶

Упомянувшееся в донесении «украинские роты» — это сформированный из украинских националистов батальон «Нахтигаль», вошедший во Львов ранним утром 30 июня. Как мы уже упоминали, главной задачей батальона была поддержка провозглашения «Украинской державы». Согласно воспоминаниям военнослужащего «Нахтигалья» Мирослава Кальбы, перед вступлением во Львов украинским командиром батальона Романом Шухевичем был отдан следующий приказ: «Не берите ничьей крови на свои руки. Не допускайте никаких преступлений или мести по отношению к нашим врагам, полякам или жидам. Это не наше дело заниматься этим».³⁹⁷

В этой цитате интересен тот факт, что поляков и евреев Шухевич однозначно рассматривал как врагов; однако их уничтожение относилось к сфере ответственности только что сформированной «украинской милиции», а не «Нахтигалья».

Тем не менее, из состава батальона были выделены небольшие группы, в задачу которых входила ликвидация людей, занесенных в составленные в соответствии с инструкцией ОУН от мая 1941 г. «черные списки». Информация об этом содержится в послевоенных показаниях военнослужащего «Нахтигалья» Григория Мельника:

«В городе Львове батальон размещался в разных местах. Из нашего взвода и из других взводов в тот же день по приказу Оберлендера и Шухевича была отобраана группа

³⁹⁶ Круглов А. Львов, июль 1941. С. 13; Ермаков А. Вермахт против евреев. С. 105–106; Verbrechen der Wehrmacht: Dimensionen des Vernichtungskrieges, 1941–1944. Hamburg, 2002. S. 95.

³⁹⁷ Кальба М. Роман Шухевич як провідник, командир, людина // Генерал Роман Шухевич — «Тарас Чупринка», Головний Командир УПА. Торонто, Львів, 2007. С. 355.

легионеров общей численностью около восьмидесяти человек. Среди них были Луцик Григорий, Панькив Иван, Панчак Василий и другие.

Через 4–5 дней эти люди возвратились и рассказывали, что они арестовали и расстреляли много жителей города.

Панькив и Луцик говорили, что они вместе с участниками ранее заброшенных диверсионных групп получили от Оберлендера и Шухевича списки подлежащих аресту людей. Арестованных свозили в определенные места, среди которых я запомнил названную ими бурсу Абрамовича, а затем по приказу Оберлендера и Шухевича арестованных расстреляли. Мне Луцик и Панчак говорили, что они лично расстреляли на Вулецкой горе польских ученых, и называли их фамилии, среди которых мне хорошо запомнилась фамилия профессора Бартеля, известного мне как бывшего министра панской Польши». ³⁹⁸

«Черные списки» фигурируют и в показаниях другого оуновца, Ярослава Шпитала. Он прибыл во Львов 2 июля и был включен в состав личной охраны одного из руководителей ОУН(Б) Николая Лебеда.

«Мы размещались в доме по улице Драгоманова (бывшая Мохнацкого), № 22, в левом флигеле первого этажа. — В подвале этого дома находились арестованные, которых ночью выводили по одному во двор и там расстреливали.

Расстрелы производили немцы и легионеры из батальона “Нахтигаль” из малокалиберных винтовок и пистолетов, чтобы было меньше шума.

Я сам видел, как лежащих во дворе людей освещали электрическими фонарями и тех, кто еще был жив, расстреливали. Потом их увозили в неизвестном мне направлении.

Я все это видел из окон комнаты, в которой мы размещались.

³⁹⁸ Кровавые злодеяния Оберлендера: Отчёт о пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, состоявшейся в Москве 5 апреля 1960 года. М., 1960.

В одну из ночей привезли на автомашинах группу арестованных, их сразу отвели на второй этаж, где учинили им допрос и избивали. Ругань, крики, стон и плач были хорошо слышны в нашей комнате. Через некоторое время этих арестованных сбросили с балкона второго этажа на бетонированную площадку двора, после чего достреливали. Убитых быстро увезли.

За эти три дня там было расстреляно несколько десятков человек. Аресты и расстрелы производились по заранее подготовленным спискам».³⁹⁹

Современные украинские историки ставят под сомнения показания Григория Мельника и Ярослава Шпитала, называя их «советской пропагандой», однако сведения об участии военнослужащих «Нахтигаль» в расстрелах львовских евреев были получены и западногерманским судом. Так, например, один из бывших членов оперативной команды СД «Львов» на допросе в 1964 г. показал: «Здесь я был свидетелем первых расстрелов евреев членами подразделения “Нахтигаль”. Я говорю “Нахтигаль”, так как стрелки во время этой казни... носили форму вермахта... Казнь евреев... была произведена во дворе гимназии или школы членами подразделения вермахта... Что это были члены подразделения “Нахтигаль” я понял лишь позже, так как я этим заинтересовался... Я установил, что участвовавшие в этой казни стрелки в немецкой форме говорили по-украински».⁴⁰⁰ Упоминание об участии военнослужащих «Нахтигаль» в убийствах львовских евреев 30 июня содержится так же в уже цитированной выше докладной записке командира батальона полка «Бранденбург»: «Это те же самые подразделения, которые вчера беспощадно пристреливали еврейских грабителей».⁴⁰¹

По всей видимости, некоторая часть военнослужащих «Нахтигаль» использовалась для «точной ликвидации» противников ОУН в соответствии с «черными списками». Однако массовые антиев-

³⁹⁹ ровые злодеяния Оберлендера...

⁴⁰⁰ Круглов А. Львов, июль 1941. С. 13; Sandkuhler Th. “Endlösung“ in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. Bonn, 1996. S. 488. Ann. 21.

⁴⁰¹ Круглов А. Львов, июль 1941. С. 13; Verbrechen der Wehrmacht: Dimensionen des Vernichtungskrieges, 1941–1944. Hamburg, 2002. S. 95.

рейские акции проводились не ими, а «украинской милицией» при участии служащих айнзатцгруппы.

В общей сложности украинскими националистами и членами айнзатцгруппы «Б» в течение нескольких дней было уничтожено около 4 тысяч львовских евреев.⁴⁰² Оценить конкретный вклад членов ОУН в это преступление не представляется возможным, однако в том что этот вклад был весомым, сомневаться не приходится.

В любом случае, участие украинских националистов в акциях против львовских евреев получило одобрение со стороны нацистов. В сообщении Теодора Оберлендера начальнику второго отдела абвера Лахузену от 14 июля 1941 г. отмечалось:

«12 июля я имел разговор с господином Лебедем. При этом я передал ему Ваше поздравление и от Вашего имени поблагодарил его за ценное сотрудничество и поддержку, которую он оказывает нашей службе.

Я подчеркнул, что главная цель нашего разговора состоит в том, чтобы прийти к возможно длительному, рациональному и систематическому сотрудничеству. Я указал на то, чему теперь, во время войны необходимо интенсифицировать его и подчеркнул, что сотрудничество господина Лебеда после вступления победоносных немецких войск во Львов ни в коем случае не заканчивается, а напротив, именно теперь должно систематически продолжаться.

Что касается практического осуществления этого сотрудничества, то мы обсуждаем некоторые мероприятия, о которых Вы будете информированы. Я обещал Лебеду дальнейшую поддержку и подчеркнул, что ранее проводившаяся им работа высоко оценивается начальником полиции безопасности и службой безопасности во Львове.

Из его высказываний я понял, что он тотчас сообразил, о чем идет речь, так что мои дальнейшие разъяснения оказались излишними.

Господин Лебедь заверил меня, что он охотно предоставляет себя в наше распоряжение в интересах совместной борьбы против большевизма и еврейства. Он был бы при-

⁴⁰² Холокост: Энциклопедия. М., 2005. С. 634.

*знателен, если бы соответствующие директивы были доведены нами и до других лиц из украинских кругов Львова».*⁴⁰³

Мысль о том, что сотрудничество с нацистами на nive решения «еврейского вопроса» следует продолжать, разделялась многими руководителями ОУН. Одним из них был Степан Ленкавский, характеризующийся современными украинскими историками как «выдающийся деятель ОУН». Датируемая 18 июля 1941 г. стенограмма заседания пропагандистской референтуры правительства Я. Стецко⁴⁰⁴ говорит сама за себя:

«г. Гупало: Главное — всюду много жидов. Особенно в центре. Не позволить им так жить. Вести политику на выселение. Они сами будут бежать. А может быть, выделить им какой-нибудь город, например Бердичев.

г. Ленкавский: Охарактеризуйте мне жидов.

г. Головко: Жиды очень нахальные. Нельзя было сказать “жид”. С ними нужно поступать очень остро. В центре нельзя их оставить решительно. Необходимо с ними покончить.

г. Левицкий: В Германии евреи имеют арийский параграф. Для нас более интересным является ситуация в генерал-губернаторстве... Каждый еврей обязан был быть зарегистрированным. Их изгнали из некоторых городов, например из Кракова, переместив в другие, например в Варшаву, где создали гетто, обнеся его стеной. Они имеют кино, театры, но не имеют еды. Молодые, способные идут на работу.

Часть нужно уничтожить. Хотя и теперь уже кое-кого уничтожали... Факт, что некоторые влезли в украинскую

⁴⁰³ Poliszczuk W. Dowody zbrodni OUN i UPA. Toronto, 2000. S. 614; Документы изобличают: Сб. документов и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами фашистской Германии / Сост. Г. Ткаченко, А. Войцеховский, А. Ткачук; Предисл. И. Герасимов. Киев, 2005. С. 36–37.

⁴⁰⁴ Об атрибуции этого документа см.: Вятрович В. Ставлення ОУН до євреїв. С. 62.

кровь, многие женились на украинках. В Германии есть разное: полжида, четверть жида, но у нас так быть не может. Немец, который женился на жидовке, становится жидом.

г. Голово: *На Украине женились на жидовках главным образом в городах.*

Жидовки выходили замуж за украинцев ради выгоды. Как только украинец разорялся, они разводились. Жиды же с украинками жили очень хорошо. Мне нравится немецкий подход.

г. Гупало: *У нас есть много работников-жидов, которых даже уважают; есть даже такие, которые крестились до революции.*

г. Ленкавский: *Это нужно рассматривать индивидуально.*

г. Левицкий: *Немцы используют специалистов... Мне кажется, что немецкий способ еврейского вопроса нам не очень подходит. Необходимо индивидуально рассматривать отдельные случаи.*

г. Ленкавский: *Относительно жидов принимаем все методы, которые приведут к их уничтожению».*⁴⁰⁵

В данном случае слова не расходились с делом. Немецкие документы свидетельствуют, что антиеврейские акции украинских националистов проводились во всех крупных городах. Так, в отчете руководителя полиции безопасности и СД от 6 июля 1941 г. содержится информация об арестах украинскими полицаями тернопольских евреев, в ходе которых 20 евреев «убито на улицах войском и украинцами», 70 «согнано украинцами и уничтожено». В конце отчета дается высокая оценка проделанной националистами работе: «Вермахт удовлетворен хорошим ударом против евреев».⁴⁰⁶ В отчете

⁴⁰⁵ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 189–190; ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 338; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–12; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 221–222.

⁴⁰⁶ УПА в світлі німецьких документів. Торонто, 1991. Кн. 3. С. 53.

от 16 июля 1941 г. мы находим аналогичную похвалу: «Украинское население показало в первые часы после отступления большевиков достойную одобрения активность относительно евреев. В Добромиле подожгли синагогу. В Самобре 50 евреев было убито возмущенной толпой. Во Львове население согнало, издеваясь, около 1000 евреев и доставило их в тюрьму ГПУ, захваченную вооруженными силами». ⁴⁰⁷

Сравнимая по масштабам с львовскими погромами антиеврейская акция произошла в 2–3 июля в городе Злочев. Точно так же, как во Львове, поводом к ней послужило обнаружение тел расстрелянных украинских националистов в местной тюрьме.

В Злочеве действовало сильное оуновское подполье; после отступления советских войск в городе было создано «революционное украинское управление» и подчинявшиеся ему формирования «украинской милиции». Именно милиция стала основной ударной силой в последовавшей антиеврейской акции. Показательно, что в отличие от Львова массовое уничтожение евреев Злочева обошлось без участия подразделений айнзатцгруппы; зондеркоманда 4Б не задержалась в городе. ⁴⁰⁸

3 июня «украинская милиция» и военнослужащие дивизии СС «Викинг» собрали местных евреев на площади около тюрьмы и устроили настоящую бойню. Из послевоенных показаний Абрама Розена: «3 июля 1941 г. по городу ходили немецкие отряды СС, полиция и украинские националисты, во главе которых были Сагатый, Антоняк, Ванне, Воронкевич, Алишкевич и другие, которые производили облавы и сгоняли население к тюрьме под видом направления на работы. Когда на площади возле тюрьмы было собрано население то всем трудоспособным было приказано рыть ямы. Затем, когда ямы были готовы последовал приказ всем присутствующим в том числе и мене ложиться вплотную один к другому в яму. После этого из автоматов и пулеметов немецкие палачи начали расстреливать людей лежавших в яме, а также бросали в яму ручные гранаты. Таким методом на площади возле тюрьмы было уничтожено около 3 500 мирных граждан. Я же остался жив в связи с тем, что лежал

⁴⁰⁷ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 179; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 327, 333.

⁴⁰⁸ Boll B. Zloczow, Juli 1941. S. 8.

под людьми и был лишь ранен в ногу. По случаю сильного дождя ямы сразу не зарывались. Я пролежал в яме до темноты, а затем бежал и скрывался все время в подвалах». ⁴⁰⁹

Свидетельские показания подтверждаются отчетом отдела 1с 295-й пехотной дивизии от 3 июня: «В городе и в цитадели происходят массовые расстрелы и убийства евреев и русских, включая женщин и детей благодаря украинцам». ⁴¹⁰ «СС грабят вместе с гражданскими бандитами, вытаскивают людей из собственных квартир и уже убили огромное количество», — говорится в другом немецком документе. ⁴¹¹

Три дня спустя после погрома пропагандисты вермахта сообщили: «Украинцы показали евреям их подлые дела, показали им убитых, а потом наказали их так, как того заслуживали эти недочеловеки: жестоко, но справедливо». ⁴¹²

Интересно, что спустя некоторое время в Злочеве появилось подразделение «Нахтигалья». Григорий Мельников, показания которого, мы уже цитировали, вспоминал: «В городе Золочев мы находились несколько дней, охраняя военнопленных. Командованием батальона было приказано выявлять среди военнопленных коммунистов, а затем уничтожать их». Однако свидетельств об участии военнослужащих «Нахтигалья» в акциях против злочевских евреев в настоящее время не выявлено.

Зато есть неопровержимое свидетельство участия солдат «Нахтигалья» в уничтожении евреев в Винницкой области. В дневнике солдата разведывательной роты «Нахтигалья» мы встречаем следующую запись: «Во время нашего перехода мы воочию видели жертвы еврейско-большевистского террора, этот вид так скрепил ненависть нашу к евреям, что в двух селах мы постреляли всех встречных евреев. Вспоминаю один эпизод. Во время нашего перехода перед одним из сел видим много блуждающих людей. На вопрос отвечают, что евреи угрожают им, и они боятся спать в хатах. Вследствие этого, мы постреляли всех встретившихся там евреев». ⁴¹³

⁴⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 86. Л. 22–23.

⁴¹⁰ *Boll B. Zloczow, Juli 1941. S. 7.*

⁴¹¹ *Ibid. S. 10.*

⁴¹² *Ермаков А. Вермахт против евреев. С. 109.*

⁴¹³ ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 57. Л. 17; *Патриляк І.К. Легіони Українських Націоналістів. С. 26.*

Убийства украинскими националистами евреев в сельской местности приняли массовый характер. Группа, организованная членом Буковинского провода ОУН Петром Войновским, 5 июля 1941 г. устроило бойню евреев в селе Милиево, убив около 120 человек.⁴¹⁴ 7 июля по приказу надрайонного руководителя ОУН(М) Степана Карабашевского было убито 45 евреев в Боровцах и 54 — в Киселеве.⁴¹⁵ В селе Турбов националисты вырезали всех мужчин-евреев и хотели сжечь заживо оставшихся женщин и детей, чему воспрепятствовали немецкие солдаты.⁴¹⁶ В селе Косув Тернопольской области боевиками ОУН 7–8 июля было уничтожено 80 евреев, включая женщин и детей.⁴¹⁷

В селе Могильницы Тернопольской области членом ОУН Леонидом Козловским после отступления советских войск была организована «украинская милиция». Согласно показаниям односельчан, «в июле 1941 г. он арестовал три еврейских семьи: Гелис, Мендель и Ворун, состоявшие из 18 человек стариков, подростков и детей в возрасте от 6 м[еся]цев до 12 лет. Все они были отведены в лес, где взрослых расстрелял, а детей от 6 м[еся]цев до 6 лет, брал за ноги ударял их головами о дерево, затем бросал в яму».⁴¹⁸ Аналогичные преступления были совершены товарищами Козловского Иосифом Корчинским и Петром Терлецким. Летом 1941 г. ими были расстреляны два сотрудника органов внутренних дел, секретарь местной комсомольской организации, председатель колхоза и две еврейских семьи.⁴¹⁹

А вот воспоминания жительницы Каменец-Подольской области Евгении Вайсбург: «В июле 1941 г. в С. Кузьмин приехали вооруженные бандеровцы и объявили, что уничтожат всех мужчин из местечкового населения. Мужчины переодевались в женское платье, и когда их находили, раздевали и нагих прилюдно расстреливали. Зашли в наш дом; мать, сестру и меня вывели во двор; били прикла-

⁴¹⁴ *Фостий І.* Діяльність ОУН на Буковині у 1940–1941 рр. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2000. № 2–4.

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ *Альтман І.А.* Жертвы ненависти. С. 223.

⁴¹⁷ ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 928. Л. 57–59; *Веденеев Д., Биструхін Г.* Меч і тризуб. С. 164; *Веденеев Д.В.* Одиссея Василия Кука: Военно-политический портрет последнего командующего УПА. Киев, 2007. С. 62.

⁴¹⁸ ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп 11. Д. 7. Л. 231–234.

⁴¹⁹ Там же.

дами, а моему отцу приказали раздеться и его нагого в углу квартиры расстреляли».⁴²⁰

Следует отметить, что все эти преступления не были спонтанными; они организовывались местными представителями ОУН. Так, например, по свидетельству очевидца, в селе Улашковцы Чортковского района Тернопольской области убийству евреев предшествовал митинг, на котором член ОУН(Б) К. Шевчук заявил: «нам нужно отчистить нашу землю от евреев, украинцев, работавших при советской власти, и поляков».⁴²¹

Интересно, что распространявшиеся в это время украинскими националистами листовки носили не только антиеврейскую и антипольскую, но и антицыганскую направленность:

«Украинцы-красноармейцы, подумайте об этом, не допускайте обманывать себя. Вы посмотрите только на состав ваших подразделений [неразборчиво], жид[ы] и цыгане и другая сволочь, которые народы не имеют даже права на жизнь, про них не вспомнит ни один историк в мире. Украинцы-красноармейцы, вы наследники славных рыцарей козацких и как не стыдно вам ходить по лесам с жидами и цыганами и грабить своих братьев украинцев»».⁴²²

В некоторых местах расправы над противниками ОУН и евреями приобрели псевдосудебный характер. Так, например, в Станиславской области тайными судами было осуждено около 450 человек, обвинявшихся в нелояльности ОУН(Б)⁴²³, а в городе Черткове Тернопольской области по свидетельству секретаря суда, рассматривались «дела главным образом людей, обвиняемых в сотрудничестве с НКВД, дела польские и еврейские».⁴²⁴

Тех евреев, которые оставались в живых, украинская милиция обязала носить повязки со «звездой Давида». Соответствующее

⁴²⁰ Альтман И.А. Жертвы ненависти. С. 223; Филькенштейн И.С. Массовое уничтожение евреев Подолии // Катастрофа и сопротивление евреев Украины. Киев, 1999. С. 23–24.

⁴²¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 75. Д. 107. Л. 46.

⁴²² ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Д. 370. Л. 3об.

⁴²³ Веденев Д.В. Одиссея Василия Кука. Киев, 2007. С. 62.

⁴²⁴ Боротьба з агентурою: Протоколи допитів... Кн. 1. С. 426.

распоряжение было, например, отдано Житомирской областной управой уже 11 июля 1941 г.: «Жидам приказываем немедленно зарегистрироваться в команде милиции, нашить на правую руку белую полоску с синей шестиконечной звездой и явиться на работу по очищению города». ⁴²⁵ Аналогичное распоряжение издал глава Радеховский поветовой управы Мурович: «Приказываю вам позаботиться, чтобы жидовское население носило на руке белую полоску с синюю шестиконечною жидовскою звездю. Кто бы не подчинился эту приказу и этой полоски не носил, надлежит его задержать». ⁴²⁶

Украинцам запрещались контакты с евреями и поляками. В приказе одного из местных руководителей ОУН «Левко» от 1 августа 1941 г. указывалось:

«9. Запрещается с жидами здороваться и подавать им руку.

10. Запрещается продавать жидами и полякам пищу, следует бойкотировать тех, кто не выполняет этого указания». ⁴²⁷

Евреи стали «законной жертвой» для вымогательства и грабежа. Деньги, полученные путем грабежа евреев, члены ОУН инвестировали в отобранные у евреев же предприятия, причем часть выручки шла на нужды организации. Вот свидетельство оуновца Евгена Липового:

«В месяце августе 1941 г., когда я работал в суде, ко мне пришли двое незнакомых мне тогда людей. Они представились мне — Сапищук и Совяк. Рассказали, что приехали из Германии и сейчас планируют в г. Ягольница торговую промышленное предприятие. Ко мне они пришли просить, чтобы я замолвил за них слово крайсгауптману, чтобы он позволил им взять под контроль промышленный и торговый город Ягольницу. Дальше говорили, что имеют на это должную сумму денег, а если нужно будет больше, то

⁴²⁵ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 259.

⁴²⁶ Там же. С. 282; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 15. Л. 42–43.

⁴²⁷ Motyka G. Українська партызантка. S. 98 (со ссылкой на: ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 3. Л. 12).

у ягольнических евреев деньги есть. Доход, который они бы имели с этого дела, делили бы поровну, для себя и для ОУН... Они оба говорили, что являются членами ОУН...

В начале октября 1941 г. я покинул работу в суде и пошел работать учителем в С. Долина. В это время Сапищук и Совяк имели уже в г. Ягольнице пекарню, ресторан, магазин с продажей хлеба на карточки и потребительско-галантерейный магазин. Им материально очень хорошо жилось. Я начал ходить в их ресторан на обеды, а иногда на вечер. Я сам был свидетелем, как они вечерами переодевались в немецкую форму и вооруженные пистолетами шли в город грабить местных жидов...»⁴²⁸

Полученные грабежом деньги шли на «национальную борьбу»: упомянутый в показаниях Сапищук исправно финансировал местную ОУН.

Аресты евреев проводились украинской милицией в тесном взаимодействии с оккупационными властями. Правда, в ряде случаев милиционеры за деньги отпускали арестованных евреев. Информация об этом вызвала негодование у руководства ОУН. 28 июня отдел пропаганды ОУН(Б) отправил в Службу безопасности ОУН следующее сообщение:

«Протоирей Табинский сообщил на о следующем: наша милиция проводит сейчас вместе с немецкими органам многочисленные аресты жидов... По информации, которую получил о. протоирей Табинский, среди наших милиционеров есть люди, которые за деньги или за золото освобождают жидов, которые должны быть арестованы. Мы, к сожалению, по этому делу не получили никаких конкретных данных, однако посылаем Вам сообщение для информации и использования. Слава Украине!»⁴²⁹

О рвении, проявлявшемся украинскими националистами в борьбе с «нежелательными элементами», свидетельствует еще один

⁴²⁸ Боротьба з агентурою: Протоколи допитів... Кн. 1. С. 578–579.

⁴²⁹ ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 389; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 23. Л. 51.

внутренний документ — инструкция окружного провода ОУН(Б) от август 1941 г.:

*«В каждом городе центр домоуправления должен быть в наших руках. Для этого брать людей из сел, ибо тогда будем иметь контроль над домами. Объяснить гестапо, что сегодняшние домоуправления являются основой польских и жидовско-большевистских организаций против Украины и Германии... Подготовить и представить окружному проводу ОУН списки поляков и жидов, их руководителей и офицеров».*⁴³⁰

Аналогичный сценарий (сотрудничество с гестапо против евреев и поляков), как мы помним, реализовывался ОУН в 1940 — начале 1941 годов на оккупированной территории Польши.⁴³¹ Теперь же сотрудничество продолжалось.

Поддержка украинскими националистами антиеврейских акций, как правило, позитивно оценивалась нацистами; нам известно лишь несколько примеров, когда инициированные украинскими националистами еврейские погромы пресекались немецкой администрацией.⁴³² Однако оккупантов смущало то, что оуновцы не ограничивались преследованием евреев и коммунистов. Их жертвами становились и поляки. В донесение начальника полиции безопасности и СД от 18 августа 1941 г. ситуация описывается следующим образом: «Украинская милиция не прекращает разорять, издеваться, убивать... Поляки приравнены к евреям и от них требуют носить повязки на руках. Во многих городах украинская милиция создала такие подразделения, как “Украинская служба безопасности”, “Украинское гестапо” и т.п. Городские и полевые коменданты частично разоружают милицию».⁴³³

⁴³⁰ ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 465–466; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 46. Л. 50–51.

⁴³¹ Степан Бандера у документах... Т. 1. С. 99; ГДА СБУ. Ф. 65. Д. С-9079. Т. 4. Л. 221–234.

⁴³² Например, это произошло в селах Хоростков и Микুলницы Тернопольской области: Kiperman Z. Years of Suffering, Pain and Struggle. URL: <http://www.jewish-gen.org/yizkor/khorostkov/kho337.html> (дата обращения — 11.02.2012); Horowitz N. My Town During the Second World War. URL: <http://www.jewishgen.org/yizkor/mikulintsy/mik049.html> (дата обращения — 11.02.2012).

⁴³³ Косик В.М. Україна в Другій світовій війні... Т. 1. С. 253; Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 391; ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 447.

Частичное разоружение «украинской милиции», к тому времени полностью контролирувавшейся националистами, было для них очередным тревожным звонком. К этому времени немецкими властями уже были арестованы руководители ОУН(Б) Степан Бандера и Ярослав Стецко. Им объяснили, что ни о какой «независимой Украине» речь идти не может, что Украина должна стать немецкой колонией. Ярослав Стецко даже подвергся непродолжительному аресту: его арестовали 9 июля, а 16 июля освободили.⁴³⁴ В августе 1941 г. абвер принял решение прекратить поддержку ОУН(Б). Об этом Бандере сообщил курировавший его сотрудник диверсионного отдела «Абвер-П» Эрвин Штольце. «Когда я на встрече с Бандерой объявил ему о прекращении с ним связи, он очень болезненно реагировал на это, т.к. как считал, что его связь с нами рассматривается как признание его в качестве руководителя националистического движения», — рассказывал впоследствии Штольце.⁴³⁵

Тем не менее, ОУН(Б) продолжала заявлять о поддержке нацистских властей. 1 августа 1941 г. Ярослав Стецко призвал украинцев «помогать всюду Немецкой армии разбивать Москву и большевизм».⁴³⁶ Аналогичный призыв был издан им 6 августа.⁴³⁷

Решение Стецко нашло полную поддержку у руководства ОУН(Б) на Западной Украине. В августе краевой проводник ОУН(Б) И. Климов «Легенда» издал инструкцию № 6, в которой, в частности, приказывалось:

«На всех домах, стенах, заборах и т.д. надписи: «Да здравствует Украинская самостийная соборная держава. Да здравствует Ярослав Стецко! Освободить Бандеру! Освободить Стецко! Не хотим, чтобы на Украину возвращались польские и жидовские господа и банкиры! Смерть москалям, полякам, жидам и прочим врагам Украины.»

Да здравствует Адольф Гитлер!

⁴³⁴ Berkhoff K.C., Carynyuk M. The Organization of Ukrainian Nationalists... P. 161; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 3. Д. 7. Л. 4.

⁴³⁵ ЦА ФСБ. Д. Н-20944. Т. 1. Л. 27.

⁴³⁶ ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

⁴³⁷ Там же. Л. 3.

*Да здравствует Немецкая армия!
Да здравствует наш Ортскомендант!»⁴³⁸*

В официальном обращении ОУН(Б) к активистам организации в августе 1941 г. отмечалось: «Организация украинских националистов не пойдет на подпольную борьбу против Германии и на этот путь не толкнут ее никакие предатели, ни враги».⁴³⁹

Аналогичные материалы появились в контролируемой бандеровцами прессе. «Украинский народ знает, что Организация украинских националистов под руководством Степана Бандеры ведет нестигаемую героическую борьбу за его свободу и независимость, за землю и власть для него, за его свободную, счастливую, государственную жизнь без колхозов и помещиков, без москалей, жидов, поляков, комиссаров и их террора, — говорилось в одном из августовских номеров газеты “Кременецкие вести”. — Украинский народ также знает, что освободиться из московско-жидовского ярма помогла ему Немецкая армия. Она громит красных московских захватчиков — и потому ОУН сотрудничает с Немецкой армией и помогает ей и призывает к этому всех украинцев».⁴⁴⁰

Нетрудно заметить, что заявления ОУН(Б) об ее поддержке оккупантов насыщена антиеврейской риторикой. Удивляться этому не приходится: летом 1941 г. украинские националисты полностью поддерживали уничтожение нацистами евреев и принимали в ней активное участие. Всего по подсчетам украинского историка А. Круглова, антиеврейские погромы состоялись как минимум в 143 населенных пунктах Западной Украины⁴⁴¹; в большинстве случаев движущей силой этих погромов были активисты ОУН.

Весьма показателен тот факт, что инициируемые ОУН антиеврейские акции проходили не только в немецкой, но и в венгерской зоне оккупации, причем венгерские войска и администрация достаточно часто препятствовала погромам.⁴⁴² На наш взгляд, это

⁴³⁸ ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 453, 483; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 46. Л. 36–37.

⁴³⁹ Там же. С. 456.

⁴⁴⁰ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 394.

⁴⁴¹ Круглов А. Погромы в Восточной Галиции летом 1941 г. С. 335–340.

⁴⁴² См., напр.: Encyclopaedia of Jewish Communities, Poland. Vol. 2: Eastern Galicia / Ed. by D. Dabrowska, A. Wein, A. Weiss. URL: http://www.jewishgen.org/yizkor/pinkas_poland/pol2_00512.html (дата обращения — 11.02.2012); URL: http://www.jewishgen.org/yizkor/pinkas_poland/pol2_00320.html (дата обращения — 11.02.2012), и т.д.

дополнительно свидетельствует о инициативном характере проводимых активистами ОУН погромов: ведь, в отличие от нацистов, венгерские оккупанты к лету 1941 г. не имели планов уничтожения евреев.

В заключении следует отметить характерную особенность Холокоста по-оуновски: евреи не были ни единственной, ни главной жертвой украинских националистов. Поляки и сочувствующие советской власти украинцы уничтожались боевиками ОУН и УПА одновременно с евреями и, как правило, в большем числе. Массовое уничтожение «чужинцев» и «предателей» оказалось одной из главных характеристик радикального украинского национализма. Эта тень падает и на тех, кто от имени современной Украины возводит боевиков ОУН и УПА в ранг национальных героев.

См. также жалобы представителей ОУН(Б) о хорошем отношении венгерских войск к евреям: ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 397.

IV. МАРТИРОЛОГ, ИЛИ МУЧЕНИЧЕСТВО И СВИДЕТЕЛЬСТВО

Мечислав Альберт Кромпец

Люблинский католический университет

Тень неосужденных преступлений

Сегодня, на пороге третьего тысячелетия, после атаки на наиболее сильную мировую державу, когда во Всемирном торговом центре, здании, символизирующем экономическую мощь Соединенных Штатов Америки, нашли смерть более 3 тысяч человек, проблема терроризма стала особенно различима. Однако, не будем забывать, что терроризм существует давно, хотя на него закрывали глаза. Десятками лет, пока ему не было ни названия, ни лекарств, он потихоньку развивался, рос и набирал силу. Нападение 11 сентября 2001 г. может иметь переломное значение ввиду повсеместного осуждения террористических действий и объявления войны терроризму практически всей мировой общественностью.

Сегодня я сочувствую американцам, которых коснулась эта трагедия, но одновременно во мне оживают воспоминания о терроре, который коснулся поляков на Кресах⁴⁴³. И приходится с горечью констатировать, что терроризм мог стать первоочередной проблемой в мире только тогда, когда тысячи людей были погребены на глазах миллиона телезрителей под развалинами

⁴⁴³ *Komański H., Siekierka S. Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na Polakach w województwie tarnopolskim 1939–1946. Wrocław, 2006.*

величайшей постройки в самой могущественной державе мира. В то время как того, что случилась уже почти 60 лет тому назад на Кресах, публичное мировое общественное мнение не осудило и не заметило. А ведь там безумствовал ужасный массовый террор огромного масштаба. Трудно было бы найти в истории человечества подобное нагромождение ужасных преступлений. Они поражают как своими размерами, так и способами совершения. Хорошо, что сейчас начинают публиковаться книги, документирующие эти события. Они показывают (а книга «Терроризм на Подолье»⁴⁴⁴ тщательно делает это), каким образом, население Кресов, многие годы проживавшее в согласии, разделилось на две группы: преступников и жертв.

Я вырос на Подолье, под Збаражем. Естественно, с русинами, как мы тогда их называли, мы жили как в одной семье. Мы признавали их праздники и навещали их в их домах точно так же, как и они нас. До сих пор я помню украинские колядки и думки; так же и они пели наши. Никто не удивлялся, когда время от времени они приходили на службу в наш римско-католический костел, а мы в их церковь. Точно так же местная культура требовала, чтобы к русину, т.е. к украинцу, не обращались по-польски, а только по-русински, т.е. на украинском языке. Доверие было столь большим, что даже когда началась резня, в некоторых польских деревнях люди, вопреки фактам, до конца не верили, что им может что-то угрожать со стороны их соседей.

Однако братская связь поляков и украинцев на пограничье понемногу ослабевала и заменялась элементами национальной ненависти. Этот процесс, инспирированный еще Австрией, был доведен до трагического финала международным, главным образом гитлеровским, терроризмом. Сами по себе убийства польского населения — это результат холодного расчета руководящих кругов украинских националистов. Эти люди организовали национали-

⁴⁴⁴ Этот текст изначально был издан в виде предисловия к работе Владислава Кубова (*Kubów W. Terroryzm na Podolu. Warszawa, 2003. S. 3–5.*) В. Кубов родом из той же местности, что и ректор КУЛ, создатель люблинской школы философии; он посвятил родным местам несколько публикаций. Данный текст мы публикуем с его согласия в неизменной форме. Все примечания и пояснения — ред. сборника Б. Пазь. См. биографию профессора Мечислава А. Кромпца: *Paź B. Sarax realitatis: Mieczysław Albert Krąpiec. "Studia Philosophica Wratislaviensia". 3, 2008, fasc. 3. S. 9–17.*

тические украинские банды, чтобы при помощи террора, направленного против безоружного населения, изгнать поляков с земель, принадлежавших — по их мнению — им. План был прост: нужно убить часть польского населения таким образом, чтобы остальные в ужасе убежали сами. Подобного эффекта при помощи подобных средств пытались достичь террористы, атаковавшие Международный торговый центр и другие цели в Америке. Смерть тысяч невинных людей должна была устроить остальных. Этот крайний и наиболее извращенный вид терроризма, подразумевающий достижение политических целей путем массового истребления гражданского населения, точно так же зарождался и развивался на наших польских землях в националистических украинских кругах. В период межвоенного двадцатилетия *stricto*⁴⁴⁵ террористические организации создавал проникшийся гитлеровской идеологией Евгений Коновалец. За ним шли Степан Бандера, Андрей Мельник, Роман Шухевич⁴⁴⁶. Это националисты, разработали и применили политику террора, чтобы — как они думали — освободить Украину и ее народ от угнетения поляков. К своей кровавой деятельности они приступили еще до начала Второй мировой войны. Существенным

⁴⁴⁵ В узком смысле слова (лат.) — Прим. пер.

⁴⁴⁶ Через год после смерти М.А. Кромпца (2009) президент Украины Виктор Ющенко в атмосфере скандала (в том числе была представлена петиция, поддержанная тысячами подписей и организован пикет перед университетом) получил почетную степень доктора *honoris causa* Католического Люблинского Университета им. Иоанна Павла II, ректором которого Мечислав А. Крапец был более 10 лет. Сенат присвоил ему этот титул, несмотря на то что Ющенко объявил Героем Украины Романа Шухевича, того, который лично проводил акции геноцида на Волыни. В результате страшную смерть приняли минимум 60 000 поляков, не считая евреев, армян, чехов и порядочных украинцев (около 20 000), противившихся бандеровскому террору. Во вступительном слове к книге об УПА Ющенко написал: «Борьба УПА была великой моральной победой нашего народа» («Борьба УПА стала великою моральною перемогою»), см.: Українська Повстанська Армія: Історія нескорених. Центр досліджень визвольного руху, Служба безпеки України, Український інститут національної пам'яті, 2008. В последние дни своего президентского срока этот уже почетный доктор КУЛ огласил декреты, героизирующие Степана Бандеру, а также преступные формирования ОУН-УПА и СС «Галичина». Менее чем через два месяца Европейский Парламент осудил декреты Ющенко, а затем Верховный суд Украины отменил их как не соответствующие закону. Девизом КУЛ, который представлен на его интернет-сайте, служат слова великого покровителя этого учебного заведения: «Университет, служи истине!», а на его гербе написан девиз: *Deo et Patriae* (Богу и Отчизне).

моментом было убийство министра внутренних дел Перацкого⁴⁴⁷, за что к пожизненному заключению был приговорен Бандера, который, однако, в виду гитлеровской агрессии, был выпущен на свободу. Момент зарождения террора и его рост на польском пограничье я запомнил еще ребенком. Еще до 1930 г. украинские националисты сжигали польские хлевы и снопы хлеба. Я помню угрозу, исходившую от плывавших в ночи огромных скирд пшеницы, когда в моей родной деревне Березовице Малой уничтожали урожай богатого хозяина, пана Конопцакого⁴⁴⁸. Самое страшное было еще впереди. Через 10 лет с небольшим тот же самый Конопцкий погиб, когда украинские националисты сняли с него кожу живьем...⁴⁴⁹

В моей родной деревне и в сотнях ей подобных происходили вещи, которые невозможно себе представить. Головы младенцев разбивали о стены. Детей вешали на кишках их матерей. Священников распиливали на части и складывали в бочки и корыта, или прибавляли гвоздями к дверям костелов... Неосужденные преступления порождают новые. Страшный террор, который захлестнул ни в чем не повинное польское население на бывшем пограничье Речи Посполитой, никогда не был осужден, и даже, в определенном смысле, снискал молчаливое одобрение. Преступники до сих пор

⁴⁴⁷ 15 июня 1934 года в Варшаве. Жертвами украинских террористов чаще всего становились польские политики, компромиссно настроенные по украинскому вопросу. Одной из наиболее известных, наряду с министром Перацким, жертв этого террора, был сенатор Тадеуш Голувко (29.06.1931), но есть среди них также и мирно относившиеся к полякам украинские патриоты (составлявшие большинство среди жертв украинских террористов), как, например, Иван Бабий (25.07.1934), украинский общественный деятель и директор Львовской государственной гимназии с преподаванием на украинском языке. Это тему широко освещает В. Зеленский: *Żeleński W. Zabójstwo ministra Pierackiego*. Warszawa, 1995, *passim*, а также Л. Кулиньская: *Kulińska L. Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922–1939*. Kraków, 2009, *passim*, *zwl.* S. 273–283.

⁴⁴⁸ В этой деревне родился также другой выдающийся польский ученый и философ Зигмунт Завирский [Zygmunt Zawirski] (1882–1948). См.: *Bigaj T., Jadacki J., Lissowska A., Więckowski P. Synteza filozoficzna Zygmunta Zawirskiego*. Czwórgłos w 110 rocznice urodzin, "Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria" 2, 1993. Nr. 3. S. 71–113. См.: *Kubów W. Polacy i Ukraińcy w Berezowicy Małej koło Zbaraża*. Warszawa, 1992.

⁴⁴⁹ С 22 на 23 февраля 1944 года украинские нацисты из ОУН-УПА жестоко расправились со 131 жителем деревни Березовица Мала, родины автора статьи. Сейчас в этой деревне, в которой нет ни одного поляка, находится крест с поименным списком убитых польских жителей.

не признают своей вины, а мир их не осуждает. Позже терроризм кочевал с места на место. Он, во имя различных безумных идей, абсолютно безнаказанно нападал и убивал. И только когда терроризм нанес удар по самому могущественному государству современного мира, ему объявили беспощадную войну. Если бы все же его сумели вовремя заметить, если бы геноцид на Восточном пограничье Польши в 1942–1945 г. встретил осуждение мировой общественности, и виновные были бы привлечены к ответственности, возможно, убийство безоружных людей не стало бы способом разрешения конфликтов и доказательства своей правоты. В этом смысле за нападение на Америку ответственно все человечество, которое вовремя не среагировало на терроризм как на метод политической борьбы. Это зло продолжается уже десятки лет, и словно рак разъедает единую ткань человечества. Точно так же и сегодня оно угрожает всему миру. Именно в предчувствии этой угрозы терроризму была объявлена очередная мировая война.

Терроризм, как современный, так и тот, что остался в прошлом, должен встретить повсеместное осуждение, где бы он ни проявился и кого бы ни коснулся. Против него необходимо бороться и тогда, когда он атакует мировые державы, и тогда, когда он уничтожает бедные африканские племена. Необходимо открывать черные страницы терроризма прошлого, чтобы указывать на то, что угрожает в будущем.

Мирослав Гермашевский

Трагическая мартовская ночь 1943 года⁴⁵⁰

Мои предки были родом из Конгресувки. К сожалению, я не знаю имени моего прапрадеда Гермашевского. Его «наследство» — это пятеро детей: Винцентий, Якуб, Сабина, Дорота и Катажина. Винцентий, самый старший из детей (1808–1880), за участие в восстании был осужден и сослан в Сибирь. Вернувшись из ссылки, он поселился в Малыньске, а позже в Кшешове и, наконец, в Зурно, к югу от Сарн, на Волыни. Он женился на молодой Вильгемине Лисецкой. Как гласят семейные предания, она была очень способной ткачихой и делала коврики и шерстяные ткани. От этого брака на свет родились 9 детей: Сильвестр — мой дед, Петр, Ян, Лукаш, Юзеф, Анеля, Салеза, Люциан и Игнаций. В нашем роду появились фамилии Голубецких, Белявских, Раковских, Северинов, Словиньских, Томчиньских. Дедушка Сильвестр родился в 1853 г. в Зурном, в имении графа Малыньского. В детстве он сблизился с самым младшим сыном графа Эмануэлем Малыньским, с которым навсегда его связала большая дружба. В 26 лет он женился на 16-летней Марии Гутницкой. От этого союза на свет родились 16 детей, но только 11 из них дожили до зрелых лет: Юлия, Теофиль, Михалина, Антоний, Казимеж, Роман — мой отец, Зофья, Мария, Зигмунт, Владислава и Тадеуш. В этом поколении к роду Гермашевских присоединились Плоцкие, Зыгадло, Словиньские, Лоси, Савицкие, Михалко, Багиньские, Врублевские, Зарчиньские, Урбановичи, а также семьи Бень, Дзивишек и Курьята.

Мои родители поженились в 1925 г. Мама, Камила из рода Белявских (дочь Дамазия и Зофьи), была родом из соседней Млодзянувки. Она была очень терпеливым человеком, но умела настоять на своем. Они с папой были образцовой парой для семьи и соседей. Родители с глубоким уважением и любовью относились друг к другу. Точно так же, как и их предки, они дождались многочисленного (ведь у них было семеро детей) потомства. Первой на свет появилась Али-

⁴⁵⁰ Данная статья представляет собой отрывок из книги *Hermaszewski M. Ciężar nieważkości. Opowieści pilota-kosmonauty*. Kraków, 2009. S. 17–26.

на, потом, один за другим, Владислав, Сабина, Анна, Тереза, Богдан и я.

К сожалению, это поколение Гермашевских не поддержало традиции. Алина родила Рышарда, Кшиштофа и Виолетту. Владислав — дочку Гражинку. Сабина — Алинку и Богдана. Анна — Ярослава, Тереза — Анджея, Богдан — Боженку, а я с женой Эмилией (урожденной Лазар) — сына Мирослава и дочку Эмильку. Пока мы дождались трех внучек: Юлию, Амелию и Эмилию.

В Волов мы приехали, наверное, в июне 1945-го. Как говорили старшие, тут пахло порохом, железом и смертью. Мы приехали с Волини, там запах смерти был повсюду. На этой измученной земле наших предков остались могилы моего отца, деда, теток, дядей и сотен тысяч соотечественников. После свадьбы родители жили в маленькой деревеньке Полицы в Костопольском повяте, к северу от Ровно, в лесах, богатых всяким добром. Они вели хозяйство на 25 гектарах земли. Когда семья начала расти, родители, с помощью живших в округе братьев отца, построили в находившихся рядом Лишниках новый дом и все хозяйственные постройки. Отец был рачительным хозяином, но точно так же, как дед Сильвестр, интересовался не только делами ближней округи. Ему хотелось открыть далекий незнакомый мир. Сведения о нем он черпал из редко появлявшихся здесь газет и сельскохозяйственных журналов, которые он выписывал, а также из рассказов дедушки, который, будучи управляющим имением графа Мальньского, немало поездил с графом по миру, в том числе по Америке и Африке, где они охотились.

Имение графа Мальньского — это не только земля и леса, но и прекрасный особняк, собственная электростанция, освещенная дорога до станции Моквин, а также самолет, напоминавший этажерку — деревянный биплан Фармана. Его периодические полеты по округе вызывали изумление взрослых и радость детворы. Именно тогда заболел авиацией и мой брат Владислав. Это случилось в ту минуту, когда самолет упал, а граф серьезно побился.

У дедушки первого в округе появилось радио, которое он привез из дальних стран. Бабка Мария, не одобряла этого изобретения и говорила, что «это дьявол там болтает», поэтому, вечерами, после работы дедушка забирался на чердак и там, сидя в наушниках, поглощал вести со всего мира. Он обожал рассказывать детям об этом

другом, таинственном и интересном мире. Но этого моя детская память не сохранила.

Из семейных рассказов я знаю, что моему отцу не было равных в столярном деле. Он сам делал мебель и всю самую необходимую утварь. Еще задолго до рождения своего первого ребенка он смастерил удобную кроватку и причудливо украшенную резьбой колыбельку. Детская мебель была постоянной частью обстановки нашего дома, потому что каждые 2–3 года она находила себе нового хозяина. Через 2 года после рождения самой старшей сестры, Алины, мама уже укачивала Владека, позже — Сабину, потом Анну. Самая старшая сестра, Алина, дождалась почетной обязанности укачивать следующую сестру — Терезу, и Богуся. А о том, как укачивали и нянчили меня, вспоминают уже абсолютно все из моих братьев и сестер.

Там, на Кресах, мы жили спокойно, в согласии и достатке. Со временем родители расширили хозяйство, прикупив еще больше земли и косилку. Отец очень гордился этой машиной, которую он купил по совету мамы, еще девушкой изучавшей сельскохозяйственные науки в Торговой школе в Коло. Мама побывала в Варшаве, Гдыне, и, когда я ее спрашивал, рассказывала мне о тех временах, о бале в королевском замке, море и кораблях. Но лучше всего я запомнил описание окрестностей Липников, красоты лесов, радости весны, запаха цветов и трав летом, описания праздничных обычаев и санных поездов, ездивших по округе. В памяти у меня остались поговорки дедушки и то, как мой папа обожал детей. Когда он шел по деревне, его всегда сопровождала стайка ребят. Я помню мелодии украинских думок, протяжных, тоскливых и настолько прекрасных, что их мотивы до сих пор меня трогают.

Идиллию прекратила трагедия, которую мы пережили в Липниках в ночь с 25 на 26 марта 1943 года. Тогда одичавшая орда украинских резунов, среди которых были знакомые и соседи липничан, вооруженные кольями, секирами, вилами, косами, цепями, огнестрельным оружием и всем, чем можно не только убить, но и причинить как можно больше страданий, окружило спокойно спавшую деревню. Они подожгли постройки и начали резню. Убивали жестоко, не глядя на пол и возраст, грабили имущество. В эту памятную кошмарную ночь погибло 182 жителя моих Липников. Самому младшему из них еще не было года, а самому старшему было 90 лет. Погиб мой дедушка Сильвестр, которого несколько

раз ударили штыком. Он до конца верил в нашу безопасность. «Что же плохого могут сделать нам братья-украинцы?» — говаривал он, когда ему шептали, что приближается недоброе. Жители Липников понимали, что опасность возрастает месяц от месяца. Убийства поляков в соседних деревнях, сначала единичные, случались все чаще. Однако поляки не предвидели массовой ненависти, ведь этому мешало царившее всюду согласие, почти братство, а нередко и польско-украинские семейные узы. Спонтанно создававшиеся группы самообороны пробовали отследить действия бандеровцев, но не могли узнать времени и места планировавшегося нападения. Из рассказов мамы и старших сестер и братьев я знаю, что в ту ночь ударил сильный мороз и ярко светил месяц. Из-за нараставшего беспокойства отец решил, что вся семья должна спать в одежде. У каждого ребенка был сверток, содержащий все необходимое, а у мамы был свой — его содержимым был я, полуторагодовалый карапуз. Это состояние готовности держало нас в напряжении уже с начала марта. Мама, измученная почти 20-дневным напряжением и зачарованная прекрасной лунной ночью («в такую ночь ничего плохого случиться не может»), решила, что все должны хорошо выспаться. Вечером, когда все привели себя в порядок, она переодела детей в льняные рубашки и уложила спать самых младших. Бодрствовали Владислав, Алина и папа, который был в отряде самообороны. Трагедия началась за несколько минут до полуночи. Мы слышали нарастающий грохот повозок, песни и вой незваных гостей. Внезапно наступила минута тишины, после чего раздались пулеметные очереди. Зажигательные пули сделали свое дело: ночь обернулась днем. Вой бандитов нарастал. В дом ворвался отец с винтовкой в руке. Он крикнул: «Бегите!» — после чего растворился в темноте. Мама наспех одела младших детей, сунула им в руки приготовленные свертки и вывела ребят из уже горящего дома. Увидев это ужасное зрелище и воцарившийся всюду хаос, услышав стоны жертв, мычание горевшего заживо скота, вопли резунов, мама, парализованная страхом, тем не менее, не потеряла инстинкта сохранения детей. Она звала их к себе, когда ей преградили дорогу четверо выродков — «солдат» УПА. Издевательски улыбаясь, они закричали: «Стой, ты, польская морда! Ты не тикай, мы тебя все равно зарежем!» Призрак жесткой смерти, которую она минуту назад уже видела, словно бы придал маме сил. Она сумела отбежать

от преследователей. Те же, не желая бросать начатое, принялись стрелять в одинокую женщину с ребенком на руках. Один из них догнал ее и приставил винтовку к голове. Выстрел был точный. Пуля задела висок и разорвала ухо. Ошеломленная выстрелом и залитая кровью, мама, потеряв сознание, упала и замерла. Преследователи, уверенные в своем успехе, вернулись в деревню, чтобы продолжить свою бандитскую расправу. Кровь и шок, вызванные выстрелом, привели к тому, что мама была не в состоянии действовать рационально. Она просто побежала вперед. Бежала очень долго, а когда к ней вернулась способность логически мыслить, она поняла, что стоит босая, в легком платье, среди знакомых украинок у околицы соседней деревни Бялка в 6 км от Липников. Женщины причитали над ее судьбой. Кто-то подал ей кожух, чтобы отогреть замерзшую, кто-то вытер с ее лица кровь, чья-то рука дала кусок хлеба. Эти проявления человечности объяснили маме весь ужас ситуации: «Где мой ребенок?» — крикнула она срывающимся голосом. «Там остался...» — показали ей рукой на кровавое зарево. Она бросилась туда, но благоразумные украинки силой удержали ее: «Там верная смерть», — говорили они в один голос.

В это время мой отец вместе с другими членами отряда самообороны пробовал отбить атаки одичавших резунов. Им удалось прорвать кольцо окружения и через образовавшийся прорыв вывести из деревни обезумевших от страха и боли, потерявших родных женщин и детей. Единственно возможный путь эвакуации шел в направлении поселения Зурно и проходил по дну глубокого, но узкого оросительного канала. По нему можно было передвигаться только гуськом, что значительно замедляло бегство. Ошарашенные беженцы натыкались друг на друга. Поднялся страшный переполох, возник затор. Нападавшие догнали поляков и с воплями и проклятиями начали очередную резню. Они методично кидали вниз гранаты и расстреливали собравшуюся толпу. Тот, кто пытался выскочить из рва, сразу же падал обратно с раскроенной секирой головой. Пали десятки беженцев. Погибла пани Багиньская. Падая, она сумела заклонить собой сына, который был ранен той же самой пулей. Там же Эвелина Гайдамович, спасая раненого сына, получила ранение в оба глаза, и зарева пожаров были последним, что она видела. После «успешной операции» резунов канал был заполнен принявшими мученическую смерть поляками.

С рассветом самые смелые мужчины из соседних деревень поспешили в Липники. Уже издалека был виден масштаб трагедии: догорающие хозяйства, бродящий искалеченный или обожженный скот. Чем ближе, тем яснее были видны хаос разрушения и картины, которые трудно было описать. Лишь немногие жертвы пали под пулями. Некоторые лежали без голов, без конечностей, пропоротые вилами, забитые кольями. Детей находили в колодцах, нанизанных на колья плетней или разорванными. Среди тех, кто искал родных, шли мой отец и брат Владислав. Родного дома не было, только горячее пепелище. Недалеко от плетня, на замерзшем поле, отец вдруг заметил знакомое одеяло в клетку, в нем неподвижного сына Мирека, а вокруг на снегу много крови. Папа был уверен, что я умер. Я был бледный, но когда он потряс меня, я открыл глаза и сказал: «папа, си», — что означало огонь, и «бух» — то есть то, чего и так было много, и переводить не надо.

Польская деревня Липники, как и многие подобные польские поселения, была стерта с лица земли, исчезла с карт. Но там осталась польская кровь и кости принявших мученическую смерть. В сердцах липничан остались боль и отчаяние. Мы потеряли все имущество. Мы чувствовали страх, сомнение в завтрашнем дне и боль от утраты самых близких. Мы стали беженцами. Однако призрак голода был сильнее рассудка. Чтобы найти хоть что-то из осенних посевов, отец с братьями мамы собрался на наши поля. Это было последнее путешествие моего папы к родным местам. Вернулся он с пулей в груди, в него выстрелили из засады, когда они возвращались домой. Замечательный многоуважаемый доктор Туркевич был бессилен: пуля повредила предсердие. Я помню отца, который лежал на кровати за стеклянными дверями в больнице. Грудь у него была перевязана бинтами. Я не мог понять, почему он не берет меня на руки. Почему во время очередного посещения мама разбила на лестнице банку с компотом и почему она так страшно плакала. Кажется, я успокаивал маму: «Мама, тише, папа спит». В моей памяти остался образ похорон. Все очень плакали, а мама потеряла сознание. Только через несколько лет я понял: мы остались без отца, остались наполовину сиротами. Приходской священник ксендз Россовский в уведомлении в день похорон написал: «Роман Гермашевский, с. Сильвестра и Марии из дома Гутницких. Родился 10.11.1900, умер от огнестрельной раны легкого в Березном дня 28 августа 1943 года. Оставил жену

Камилу, детей: д. Алину, с. Владислава, д. Сабину, д. Анну, д. Терезу, с. Богуслава и с. Мирослава».

И так началась следующая трагическая глава нашей семейной эпопеи. После смерти отца мама пережила шок, но не сломалась и пришла в себя. У нее ведь было семеро детей. Она не могла рассчитывать на чью-либо помощь, потому что все были в такой же ситуации, как и она. Она работала, не щадя сил: была прачкой, портнихой, кухаркой, но для нас она всегда была мамой. Она не показывала усталости, и каждому из нас дарила материнскую любовь. Меня она особенно любила: я был самым младшим ребенком и как бы чудом спасенным. Трудолюбие и усердие моей мамы были необычайны и достойны глубочайшего уважения. Когда голод заглянул нам в глаза, мама без колебаний сняла обручальное кольцо и отдала его за две, буквально за две буханки хлеба. Она сумела убедить конвоира-фольксдойча, что от нас не будет никакой пользы в Германии. И — о чудо! — из вагона нас отвели «домой». Этим домом было помещение бывшей городской бойни, без стекол в окнах, с бетонным полом, который был заботливо прикрыт соломой, раздобытой мамой. В этой безнадежной ситуации руку помощи нам протянул всегда благожелательный ко всем ксендз Россовский. В своем приходе в Березном он приютил маму с большой толпой ребятешек. Мы поселились в комнатке на втором этаже, с видом на обширный парк. Там на высоких деревьях целый день пронзительно каркали вороны. Около дома приходского священника стоял внушительный костел с двумя башнями, а у каменной ограды была колокольня.

Брат приходского священника, пан Ян, особенно полюбил меня. Целыми днями, даже тогда, когда он звонил на службу, я сидел у него на коленях и цеплялся за его штаны. Он брал меня с собой гулять на берег реки Случ, и с высокого берега показывал мне русских солдат, которые отрабатывали стрельбы. Пел, подымал высоко над головой, проносил меня в воздухе, подражая полету птиц, и говорил: «Ты орел». Будучи уже офицером, в 60-е гг., я тайно навещал ксендза Россовского и его брата пана Яна в их приходе в Згеже; он гордился мной — я был птицей. Сейчас оба они покоятся на кладбище в Мольной. Когда я получил звание генерала, то навестил это место. Местные жители были удивлены, глядя на какого-то важного генерала в мундире стального цвета, который кладет цветы на могилу ксендза и стоит задумавшись.

Забота о детях пробуждала нашей маме скрытые силы. Она смогла подготовить свою, как она говорила, «детвору», к путешествию в неизвестность, на Запад. Мы ехали, это я уже помню, в товарном вагоне вместе с какой-то другой семьей. Путешествие поездом было для детей изрядным приключением. Я чувствовал себя беззаботно, тем более что я не понимал, почему взрослые так горько плачут. Сквозь щели в досках мы старались рассмотреть новый, другой, неведомый мир. Я в первый раз увидел большие дома — «здания», а появление автомобиля вызывало неописуемый восторг. Все путешествие сопровождалось непрерывным грохотом, стуком колес, фырканием, свистками паровозов. Все постоянно качалось, дергалось, то и дело переставляли вагоны. На одной из многочисленных остановок мама решила приготовить горячую пищу и пошла зачерпнуть воды. Наклонилась и упала в каменный колодец с вертикальными стенами. Плавать она не умела, и отчаянно цеплялась за траву, которая росла по стенам водосборника. Та обрывалась, мама захлебывалась и тоннула. Она уже готова была смириться со своей судьбой. Чтобы оставить что-то после себя, она выбросила на поверхность кастрюлю, за которую до того судорожно цеплялась. Такая кастрюля в то время была настоящим сокровищем. Тут она внезапно вспомнила детей, и это прибавило ей сил. Новая попытка выбраться из ловушки оказалась удачной. Измученная, мокрая, продрогшая, она вернулась в вагон и как ни в чем не бывало приготовила еду. Только через много лет она рассказала правду. Путешествие продолжалось, и только в конце июня эшелон достиг окрестностей Вроцлава. Мы оказались счастливыми, потому что не разделили трагической судьбы тысяч волынцев. Мы пережили наш, польский Холокост, и оказались на незнакомой, чужой земле. Мы поселились в Волове. Первые две недели вместе с многими семьями мы провели «на платформе», т.е. в зале паровозного депо. Мама с тоской высматривала нашу коровку. Через неделю, вместе с сотнями других, появилась наша кормилица, которую мама распознала по тоскливому мычанию в стаде, насчитывавшем несколько десятков голов. Они узнали друг друга, потому что корова сразу сменила грустное мычание на радостный рев и разделила радость мамы, сердечно облизав ее шершавым языком. Мы поселились на окраине города, на первом этаже дома на улице Костюшко. Нам не хватало брата Владека, который во время перевозки заболел тифом. Без сознания его забрали в госпиталь где-

то в Катовицах. Когда он выздоровел, то несколько недель блуждал по Возвращенным землям в поисках своих. Он искал во Вроцлаве, Щецине, Квидзыне. Послушав интуицию, он вернулся в Нижнюю Силезию. Однажды, когда мы с сестрой Сабиной смотрели в окно на улицу, обсаженную каштанами, я заметил, что по тротуару шагает парень — босиком, в порванных коротких штанах, а на голове у него выгоревшая шапка. «Владек!» — крикнула сестра. Он посмотрел — и сразу же одним прыжком оказался рядом с нами. Тогда я увидел, как плакала мама. Это были слезы счастья.

Вскоре мама получила квартиру поближе к центру, в здании на улице Берута. Здание было более чем скромным, и по виду мало чем отличалось от соседних домишек. Этот дом точно отражал наше материальное положение. У нас было две кровати, шкаф, столик и большой стол с несколькими стульями. Подвала в доме не было, но зато у него было неоценимое достоинство: рядом во дворе находились маленький хлев и крошечный садик, а посередине двора росла большая черешня. Вместе с братом Богданом и ребятами со двора мы просиживали на ней с ранней весны до поздней осени. В хлеву похрюкивала свинка и мычал теленок. За стайкой кур присматривал солидный петух, который, к огорчению моей сестры Терезы, провожал ее в ближайшую школу. В саду росли овощи и абрикосы, за забором был большой парк, а рядом с ним мрачное кладбище — вот мир моего детства. Я изучал окрестности и природу, и очень часто жаловался маме на воробьев с соседней крыши, которые, как мне казалось, передразнивали меня и чирикали: «Мирек — дурик». Я очень сердился на них, и при помощи собственноручно изготовленной пращи пытался восстановить справедливость.

Мама полностью посвятила себя детям. Мы считали, что она может все. Из старого плаща она сшила нам элегантные костюмы. Когда оказалось, что выращенная свинка больна и ее даже нельзя съесть, мама достала где-то каустической соды и сделала из нее мыло, которого тогда очень не хватало. Каждую субботу меня и Богдана тщательно мыли («драили»), а вода после мытья была грязная, «как с собаки». Затем нас одевали в длинные рубашки, и после обязательной молитвы мама укладывала нас в кровати с туго накрахмаленным бельем. Перед сном мама рассказывала сказки или пела песенки. А когда к нам привязалась чесотка, от которой мы очень страдали, она не растерялась и, воспользовавшись чьим-то советом,

разбирала минометные снаряды, добывала изнутри желтый тротил и варила его с дегтем. Тщательно вымыв, она мазала нас этой ужасно смердевшей, но единственно доступной тогда мазью.

Чтобы улучшить быт семьи, в соседнем доме на главной улице мама открыла магазинчик. Помещение было маленькое, а в нем сплошные сокровища: конфеты, пирожные, леденцы и, конечно, соль, мука, крупа, подсолнечное масло и т.д. Я любил там сидеть, иногда мне перепадало что-нибудь сладкое. Я до сих пор люблю пирожные, проложенные белым ароматным кремом. Как-то раз мама оставила меня в магазине на минутку. Тогда появился маленький человечек. «Ты один?» — спросил он. «Да», — ответил я. «Я тебе дам золотый на конфеты, а ты скажи, где мама прячет папиросы», — предложил он. Я почувствовал себя хозяином и уверенным движением руки показал: «Вот здесь, под печкой». Пришелец улыбнулся, вытащил из-под печки дрова и вынул из глубины две длинные желтые коробочки с силуэтом странного коня (это был верблюд на «Кэмэле»). Он положил их на прилавок. «Ну что ж, подождем маму», — сказал он. Человек распахнул полы пиджака, а за поясом у него был револьвер. И вот так, за обещанный золотый, я разоблачил мою маму. Золотого тот пан мне не дал. Он забрал маму «в УБ», как тогда говорили взрослые, на противоположной стороне от нашего парка. Целых две недели, пока мамы не было, мы бродили по округе, как оголодавшие волчата. Сестра Ханя взяла меня в парк. «Сейчас мы поедем», — сказала она и дала мне гроздь ягод бузины. Ел я жадно, потому что был голоден. Ягоды были сладковатые и от них тошнило. В определенный момент я вывернул наружу все содержимое желудка в страшных судорогах. Даже теперь, когда я прохожу рядом с кустами бузины и вижу спелые ягоды, я чувствую, как внизу все сжимается, и спешно отхожу. Эта реакция — наверняка кара за предательство собственной матери. Кара, которая не имеет срока давности.

В 1983 г., вместе с женой и дочкой, я навестил родные места. Меня очень сердечно встретили местные жители. В 60-е годы на месте трагедии рядом с бывшим Народным Домом, где похоронили убитых липничан, на братской могиле насыпали высокий курган. Табличка гласила: «Здесь покоятся останки 182 невинных жертв». Я знаю об этом по рассказам брата Владислава. Когда я приехал, кургана уже не было. Местные утверждали, что он мешал полевым работам. Ос-

танки замученных с почестями перенесли на кладбище в соседней деревне Бялка. Поставленное там надгробие ничем не выделялось на фоне других могил. Маленькая табличка потрескалась и надпись стала неразборчивой. Я не жалею, что не запомнил ужасных сцен той страшной ночи. А две мои сестры, Анна и Тереза, и брат Богдан еще много лет после этих событий вскакивали по ночам с криками ужаса.

Ян Кульмановский

«Ко мне подошли трое украинцев и начали колоть меня штыками» (Сообщение бывшего жителя селения Углы на Волыни)⁴⁵¹

Я родился в деревне Углы, Сарнского повята, Волынского воеводства [...] ⁴⁵². Я жил [там] вместе с родителями, братьями и сестрами до памятной ночи 13 мая 1943 г.

Углы были окружены украинскими бандами с юго-востока, потому что там ближе всего к деревне подходил лес. С другой стороны были пахотные поля и территория была свободная. В ночь с 12 на 13 мая на рассвете начался обстрел деревни зажигательными пулями. Дома, крытые соломой, и хлева начали гореть. Среди проснувшихся жителей поднялась паника [...].

Все в горячке стали убегать, каждый в сворю сторону. Мама с младшей сестрой, 8-месячной Халинкой на руках, папа с двумя сестрами — Антосей и Янкой, и я с самой старшей сестрой Констанцией, которая схватила меня на руки, обернула старым ватником и побежала в сторону деревни. В деревне была такая старая курная изба. Там мы встретили маму с ребенком, мама была ранена в бок. Мама с ребенком побежала к соседям за помощью. А мы с сестрой стали убегать в сторону полей. Через несколько сотен метров сестре попала в голову пуля, и я остался на этом поле один. Через минуту ко мне подошли трое украинцев и начали колоть меня штыками. Когда они посчитали, что уже хватит, и увидели, что я лежу весь в крови, они ушли. Так я остался на этом поле уже один и лежал там до следующего дня. Помню, что кто-то принес мне простокваши в крынке.

Когда на следующий день [уцелевшие] собирали раненых, то меня нашли и забрали. Всех раненых положили на дровни, на которых было немного соломы. Там я встретил старшую сестру Ядзю, кото-

⁴⁵¹ Сообщение без даты, записано собственноручно после 2000 года, из собрания Евы Семашко, опубликовано благодаря любезности Богуслава Касицкого. Обработка с сохранением языка оригинала: Ева Семашко.

⁴⁵² Углы были не деревней, а польско-немецким поселением, откуда в 1940 году немцы выехали в Рейх.

рая была ранена. У нее был прострелен локоть левой руки и правая нога выше щиколотки. И также на этой телеге была моя двоюродная сестра, Кульмановская Станислава. У нее было раздроблено плечо.

Нас привезли на железнодорожную станцию Немовичи, где я увидел солдат в зеленых мундирах⁴⁵³, которые о нас позаботились и доставили в госпиталь в Костополе, где я пребывал до августа. Оказалось, что у меня было 11 колотых ран от штыка, в том числе 2 тяжелые: одна до сердца, где была задета сердечная мышца, а другая повредила артерию на шее. Когда я вышел из больницы, узнал, что бульбовцы⁴⁵⁴ добились маму, а младшую сестричку разорвали. Еще нескольких раненых они побросали в кучу, обложили соломой и сожгли.

Когда сожгли Углы, мы поселились в старой смолокурне рядом со станцией Немовичи. Все время нам приходилось бежать на ночь в лес, потому что банды рыскали и убивали людей.

Я помню, как сначала ехали немцы, а потом русские поезда⁴⁵⁵, нагруженные пушками, автомобилями и даже самолетами. Мы ходили на станцию, чтобы получить у военных что-нибудь поесть. Отец, чтобы заработать на еду, работал на железной дороге. Отца хотели забрать на фронт⁴⁵⁶, но, поскольку он был один с четырьмя маленькими детьми, и работал на железной дороге, его оставили в покое.

Помню, как самолеты летели и бомбили Сарны. Это было после полудня и до позднего вечера. Были видны зарева пожаров и слышны взрывы бомб. В 1944 г., в ноябре, нам велели собирать вещи и прибыть на станцию, куда должны были подать поезд. Когда мы прибыли на станцию, оказалось, что поезда нету. И так до марта 1945 г. мы на платформе ждали, пока придет обещанный поезд. Наконец

⁴⁵³ Станция Немовичи на железной дороге Сарны-Ровно находилась от поселения Углы на расстоянии около 5 км. До конца 1943 года при станции находился гарнизон, охранявший железнодорожную ветку, в котором в тот период находились венгерские части. Именно венгры оказали помощь раненым жителям Углов.

⁴⁵⁴ В этой местности боевые группы украинских националистов, убивавшие поляков, повсеместно назывались бульбовцами, однако нападение 12 и 13 мая 1943 года на Углы и соседние польские поселения совершили бандеровцы.

⁴⁵⁵ Автор сообщения запомнил вывод немецких войск с Востока в конце 1943, и советские эшелоны на фронт в 1944 году.

⁴⁵⁶ На территориях, занятых в 1944 году Красной Армией, проходила всеобщая мобилизация поляков в армию Берлинга (Войско Польское. — Прим. пер.).

подошел долгожданный поезд. Это были открытые вагоны, т.е. для угля. Тогда мы начали наконец грузиться по две-три семьи в вагон. Когда погрузились, оказалось, что локомотив не может справиться, и надо было ждать другой локомотив. Так мы начали свое путешествие на Возвращенные земли, через Мысловице, Торунь. До Гдакова мы доехали под конец июня.

Амелия Мамчар, урожд. Миллер**«Или меня застрели, или меня выпусти, пусть
меня не сжигают живьем с этими детьми»
(сообщение жительницы поселения Пендыки
на Волыни)⁴⁵⁷**

[...] Мой дедушка [Эмиль Миллер], отец моего папы, был немецким колонистом и приехал на Волынь со своими родителями [...] из-под Берлина. Здесь они купили себе землю в деревне Пендыки⁴⁵⁸, Костопольского повята, Волинского воеводства. Они построили дом и вели сельское хозяйство.

Мой дед [...] женился на польке, т.е. моей бабке со стороны отца, которую звали Станислава [...]. В свою очередь, мой дед Валентий [Томчик] тоже приехал на Волынь, только не знаю, с кем и при каких обстоятельствах [...]. Моя бабка Виктория, как и дед Валентий, поселились в селе Людвиковка⁴⁵⁹, гмина⁴⁶⁰ Млынов, Дубненского повята, Волинского воеводства [...]. Как-то раз играли свадьбу в семье, на которой была моя мама Хелена [...] [и] она познакомилась с моим папой Мечиславом. Мой папа был на этой свадьбе музыкантом [...]. Через некоторое время [...] мама вышла замуж и поселилась с моим папой в деревне Пендыки [...].

В деревне жили поляки, было две семьи украинцев. Люди жили спокойно, друг другу помогали на полевых работах и при постройке домов [...]. По соседству с нами жила украинская семья. Наши семьи всегда помогали друг другу. У моего папы был лес, так вот он дал этому украинцу дерево для постройки дома. И еще дал ему займы денег на эту стройку. Словом, среди соседей было согласие и взаимная соседская помощь [...].

⁴⁵⁷ Сообщение записано собственноручно в 2009 году, из собрания Евы Семашко, благодаря любезности пани Анны Собкевич-Форемской. Обработка с сохранением языка оригинала: Ева Семашко.

⁴⁵⁸ Пендыки были не деревней, а польским поселением.

⁴⁵⁹ Людвиковка была польским поселением.

⁴⁶⁰ Гмина — минимальная единица административно-территориального деления Польши, аналог волости. — Прим. пер.

Наступил 1943 год, а вместе с ним начался настоящий ад для поляков. Сперва до нас доходили слухи об отдельных убийствах поляков, которые совершали бандеровцы. Вскоре начали нападать, убивая целые семьи и жечь целые деревни, а нажитое поляками грабили украинцы.

Рано утром 29 марта 1943 г. бандеровцы напали на деревню Пендыки. Моя мама в это время пошла в хлев доить коров, а папа пошел чинить инвентарь. Мы с сестрой спали сладким сном, и тут вдруг мама с папой вбежали в дом и вырвали нас из теплого спокойного сна. Папа взял на руки меня, а мама сестру. Мы вылетели из дома и отправились в сторону леса. Не знаю, как это случилось, только папа с нами попрощался. Я до сих пор помню, как крепко он нас сжимал. Маме сказал, чтобы она вернулась домой за одеждой для нас, потому что мы были в том, в чем спали. Когда мама решила зайти в дом, это заметил бандеровец и впихнул нас в конюшню, в которой содержался скот, но его выпустили. В конюшне уже были женщины и дети. Конюшню подожгли. Я, будучи ребенком, не очень понимала, что происходит, и судорожно сжимала правую руку моей мамы. Моя сестра и другие старшие дети вырыли дыру в навозе и звали меня, говоря, что мы спрячемся в эту дыру, а то того и гляди рухнет горящая крыша. В этот момент к тому украинцу, что стоял с винтовкой в дверях, подошел второй украинец. О чем-то они поговорили, и первый ушел, а второй с винтовкой встал в дверях. Моя мама узнала этого, второго. Это был наш сосед, которому папа дал дерево на постройку дома и одолжил денег. Моя мама взяла в левую руку сестру, а в правую меня, подошла к этому украинцу, назвала его по имени, которого я не помню, и сказала: «Или застрели меня, или выпусти. Пусть меня не сжигают живьем с детьми». Он сказал: «Удирай до лиса». Так мы избежали смерти. А остальные сторели живьем.

Я до сих пор помню этот побег в лес по мерзлым бороздам вспаханного поля. Я помню большое восходящее солнце красного цвета. Я видела ребенка, который наклонился над убитой матерью и просил ее, чтобы она встала, но безрезультатно. На поле лежали мертвые тела, одеяла и подушки. Моя сестра во время побега подобрала на поле одеяло в клетку, а я подобрала маленькую подушечку в крапинку, и просила маму, чтобы она остановилась, чтоб я лучшехватила эту подушку. Мама не остановилась [...]. Подушка выпа-

ла у меня из руки на поле. Когда мы вошли в лес, то встретили там моего дедушку Эмиля, женщин с детьми и пожилых мужчин. Мой дедушка спросил мою маму: «Хеля, где Метек?» — то есть мой папа. Мама ответила, что убежал в лес. Мама нарвала мху, завернула нас в одеяло, которое Крыся притащила в лес, и посадила нас на этот мох под деревом. Приближался полдень. Мы были голодны и нам было холодно. Дедушка сказал моей маме, что пойдет посмотреть, горят ли еще Пендыки [...]. Через некоторое время он вернулся, с белым как мел лицом. Мама просила, что случилось, и он, задрав рубашку, показал, как ему попали пулей в живот [...]. Дедушка сказал нам, чтобы мы все убежали подальше в лес, а то придут бандеры и нас прибьют. Мама уложила дедушку на мох и накрыла его одеялом. Мы попрощались с дедушкой и, замерзшие, вместе со всеми остальными, кто был в лесу, пошли еще дальше в лес. Среди нас, детей, был 13-летний мальчик, которого послали в Цумань⁴⁶¹, чтобы сообщить, что в лесу женщины с детьми и старики. Под вечер приехал немецкий грузовик, а с ним мой папа. Нас погрузили на этот грузовик и отвезли в собор Святых Петра и Павла в Луцке⁴⁶². Дедушка остался в лесу, и думаю, что он там скончался, поскольку у нас больше никогда не было от него вестей. Собор был превращен в склад зерновых, но, поскольку был конец марта, хлеба уже не было, только немного соломы [...]. Мы были очень голодны, и люди, как узнали, что в соборе собрались люди из сожженных деревень, принесли нам кое-что поесть [...]. Люди из Луцка приходили и забирали детей, а чтобы родители позднее смогли забрать своих детей, давали свой адрес. Я с сестрой тоже жила в одной семье, фамилии не помню. Там было тепло, нам дали еду, одежду, и эта пани даже купила моей сестре розовую шапку и розовый шарфик, а мне белую шапку и белый шарфик. Когда родня из Людвиковки узнала, что Пендыки сожгли, а те, кто уцелел на пожаре, теперь живут в соборе в Луцке [...], то брат моей мамы, Станислав, приехал за нами на телеге. Мы поселились у бабки Виктории в Людвиковке [...]. Деревня Людвиковка расположена была в такой низине у леса. Там было много фруктовых садов и много зелени [...]. Только жить в ней станови-

⁴⁶¹ Деревня в Луцком повяте, находилась от поселения Пендыки на расстоянии около 12 км. Во время немецкой оккупации в Цумани находился сильный немецкий гарнизон.

⁴⁶² Столица воеводства.

лось все печальней, потому что все чаще доходили слухи про убийства бандеровцами польского населения.

Как-то раз семья собралась у бабушки и решила, что будут копать схрон, вход в который будет в кладовой [...]. Выкопали большой схрон, из которого был еще выход в поле [...]. Крестьяне из Людвиковки организовали самооборону и по ночам несли вахту, а женщины с детьми прятались в схроны или шли на ночь к родственникам в Млынов, к этому времени некоторые семьи уже переехали в Млынов, так как считали, что там будет безопасней. Мы, с мамой и папой тоже поселились у тети Юзефы [в Млынове]. [...]

В воскресенье мои мама с папой решили поехать в Людвиковку, чтобы испечь у бабушки хлеб и привезти его к тете в Млынов. Меня и сестру тоже взяли с собой. В понедельник бабушка испекла свежий хлеб, но сказала моей маме, чтобы та ехала в Млынов только завтра, чтобы хлеб лучше остыл. Следующую ночь мы провели в схроне, который был выкопан под полом кладовой для зерна. Вход в схрон был так ловко замаскирован, что если кто чужой об этом входе не знал, то не заметил бы [...]. В схроне была солома, перины, подушки, питьевая вода и ведро, чтобы дети и взрослые могли справлять свои физиологические потребности.

Именно в эту ночь на 13 июля случилась страшная трагедия. Немцы вместе с бандеровцами окружили деревню и жестоким образом с ней расправились. Из этой напасти мало кто выбрался живым, особенно мужчины. У бабки в схроне скрывались мама, папа, сестра и я, а еще сама бабка, сын Станислав, Францишка и Аделя [...]. Были еще другие семьи с детьми [...]. До схрона доносился вой собак, выстрелы винтовок и взрывы гранат. Последней в схрон на ночь входила бабка с дочкой Аделей. Аделя, последней входя в схрон, зажала дверьми в схрон какую-то тряпочку. Когда перед самым полуднем 13 июля немцы вошли в кладовую, они заметили тряпку между половицами, и так обнаружили вход в схрон. Они начали звать всех выйти из схрона. Мой дядя Станислав убежал из схрона через выход [...] в поле, на котором было много высокого хлеба. Так дядя остался жив и дожил до 1991 года. А вот остальные — женщины с детьми, мой папа и дяди — были вынуждены выйти из укрытия. Нас всех согнали к лесу, там отделили женщин с детьми до 14 лет, а старших мальчиков и мужчин поставили отдельно. У меня и сейчас в ушах стоит плач детей, матерей, и прощаль-

ное отчаяние отцов. Женщины с детьми остались у леса, а мужчин и молодых парней погнали в сторону хлевов, которые еще не сожгли. Некоторые пытались бежать, их сразу расстреляли. Картина расставания была очень жестокой. Я помню, как папа последний раз обнимался с нами [...].

Женщины с детьми стояли большой группой, в ужасе от той судьбы, какая их вскоре должна постичь, потому что нас тоже должны были расстрелять. В какой-то момент моя мама и другие женщины попросили разрешить им помолиться. Немец дал согласие на молитву, и мы начали читать [...] *Кто в опеку доверится Господу своему* [...]. Во время молитвы приехал немец на машине и дал приказ немцам, чтобы женщин с детьми не убивали. Через некоторое время приехали немецкие грузовики, погрузили женщин и детей и отвезли их в лагерь в Дубно. Мужчин и парней расстреляли и сожгли в хлеву. Тогда погибло очень много людовичан, а добавок погибли те, которые приехали в Людвиковку, чтобы скрыться от смерти [...].

В лагере в Дубне были очень плохие условия жизни. Там было очень много женщин, детей и стариков, которым было нечего есть. Люди из Дубна приносили свертки с едой [...]. Знакомая моей мамы из Дубна, когда узнала, что мы в лагере, а папа погиб, принесла для нас две маленькие наволочки от подушек и пшеничные сухари [...]. Мама завязала эти наволочки в форме рюкзака и надевала нам на спину [...]. Лагерь был огорожен сеткой, но в сетке была дыра, и многие женщины, рискуя жизнью, бежали через эту дыру [...]. Пришла новость, что будут грузить людей на поезд и повезут в Польшу. Моя мама договорилась с подружкой [Парадовской], и они решили, что поедут вместе [...].

Нас, женщин, детей, стариков, погрузили в вагоны для скота. Мы начали спасительное путешествие в Польшу. Людей в вагоны погрузили столько, сколько влезло. Там были женщины с детьми, старики и одинокие люди. Поезд шел только ночью, а днем была стоял. Во время стоянки была возможность выпросить что-нибудь поесть, хотя у нас с сестрой были сухари, которыми мы даже делились с другими детьми, у которых ничего не было.

[...] Ехали в очень плохих условиях. Мы, дети, свои физиологические потребности справляли через дырку, прорубленную в полу вагона, а взрослые — через отодвинутую доску в дверях вагона. Конечно, друг друга они должны были держать за руки.

Как-то раз мы сидели с мамой на нашем скромном насесте. Смотрим, а тут через толпу к нам пробирается маленькая девочка, примерно трех лет, звали ее Целина. Она подошла к моей маме и попросила, не могла бы та быть и ее мамой тоже. Она говорила, что у нее была мама, но [ее] в доме убили украинцы, сказала: «Я тоже была убитая, деревяшкой от винтовки». Оказалось, что Целинка говорила правду, потому что она ехала со своей теткой, которая, как она говорила, не знала, сумеет ли она управиться с ребенком. Тетка подтвердила, что Целинка говорит правду. Моя мама обняла этого ребенка и дальше мы уже эти сухари из рюкзака из наволочек грызли вместе [...]. Наконец мы доехали до города и поезд остановился. Поднялся такой переполох, [что] неизвестно было, что происходит. Наконец началась селекция: женщин с детьми и стариков в одну сторону, а тех, кто помоложе и поздоровее — в другую сторону. Так начался наш третий круг ада [...]. Нас заключили в пересыльный лагерь в Люблине⁴⁶³, а поезд со всеми остальными поехал дальше, в Германию. В пересыльном лагере мы были недолго. Я помню кровати в несколько ярусов, сколоченные из досок, и на них немного соломы, чтобы спать [...]. Через несколько дней нас перегнали в лагерь в Майданек. Мы жили в деревянном бараке, а спали на земле, на которой было немного соломы. Там не было условий, чтобы мыться, размножились вши и чесотка. Туалет я запомнила, что там были только такие дыры [...]. Сухари уже кончились. Мы получали такой черствый хлеб, что его нельзя было разгрызть, а еще такой вонючий суп из брюквы [...]. Была зима 1943–1944-го, нам было очень холодно. Если кто-то не возвращался на свое место, то наперегонки разбирали его лохмотья [...]. Наконец, в конце марта 1944 г. по лагерю разошлась новость, что стараниями Красного Креста женщин и детей должны будут начать отпускать из Майданека [...]. Мы должны были покинуть лагерь, но ботинки у нас были так изношены, что их нельзя было носить! Моя мама пошла с нами к куче обуви, оставшейся от сожженных заключенных. Мама что-то нашла, сестра тоже что-то выбрала, у Целинки были свои хорошие ботинки, а я если находила один, то второго ботинка к нему не хватало. Наконец я нашла

⁴⁶³ Лагерь находился на улице Крахмальной на территории около железнодорожного вокзала.

два одинаковых тряпочных шлепанца в клеточку. Они застегивались на пряжку и были на резиновой подошве, но вся беда в том, что они были на пять размеров больше [...].

Однажды нас погрузили в вагоны для скота, на этот раз в открытые, и мы отправились. Мы доехали до города Ченстоховы, где нам приказали выходить из вагонов и прогнали через весь город в так называемый рабочий лагерь, не знаю, на какой улице это находилось [...]. Хуже всего было то, что я, в этих ботах на пять размеров больше, не могла идти. Я все время цеплялась носками за камни, а идти надо было очень далеко. Мама несла Целинку, потому что она была меньше всех, а мы с сестрой держались за мамину одежду, потому что руки у мамы были заняты: на одной руке она держала Целинку, а в другой был узелок с одеждой. Когда мы подходили к этому лагерю в Ченстохове, то вдоль дороги по обеим сторонам стояли жители и присматривались к истощенным людям, которые еле шли. В какой-то момент одна пани подошла к моей маме и сказала, чтобы та отдала ей одного из троих детей. Я была от мамы справа, так эта пани показала на меня, что меня возьмет. «А с двумя вам будет проще», — сказала она. Мама сказала, что «этой не отдам, потому что она похожа на отца, а он был убит». Тогда та пани говорит: «Так отдайте мне эту, вторую», — то есть мою сестру, — «потому что этой (на руках) вы мне не отдадите, она же маленькая, ей нужна мать». Мама ей сказала, что этой тоже не отдаст, «потому что это моя дочка, она на меня похожа; если вы так хотите, то я вам дам того ребенка, который на руках, потому что он не мой, я о нем только заботилась». Пани спросила про имя, а ребенок сам сказал, что ее зовут Целинка. Пани протянула руки к Целинке, а та сама протянула ручки к пани, и женщина взяла ее на руки. Я помню, как Целинка повернулась к маме, поцеловала ее, обняла и сказала: «Спасибо тебе, мамочка. Теперь у меня будет другая мамочка». Та пани сказала свой адрес, но мама в этой неразберихе забыла. Я запомнила Целинку, потому что на щеке у нее был шрам от удара винтовкой того бандеровца. Она была завернута в шерстяной платок, вязанный на спицах: платок был розового цвета и на спине был завязан узлом. Мы больше никогда не встречали Целинки, а она, наверное, уже и забыла, каким образом оказалась в Ченстохове. А мы дошли до этого лагеря [...].

Стефания Каминьская

Ультиматум бандеровцев и советская «помощь» (сообщение свидетельницы преступления в деревне Просовцы в Тарнопольском воеводстве)⁴⁶⁴

Я — Ратушная Стефания, сейчас Каминьская, дочь Стефана и Марии, урожденная Ратушная из деревни Просовцы, гмина Скорики [...], Збаражского повята, Тарнопольского воеводства — внучка убитой Ратушной Катажины (64 лет) и сестра убитого Ратушного Якуба (15 лет) [...].

Отец мой, Ратушный Стефан, и два дяди — Ратушный Базыль и Ратушный Станислав, а также другие поляки, такие как: Гладын Петр, Назар Владислав и Назар Василь, работали на железной дороге в Тарнополе. Рабочих [...] железной дороги не брали [после прихода советских войск в 1944 г.] на войну. Начальником был русский по фамилии Юдим. В это время украинцы убегали из русской армии и вступали в банды УПА. Местные бандеровцы вместе с другими бандитами из соседних деревень, обычно ночью, до 24:00, нападали и убивали поляков. Сначала мы прятались на чердаке амбара у украинца по фамилии Лупкович Теодор. Лупкович, узнав, что это украинцы убивают поляков, не отказался дальше укрывать нас на чердаке амбара.

Однажды ночью, в марте 1944 г., мы ночевали у моей бабки, Ратушной Катажины. Ночью пришли бандеровцы и потребовали, чтобы мой отец и двое братьев моей мамы в течение двух дней вернулись в Просовцы и вступили в банду УПА. Они пообещали, что если те не согласятся на их условия, то всю семью нашу повесят на деревьях перед нашим домом. Мама моя, Ратушная Мария, получила от бандеровцев пропуск на выход из деревни Просовцы. Мама поехала к моему отцу с ультиматумом, который дали бандеровцы. Отец мой, Ратушный Стефан, направился к русскому командиру и умолял, чтобы тот дал ему советских солдат, чтобы перевезти семью

⁴⁶⁴ Сообщение записано собственноручно в 2004 году, из собраний Евы Семашко. Обработка Евы Семашко.

в Тарнополь. Командир дал 200 русских солдат и 1 танк. Отряд пришел из Подволочиск⁴⁶⁵ в нашу деревню Просовцы на следующий же день, 4 марта 1944 г. Очень многие семьи в этот день бежали в Подволочиски. В Подволочисках было безопасней, потому что там стоял истребительный батальон⁴⁶⁶. Поляки собирались в спешке, потому что армия через час должна была выйти из деревни. Приближалась ночь. Люди с малыми детьми на руках, с узлами за спиной убегали пешком и на телегах. Дороги развезло, телеги и сани увязали в грязи и в снегу. Единственная дорога на Подволочиски — это дорога через деревню Медин⁴⁶⁷. Деревня Медин была гнездом украинских националистов, членов банд УПА, бандитов и грабителей.

В Просовцах 4 марта 1944 г. колонна телег с поляками собралась на дороге у выезда из деревни. Я два раза возвращалась из колонны в дом моей бабушки, Катажины Ратушной, и просила, чтобы они убегали, а то их убьют бандеровцы. Бабушка собирала какие-то вещи и плакала. Бандеровцы уже до этого вырубил в доме двери и почти все вынесли. Мой брат Якуб в сарае откапывал ящик с пшеницей. Я сказала ему: «Бросай это все и беги, а то тебя убьют». Брат ответил мне: «Я уже очень устал, беги хоть ты!» Это был последний раз, когда я их видела. Из-за бессонных ночей и постоянного страха перед пытками и смертью мы тогда очень устали физически и психически.

Днем 4 марта 1944 г. местные украинцы дали самогону и сала местным русским солдатам, которые напившись водки, отпустили пойманных бандеровцев, а сами сели по машинам и уехали в Подволочиски. Командир колонны заявил: «Наши русские солдаты каждый день гибнут на фронте, так и вы тоже можете гибнуть!» Люди остались без защиты. Поляки, в панике, разбежались кто куда мог! В сторону Подволочиск бежали по дороге и через поля. Телеги увя-

⁴⁶⁵ Подволочиски — город и гмина в повяте Скалат Тарнопольского воеводства.

⁴⁶⁶ Истребительные Батальоны — формирования, организованные советской властью сразу же после прихода на Кресы в начале 1944 года. Призыв был принудительным и касался лиц 1927–1928 годов рождения (старшие по возрасту призывались в армию). Истребительные батальоны находились в распоряжении или военкомата, или НКВД, или НКГБ. В 1944–1945 Истребительные батальоны были единственной вооруженной силой, которая охраняла от нападения украинских националистов польское население, а также украинское население, не приемлющее националистического террора.

⁴⁶⁷ Медин — деревня в гмине Скорики, повят Збараж Тарнопольского воеводства.

зали в грязи, лошади падали от натуги, и каждый уже убегал сам по себе. В это время в Медине раздалась стрельба. Подожгли [хату] у дороги. Бабка моя [...] и мой брат [...] были отрезаны от убежавших поляков. В Медине известный бандеровец Лызун [Лизун] изображал, будто подталкивает телегу, на которой ехал мой брат [...]. На другой телеге ехала моя бабка [...].

С одним из последних эшелонов репатриантов, которые приехали на Возвращенные земли, была женщина, Пизяк Стефания, которая рассказывала, что бабушка моя и брат были убиты Лызуном и другими бандеровцами в Медине. Их, начиная с ног, по 10 см, порубили секирами. Порубленные тела бросили в ящик, а остальное выкинули в воду. Бабушка моя сильно плакала и просила: «Убейте меня и оставьте жизнь моему внуку, он еще такой молодой!» Несмотря на просьбы бабушки, их изрубили секирами, и они оба умерли в муках [...].

В Просовцах в сентябре 1944 г. [...] [бандеровцы] убили Теклу Юзьвин (30-ти лет), и ее Сына Генрика Юзьвин (2-летний ребенок). Это была польская семья. Муж Теклы, Юзеф Юзьвин, был на войне.

Текла Юзьвин рассказывала моей маме, Ратушной Марии, и своей свекрови, Юзьвин Теодорке, что однажды ночью бандеровец, ее сосед, Рыбак Володимир, вместе с другими пришли к ней домой и велели ей подняться на чердак, собираясь ее там повесить. Текла отказалась и сказала, что если они хотят ее повесить, пускай сперва убьют ее сыночка, поскольку она хочет освятить тело сына Генрика святой водой. Святая вода у нее была приготовлена в бутылке. Бандеровцы отказались от своего плана и задумали для нее преступление еще хуже — смерть в мучениях.

Каждое утро поляки бежали к своим семьям и проверяли, кто еще живой. То же самое делала свекровь Теклы, Юзьвин Теодорка. Однажды утром она нашла дом Теклы открытым, на столе стояла открытая бутылочка со святой водой. В чулане следы крови на стенах и платок с головы Теклы лежал на полу. Следы крови свидетельствовали, что Теклу пытали.

Юзьвин Теодорка 2 месяца искала свою невестку Теклу и внука Генрика. Она нашла свою невестку мертвой, стоящей в воде. Юбка у нее на воде поднялась, как зонтик, а к руке у нее был привязан маленький сыночек Генрик. Ребенок лежал в воде, а Текла Юзьвин стояла, как будто хотела сказать: «Я здесь, мама!»

Юзьвин Теодорка потеряла невестку Теклу, внука Генрика и сына Бернарда Юзьвина, который погиб в батальонах, охраняя польское население. Вот так вот выродки из УПА убивали ни в чем не повинных поляков [...].

Мы с родителями в июле 1945 года покинули подольскую землю и выехали в Польшу, на Возвращенные земли.

Станислав Пелиховский**«Мне чудом удалось остаться в живых»
(сообщение жителя деревни Гербутов
в Станиславовском воеводстве)⁴⁶⁸**

Я родился и жил в Гербутове, гмина Большовцы, Рогатинского повята, Станиславовского воеводства.

Гербутов — это большая деревня, в которой было 177 хозяйств и 1 120 жителей, из которых примерно 32 % составляли поляки. Гербутов располагался в живописной долине реки Нараивки, вдоль горных хребтов, поросших грабами и буками. Поляки жили по правой стороне, а украинцы по левой стороне реки. Через территорию, заселенную поляками, проходила железнодорожная ветка из Станиславова на север. Кроме того, здесь находились римско-католический костел, начальная школа, Народный Дом, почта, ремесленные мастерские, магазины и большое имение Корнеля Кшечуновича⁴⁶⁹. С украинской стороны была православная церковь, школа, римско-католическое и православное кладбище, магазины, ремесленные мастерские и т.п.

До начала немецко-польской войны в 1939 г. отношения поляков с русинами складывались хорошо. Не возникало никаких трений на национальной почве. После того как на восточных территориях установилась советская власть, жизнь стала тяжелой и полной беспокойства. Со временем началось сотрудничество украинцев с оккупантами. Начались доносы на польское население и высылки в Сибирь [...] ⁴⁷⁰. Опасаясь высылки в Сибирь, семья моя, как и другие семьи, вынуждена была скрываться в разных местах. Я помню многие ночи, проведенные в страхе перед высылкой в Сибирь. То, что нам приходилось прятаться в самых разных условиях, привело к по-

⁴⁶⁸ Сообщение записано собственноручно в 2004 году, из собраний Евы Семашко. Обработка Евы Семашко.

⁴⁶⁹ Корнель Кшечунович (1894–1988), землевладелец, депутат Сейма IV созыва (1935–1938), писатель, культурный деятель эмиграции.

⁴⁷⁰ В опущенном фрагменте автор перечисляет несколько лиц, депортированных в Сибирь.

явлению у меня многих болезней, в том числе воспаления суставов, которым я страдаю и сейчас.

В июне месяце 1941 г. на Восточное пограничье пришли немцы. После прихода немецкого оккупанта для поляков начался новый ад. Советская оккупация сменилась немецко-украинской. Советскую власть, преследовавшую поляков, весьма успешно заменили украинцы. Мы ни часа, ни минуты, не были уверены в том, что выживем. Мы боялись немцев, боялись созданной ими украинской полиции, боялись банд УПА. Молодежь из деревни угоняли на работы в Германию, в первую очередь вывозили поляков [...] ⁴⁷¹.

С 1943 г. отношения с украинцами обострились. До нашей деревни стали доходить беспокойные известия об убийствах и грабежах, чинимых бандеровцами над полякам. Пан Францишек Окенко, отец моего приятеля, в ноябре 1943 г. поехал на мельницу в Шумлянах ⁴⁷² и на дороге был убит бандеровцами. Также приходили многочисленные известия о нападениях на польское население, проживавшее в таких деревнях как: Слободка ⁴⁷³, Кукольники ⁴⁷⁴, Подшумлянцы ⁴⁷⁵, Быбло ⁴⁷⁶, Дитятин ⁴⁷⁷ и др. [...].

Жители герутова, в связи с многочисленными нападениями банд УПА, организовали группы численностью в несколько человек — отряды самообороны. В них состояли пожилые жители и молодежь разного возраста. С целью охраны жителей от нападения начали организовывать караулы и патрули. Выполнить эту задачу самообороне было трудно из-за отсутствия огнестрельного оружия [...]. В тоже время, бандеровцы огнестрельным оружием располагали.

⁴⁷¹ В опущенном фрагменте указан неполный список вывезенных на работы в Третий Рейх.

⁴⁷² Шумляны — деревня в гмине Боков, Подгайцкого повята, Тернопольского воеводства.

⁴⁷³ Слободка — скорее всего, речь идет о деревне Слободка Болшовецкая в гмине Болшовцы, повят Рогатин Станиславовского воеводства.

⁴⁷⁴ Кукольники — населенный пункт и гмина в повяте Рогатин Станиславовского воеводства.

⁴⁷⁵ Подшумлянцы — деревня в гмине Кукольники, повят Рогатин Станиславовского воеводства.

⁴⁷⁶ Быбло — деревня в гмине Кукольники, повят Рогатин Станиславовского воеводства.

⁴⁷⁷ Дитятин — деревня в гмине Кукольники, повят Рогатин Станиславовского воеводства.

Мне тогда было 13 лет. Вместе с приятелем Эугениушем Петровским и другими ребятами мы в это время были связными между соседними с Гербутовым деревнями. Нашим заданием было потихоньку подслушивать разговоры украинцев, враждебно настроенных к польскому населению. Так мы добывали информацию о готовившихся нападениях. Эти сведения передавали старшим из отряда самообороны. После этого жителям отдавались соответствующие рекомендации, которые касались того, как укрывать женщин и маленьких детей в заранее подготовленных схронах и подвалах.

Бандеровский террор все шире разрастался в нашей округе. В нашей деревне украинцы избегали встреч с поляками, делая вид, что ничего не происходит, хотя в соседних деревнях и поселениях все больше убивали поляков.

Я помню разговоры старших соседей, которые советовались, как убежать от банд УПА. Некоторые жители оставляли свои хозяйства вместе со всем, что накопили за жизнь, и только с небольшим багажом бежали в безопасные места, а больше всего в Станислав. Другие говорили, что, может, банды и опомнятся, особенно потому, что с украинским населением мы до сих пор жили в добрых отношениях. А другие жители днем высматривали, не приближается ли банда УПА, а вечером прятались в заранее подготовленных убежищах, чтобы пережить наступавшую ночь.

В ночь 4 марта 1944 г. в Гербутов неожиданно ворвалась банда УПА, которая перебила многих встреченных по дороге жителей. Спаслись пожилые мужчины-соседи, которые успели укрыться в заранее подготовленных укрытиях. В том числе спасся второй муж моей мамы Ян Черкавский (отец мой умер в 1936 г.).

В эту ночь я пережил самую большую трагедию в моей жизни. Пока моя семья спала, бандиты выломали двери в наш дом и на моих глазах убили мою маму и старшую сестру Янину, а также гостившую в это время у нас двоюродную сестру Станиславу Рыбчиньскую.

В ту же самую ночь погибли и другие члены моей семьи, в том числе Изидор Пелиховский, Альбина Пелиховская и Станислав Стрыйский.

Мне чудом удалось остаться в живых. Когда я услышал, как с грохотом выламывают двери в наш дом, я локтем отодвинул кровать от стены и спрятался под ней. Однако очередь, выпущенная по моей маме, задела и меня, я был ранен в правую ногу. Когда бандиты вы-

шли из дома, я убедился, что родная и двоюродная сестры мертвы. Мама еще подавала признаки жизни и сказала мне: «Прячься, сын». Опасаясь, что бандиты могут вернуться, и убедившись, что мама уже мертва, а мои младшие брат и сестра, 2-летняя Ванда и 4-летний Войцех спят, я обернул кровоточащую рану куском ткани и как можно скорее покинул дом.

Выйдя из дома, я укрылся в сарае, в заранее приготовленном тайнике, где и оставался до утра. Из укрытия я вышел после того, как услышал крики и громкие разговоры соседей, которым удалось спрятаться от бандитов. Кровоточащую рану мне перевязали соседи, и вместе с ними с колонной венгерских и немецких войск я был вывезен в Станислав.

После трагической ночи 4 марта 1944 г. я узнал, что многие семьи из Гербутова укрылись в Станиславе. В апреле 1944 г. некоторые из них отправились в родную деревню за продовольствием. Поскольку через Большовцы не было железнодорожного сообщения, в обратный путь отправились пешком. По дороге на них напали бандеровцы. Были убиты: Мария Огоновская, Хелена Огоновская, Кароль Огоновский, Стефания Пелиховская, Кароль Стрыйский, Геновефа Стрыйская, Хелена Вонсович, Ян Зелиньский. Спаслись только мой друг Казимеж Вонсович и мать Эугениуша Петровского — свидетели убийства. В Гербутове погибло много других, но их имен и фамилий я не помню.

В Станиславе я пребывал какое-то время у брата моего отца Юзефа Пелиховского. Из-за тяжелой ситуации у моих родных и знакомых меня отдали в бездетную семью Домбровских, хозяев большого магазина товаров для дома в Станиславе. Там мне, несмотря на то, что у меня еще долго болела и гноилась рана на правой ноге, пришлось тяжело работать. В выходные и после работы я часто бывал у родственников и знакомых. Благодаря старшему двоюродному брату Казимежу Войцеховскому и его друзьям Здиславу Турневичу и братьям Слобода, я был принят в специальную рабочую группу, которая работала в кухне, чистила оружие, сапоги и автомобили немецких солдат, которые возвращались с фронта. Благодаря этой работе мы, с риском для жизни, добывали оружие, боеприпасы и продовольствие. Я до сих пор помню, как чувствительно меня избил ногами немецкий солдат за то, что я вынес из машины 2 буханки хлеба для голодавших друзей. В результате этих побоев мне долгое

время было тяжело ходить и дышать из-за сломанных ребер; у меня были травмы головы и синяки по всему телу. Но я не мог признаться в этом хозяину магазина, на которого работал. Головная боль и головокружение проявляются у меня до сего дня. Оружие и боеприпасы, которые мы добывали, передавались моему двоюродному брату Казимежу Войцеховскому, а тот отдавал их своему отцу, который состоял, как и мы, в отряде самообороны в Станиславе (район Гурки). После того как Станислав был занят Советской Армией, дядя 7 июня 1945 г. был арестован НКВД по обвинению в хранении оружия, того, что он собирал во время немецкой оккупации, и с тех пор о нем ничего не известно. [...] В марте-апреле 1945 г. товарным поездом вместе с родными и знакомыми мы приехали в Польшу.

Войцех Орловский
товарищество «Гута Пеняцкая»

Доказательство преступлений, совершенных в Бродском повяте Украинской Повстанческой Армией против польского населения. Дело Володимира Чернявского, командира куреня УПА из Черницы, Бродского повята

1. Вступление

Многие украинские историки, а также и часть польских историков, годами отрицают, что члены Организации Украинских Националистов и Украинской Повстанческой Армии самостоятельно, и взаимодействуя с гитлеровскими захватчиками, совершили во время последней войны массовые убийства гражданского польского населения, а также убийства украинцев, евреев и армян. Эти авторы забывают, что в польских архивах находится множество документов и показаний свидетелей, которые однозначно подтверждают преступный характер действий этих формирований. Одним из основных доказательств являются материалы, собранные во время судебного процесса командира куреня УПА, действовавшего в Бродском повяте, Володимира Цернявского. Он участвовал в нападениях на польское население в Гуте Пеняцкой, Паликcrowах и Подкаменье, где совершил многочисленные преступления. Он был разоблачен семьями жертв, когда после войны скрывался в Польше. Это были жители окрестностей Волова из Нижней Силезии⁴⁷⁸, которые ранее

⁴⁷⁸ Институт Национальной Памяти в Кракове. Документация, касающаяся Володимира Чернявского и его фотографии из материала следствия, проводившегося Областным Управлением Общественной Безопасности в Козьле хранятся в архивах главных дел прокурора S50703/Zn. Т. LI. S. 9990 9989: Włodzimierz Czerniawski из картотеки бюро "С", картотека осужденных за 1944–1956. Подписано: Рафал Дырч [Rafał Dyrz], начальник Отдела Архивного Бюро Допуска и Архивации документов в Кракове. Фотография Чернявского: s. 91 PUBP-Koźle N-21/48 в собрании IPN Kraków. В цитируемых текстах сохранена орфография оригинала.

проживали на Восточном пограничье Второй Речи Посполитой. Преступное прошлое Чернявского было выявлено благодаря показаниям свидетелей: Юзефа Олендера, Якуба Боярского, Францишека Ганицкого, Антония Бернацкого, Романа Сливиньского, Юзефа Бонковского, Францишека Генсёрека, Антония Околты⁴⁷⁹.

2. Положение польского населения в повяте Броды в первой половине 1944 года

В начале 1944 г. положение польского населения в Бродском повяте было трагическим. Их жизни и имущество находились под постоянной угрозой, исходившей как от немцев, так и от украинских националистов. Немногочисленные на этой территории отряды Армии Крайовой, в преддверии прихода Красной Армии, вынуждены были сражаться на два, и даже на три фронта. В этой ситуации они не могли обеспечить охрану гражданского населения, особенно в деревнях и малых населенных пунктах. Хуже того, в ряде случаев доходило до негативного вмешательства некоторых командиров АК в местные оборонительные союзы, заключенные между отрядами самообороны из польских деревень и поселений, и советскими партизанами, которые единственные могли прийти к ним на помощь⁴⁸⁰.

⁴⁷⁹ Основные документы по данному делу находятся в Институте Национальной Памяти, отделение в Кракове (далее IPN Kraków). Это акт обвинения окружной прокуратуры в Гливицах, представленный в Окружной суд в Гливицах в отношении Володимира Чернявского от 14 апреля 1949 года, шифр S/50/03/Zn. T. L. Ds. 1171/48 (подписано: вице-прокурор Ципрысь [Cyprys])+ С. 2040–2046.

⁴⁸⁰ Так было, хотя бы, в Гуте Пеняцкой, где командир отряда АК Казимеж Войцеховский получил приказ вывести подчиненные ему отряды из взаимодействия с советскими партизанами. Примером этому может служить рапорт, подписанный «Талисман-Скава», в котором мы читаем, что он отдал приказ командиру АК УКС Гута Пеняцкая: «Талисман-Скава докладывает, что имел место инцидент 23 февраля 1944 г. (нападение разведывательного отряда дивизии СС «Таличина») на Гуту Пеняцкую. Отряды АК, полагая, что в Гуту Пеняцкую входят переодетые украинцы (в мундирах СС), открыли по ним огонь. В Гуту Пеняцкую беспорядочно стекалось польское население из других сожженных и истребленных деревень, что привело к передаче украинцами этих сведений немцам. Украинцы боялись сами нападать на деревню Гута Пеняцкая — сильная самооборона и мобильный отряд АК. В связи с вышеизложенным, приказано, чтобы отряды АК начали неприязненно относиться к советским партизанам в деревне Гута Пеняцкая. Если советские партизаны уже пребывают в деревне, незамедлительно сообщать об этом факте немцам. Не принимать на постой большевиков — а если уже есть,

В рапорте Армии Крайовой из этого района можно найти информацию, что 4 марта 1944 г. в районе Ямполь-Лановицы, на ширине около 30 км, русские прорвали фронт. Подволочиски должны были

относиться к ним холодно и с дистанцией. Вести детальное наблюдение за действиями вражеских отрядов, приближающихся к деревне Гута Пеняцкая. В отношении украинских эсэсовцев вести себя так же, как с немцами. В случае угрозы оставить деревню и уходить в леса. Получаю сведения о концентрации вольынских банд в Пшемысленских лесах — рапорт УТА ВСК — Гута Пеняцкая». ИНП в Кракове S50/03/24 материалы следствия — СС «Галичина» «Гута Пеняцкая в рапортах Армии Крайовой», С. 8789 — Талисман-Скава — Archiwum Akt Nowych Warszawa, шифр 203/XV/14, подписано: Янина Боровская [Janina Borowska], начальник IV Отдела Допуска, Хранения и Воспроизведения Archiwum Akt Nowych, № 664/05. То, что это было серьезной ошибкой, доказывают также другие документы, сохранившиеся в Институте Национальной Памяти, как, например, ИНП в Кракове — ситуационные рапорты Армии Крайовой — отряд Грюнвальд от 25 февраля 1944 года, шифр S 33/01/24. С. 2469–2477. Рапорт о появлении советских партизан, S/33/01/24 XIII, материалы следствия по обвинению в геноциде, совершенного 28 февраля 1944 года в Гуте Пеняцкой СС «Галичина» и националистическими формированиями. Там мы находим очередной рапорт командира отряда АК «Грюнвальд» под псевдонимом «Талисман-Скава»: «Местоположение Сасов (уже после резни польского населения в Гуте Пеняцкой). 19 марта 1944 г. отряд 12 солдат АК и 10 вольнцев разместился в уцелевших зданиях в деревне Гута Пеняцкая. С 10 до 18 марта в результате троекратного нападения со стороны украинской УПА (все атаки отбиты) отряд был вынужден перейти в Гуту Верхобускую. Там 20 марта в 7:30 на Гуту Верхобускую напали отряды УПА силой до 600 человек. Жбик принял бой с вооруженной бандой (здесь — Марцин Серочук из Гуты Пеняцкой, после войны поселился в Наборове, гмина Бжег Дольный, Воловского повята в Нижней Силезии). Польские силы насчитывали 50 солдат (самообороны) из Гуты Верхобуской, 22 солдата АК из Гуты Пеняцкой, и 10 солдат АК из деревни Опаки. Отряд из Гуты Верхобуской бежал в лес вместе с гражданским населением. Остальные под командованием Жбика после двухчасового боя отступили в лес. К обороне также перешел отряд 30 солдат АК из деревни Майдан, и вступил в бой с немцами, которые контролировали проезжие дороги в Гуту Верхобускую. Известно, что было убито 3 немцев и 1 солдат из отряда АК. Отряд из Майдана в результате этой стычки прибыл в Гуту Верхобускую слишком поздно. Жбик потерял 4 солдата убитыми и 2 ранеными. 30 раненых и несколько убитых украинцев УПА забрала с собой. Украинцы оставили 12 своих убитых, которые лежат в лесу. После этого боя та же самая банда сожгла оставшиеся в деревне Гута Пеняцкая на проселке Халенка строения. Они также ограбили тамошний костел. Крыша и стены костела остались. 22 марта отряд Жбика снова перешел из Гуты Пеняцкой в Майдан — отряд насчитывает 60 бойцов. Жители деревни Майдан опасаются давать постой отряду из Гуты Пеняцкой из страха за судьбу своих семей и деревни. 23 марта отряд АК доложил об установлении контакта с отрядом советских партизан из 50 человек, который предложил им взаимодействие. 24 марта я получил рапорт о новых украинских отрядах». Ситуационный рапорт от 2 марта по 29 марта 1944 года, командир отряда Грюнвальд, шифр дела 251. С. 2477.

защищать части дивизии СС «Адольф Гитлер», а украинская дивизия СС «Галичина» была размещена батальонами на линии Зборов-Заложцы-Подкамень-Броды. Кроме того, на территории Тарнополя доходило до взаимодействия УПА с немецкими частями. По дороге Заложцы-Зборов-Поможаны, совместно с отрядами немецкой полиции и жандармерии, шла банда УПА силой до 600. Отмечено было также взаимодействие между дивизией СС «Галичина» и УПА в нападениях на Олейов, Тростянец и Гуту Пеняцкую, где были уничтожены польские гражданские лица, включая женщин и детей⁴⁸¹. Несмотря на трагическое положение, в других деревнях поляки старались выжить и даже сражаться, если была такая возможность.⁴⁸²

3. Убийства в Гуте Пеняцкой в свете документов и показаний

Сведения об убийствах поляков в Гуте Пеняцкой мы можем найти в многочисленных документах, которые сегодня хранятся в Институте Национальной Памяти. Большую их часть составляют показания свидетелей преступлений. Примером могут послужить показания Станислава Вежбицкого, который в АК носил псевдоним «Слодкий». Он пишет следующее:

«Командиром отряда самообороны был Марцин Серчук (псевдонимы “Жбик” и “Сенатор”). К группе самообороны принадлежали Юзеф Ковальчиковский, Зигмунт Кобыляньский, Болеслав, Войцех и Эдвард Вежбицкие. Я помню, что ранее мы отбили два нападения УПА. Помню, что слышал голос какого-то ребенка, который явно обращался к эсэсовцу. Ребенок просил убить его около матери, но издалека. Я услышал выстрел. Когда я вышел из укрытия, то увидел, что убитым ребенком была моя двоюродная сестра

⁴⁸¹ Институт Национальной Памяти в Кракове (ситуационный рапорт № 24) от 10 марта 1944 года, шифр дела 251/47. С. 9460, рапорт подписан: Талисман-Скава [Talizman-Skawa].

⁴⁸² В рапорте Армии Крайовой от 1 июля 1944 г. читаем: «В период с 1–10 марта 1944 г. значительно ослаб рост убийств польского населения, не считая происшествий в Гуте Пеняцкой. Возможно, это временное явление, являющееся следствием нашей реакции. Там, где нет взаимодействия украинских банд с отрядами украинской дивизии СС и немецкими частями, успешно сражается самооборона польских деревень». IPN Kraków, шифр. 251/47.

Анеля Рысицкая. Недалеко от нее лежала ее мать и еще несколько человек. От двоюродной сестры Анели Совиньской после войны я узнал, что через братскую могилу в Гуте Пеняцкой была проложена дорога. Она рассказывала мне, что была там несколько лет назад и видела выступающие черепа»⁴⁸³.

Следует привести воспоминания Юзефы Стефанюк (во время проживания в деревне Гучиско Пеняцкое она носила фамилию Максимум и ей было 15 лет)⁴⁸⁴:

«Я помню, тех, кто погиб в моей деревне от рук УПА. Знаю их фамилии: Легежиньский, Кобыляньский Ян, Максимум Влодзимеж. Также были убиты мои родители, старший и младший братья. С тремя детьми убили сестру моей мамы. Погибла также Орловская Эугения с тремя девочками — Янинкой и Хеленкой, последнего имени не помню. Убили Геновефу Орловскую с тремя детьми (Вандой и Ядвигой). Всего погибло 60 семей. Поляки бежали в Гуту Пеняцкую. В Гуте Пеняцкой из жителей моего Гучиска Пеняцкого убили моего брата Юзефа, который в сторожке задохнулся от дыма. Сейчас в Гучиске Пеняцком стоят два брошенных дома. После войны в Гучинске Пеняцком с детьми жила Легежиньская. Она была санитаркой в Пеняках. Из этой семьи наверняка погиб Юзеф. Старостой Гучиска Пеняцкого до войны был Юзеф Ковальский, и он тоже погиб со всей своей семьей в Гуте Пеняцкой»⁴⁸⁵.

В показаниях Мариана Музыки о карательной операции в Гуте Пеняцкой⁴⁸⁶ мы читаем:

«Во время операции поехали в украинский Жарков, находившийся в 2 км от польской Гуты Пеняцкой, и забрали

⁴⁸³ Акты IPN Kraków, 1.1, шифр дела 212/89.

⁴⁸⁴ В настоящее время проживает в Седльнице недалеко от Всховы.

⁴⁸⁵ Юзефа Стефанюк, рассказ и воспоминания, собранные для еженедельного издания Воловского повята "Kurier Gmin". Сообщение в архиве автора.

⁴⁸⁶ Допрос вел прокурор Войцех Червиньский из Глогова.

Войцеха Шатковского с его женой Зофьей, и их дочь. Их доставили в костел в Гуте Пеняцкой, и там они были убиты»⁴⁸⁷.

В показаниях свидетелей также появлялись фамилии командиров УПА, участвовавших в убийствах поляков:

«В деревню прибыл большой советский партизанский отряд. Они простояли 2 дня и ушли в сторону Львова. После их ухода в деревню прибыл немецкий патруль. Наш отряд АК открыл огонь, и тот отряд отступил. Это было точно в Пепельную среду. Я знаю, что одним из главных украинских командиров из Жаркова был Гриць Панько»⁴⁸⁸.

И далее:

«Во время расправы в Гуте Пеняцкой мне тогда 18 лет. Одним из командиров УПА был Гриць Панько из украинского Жаркова. Нас вели эсэсовцы, и один из них, по-польски, сказал мне, что он меня спасет. Раньше меня вел украинец, который расспрашивал, говорю ли я по-украински. Когда я ответила ему, что «родилась и умру полькой», он хотел меня ударить прикладом карабина. Тогда мать заслонила меня от удара. По деревне ходили слухи, что это староста Федычковский уведомил немцев о советских партизанах»⁴⁸⁹.

Далее:

«Михал Федычковский был жестоким образом убит украинцами из Жаркова — он был весь изрезан и окровавлен. Вместе с ним украинцы убили Юзефу Релих (18-ти лет). Ук-

⁴⁸⁷ Показания Мариана Музыки о карательной операции в Гуте Пеняцкой от 24 ноября 1989 года. Материалы следствия. IPN Kraków. Т. 1.

⁴⁸⁸ Филомена Франчуковская, допрос от 25 мая 1990 года в районной прокуратуре в Волове. Материалы следствия. IPN Kraków. Т. 1. С. 143 (после войны поселилась в Наборове, гмина Бжег Дольный).

⁴⁸⁹ Допрос Юзефы Сиры от 25 мая 1990 года провел прокурор Збигнев Навойчик в районной прокуратуре в Волове. Материалы следствия. IPN Kraków. Т. 1. С. 145–146 (после войны поселилась в Наборове, повят Воровский, Нижняя Силезия).

раинцы вырезали ей язык, выкололи глаза и отрезали грудь. Юзефа умерла в страшных мучениях. Припоминаю, что Василий Паньков, уже после карательной операции в Гуте Пеняцкой, велел сжечь остальные постройки, которые уцелели. Помню, что немецкие солдаты носили эмблему СС на воротнике мундира, а с другой стороны — число 44⁴⁹⁰.

А вот показания Станислава Соболевского, который разъясняет причины нападения на Гуту Пеняцкую, считая, что ею было пребывание в деревне советских партизан. Станислав Соболевский из Драньчи Польской на Волыни в течение года и одного месяца прожил в Гуте Пеняцкой.

«В деревне находился обученный диверсионный отряд АК (около 50 человек). Он входил в состав 8 роты 52 пехотного полка Злочевского инспектората АК. Командование отряда предложило людям украинской национальности покинуть деревню. В феврале в деревню прибыл советский партизанский отряд около 200 человек — все были очень истощены и у них было много раненых. Я помню, что советские партизаны находились в деревне примерно за 2 месяца до этого. Позже в Гуту Пеняцкую прибыл большой советский отряд около 1000 бойцов под командованием Ковпака. Этот батальон вошел в деревню в конце декабря или в начале января 1944 г., и находился в деревне около 5–6 дней. По прошествии 20 дней после ухода советских партизан из Гуты, немцы выслали отряд в 30 человек, чтобы произвести разведку и распознавание местности. Если бы командование АК знало, что это было не УПА, а отряд СС, принимать бой в деревне было бы бессмысленно. Я не знаю, кто первый открыл огонь. Я участвовал в этом бою. Бой продолжался около часа»⁴⁹¹.

⁴⁹⁰ Стефания Ванда Госьнёвская (урожд. Кобылянская), дочь Антония и Людвиги, род. 9 февраля 1927 года в Гуте Пеняцкой. Поселилась в Ковалёве, н.п. Шлихтингова, Лещинское воеводство. Допрошена 15 мая 1990 года милицией Шлихтинговы. Материалы следствия. IPN Kraków. Т. 1. С. 153.

⁴⁹¹ Станислав Соболевский — допрос свидетеля от 30 октября 1989 года в Глогове. Материалы следствия. IPN Kraków.

Следователь ИНП и прокуратура обратились за выяснением обстоятельств преступления к командиру разведывательной группы советских партизан⁴⁹². Вот фрагмент его рапорта, относящийся к Гуте Пеняцкой и содержащий ответы на вопросы польской прокуратуры о действиях советских партизан в период, предшествовавший карательной операции в деревне:

«До нашего прибытия в Гуту Пеняцкую деревня насчитывала 1 000 жителей. Их число возросло в результате действий ОУН-УПА и гитлеровцев. До января 1944 г. в деревне были и действовали 2 отряда самообороны. Одной группой руководил Казимеж Антонович Войцеховский, старший группы АК. В Гуту Пеняцкую он прибыл с женой Ривой (Брониславой) и ее дочкой Яной (вторую его дочку звали Тося). Войцеховский командовал “шестеркой” людей в составе: Билевич Михал (погиб 28 февраля 1944 г.), Ковальчиковские Гжегож и Петр, Серочук Юзеф (сводный брат), Ковальчиковский Юзеф, Серочук Мечислав. Они подчинялись инспекторату АК Злочев.

Когда в деревню 28 февраля 1944 г. пришли каратели, жена Войцеховского, из подаренного мной пистолета, застрелила офицера. Она была убита и сожжена вместе с дочерью. Самого Казимежа Войцеховского, на глазах жителей деревни, сожгли перед костелом. Кроме того было ликвидировано около 1 300 жителей деревни.

Второй группой АК командовал Михал Федычковский. Его группа была подчинена АК в Бродах. У него на квартире стоял на постое наш разведчик Б.П. Харитонов.

В группу Армии Крайовой М. Федычковского входили: Адашинский Роман (род. 1905 г., участвовал в обороне Гуты Верхобуской); Адашинский Юзеф (род. 1907 г.); Адашинский Юзеф (род. 1914 г.); Вежбицкий Болеслав (много

⁴⁹² Показания Бориса Крутикова. — Львов, 20 февраля 1989 года. Материалы следствия. IPN Kraków. С. 483–486. Б. Крутиков, командир особой разведгруппы советских партизан. Заверенный перевод с русского языка. Оригинальный текст находится Т. 2. С. 308. Подписано: прокурор доктор Ежи Кулеша [Jerzy Kulesza], прокурор Отдела Комиссии по преследованию преступлений против польского народа в Варшаве.

помогал советским партизанам); Вильк Ян; Веселовский Михал; Жучковский Ян; Ковальчиковский Юзеф; Ковальчиковский Августин; Ковальчиковский Ясь (наш боевой товарищ, погиб вместе с женой и 8-месячным сыном); Кобыляньский Антоний, Кобыляньский Михал; Кобыляньский Каетан; Кобыляньский Ян (его жена Хелена бежала с тремя сыновьями в Гуту Верхобускую; его сына поймали и замучили в деревне Жарков, второй его сын погиб в Гуте Верхобуской, и еще один сын теперь в Польше); Липка Францишек; Михальский Станислав; Орловский Войцех (погиб в бою); Орловский Бронислав (остался в живых, служил в Войске Польском; Орловская Паулина, его сестра, погибла в Гуте Пеняцкой); Пузыняк Францишек; Строкаш Омар; Цалый Влодзимеж (позднее подполковник); Федычковский Антоний. Мы объединили обе группы, и их командиром был Войцеховский, а заместителем Федычковский, у которого был большой авторитет. Кроме того, в деревне был доктор Голинберг (Hollingberg) из Подкаменья. Так же я знаю, что Бжушек Флориан (во время карательной операции ему было 10 лет) поселился в Пеняках, где работал в колхозе».

В распоряжения ИПН находятся также показания Бориса Крутикова:

«На бывшей австро-венгерской границы мы дошли до места между Радзивилловом и Бродами. Мы использовали знаки различия ОУН и их контакты. Так мы дошли до Драньчи Русской. Несмотря на то, что мы назвали пароль и знакомые фамилии, нас приняли там с очень большим беспокойством. Нам предложили (украинцы) перейти в Драньчу Польскую, в которой уже прошла «операция ОУН». Они перебили население и сожгли деревню. Позднее мы узнали, что там нам приготовили засаду. Затем мы пошли дальше и сняли камуфляж, т.е. знаки отличия ОУН. Мы провели переговоры и нам предложили польскую деревню Гута Пеняцкая как место назначения (за украинской деревней Жарков). У нас был условленный пароль, и 10 января 1944 г. мы выступили в Гуту Пеняцкую. До этого мы снова

надели знаки различия группы ОУН. Около полудня мы достигли Жаркова, где нас предупредили, чтобы мы не шли в Гуту Пеняцкую, а держались линии лесов, которые контролировала сотня "Лука". Поэтому мы сделали обходной маневр и прошли через Гучиско Пеняцкое. Там, на месте, мы застали бандитов, которые заканчивали свою кровавую работу по уничтожению населения. Дома пылали, на улицах лежали трупы. Несколько полудетых женщин метались по деревне и молились богу. Чтобы отомстить, мы вступили в бой, но большинство бандитов смогло бежать, и только некоторые были убиты. На пороге чьей-то хаты лежала изрубленная прекрасная девушка, и у нее на груди лежал мальчик (около года). Мы забрали ребенка и с ним пошли в Гуту Пеняцкую. Позже мы узнали, что отряд ОУН приготовил нам засаду на дороге Жарков-Гута Пеняцкая. Пройдя через Гучиско Пеняцкое, мы с нашим отрядом избежали этой засады ОУН. В Гуте Пеняцкой ударом в повешенный кусок рельса мы дали знать, что мы здесь. В нашу сторону бросились вооруженные мужчины во главе с Казимежем Войцеховским. Нам не поверили, что мы советские партизаны. Один из наших бойцов, Леонид Клепацкий, знал школьного товарища, Влодзимежа Цалого, который жил в Гуте Пеняцкой, и это облегчило нам переговоры. У Казимежа Войцеховского был радиоприемник. Тогда в отряде самообороны в Гуте Пеняцкой было 16 человек. Они были плохо вооружены и без военной подготовки. Постоянные тесные контакты с Казимежем Войцеховским позволили установить, что они не до конца искренни в разговорах с нами. Позднее мы установили, что у них были планы от нас избавиться и завладеть нашим оружием. Моя хозяйка просила меня, чтобы я нигде в деревне не принимал угощения. Позднее оказалось, что по ночам в лесу жгут костры, давая знаки самолетам из Лондона, которые должны были доставить им оружие и военных инструкторов (для отрядов АК сбрасывали грузы и оружие в рамках плана "Буря"). С Волыни в Гуту Пеняцкую прибыло немногим более 100 человек, которые организовали отдельный отряд. Их командир был моим заместителем. После того как мы ушли из

Гуты Пеняцкой, половина их осталась там и была уничтожена. С утра прибыла “львовская” группа (25 человек), которая пришла в Гуту Пеняцкую и раздала жителям оружие. 20/21 февраля в деревню прибыл батальон Ф.С. Михайлова под командованием Корнецкого, и 25 февраля мы вышли из деревни»⁴⁹³.

Некоторые сведения о том, что случилось после убийства жителей Гуты Пеняцкой, мы можем найти в приложении к рапорту АК. В частности, в нем написано:

«29 февраля 1944 г. была послана экспедиция для спасения раненых в Гуте Пеняцкой, которые частично находились в Майдане и частично в Гуте Верхобуской. Выслали четыре санитарки ксендза Ченьского. Санитарная экспедиция в Гуту Пеняцкую получила разрешение на помощь раненым — перевязки и похороны — от немецкого СС в Злочеве.

Во время богослужения в Гуте Верхобуской деревня была окружена украинскими частями СС, что вызвало панику. Население начало бежать. Украинские СС стреляли по бегущим людям, убив двух мужчин и ранив женщину. Заслуга в предотвращении резни, подготовленной украинцами в Гуте Верхобуской, принадлежит одной “рейхсверке”, это Элеонора Клодынская, которая была немкой и женой поляка. На основании ее показаний немецкие офицеры, командовавшие украинскими эсэсовцами, запретили репрессии и грабежи. От раненых в Гуте Пеняцкой я узнал, что командовавшие украинскими СС немецкие офицеры во многих случаях помогали полякам бежать или прятали раненых от глаз украинцев. Украинские эсэсовцы разыскивали в деревне “Сатира” (псевдоним Казимежа Войцеховского, командира АК в Гуте Пеняцкой — В.О.), не зная, что он погиб»⁴⁹⁴.

⁴⁹³ Показания Бориса Крутикова (командира советских партизан в окрестностях Бродов). Материалы следствия. IPN Kraków. Т. 3. С. 489.

⁴⁹⁴ IPN Kraków, шифр дела 251/47. С. 87–88, дополнение к ситуационному рапорту от 5 марта 1944 года, часть II, приложение № 2. Подписано: «Вимель» [“Wimel”].

4. Влодзимеж Чернявский — командир куреня в окрестностях Бродов, участник убийств поляков.

По окончании военных действий украинские националисты, такие как Влодзимеж Чернявский из Черницы, попадали вместе со своими семьями на так называемые Возвращенные земли. По иронии судьбы, преступники нередко попадали в те же самые населенные пункты, что и их жертвы. Украинские националисты, опасаясь мести и наказания со стороны Красной Армии, вступившей в 1944 г. на земли Восточной Малопольши, скрывая свое недавнее прошлое, бежали на Запад. При этом они часто использовали фамилии своих жертв, которых ранее убили или лишили документов. Так было и в случае Влодзимежа Чернявского, который вместе с тестем Михалом Райко (также в прошлом бывшем в структурах УПА), затаился на территории Возвращенных земель под чужой фамилией. Однако, этот человек, был опознан жителями Волова и Лососёвиц. Они знали, что Чернявский командовал УПА на территории Бродского повята неподалеку от Подкаменья, Гуты Пеняцкой и Паликров. Жители этих деревень, которые попали в Нижнюю Силезию, а особенно из Подкаменья, дали показания на процессе, который раскрыл истинный характер деятельности Чернявского в годы войны. Как показало следствие, Влодзимеж Чернявский, командир куреня из Черницы, непосредственно участвовал в уничтожении польских деревень в Бродском повяте: Гуты Пеняцкой, Паликров и Подкаменья⁴⁹⁵. Определенный свет на обстоятельства, при которых Чернявский скрывался на Возвращенных землях, пролили документы Управления Безопасности. В одном из сообщений, датированных: Козьле, 30 ноября 1948 года, направленных в Управление Безопасности повята в Волове, читаем:

«Местное управление ведет следствие против Влодзимежа Чернявского и его тестя Михала Райко, подозреваемых в принадлежности в годы оккупации к на-

⁴⁹⁵ IPN Kraków, документы к акту обвинения окружной прокуратуры в Гливицах в окружной суд в Гливицах против Влодзимежа Чернявского от 14 апреля 1949 года. С. 2040–2046. L. Ds. 1171/ 48, подписано: вице-прокурор Цыпрысь [Cyprys] — следствие проведено окружной прокуратурой в Гливицах, допрос свидетелей в Кендзежине-Козьле и Волове.

ационалистическо-фашистской банде под названием “Бандеры”, действовавшей в Тарнопольском воеводстве на территории Бродского повета. Он подозревается в том, что принадлежал к банде и занимал там руководящие должности, выполняя функции судьи и обвинителя. Подозревается в вынесении смертных приговоров полякам и убийстве беременных женщин, а также маленьких детей. В связи с вышеизложенным, просим выслать протоколы допросов: Войцеха Прущовского, Францишека Молиньского, Михала Молиньского, Чеслава Свентояньского, Павла Езерского, Яна Банковского, Яна Константинова, Владислава Константинова, Яцека Врублевского, Стефана Билецкого»⁴⁹⁶.

Показания относительно деятельности Чернявского и его подельников дали множество свидетелей⁴⁹⁷. Так, свидетельница Ядвига Солтыс, поселившаяся на улице Вольности в Волове, показала:

«Во время оккупации Чернявский жил в Подкаменье, а его жена была из Черницы. В Подкаменье обвиняемый жил у Спутьников. Я знаю, что в Подкаменье командиром бандеровцев был Павлюк, кто его убил — не знаю. Поэтому сын Павлюка перебил поляков в Паликровах. Знаю об этом от женщин из Паликров».

Свидетель Казимеж Кавецкий из Лососёвиц, гмина Волов, показал, что во время оккупации жил в Паликровах. По рассказам людей, в нападении на Паликровы принимал участие сын Павлюка: «во время нападения я укрылся в сарае и тогда видел, как украинцы убили мою жену». Свидетельница Станислава Кравчук из Волова, проживавшая на улице Сцинавской, во

⁴⁹⁶ Письмо в областное Управление Общественной Безопасности в Волове. Начальник PUBP в Козьле подпоручик Савка, письмо от 30 ноября 1948 года, IPN Kraków, шифр дела 1390/48. С. 2005.

⁴⁹⁷ Протоколы допросов свидетелей и показания: Ядвиги Солтыс, Ядвиги Шабатюк, Казимежа Кавецкого, Станислава Кравчука, Бронислава Валихновского, Петра Бучковского находятся в IPN BU, отделение в Кракове, нумерация шифров S33/01/24 XIII. С. 2469–2477.

время оккупации, проживала в Паликровах, Бродского повята. Свидетельница показала, что 12 марта 1944 г. деревня Паликровы была окружена:

«Я с подругой хотела узнать новости и отправилась на ближайшие луга, где была задержана патрулем солдат в немецких мундирах, которые спросили меня полька я, или украинка. Я в присутствии командира призналась, что я украинка. Тот рекомендовал мне, чтобы я, вместе с жителями всей деревни, отправилась на луг за деревней. Я отправилась в деревню и предупредила жителей, что вокруг находятся бандеровцы. Затем бандиты начали сгонять людей на луг за деревней. Это началось в 11:00. Я видела, как начала гореть деревня. В это время раздались выстрелы. Я влезла на дерево и видела, как расстреляли людей на лугу. Считаю, что командиром этой группы был тот черный украинец, и я в этом уверена».

Свидетель Бронислав Валихновский из Козьле дал показания офицеру следствия капралу-подхорунжему Роману Громяку из Управления Общественной Безопасности Козельского повята. В них он объяснил, что Влодзимеж Чернявский принадлежал к украинской банде и является националистом. В то время когда украинские банды рыскали по территории Украины, именно Влодзимеж Чернявский был главарем банды и судьей, выносившим приговоры. Его тесть, Райко, был обвинителем при исполнении казней польского населения. Валиховский указал очевидцев: Петра Бучковского, Ковальчиковского, Юзефа Олендера, Масловского.

Свидетель Петр Бучковский дал показания офицеру следствию Станиславу Оливе из Управления Безопасности Козельского повята, что знает Влодзимежа Чернявского, который во время оккупации состоял в банде УПА:

«В 1942 г., после прихода немцев, Чернявский был организатором банды украинских убийц. Банду эту он организовал у своего тестя, Райко, который жил на проселке Черницы в фольварке Антоновка, гмина Подкамень, Бродский повят. В этой банде Чернявский был одновременно глава-

рем и судьей. Он отдавал приказы, кто должен умереть и каким образом он должен быть убит. Чернявский также направлял банду политически. Он жестоко издевался над поляками. В феврале 1944 г. он начал первую операцию против поляков в Залесье, где секирами и из огнестрельного оружия были убиты 25 семей. Я видел этих убитых, когда на следующий день ехал в Броды. После этого в деревне Паньковье было убито 6 семей. Подобный факт имел место в Шкляной Гуте, где всю деревню согнали в хлева и затем заживо сожгли. В монастыре в Подкаменье от бандеровцев укрылись 3 000 человек. 12 марта 1944 г. банда во главе с Влодзимежем Чернявским и его тестем, вместе с офицерами СС, провела акцию уничтожения 500 поляков. Это я видел своими глазами. В тот же самый день в Паликровах было убито 385 поляков. В период 12–15 марта в уличных стычках в Подкаменье было убито 78 человек. 15 марта Чернявский прекратил убийства и вместе со своей бандой отступил из Подкаменья на запад».

5. Заключение

Все нападения УПА на польские деревни и поселения носили исключительно жестокий и кровавый характер. Армия Крайова была очень сильно рассеяна по территории, что облегчало бандеровцам захват и уничтожение польских поселений на Кресах. В то же время отважно защищались формирования польской самообороны. Даже разбитые польские отряды старались не позволять УПА и куцовым видділам разворачивать свои базы или полностью занимать завоеванную территорию. Ведь защитники знали, что националисты не щадят ни женщин ни детей, а смерть от их руки — это смерть в мучениях. На территории Бродского повята важными фигурами в структурах УПА были Влодзимеж Чернявский и его тесть Михал Райко. Они совершили множество преступлений против польского гражданского, в том числе женщин и детей. Несмотря на это, после войны они решили скрыться в Польше — в Нижней Силезии, и, что особенно возмутительно, использовать для этих целей польские организации. Быть может, для них это было только этапом побега

на Запад, где многие убийцы-бандеровцы обеспечили себе удобную жизнь в достатке. И все же он был опознан и осужден⁴⁹⁸. К сожалению, многие убийцы из Организации Украинских Националистов и Украинской Повстанческой Армии (в том числе указанные в показаниях свидетелей), так и не понесли наказания за развязанный ими геноцид. А сегодня их наследники не только на Украине, но и в Польше считают их героями.

---

⁴⁹⁸ Шифр дела Ds. 1171/ 48 — копии документов хранятся в архиве IPN Kraków. С. 2040.

Приложение

Акт обвинения Влодзимежа Чернявского и запрос на его арест, направленный в окружной суд в Гливицах 14 апреля 1949 г.⁴⁹⁹

Окружная прокуратура в Гливицах, действуя на основании Декрета от 28 июня 1946 г. об уголовной ответственности за отречение от польской национальности во время войны 1939–1945 гг. /Dz.U.R.P. nr 41 poz. 237/ ст. 1 пкт. 2 и Декрета от 31 августа 1944 г. о вынесении наказания для фашистско-гитлеровских преступников, согл. Заявлению Министерства внутренних дел от 11 декабря 1946 г. /Dz.U.R.P. nr 69 poz. 377/, обвиняла Влодзимежа Чернявского,

«Обвиняю Влодзимежа Чернявского, сына Юзефа и Марии, урожденной Иловской, родившегося 11 августа 1907 г. в Подкаменье Бродского пов., инженера-агронома, не судимого / в настоящий момент арестованного с 9 октября 1948 г., в том, что он:

Во второй половине 1941 г. в Чернице в Бродском повяте, будучи польским гражданином, объявил о своей принадлежности к привилегированной немцами украинской национальности. В период с декабря 1943 по март 1944, действуя на территории Бродского повята в интересах немецкой государственной власти, принял участие в совершении убийств лиц польской национальности. Будучи организатором и главарем вооруженной преступной банды, так называемых бандеровцев, состоявшей из нескольких сотен членов, и взаимодействовавшей на данной территории с немецкими властями, он совершил действия, ставшие в том числе причиной смерти: Михала, Яна, Марии Коженев; Юзефы Бигосhevской; Францишека, Станислава, Мариана, Яна и Альберта Ютшенок; Игнация и Леона Цеглинских; Бенедикта Дмитро; Гжегожа, Петра и Владислава Бакoвских; Яна Смака; Болеслава и Феликса Масловских; Антонины Оленек и Анны Бой, которые были убиты вышеупомянутой бандой. Также в период времени и в месте, указанных в п. II, действуя в интересах немецкого государства, причинял вред лицам польской

⁴⁹⁹ IPN Kraków, акт обвинения окружной прокуратурой в Гливицах в окружной суд в Гливицах против Влодзимежа Чернявского от 14 апреля 1949 года. С. 2040–2046. L. Ds. 1171/48, подписано: вице-прокурор Цыпрысь.

национальности, поскольку, будучи организатором и главарем вооруженной преступной банды, состоявшей из нескольких сотен членов, так называемых «бандеровцев», и взаимодействовавшей на данной территории с немецкими властями, устраивал членами вышеупомянутой банды поджоги хозяйств, принадлежавших полякам, разграбление их имущества, а также избиения и пытки. Эти действия являются составом преступления, предусмотренного ст. I Декрета от 28 июня 1946 г. об уголовной ответственности за отречение от польской национальности во время войны 1939–1945 гг. На основании ст. 10 вышеприведенного Декрета от 17 октября 1946 г. об упразднении Особых Дисциплинарных Судов, дело подлежит рассмотрению Окружным судом в Гливицах в составе одного судьи и двух заседателей.

Обоснование

В 1942 г. по мере поражений, наносимых советской армией гитлеровским войскам, фашиствующие элементы среди украинцев создали на территории бывшего Тарнопольского воеводства и на территории других волостей, в настоящее время принадлежащих Советскому Союзу, вооруженные банды, которые должны были стать зародышем фашистской Украины. Украинские фашистские банды действуя при негласном одобрении и поддержке немцев, которые, несмотря на то, что им было известно о преступлениях, совершаемых бандеровцами против польского населения, не боролись с бандами и не предоставляли никакой охраны польскому населению. Ареной подобных преступных действий стала гмина Подкамень около Бродов в бывшем Тарнопольском воеводстве, где обвиняемый лично принимал участие в преступлениях. Подозреваемый, сын отца-украинца и матери-польки, в 1935 г. сменил вероисповедание, объявив себя поляком. С момента захвата восточных территорий гитлеровскими войсками, он на каждом шагу подчеркивал свое украинское происхождение. Однако только преступления, совершенные подозреваемым в 1943 г. против польского населения, указывают на его отречение от национальности. Заключение брак с дочерью украинского фашиста Михала Райко, Чернявский в 1942 г. поселился на фольварке Райки — Антоновке, входившей в состав деревни Черница. На территории этого фольварка, находившегося

в 2 км от деревни Черница, подозреваемый Влодзимеж Чернявский, при помощи своего тестя, организовал банду, которая состояла из нескольких сотен человек. Члены банды были одеты в немецкие мундиры, и вооружены немецким огнестрельным оружием. 26 декабря 1943 г. банда Чернявского похитила из деревни Волохи Игнация и Леона Цеглиньских, а также Бенедикта Дмитро, а затем, подвергнув их пыткам, убила их и закопала в лесу вблизи фольварка Райки...

13 февраля 1944 г., около полудня, банда украинских фашистов под командованием Чернявского напала на Гучиско Бродское. Бандеровцы, вооруженные автоматическим оружием, обстреляло население, которое возвращалось из костела. Части людей удалось спастись бегством, поэтому жертвами банды пали только 30 человек. Преступники не щадили даже детей, в которых стреляли из огнестрельного оружия или насаживали на штыки...

В одном из эпизодов подозреваемый Чернявский вместе со своей бандой остановил в лесу Гжегожа Ковальчиковского, которому приказал содрать кожу с рук... Затем свой приказ отменил и велел доставить четверых поляков, которых назвал по фамилиям.

Смерть от рук банды Чернявского приняли также 2 польки: Анна Бой и Антонина Оленюк, которые были задержаны в лесу бандеровцами, после чего их разорвали лошадьми. В этот период подозреваемый Чернявский в сопровождении четырех бандеровцев напал на хозяйство Болеслава Масловского в Чернице, и его сына Феликса, и велел расстрелять их в овине. В другом эпизоде отряд польских партизан в погоне за бандой Чернявского нашел в его фольварке останки двух поляков. Также в 1944 г. банда Чернявского напала на деревню Черницу и убила 18 человек. Банда Чернявского также совершала нападения на территории Злочевского повята. Так было совершено нападение на семью Марцина Кошиковского, которого застрелили, его дочь тяжело ранили, хозяйство же сожгли. В ходе поисков банды Чернявского было найдено его укрытие и обнаружен список членов банды, включая самого Чернявского. К массовым убийствам польского населения относятся действие бандеровцев Чернявского в Гуте Пеняцкой, Подкаменье и Паликровах. В частности, в феврале 1944 г. подозреваемый Чернявский, установив, что советский партизанский отряд перебазировался из Гуты Пеняцкой в другое место, вместе со своей бандой напал на Гуту Пеняцкую,

а затем, заперев жителей в их собственных домах, приказал их расстрелять, а деревню сжег, облив дома бензином.

12 марта 1944 г. подозреваемый Чернявский появился с бандой из 150 человек в деревне Паликровы. Подозреваемый был одет в немецкий мундир и отдавал приказы на немецком языке. По приказу, отданному подозреваемым, польское население, невзирая на пол и возраст, было согнано на луг, где его окружили бандеровцы и расстреляли из автоматического оружия. Таким образом в Паликровах погибло 487 человек, в том числе: Михал, Ян и Мария Кожени, Юзефа Бигочевская, Францишек, Мариан, Ян и Альберт Ютшенки.

На другой день подозреваемый Чернявский вместе со своей бандой напал на монастырь доминиканцев в Подкаменье, где беспощадно вырезал около 500 человек.

С того времени следы Чернявского теряются, до тех пор пока в октябре 1948 г. подозреваемый не был опознан родственниками жертв. Вышеизложенный состав преступления был подтвержден показаниями свидетелей: Юзефа Олендера, Якуба Боярского, Францишека Ганицкого, Антония Бернацкого, Романа Сливиньского, Юзефа Бонковского, Францишека Генсёрека, Антония Околты, Юзефа Бернацкого, Анджея Бонковского, Бронислава Иловского, Владислава Иловского.

Приговор именем Польской Республики от 13 января 1950 г.⁵⁰⁰

Апелляционный суд в Катовицах на выездной сессии в Козьле, в составе председательствующего судьи Францишека Матляка, заседателей Казимежа Чаха и Владислава Ямки, а также секретаря Стефана Кравчика, в присутствии прокурора Белецкого в течение 5, 6, 7 декабря 1949 г. и 13 января 1950 г. рассмотрел дело Влодзимежа Чернявского, сына Юзефа и Марии, урожденной Иловской, родившегося 11 сентября 1907 г. в Подкаменье в повете Броды, инженера-агронома, сына мясника, женатого, двое детей, без имущества, обвиняемого в том, что:

⁵⁰⁰ IPN Kraków, текст приговора от 13 января 1950 года апелляционного суда в Катовицах на выездной сессии в Козьле по делу Влодзимежа Чернявского. Шифр дела I.K.42/49. С. 2093–2102.

I. Во второй половине 1941 г. в Чернице на территории Бродского повята, принадлежащей в настоящее время Советскому Союзу, будучи польским гражданином, объявил о своей принадлежности к привилегированной немцами украинской национальности.

II. В период с декабря 1943 по март 1944, действуя в интересах немецкой государственной власти на территории Бродского повята, принял участие в совершении убийств лиц польской национальности. Будучи организатором и главарем вооруженной преступной банды, так называемых «бандеровцев», состоявшей из нескольких сотен членов, и взаимодействовавшей на данной территории с немецкими властями, он совершил действия, ставшие причиной смерти: Михала, Яна, Марии Коженей; Юзефы Бигосhevской; Францишека, Станислава, Мариана, Яна и Альберта Ютшенок; Игнация и Леона Цеглиньских; Бенедикта Дмитро; Гжегожа, Петра и Владислава Баковских; Яна Смака; Болеслава и Феликса Масловских; Антонины Оленек и Анны Бой, которые были убиты вышеупомянутой бандой.

III. В период времени и в месте, указанных в п. II, действуя в интересах немецкого государства, причинял вред лицам польской национальности, поскольку, будучи организатором и главарем вооруженной банды «бандеровцев», своими действиями вызвал массовые поджоги хозяйств, принадлежавших полякам, разграбление их имущества, а также избиения и пытки.

Действия, указанные в п. I, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 1 Декрета от 28 июня 1946 г. об уголовной ответственности за отречение от польской национальности во время войны 1939–1945 гг. Действия, указанные в п. II, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 1 пкт. 2 Декрета от 31 августа 1944 г. о вынесении наказания для фашистско-гитлеровских преступников, согл. Заявлению Министерства внутренних дел от 11 декабря 1946 г., действия же, указанные в п. III, являются преступлением, предусмотренным ст. 2 вышеназванного Декрета. На основании ст. 10 вышеупомянутого Декрета [Суд] постановил:

I. Признать обвиняемого Влодзимежа Чернявского виновным в совершении действий, описанных в п. I, образующих состав преступления ст. 1/1 Декрета от 28 июня 1946 г. об уголовной ответственности за отречение от польской национальности во время войны 1939–1945 гг., и приговорить его на основании ст. 1/1 к 7 годам заключения.

II. Признать обвиняемого Влодзимежа Чернявского виновным в том, что он в период с декабря 1943 до марта 1944 на территории Бродского повята, принадлежащей в настоящее время СССР, действуя в интересах властей немецкого государства, принимал участие в совершении убийств лиц польской национальности, поскольку, будучи одним из членов командования вооруженной преступной банды, состоявшей из нескольких сотен членов, так называемых «бандеровцев», участвовал в истреблении поляков в Паликровах, Гуте Пеняцкой и других населенных пунктах, и приговорить его на основании ст. 1. Декрета от 31 августа 1944 г., с поправками от 11 декабря 1944 г. /Dz.U.R.P. nr 69 roz. 377/ и ст. 7 того же Декрета, к смертной казни и утрате публичных и гражданских прав навсегда, а кроме того признать конфискацию всего имущества приговоренного. Освободить приговоренного от возмещения расходов следствия и судебных издержек.

Ромуальд Недзелько
Институт Национальной Памяти

Об украинцах, спасавших поляков, приговоренных к уничтожению ОУН-УПА

Вступление

Ниже я привожу избранные материалы из моей книги «Кресовая книга праведников 1939–1945. Об украинцах, спасавших поляков, подвергавшихся уничтожению ОУН и УПА» (Kresowa księga sprawiedliwych 1939–1945. O Ukraińcach ratujących Polaków poddanych eksterminacji przez OUN i UPA), изданной в 2007 г. Институтом Национальной Памяти.

Требует пояснения использованное в заглавии условное определение «праведник». В своем специфическом значении это слово функционирует в общественном сознании с тех пор как полвека назад иерусалимский институт Яд Вашем начал присваивать почетный титул Праведника народов мира. Эту титул получают не-евреи, которые во время Второй мировой войны с риском для собственной жизни спасали от гибели евреев (среди около 22 тыс. «праведников» до сего дня оказалось 6 тыс. поляков и более 2 тыс. украинцев). Я использую термин «праведники» для обозначения украинцев, которые спасали поляков, считавшихся врагами украинцев, и приговоренных к смерти или подвергавшихся преследованию. Пожелание увековечить память часто оставшихся неизвестными «праведников» украинцев и хотя бы таким способом выразить им благодарность за спасение, уже давно изъявляли сами спасенные. Один из них, Вацлав Хмелевский, родом из Ковалёвки (Ковельский повят, Волынского воеводства), в 1997 г. в письме к послу Украины в Польше писал по поводу украинца Омеляна Бойчуна, который за предупреждение жителей Ковалевки о нападении был казнен уповцами:

«Эта позорная смерть тяготит мою совесть. Я последний из поляков, который может обратиться к Вам с про-

сьбой воздать долг чести [...]. Обращаюсь к Вам, господин посол, за помощью, чтобы вернуть Омельяну Бойчуну его человеческие честь и достоинство, вернуть его доброе имя семье и обществу [...]. Он погиб, как предатель Украины и враг украинского народа. На самом деле он был героем и выступил против тысяч жаждущих крови националистов. Он не хотел убивать невинных людей и безоружных соседей».

Уже во второй половине 80-х, когда общество ветеранов 27-й Волинской пехотной дивизии Армии Крайовой инициировало сбор воспоминаний о резне на Кресах, в разосланной анкете фигурировал пункт, касавшийся помощи, полученной со стороны украинцев. В 1999 г., по инициативе Товарищества по Увековечиванию памяти жертв преступлений украинских националистов, во Вроцлаве был открыт памятник-мавзолей польских жертв украинского геноцида на Кресах, в котором находится урна с землей с могилы украинцев, убитых ОУН и УПА. В 2002 г. на памятнике была размещена табличка в память об украинцах, которые погибли, спасая поляков. Опубликованы сборники воспоминаний, посвященные украинцам, поддерживавших поляков. Особенно следует подчеркнуть исследовательские и редакторские заслуги Леона Попека и Леона Карловича, бывшего солдата 27 ВПДАК, который участвовал в акциях возмездия против УПА. Карлович издал книгу со знаменательным названием «Человекоубийцы и люди» (“Ludobójcy i ludzie”. Lublin, 2000).

Я выделил более 10 видов гуманитарной помощи, которую оказали украинцы:

- 1) предупреждали о запланированном на конкретный момент или на неопределенное время нападении;
- 2) во время нападения указывали путь к бегству;
- 3) укрывали поляков от ожидаемого нападения, предоставляли им убежище в ходе нападения либо после него;
- 4) вводили нападающих в заблуждение, уверяя, что разыскиваемый является украинцем — членом семьи или знакомым, а не поляком; утаивали местопребывание разыскиваемых; занимали нападавших разговорами или угощением, чтобы преследуемые успели спрятаться или бежать; направляли погоню в другую сторону;

5) перевозили преследуемых из укрытия в безопасное место (напр. в город), или давали им лошадь либо телегу;

6) оказывали первую помощь раненым, перевозили их к врачу или в госпиталь;

7) снабжали спасшихся продовольствием, а для облегчения побега — украинской одеждой;

8) информировали близких об обстоятельствах смерти членов их семей (особенно если сами были свидетелями преступления), указывали, где находятся останки;

9) выступали посредниками в контактах между скрывавшимися и разыскивавшими их членами семей;

10) брали под опеку сирот или детей, потерявшихся при нападении;

11) оказывали помощь в погребении убитых, особенно если участие в похоронах угрожало расстрелом; ухаживали за могилами, ставили кресты и т.п.;

12) не выполняли приказ убить члена собственной семьи (жену, мужа, родителей, детей); отказывались выполнить приказ, бежали вместе, укрывали лицо, приговоренное к смерти;

13) отказывались участвовать в нападении, карательной операции или иной репрессивной акции;

14) выражали публичный протест (на сельских сходах, с церковного амвона) против преступлений и применения насилия;

15) спасали жизнь жертвам нападения, приговоренным к смерти или настигнутым погоней (например, инсценировали казнь, сознательно «не замечали» разыскиваемого или укрытия);

16) освобождали арестованных.

При этом было необходимо отделить случаи, когда о возникшей опасности тех, кому она угрожала, предупреждали по доброй воле, от случаев сознательного введения в заблуждение, напр., побуждения поляков к выезду, чтобы убрать их из деревни. Имели место также случаи изощренного коварства, напр. когда гарантировалась безопасность с целью усыпить бдительность потенциальных жертв и облегчить задачу нападавшим. Вот один из примеров фальшивой помощи: в июле 1943 г. один из уповцев предупредил жителей поселения Шерока (Гроховский повят, Волынское воеводство), о том, что должна начаться немецкая карательная операция. Он советовал, чтобы поляки убегали не по одному, а группой, и направились

в сторону поляны у леса, где он окажет им помощь. По прибытии на место полянки были окружены уповцами и расстреляны. Однако, довольно частыми были также случаи, когда полянки гибли, поскольку игнорировали предупреждения.

Оказание помощи не было явлением повсеместным и массовым. В многочисленных польских свидетельствах подчеркивается абсолютное отсутствие какой бы то ни было поддержки со стороны украинских соседей. Оказать ее решались немногие, большинство вело себя пассивно. Украинцы, пытавшиеся сохранить нейтралитет, также подвергались сильному давлению, ведь в убийствах нередко участвовали их знакомые из соседних деревень и даже ближайшие соседи либо родственники, а не только вооруженные формирования националистов или оснащенная оружием крестьянская самооборона. Если страх среди поляков, подвергавшихся уничтожению, был так велик, что инстинктивно диктовал немедленно спастись бегством, иногда даже не оглядываясь на самых близких людей, которых убивали поблизости, то и для украинцев, наблюдавших этот ад вблизи, страх должен был быть парализующим. Тем более что даже за попытку оказания помощи самому можно было расстаться с жизнью.

Кем же были люди, которые, несмотря на все это, сумели решиться на жест человеческой солидарности, а нередко отважился и просто на героические поступки? Мы знаем о них гораздо меньше, нежели о жертвах, свидетелях и даже о виновниках преступлений; по большей части, настоящие герои остаются безвестными. Кажется, что идейная мотивация, напр. отличавшиеся от националистических политические взгляды (демократические или коммунистические), играла здесь меньшую роль. Среди спасителей преобладали наиболее близкие спасаемым люди, сильнее всех связанные с ними эмоционально, т.е. члены смешанных семей и родственники. Во вторую очередь, это были дружески настроенные соседи, скорее украинцы старшего поколения, часто те, которые спасали своих ближних из религиозных побуждений, ставя заповеди веры выше национальной или групповой солидарности. Интересен тот факт, что гораздо более «заметны» здесь не представители наиболее многочисленных, доминирующих вероисповеданий (православные на Волини и греко-католики в Малопольше), а баптисты, Свидетели Иеговы или штурндисты — члены протестантской секты, которая исповедовала

принципы пацифизма, общественной собственности и духовной независимости от властей. Масштаб помощи, оказанной полякам, трудно обозначить. В учтенных учтенных мной по всей территории польского пограничья 500 населенных пунктах (а геноцид затронул более 4 000 населенных пунктов), от рук ОУН-УПА погибло около 20 000 поляков (это лишь немногим более 10 % всех жертв). Благодаря проявлению солидарности и милосердия, остались в живых как отдельные личности, так и целые деревни (всего более 2 500 человек). В том или ином виде помощь полякам оказали более 1 300 украинцев. Несколько сотен из них, уповцы, проводившие «антипольские акции», обрекли на смерть, поскольку практически все проявления положительного отношения, на которые решались украинцы по отношению к полякам, являлись, с точки зрения политики ОУН-УПА, актами сотрудничества с врагом и предательством национальных идеалов, что влекло за собой жестокую месть.

Вот избранные показательные примеры помощи со стороны украинцев: около 80 человек, известных по фамилиям или неизвестных, которые по одному или целыми семьями спасали поляков. Часть фамилий могла быть искажена, спасенные не всегда правильно их запоминали. Некоторые благодетели были для спасенных совершенно чужими людьми, поэтому они навсегда останутся безымянными. Но есть и такие правденики (это касается даже их потомков), которые желают сохранить анонимность и не хотят афишировать свои героические поступки, не соответствующие общественному климату, созданному вновь оживающим культом ОУН-УПА.

Волынское воеводство

1. Киселин, гмина Киселин, Гороховский помят — местечко, в котором проживала 61 еврейская семья (до ликвидации гетто в 1942 г.), 57 польских семей и по крайней мере 48 украинских.

11 июля 1943 г. большая группа уповцев напала на поляков, собравшихся на воскресное богослужение. Погибло свыше 90 человек.

О спасшихся от резни в костеле членах семьи Зюлковских, а особенно о раненом Антонии Зюлковском, позаботился украинец Никон Дацюк. Помощь полякам оказывали также украинцы: Сава Ковтунюк, который несколько недель укрывал и кормил в своем хо-

зайстве три семьи Славинских и семьи Романовских, Мацяшеков и Окульских, а затем маленькими группами выводил их в лес; Виктор Падлевский, помогавший семьям Филипек, Романовских и 2 сестрам Славинским — Юзефе и Веронике; Володимир Палачук, позаботившийся о семьях Павловских и Багнецких; Петро Парфенюк, который защитил Червинеков и семью Петра Славинского; а также Остап Коханский и 60-летняя Параска Падлевская, которая на лошадях отвезла в госпиталь в Локачах раненого Влодзимежа Славоса Дембского.

Дембский также получил помощь от Любы Парфенюк.

«После убийства в костеле и сопротивления, во время которого я был ранен, меня перевезли в ее хозяйство. Там я лежал в хлеву до четверга, когда меня отвезли в госпиталь. Здесь укрывался также мой отец, и здесь были сложены наши личные вещи и некоторые ценные предметы. Через две недели родители были похищены и убиты уповцами, когда отправились к себе домой. Уповцы многократно приставали к Любе, чтобы она отдала им наши вещи, но она не отдала»⁵⁰¹.

2. Люлювка Венгерцизна, гмина Браны, Гороховский повят — польское поселение.

В результате нападения украинцев 16 июля 1943 г. погибло более 80 поляков. 14-летняя Иоланта Савицкая, раненная во время бегства, несколько дней лежала без сознания в нескошенном хлебном поле, после чего сумела добраться до знакомой украинской семьи Юрия Павлюка. Точно так же, как и 2 ее младшие сестры, Алина и Кристина, которые два дня прятались в поле.

«В этот момент, — вспоминает Иоланта Дудковская, урожденная Савицкая, — вышла жена Павлюка и начала причитать и просить, чтобы мы у них не оставались. Говорила, что они тоже погибнут, если будут помогать

⁵⁰¹ См.: Dębski W.S. W kręgu kościoła kisielińskiego, czyli Wołyniacy z parafii Kisielin. Lublin, 1994. S. 219–224; Siedmiu sprawiedliwych z Kisielina // Bracia z za Buga. Wspomnienia z czasu wojny. Lublin, 1999. S. 25–29. В приведенных воспоминаниях сохранен язык оригинала.

полякам. Она дала мне кусок хлеба и простокваши, перевязала раны [...]. Мы прятались в хлебах и спали в кустах малины. Мы знали, что если бы нас там нашли, тогда бы мы все погибли вместе с Павлюком».

Павлюки оказали помощь 21 поляку. Благодаря им группа поляков укрывалась в Люлювке в течение 3 недель. Сведения о поляках, укрывающихся у Павлюков, при помощи других украинцев, дошли до семьи Савицких из Горохова, которые организовали транспортировку выживших в город⁵⁰².

3. Каменка, гмина Людвиполь, Костопольский повят — немецкая колония, после выезда в 1940 г. немцев в Рейх — украинско-польское поселение.

В июле и августе 1943 г. уповцы убили около 20 поляков. Местные украинцы, братья Александр, Макар и Прокоп Майструки, содействовали спасению многих польских жителей Каменки и соседнего Городища, предостерегая их об опасности и оказывая помощь. 23 июля 1943 г. к Прокопу Майструку пришло 10 уповцев с приказом перебить всех поляков в Каменке. Затягивая время, Майструк угощал их, а в это время его жена предупредила потенциальных жертв, благодаря чему оставшиеся в Каменке поляки, в том числе семья Багиньских, успели убежать в лес и в поля. После чего выехали в Костополь и Березное.

Украинцы из Погореловки Шрамко и Грицько Опанасы отвозили на телеге убегающих поляков, за что были повешены уповцами в хлеву. Такая же судьба ждала украинца Нечипора, который предупредил польские семьи Файферов, Миллеров и Созаньских, а семью Гдовских отвез на телеге в Костополь — он был убит вместе с семьей из 5 человек⁵⁰³.

4. Александровка, гмина Купичев, Ковельский повят — поселение, насчитывавшее 25 польских и 8 украинских хозяйств.

⁵⁰² См.: *Siemaszko W., Siemaszko E. Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludność polskiej Wołynia 1939–1945. T. 1. S. 131–132; Сообщение Иоланты Дудковской, уржд. Савицкой, Archiwum Wschodnie в Варшаве [далее: AW], H/2506. С. 5–6.*

⁵⁰³ См.: *Bagiński J. Byłem świadkiem, “Na Rubieży”. 1995. Nr. 11. S. 7; Siemaszko W., Siemaszko E. Ludobójstwo... T. 1. S. 264–265; Gross E., Zbrodnie Ukraińskiej Powstańczej Armii. Głogów, 1999. S. 80.*

В 1943 г. поселение трижды — в ночь с 15 на 16 июля, 29 августа и 4 сентября — атаковали уповцы. Вместе с местными украинцами они убили 80 поляков.

Среди уцелевших были Стефания Бродзиньская с мужем. Укрытие им предоставили украинские семьи Атабашей и Левчуков. У украинца Пахома укрывались Камиля и Витольд Зюлковские.

Благодаря помощи украинца Герасима Лукайчука, осталась в живых Леокадия Новакович, во время нападения 15 июля раненная в ногу и скрывавшаяся в поле, а также ее брат.

«Мы шли полем, а когда находили лежащие останки, закапывали их на месте[...]. В этот момент я услышала над собой голос украинца Герасима, которого мои родители хорошо знали [...]. “Не двигайся отсюда, может, тебя и не увидят. А я вечером приду за тобой. Твой брат у меня” [...]. Он сказал, что нельзя ждать, а надо ехать в госпиталь в Ковель. перевязал мне лицо платком и положил меня в корзину, из которой кормят лошадей. Он присыпал меня сверху сечкой и положил в телегу. Брата посадил рядом с собой, и мы отправились в дорогу. Когда мы доехали до леса, то выскочили люди из банды и стали у него выспрашивать, куда он едет и зачем. Он объяснил им, что везет тяжелобольного сына к врачу, и показал на брата. Нас оставили в покое и пропустили. Герасим отвез нас в Ковель в больницу. Там нас приняли и сделали мне операцию».

Семья Адамовичей после июльского нападения пряталась у украинцев Павло Кыца и Мико́лы Кореня, а позднее в семье Прокопов.

«К нам сразу пришел Кыц, — вспоминает Тереза Радзишевская, урожденная Адамович, — чтобы мы не ночевали дома, потому что никогда не знаешь, что будет, а лучше всего бы было, чтобы мамочка с детьми отправилась к ним на ночь [...]. Едва мы успели дойти до их построек, как на другом конце Александровки раздались выстрелы. Кыц быстро отвел нас к Кореню, рядом, и там нас спрятали в кладовке, закрыв дверь на ключ [...]. Мы замерли от ужаса, когда бандиты ворвались в дом и спрашивали про поляков,

но когда раздался ответ, что тут нету таких, они вышли. Было нас в этой кладовке четверо маленьких детей. Мне было 8 лет, брату 5, сестре 3 и братику 1,5 года. Все мы сидели не двигаясь и старались даже не дышать. Когда выстрелы стихли, а банда ушла, Корень проводил нас в сарай, где было сделано укрытие. В сусеках было сложено сено, под ним был проход к стене, а там большая брешь, где можно было свободно сидеть».

Во время следующего нападения Тереза Адамович с братом укрылась в скирде хлеба.

«Когда уже совсем стемнело, украинка Прокоп ходила по полю и искала нас, потому что видела, как мы убежали. Прокоп была вдова, ее дочка Женя была моей подружкой. У нее нас ждали мои родители с другими братьями и сестрами, и бабушка. Тут приняли решение, что мы с бабушкой пойдем к деверю Прокопихи, а родители с остальными детьми спрячутся в другом месте [...]. В течение 3 или 4 недель Прокоп прятал нас на сеновале, высоко на соломе [...]. Дедушку нашего прятал Кыц Павел аж до самого освобождения, когда территорию заняли советские войска. А потом уже дедушка спас жизнь им [...]. Семья, которая нас укрывала, страшно рисковала. Известно было, что за укрывание поляков грозила смертная казнь всей семье»⁵⁰⁴.

5. Дошно, гмина Датынь, Ковельский повят — польская деревня, насчитывавшая около 60 хозяйств.

28 августа 1943 г. группа уповцев, прибывших из соседней Датыни, вырезала более 50 человек.

Некоторым жителям удалось бежать. Большую помощь им оказали украинцы из деревни Велимче, о которой до войны говорили, что там живет украинская шляхта. Многие из них были баптистами,

⁵⁰⁴ См.: Сообщение Леокадии Суковроньской, уродж. Новакович // *Karłowicz L. Ludobójcy i ludzie*. Lublin, 2000. С. 29–30; Сообщение Стефании Брудзиньской // Там же. С. 111; *Brudzińska J. Byłam świadkiem, "Na Rubieży"*. 2001. Nr. 51. S. 43; *Adamowicz-Radziszewska T. Kiedy przyszli nas zabijać*. AW. 11/1914. S. 4–7.

и по этически-религиозным причинам сопротивлялись насилию. Они кормили и укрывали уцелевших, и препровождали их лесами в безопасные места, хоронили убитых. Василь Бурко с риском для собственной жизни спасал поляков, евреев и цыган.

Трое уцелевших детей Казимежа и Марии Едыновичей спрятались у соседа-украинца, который их накормил и показал дорогу на Велимче. Среди поляков, которые сумели спастись, была Францишка Косиньская с 2-летней дочкой Мирославой.

«Мы вошли в хату украинца [...]. К дому на конях подъехала банда, может 30, а может 40 человек [...]. Один вошел и с порога спросил: “Хде тут полячка Франя?” [...]. Я ему ответила по-украински: “А ежели это я полячка Франя, так мне нельзя жить?” Ребенок вцепился мне в шею и шептал: “Не говори по-польски, не говори по-польски”. Я молилась, глядя ему прямо в глаза, которых я никогда не забуду[...]. Мой хозяин тем временем убеждал украинца, что тут нет никакой полячки Франи, а эта — “полоумная”. “А где она венчалась?” — допытывался тот. “Ну как где? В церкви, а где могла венчаться?” [...]. Бандиты стали уезжать [...]. Вдруг я услышала за собой какой-то грохот. Это хозяин, пытаюсь сесть на стул, свалился на пол. У меня начались какие-то судороги, зуб на зуб не попадал[...], а остальные домочадцы стояли, как загипнотизированные [...].

Заботились о нас украинцы из Велимча, которые принесли молоко для ребенка и еду.

Около 10 дней мы прятались в лесу [...]. Украинец Савлук сперва взял мою мать и Юзю, и перевез их в Ратно, а через пару дней другой украинец, фамилии которого я не знаю, а только его прозвище, Гремучий Романко, отвез меня с ребенком, мужа и его двоюродного брата тоже в Ратно. Дочка его, Мария, принесла буханку хлеба и клин сыра в дорогу, провожая нас с плачем. В Ратно всеми беженцами из Дошно занимался и очень помогал украинец Козёл, а также его жена».

В 1990 г., в сорок седьмую годовщину трагедии, в Дошно открыли пять мраморных досок с фамилиями убитых поляков. Украинс-

кие власти пригласили на церемонию Францишку Косиньскую и ее дочь⁵⁰⁵.

6. Ковалёвка, гмина Тужиск, Ковельский повят — польское поселение с 2 украинскими семьями.

29 августа 1943 г. от рук УПА погибло около 20 поляков. Некоторые из жителей успели покинуть поселение и добрались до Владимира Волынского. О запланированном нападении их предупредили украинцы из соседних Рёвушек — Омельян Бойчун и Миколай Са-рапко. Бойчун за помощь полякам заплатил жизнью.

Другой украинец, Иван Березюк, прятал в своем доме и тайно вывез во Владимир Анелю Табурскую и ее сына Веслава. Семья Березюков укрывала и кормила также двоих молодых поляков — Зо-фью Пущевич и Виктора Коссаковского, которые затем были выслежены и погибли⁵⁰⁶.

7. Старый Вишневец, гмина Вишневец, Кременецкий повят — украинская деревня, в которой также проживало 50 польских семей.

В феврале 1944 г. уповцы заперли и сожгли в костеле Св. муче-ника епископа Станислава несколько десятков поляков. Те, что оста-лись в деревне, прятались в укрытиях, в т.ч. в семьях украинцев Сороко, Гала, Наталки и Князя. Они с риском для жизни укрывали поляков из семей Стемплёвских, Круликовских и Дутковских, всего 28 человек. Они были выслежены уповцами и 26 февраля убиты.

Мария Стемплёвская вспоминала, как ее и ее дочь приютила ук-раинка Мендзалиха:

«Мужу и детям, которые погибли, уже не поможешь, ты должна сама позаботиться о своей безопасности». Она укрывала нас обеих в своем доме. Ночью пришли бандеровцы, чтобы убить ляшку с ребенком. На защиту меня и моего ребенка встал сын Мендзарихи, тоже бандеровец, и не позво-лил совершить очередное убийство».

⁵⁰⁵ См.: Мирослава Бацлавская, урожд. Косиньская, *Dlaczego? // Świadkowie mówią.* Warszawa, 1996. S. 34–36; Сообщение Мирославы Бацлавской, AW, H/2638. S. 10–19; *Siemaszko W., Siemaszko E. Ludobójstwo...* T. 1. S. 329.

⁵⁰⁶ См.: *Śladami ludobójstwa na Wołyniu.* Lublin, 1998. S. 165; письмо Вацлава Хме-левского; *Siemaszko W., Siemaszko E. Ludobójstwo...* T. 1. S. 382–383.

Выжила также Антонина Свентковская с четырьмя детьми, — пишет о своей тетке Стефания Круликовская. Украинка спрятала их в яме, выкопанной под хлебом. Идя доить коров, украинка приносила им хлеб, а самых маленьких детей взяла домой и прятала их в хлебной печи⁵⁰⁷.

8. Кошув [Кошів], гмина Торчин, Луцкий повят — украинско-польская деревня.

29 июня 1943 г. уповцы убили тридцать одного поляка, немногим удалось спрятаться. Укрытие и помощь им предоставляли украинские семьи Сапожников и Шереметов, семья Константина Бойчука, а также Иван Гродский и Семен Яцюр.

Одна из польских семей за 2 часа до нападения практически силой была отведена знакомым украинцем, сыном Петра Бамбулы из Линёва (гмина Свинюхи, Гороховский повят) в хозяйство его отца. Там они прятались несколько дней. Раненую жену Юлиана Соколовского украинцы отвезли в больницу, а двух спасшихся детей взяли под опеку.

Семью Марианны Бонк предупредила о нападении 23-летняя Шура Сапожник.

«Мы чудом уцелели, — пишет Ирена Юстина, урожденная Бонк. — Мы сидели все время на этом сеновале, и никто нас не выдал. Некоторые украинцы относились ко мне очень хорошо и с симпатией, например, Бойчук Костик — мы вместе с ним выкопали такой бункер. Наверху была подвижная крышка, на ней росла трава. Часто мы там прятались от бандитов. Ивасик Шеремет, молодой украинец — ему было 13–15 лет — информировал нас о намерениях и передвижениях банд. Также некоторые украинцы, которые сочувствовали полякам, разделили с ними ту же самую судьбу.

Шура Сапожник, самая красивая девушка в деревне [...]. Я помню, как она оплакивала вместе с моей мамой мою сестру Ванду и сочувствовала полякам [...].»

⁵⁰⁷ См.: *Stemplowska-Niezgoda M.* Byłam mieszkanką Wiśniowca Starego, “Na Rubieży”. 1999. Nr. 39. S. 14–15; *Siemaszko W., Siemaszko E.* Ludobójstwo.... T. 1. S. 475–476; Письмо Стефании Круликовской, приложенное к сообщению Марии Стец *Historia o Wołyniu i Wiśniowcu, A W, 11/1698. S. 2.*

В июле 1943 за сочувствие к «ляхам» и отказ выдать укрытие ее брата Толика, который отказался участвовать в акции против поляков и вступить в УПА, Шура Сапожник была убита уповцами.

От их рук, за сокрытие места, где прятался их брат Роман, женатый на польке и отказавшийся вступить в УПА, участвовать в убийствах поляков и убить свою жену, погибли украинцы братья Ян и Петро Черваки.

12-летняя Ольга Червак спасла польку, свою младшую подружку:

«Однажды я пошла с ней в церковь в Садове, — вспоминает Сабина Круликовская, урожденная Тарнавская. — Там происходило что-то очень необычное. Украинцы приносили секиры, вилы, ножи, а поп святил их, чтобы они шли убивать поляков и этим заложить фундамент свободной Украины. Тогда она тихонько вывела меня из здания и показала тропинку, велев быстро убежать».

В конце августа 1943 г., когда семья Тарнавских бежала в Локачи, украинец с польской фамилией Войцеховский привез им хлеб.

«Привез он нам в Локачи квартиру пшеницы и квартиру ржи. Он сказал тогда отцу: “У тебя, Мариан, нету хлеба, так я тебе привез, потому что я взял твой хлеб”. Когда он возвращался домой, его встретили националисты и так сильно избили, что он умер. А такое страшное наказание получил за то что возил поляку хлеб»⁵⁰⁸.

Львовское воеводство

1. Новосельцы, гмина Бортники, Бобрецкий повят — деревня со значительным перевесом украинского населения над польским, насчитывала около 1 400 жителей.

⁵⁰⁸ См.: Сообщение Тадеуша Жуковского, Archiwum IPN, 27 WDPАK, V/52, k. 17lv. (приводится сообщение Ирены Юстины); Ирена Юстина, урожд. Бонк, Byłam świadkiem, “Na Rubieży” 2004. Nr. 72. S. 42–43; Sabina Królikowska z domu Tarnawska, Byłam świadkiem, “Na Rubieży” 2004. Nr. 72. S. 44–45.

Ксендз Роман Даца пережил нападение УПА на свой приход, произошедшее в ночь с 28 на 29 сентября 1943 г.; в ходе нападения погибли его мать и хозяйка.

«Прочие мои домочадцы, — пишет он в воспоминаниях, — которых в это время было много, а среди них украинец Федьо Костышин, были избиты до потери сознания только лишь за то, что не показали моего укрытия и не выдали меня.

Как только настал рассвет 29 сентября 1943 г., опухший и израненный Федьо Костышин со своей неразлучной секирой, начал поиски, чтобы разыскать “его милость своего ксендза” [...], в опустошенном, заваленном обломками, страшно разрушенном и ограбленном дочиста приходе лежали останки убитых женщин. При виде их все домочадцы в ужасе разбежались в разные стороны, остался только он один, Федьо Костышин, мой служка. Он начал искать меня среди обломков и развалин, и стремился спасти меня даже ценой собственной жизни, потому как хотя он украинец, но если бы бандеровцы узнали об этом, он не избежал смерти от их рук. Это добрый и верный, самоотверженный слуга, с которым во время работы у меня не раз бывали и хлопоты. В этот раз, после этой трагической ночи, ранним утром он пришел вместе со своей неразлучной секирой и разыскал меня, спрятавшегося в схроне под полом. С помощью своей секиры он отодвинул крышку и нашел меня там полуживого, уже не способного сделать ни одного движения, окостеневшего, вымазанного склизкой смесью плесени и вонючей грязи».

Ксендз Даца приводит также более ранние случаи из своей жизни, когда он столкнулся с благожелательностью со стороны украинцев:

«После 17 сентября 1939 г., в первые дни войны, когда мне грозила опасность со стороны украинских националистов, мне очень помог и просто спас жизнь д-р Стефан Сенигиновский, украинец из Ходорова, рисквавший при этом собственной жизнью. В 1940 г. этот же врач-украинец, в

необычайно трудных и тяжелых операционных условиях спас жизнь моей матери, проведя переливание крови, в котором я был донором [...]. Бог необъятным своим могуществом и милосердием [...] в следующий раз также спас мне жизнь руками и деянием благородного человека, которым оказался церковный дьяк греко-католического обряда в Новосельцах, украинец Березовский. Летом 1942 г., когда мне грозила смерть от рук украинских фашистов, он спрятал меня в своей избе между перинами и подушками.

Точно так же я был спасен зимой, под конец 1942 г., когда ночью проезжал через украинскую деревню Вербица. Внезапно посреди деревни меня задержал вооруженный отряд украинцев. Скорее всего, это был местный отряд УПА, который вел ночные учения [...]. На моей телеге нашли мешок ржи [...]. Это расценивалось в то время, как нанесение ущерба немецкому государству. Перевоз хлеба карался смертью. Командир этого отряда, от имени немецких властей, вынес мне смертный приговор. Меня должны были расстрелять [...], но тут внезапно вокруг меня собралась огромная толпа женщин и детей со всей деревни. Они начали громко кричать и плакать, выкликать по имени своих мужей и сыновей и всех стоявших там “стрельцов”. Они стали кричать: “Не убивайте его как собаку, отпустите его с миром. Это его милость польский ксендз из Новоселец, который лечил и спасал здоровье и жизнь нашим детям и нам тоже”.

В отряде наступило замешательство. Вынесенный приговор отменили, меня отпустили. И — о чудо! — те же, что должны были меня расстрелять, для моей собственной безопасности провозжали меня почти до самого прихода. Прощаясь, мне сказали, что это мое счастье, и чтоб я в другой раз был осторожней и не показывался в их краях»⁵⁰⁹.

2. Раковец, гмина Красов, Львовский повят — польско-украинская деревня, насчитывавшая свыше 600 жителей.

⁵⁰⁹ См.: Dasa R. Byłem świadkiem (фрагменты воспоминаний от 1985 г.), “Na Rubieży”. 2001. Nr. 52. S. 35–36.

«26 марта 1944 г., — пишет Болеслав Беднарский, — в деревне Раковец во время проповеди ксендза Блажея Юраша в костел ворвались вооруженные мужчины, одетые в немецкие мундиры. Они избили собравшихся, выгнали их из храма и поставили по трое. Всего, вместе с ксендзом, было 96 человек, в том числе 9 мужчин. Нападавших было 36, они окружили своих жертв и погнали их по дороге, ведущей в лес. При побеге погибли Хелена и Мария Чубатые с ребенком, Янисов из деревни Новосёлки, была ранена Марыся — служанка Хоркавого, и ранен Ян Олещук, который умер через 2 дня.

На поляне у леса случилось нечто неожиданное. Туда, вместе со старостой Пташником и греко-католическим священником Березюком из деревни Поляны, прибыли местные украинцы, и вступились за своих польских соседей. Своим поведением они спасли жизнь полякам. Нападавшие удовлетворились выкупом: тремя парами коней с санями, значительным количеством хлеба и 10 тысячами злотых. После нападения жизнь в деревне замерла. Мужчины укрылись в сχροнах, а некоторые семьи покинули деревню»⁵¹⁰.

3. Волица, гмина Великие Мосты, Жолкевский повят — деревня с перевесом польского населения над украинским, насчитывавшая около 1 000 жителей.

С осени 1943 до весны 1944 года, в период грозивших деревне нападений УПА, некоторые украинцы, в том числе: Мария Хижинская, Микола Хижинский, Анна Голота, Серафин Гуманюк, Василь Иваневич, Андрий Нагирный, Катерина Нагирная, Катерина Стодольная, Роман Стодольный, помогали своим соседям-полякам, принимали на ночлег пожилых людей и детей, а молодым позволяли спать у себя на сеновалах и в конюшнях.

В ночь со 2 на 3 апреля 1944 г. от рук УПА погибло около 20 человек. Во время этого нападения 2 польские семьи укрылись у Степана Мармаша. Он и его мать Анастасия оказали значительную помощь

⁵¹⁰ См.: *Bednarski B.* Akcja SS “Galizien” w Siemianówce dnia 26 lipca 1944 roku, “*Na Rubieży*”. 2003. Nr. 66. S. 39–40; *Węgierski J.* W lwowskiej Armii Krajowej. Warszawa, 1989. S. 101.

в перевозке останков убитых в Великие Мосты. В 1944 г. Степан Мармаш был похищен УПА и убит за оказание помощи полякам⁵¹¹.

Тарнопольское воеводство

1. Новосёлка Бискупя, гмина Новосёлка Бискупя, Борщевский повят — деревня с перевесом польского населения над украинским, насчитывавшая свыше 1 100 жителей

17 ноября 1944 г. переодетые в советскую форму бандеровцы убили 40 поляков, в том числе директора местной школы Мечислава Вежбицкого. Его жене и дочери в это время помог сосед-украинец по фамилии Синчук:

«Он посоветовал нам сейчас же спрятаться и предупредил, что нам тоже грозит опасность. Благодаря этому мы обе остались в живых. На следующий день, когда мы с мамой нашли останки моего отца, тот же украинец посоветовал нам скорее бежать из деревни, а он постарается перевести тело отца в Мельницу. Что он и сделал, рискуя собственной жизнью. Он положил его на телегу, прикрыл соломой и отвез в Мельницу, где помог нам с похоронами. Нам также помогла наша знакомая украинка по фамилии Гоик, которая передела нас в деревенскую украинскую одежду и проводила до Мельницы Подольской»⁵¹².

2. Августовка, гмина Конюхи, Бжеженьский повят — деревня с перевесом польского населения над украинским, насчитывавшая около 800 жителей.

По сообщению греко-католического священника Павло Олейника, украинец Петро Васильчишин, мобилизованный в Баудинст (немецкая принудительная строительная служба), осенью 1943 г. вступил в отряд уповцев, но через 3 месяца отказался участвовать в операциях против поляков. Он спрятался у родителей, но вскоре был схвачен и расстрелян Службой Безопасности ОУН, как пишет

⁵¹¹ См.: *Gołqb A. Powiał Żółkiew, "Na Rubieży". 1999. Nr. 36. S. 33.*

⁵¹² См.: Сообщение Алины Урбан, урожд. Вежбицкой, [в:] *Komański H., Siekierka S. Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na Polakach w województwie tarnopolskim 1939–1946. Wrocław, 2004. S. 549–550.*

Олдейник, «партизанским гестапо»). Его родителей, громко причитавших по убитому сыну, также казнили⁵¹³.

Станиславское воеводство

1. Троица, гмина Заболотов, Снятыньский повят — деревня с большим перевесом украинского населения над польским, насчитывавшая около 3,5 тыс. жителей.

23 октября 1944 г. имело место нападение уповцев, в результате которого погибли 75 лиц польской национальности. В этот день некоторые украинские семьи, напр. Блошко, Гринько, Манилюки и Сахруки, предоставили убежище польским семьям и предупредили их об опасности, благодаря чему многие поляки спасли свою жизнь. За помощь, оказанную полякам, их дома были сожжены бандеровцами, а из семей Манилюков и Сахруков убито 9 человек. Станислав Янковский вспоминает, что о возможном нападении бандеровцев на Троицу его семья предупредила встретившаяся по дороге соседка, украинка Маруся Блошко.

Францишка Мусёнек пишет, что в марте 1944 г., во время нападения на деревню «погиб от бандеровской пули украинец Петро Будзик, который сражался на стороне поляков». Сама она пряталась после нападения у соседа-украинца.

Дамьяну Ружицкому, украинцу по происхождению, воспитанному матерью-украинкой и отчимом-поляком, во время нападения бандеровцев 23 октября 1944 г. было 10 лет. Он вспоминает украинку из этой деревни, Гоциху, которая в этот трагический день захотела отвести его в безопасное место, к его бабке-украинке. По дороге она утешала и собиралась приютить плачущих от страха трех маленьких польских девочек, однако бандеровцы застали ее врасплох и убили вместе с двумя девочками. Ружицкому удалось бежать.

Богуслава Чижевская из соседних Матыевец была предупреждена о запланированном нападении бандеровцев на Троицу подружкой детства, украинкой Марийкой Сорочинской, дочкой старосты. Марийка забрала ее на ночлег домой и спрятала от бандеровцев, когда те во время нападения пришли к Сорочинским⁵¹⁴.

⁵¹³ См.: о. П. Олійник. Зошити. Київ, 1995. С. 87.

⁵¹⁴ См.: Komański H. Powiat Sniatyn, "Na Rubieży". 2002. Nr. 61. S. 26; Сообщение

Люблинское воеводство

1. Потужин, гмина Потужин, Томашовский повят — деревня с перевесом украинского населения над польским.

Станислава Старчевская сообщает о нападении уповцев на деревню 1 апреля 1944 г.:

«Меня разбудила стрельба [...]. Я стала убегать, хотя не знала куда. Я заскочила в хозяйство украинца Елиша Радомьяка. Там уже было несколько поляков. Мы умоляли спрятать нас. Хозяин без слов спрятал нас в своем доме. Благодаря ему нас спаслось, наверное, человек 15»⁵¹⁵.

2. Тарношин, гмина Тарношин, Томашовский повят — деревня с преобладанием польского населения над украинским, насчитывала свыше 1 200 жителей.

В ночь с 17 на 18 марта 1944 г. УПА убила около 80 человек. В эту ночь были отмечены также примеры героизма некоторых украинцев. Например, Василь Косцюх спрятал в своих постройках ок. 30 поляков, благодаря чему спаслись Францишек Вавжищук с семьей, Ян Копель, Владислав Петровский, Антоний Левандовский и др., а также Малонь и его семья из четырех человек.

Тадеуш Вольчик в своих воспоминаниях указывает, что его семью предупредил о нападении украинец Грохольский, а выжила она, спрятавшись в кладовой другого украинца, Максима Биды, который прятал там еще ок. 20 человек, в основном женщин с детьми⁵¹⁶.

Станислава Янковского, "Na Rubieży". 1993. Nr. 6. S. 16; Сообщение Францишки Мусёнек, урожд. Подляской, "Na Rubieży". 1993. Nr. 6. S. 17; *Różycki D.* Byłem świadkiem, "Na Rubieży". 2002. Nr. 61. S. 27 i 29; *Czyżewska B.* Byłam świadkiem, "Na Rubieży". 2002. Nr. 61. S. 26.

⁵¹⁵ См: Сообщение Станиславы Старчевской, // *Związek Walki Zbrojnej Armia Krajowa w Obwodzie Tomaszów Lubelski. Relacje, wspomnienia, opracowania, dokumenty.* Lublin, 1997. S. 274–275.

⁵¹⁶ См: *Związek Walki Zbrojnej Armia Krajowa w Obwodzie Tomaszów Lubelski...* S. 283. Ежи Венгерский сообщает, что нападение имело место в ночь с 18 на 19 марта, и погибло около 60 человек (*Armia Krajowa oddziały leśne 19 pułku piechoty.* Kraków, 1993. S. 41); *Wołczyk T.* Tarnoszyn w ogniu. Chełm, 1998. S. 23.

V. ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА. ПРОБЛЕМА ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ева М. Томпсон
Университет Райс, Хьюстон

Постмодернизм и европейская память⁵¹⁷

События не совершаются, события создаются. Происшествие становится событием только тогда, когда определенные группы в обществе обращают на него внимание, признают его важным, говорят и пишут о нем, реагируют на него и о нем помнят. Поэтому события конструируются обществом. Это, однако, не означает, что они являются чистыми конструктами. В качестве исходного пункта для них служат действия и происшествия, которые на самом деле весьма реальны⁵¹⁸.

⁵¹⁷ Postmodernism and European Memory // Modern Age: A Quarterly Review. 51 (2) Spring 2009. P. 112–122. Фрагменты ранней версии этой статьи были опубликованы также в материалах конференции (Nie)obecność, pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku (2008), под ред. Ханны Госк и Божены Карвовской.

⁵¹⁸ Dietze C. Terror in the Nineteenth Century: Political Assassinations and Public Discourse in Europe and the United States, 1878–1901, “German Historical Institute Bulletin” (GHIB) 40 (spring 2007). P. 91. Полное издание было доступно на интернет-странице URL: <http://www.ghi-dc.org/> в закладке “Publications”.

Эта постмодернистская констатация была изложена Каролой Дитце, научным сотрудником Немецкого исторического института, в ноябре 2006 года в Вашингтоне, во время конференции, частично посвященной европейской памяти, и спонсировавшейся этим институтом. Она не противоречила взглядам других участников конференции на исторические проблемы и память. К самым заметным участникам этой конференции относились: Алеида Асманн⁵¹⁹, профессор английской филологии Университета в Констанце и признанный автор многих книг, поднимающих проблемы исторической памяти, а также Питер Новик, отставной профессор истории Университета Чикаго и автор работы «Холокост в жизни Америки» («*The Holocaust in American Life*»)⁵²⁰. Я считаю, что это утверждение представляет повсеместно принятый постмодернистский взгляд на исторические исследования в Германии и Соединенных Штатах в начале XXI в. Оно приводит к мнению, что сила составляет закон, а также намекает, что некоторые Общества и группы людей создают всего лишь «происшествия», недостойные того, чтобы их запоминать — происшествия, которые могут вспоминать в массе, но которые затем должны быть быстро отодвинуты в тень. Эта конференция не только указывает на отсутствие прогресса в европейской дискуссии на тему исторической памяти, она также усложнила понимание между народами Европейского Союза из-за признания и декларирования ошибочных постсовременных подходов к истории.

На первый взгляд, тезис Дитце, кажется, можно легко защитить. История складывается из событий, а не из происшествий; она складывается из вещей, которые считаются важными и выбираются исходя из их важности. Однако подобного рода изначальное допущение содержит подмену понятий. Во-первых, на онтологическом уровне это утверждение основано на априорной уверенности в том, что определенные человеческие существа сами являются создате-

⁵¹⁹ На польском языке недавно появился перевод ее доклада *Ku europejskiej kulturze pamięci*, прочитанного 30.03.2009 в Вене. См.: *Kultura współczesna. Teoria. Interpretacje. Praktyka*. 1 (63), 2010, пер. К. Коньчаль. С. 36–49.

⁵²⁰ Среди остальных участников были: Фолькер Бергхаан, профессор истории в Колумбийском университете; Януш Рейтер, польский посол в США и бывший польский посол в Германии, Гезине Шван, ректор немецко-польского университета Виадрина.

лями истории, что факты не имеют значения, имеет же значение только важность, определенная обладающими всемогущим интеллектом личностями, решающими, какие факты важны, а какие нет. Этот взгляд сейчас не редкость среди западных историков. Наоборот, большинство историков более раннего периода, даже когда они писали со светской точки зрения и сами себя декларировали историцистами, вводило в собственную методологию следы некоего убеждения, что существует своеобразная упорядочивающая сетка, как эпистемологическая, так и основанная на ценностях, которая стирает границы между отдельными историками и их временем. Ученые могли совершать это подсознательно, поскольку находились под влиянием обычаев и аппарата западной научной традиции, а могли это совершать сознательно. Весь корпус исследований Холокоста опирается на квазитрансцендентную идею, что подобные вещи недопустимы, — независимо от того, были ли они элементом «общественной конструкции». Без отсылки к морали и возмущения исследования Холокоста утратили бы резонанс. Точно так же исторические работы, лишённые опоры на традиционные моральные ценности и/или традиционные способы оценки фактов, деактуализировали бы сами себя сразу же после возникновения новых событий. Во-вторых, заявление Дитце отрицает положение, долгое время признававшееся очевидным, что исторические наррации всегда неполны и лишены точности. «Неполнота» перестает быть вполне применимым термином, поскольку нет единиц измерения «правильности» или «неправильности» «события, сконструированного обществом». Действительно, понятие «правильность» в этом контексте кажется абсурдным. Избранные человеческие существа рассматриваются как легитимизированные создатели наррации, отнесенной к истории, поскольку они сумели достичь поставленной цели конструировать событие, высказываясь о нем часто и авторитетно. Их усилия и способности в конечном итоге определяют, что остальные будут помнить. И мы не должны доискиваться ничего плохого в таком состоянии вещей.

Разница между постсовременным и традиционным взглядом может показаться незначительной, но является критической. Постулат Дитце, каким бы приемлемым он ни казался, является деструктивным для западной культуры, которая опирается на возможность проведения дискуссий об относительной важности событий, безот-

носителем того, сколько внимания или огласки получили они со стороны историков либо общества. Констатация Дитце не оставляет места коррекции, исключая случай, когда коррекция опирается на силу. А это означает, что более сильная власть по природе своей должна служить основой исторического, а значит, и морального авторитета.

Алеида Ассманн, главный докладчик на конференции Немецкого исторического института, старалась определить параметры европейской памяти. Она была не первой европейкой, которая попыталась это сделать. После кровопролития Второй мировой войны европейские интеллектуалы неоднократно предпринимали усилия по созданию дискурса, который мог бы развивать и сохранять национальную память таким образом, чтобы поколебать ее способность к разжиганию розни в массах. Европейские страны решительно заявили, что места конфликтов прошлого являются священными *lieux de mémoire* (местами памяти), достойными всеобщего уважения. Эта идея имела целью сохранение воспоминаний без возбуждения враждебности и жажды реванша, так чтобы культурная память стала общей собственностью народов, наделенных общей памятью, а Западная Европа дозрела бы до формирования такой общей памяти. В значительной степени подобная готовность к развитию европейской памяти поддерживалась чувством общей угрозы с Востока (и одновременно ошибочным выводом, что немечья Центральная Европа является частью Востока и дружелюбна ему). Западноевропейские страны с успехом выдвинули инициативу примирения собственных национальных исторических памятней или, по крайней мере, необходимости формального понимания, которое должно быть выше существовавших между ними различий. Французский теоретик памяти Пьер Нора заметил, что *lieux de mémoire* стали общим элементом общественной и политической жизни в Европе; они стали местами, которые вместо того чтобы разделять, объединяют западноевропейские народы⁵²¹. Джей Винтерс, автор одной из лучших англоязычных книг, посвященных европейской памяти, указал на опирающееся на сочувствие общее

⁵²¹ См.: Les Lieux de Mémoire: La République. Т. 1. Paris, 1984. В XX веке подобные *lieux de memoire* были официально установлены во Франции, Голландии, Австрии, Германии и Испании.

значение данных *lieux de mémoire*, которое помогло таким образом инспирировать общее сожаление и усилить, а не ослабить европейское единство⁵²².

Таким образом, новейшие исследования на тему исторической памяти отличаются от попыток пропаганды национального шовинизма в XIX в. посредством памяти, которая велась как при помощи книг, так и иных символических представлений о прошлом. Увековечивающие памятные ритуалы того столетия принимались и пропагандировались европейскими империями, жаждавшими утверждения и усиления своего имперского статуса. Историки XIX в., в свою очередь, создавали образ Европы с выгодой для собственных наций. Многие ритуалы памяти, часто подававшиеся так, как будто они являлись наследием веков, были созданы имперским воображением, вместо того чтобы быть делом многих поколений: парады, памятники и музеи организовывались, основывались и оплачивались европейскими монархами с целью их легитимизации и усиления лояльности граждан к имперскому государству⁵²³. В противоположность этому, *lieux de mémoire*, как их описал П. Нора, или поля битв Первой мировой войны, описанные Дж. Винтерсом, суть попытки аннулировать европейскую агрессивность и заменить ее духом сотрудничества. Конференция Немецкого исторического института, на первый взгляд, была устроена в этом духе. Однако — в отличие от Нора и Винтерса, которые просто проигнорировали восточную часть Европы, — главный докладчик склонялся к тому чтобы давать инструкции незнакомым ей «восточноевропейским Иным» (государствам Европейского Союза, расположенным к востоку от Германии), как конструировать общую память в отношениях со странами, национальные воспоминания которых в прошлом были источником конфликта. Ассманн предложила принять некие абсолютные принципы, что, по ее мнению, привело бы к желаемым результатам. Ее подход радикально отличается от спорадического подхода Дж. Винтерса или П. Нора, а также от традиционного метода историков, которые стремятся к объективности, конфронтации с доступными

⁵²² См.: *Winters J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge, 1998.*

⁵²³ См.: *Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // E. Hobsbawm, T. Range (red.), The Invention of Tradition. Cambridge, 1989. S. 263–307.*

данными, проверке и перепроверке источников и фактов, а также к упорядочиванию этих фактов с учетом их значимости.

Наиболее важная часть предложения Ассманн относится к методологии создания проектируемой общей памяти. Она с одобрением привела критерий «европейской идентичности для Германии», сформулированный, как она отметила, Бассамом Тиби — немецко-сирийским студентом Макса Горкхаймера, одного из теоретиков франкфуртской школы. Его первый постулат, а возможно, также и ее постулат, касался необходимости отбросить любую из трансцендентных истин, которые европейские историки привыкли считать основой для своих исследований, и вместо этого выбрать в качестве центральной концепцию «разума». Какого разума? Из представления Ассманн ясно следовало, что она и Тиби (а также Новик), имели в виду скорее просвещенческую, нежели аристотелевскую (т.е. христианскую) концепцию разума. Так, например, Ассманн исключила из числа тех, кто обязан определять, что именно европейцы должны помнить, всех, кто не подписывался под субъективизмом, который предложило Просвещение. Затем она заявила, что Церковь и политика должны быть отделены друг от друга, а царить должны плюрализм и толерантность. Мысль о том, что первая часть этого утверждения является тавтологией, и что обе части, взятые вместе, противоречат друг другу, не пришла ей на ум. Ассманн далее предложила отдать приоритет скорее воспоминаниям, нежели дискуссии о них; остановить «соперничество мартирологий», уважать память каждой из групп, и ввести контекстуальные рамки для памяти личности и группы. Она предложила эти постулаты, демонстрируя отрицание по отношению к мартирологии восточных соседей Германии; это, однако, никак не удержало ее от того чтобы обобщить их одним словом: «Едвабне»⁵²⁴. В заключение она заметила, что согласна с Тиби в вопросе примата прав личности над правами общества.

В то время как Тиби наиболее ясно сформулировал эти постулаты исключительно для Германии, быть может, по причине особенностей ее истории в XX в., Ассманн предложила, чтобы они были

⁵²⁴ Едвабне — город в Подляском воеводстве (во время Второй мировой войны — деревня в Белостокской обл. БССР), в котором 10 июля 1941 г. произошел еврейский погром. — Прим. пер.

признаны действительными для всего Европейского Союза. Она поступила так, не дожидаясь никакого вклада со стороны ученых из других стран ЕС, особенно тех, которые до сей поры лишь в небольшой степени могли включиться в диалог с немецкими коллегами или представить возможные наблюдения относительно способа определения Ассманн и Тиби европейской идентичности. Другими словами, когда Ассманн перешла на территорию истории Иных, и порекомендовала, как на нее следует смотреть, ее элегантно и, на первый взгляд, стройная теория охватила территории, о которых сама она мало что знала, но на тему которых, несмотря на это, готова была теоретизировать.

Экспортировав немецкий продукт Бассана Тиби в страны, ей не знакомые, Ассманн сослалась на британского экспатрианта в Америке Тони Джудта, как на авторитет по вопросам Восточной и Западной Европы. По ее мнению, в одном из очерков Джудт «показал», что после Второй мировой войны восточноевропейские воспоминания застыли «таким образом, чтобы поддерживать политическое *status quo*», т.е. состояние лестного для восточноевропейских народов самоосознания. Пренебрежение Джудтом и Ассманн действительностью советской оккупации в Центральной и Восточной Европе, позволило им формулировать подобного рода бессмысленные высказывания. Выступления против советской мощи и хорошо закамуфлированные, но теперь известные усилия советской стороны, чтобы задержать развитие оккупированных стран путем ограничения в них обновления инфраструктуры и образования, должны были подействовать как тревожный звонок, сигнализирующий о неправильности их рассуждений, но этого не случилось. Ассманн продолжила свои выводы, утверждая, что страны Центральной и Восточной Европы бесосновательно приняли позу невинных жертв и/или обществ, которые сопротивлялись немецкому нашествию, в то время как в действительности они на это не имеют на это права. Безосновательное изображение невинной жертвы повлекло за собой «затмевающие воспоминания» и «помогающие забыть» тему сотрудничества с немцами, повсеместно направленного против еврейских жертв фашизма. Ассманн придерживается мнения, что хотя эти «защитные стратегии» начали разрушаться в Западной Европе в 80-е гг. XX в., в Восточной Европе они остались нетронутыми. Несоразмерность ее сравнений (Восточная Европа находилась

под советской оккупацией в течение 1939–1941 гг. и 1944–1989 гг., т.е. в течение первых двух лет Второй мировой войны, что имело ощутимые последствия), скорее всего не пришла ей на ум. Однако даже по отношению к Западной Европе Ассманн продемонстрировала необычайную нехватку осведомленности. Она заключила, что западноевропейские страны даже не настолько виновные, как Германия, начиная с коллаборационистского правительства Виши до швейцарской защиты собственных банков и границ, по крайней мере являются наследниками многих «конфликтных и позорных» воспоминаний. С легкостью, недостойной ученого с замечательной репутацией, Ассманн нашла аналогии там, где их нет, а затем заявила, что рассказ о Едвабне вызвал в Польше сильную негативную реакцию, поскольку роль жертвы столь глубоко там укоренилась.

«Психоаналитики, — инструктировала Ассманн, — говорят о “защитных воспоминаниях”, которые тормозят другие воспоминания и служат для сохранения собственного позитивного образа. Говоря иначе, что-то помнится для того, чтобы суметь забыть что-то еще. Когда это касается сферы национальной памяти, то значит, что кто-то напоминает себе о собственном страдании, чтобы спрятать то, что помнит о собственной вине. Мифы возникают, когда такие неполные воспоминания признаются гомогенными национальной общностью, а воспоминания, признанные несоответствующими, исключаются из национального дискурса и убираются из коллективного самосознания»⁵²⁵.

Кроме того, Ассманн поучает, что автовосприятие Польши, как жертвы, может привести к отторжению чувства вины и ответственности⁵²⁶.

Принятые Ассманн эпистемологические принципы не позволяют ей проводить элементарные различия относительно степени ответственности; не будем уже говорить об отсутствии, мягко говоря, хорошего вкуса, которое позволяет ей давать советы народу,

⁵²⁵ Assmann A. Europe: A Community of Memory, GHIB 40 (spring, 2007). P. 15.

⁵²⁶ Ibid. P. 17.

уничтоженному нацистами и советской властью, по вопросам, относящимся к тому, как он обязан воспринимать свои неописуемые потери. Кроме того, она показывает себя человеком, неспособным заметить качественной разницы между созданием во Франции, в условиях иноземной оккупации, заслуживающего презрения правительства Виши, и последствиями беспричинного нападения на Францию со стороны нацистской Германии. Она не может также заметить ни разницы в несравнимо более жестоком отношении гитлеровцев к полякам, нежели к французам, ни разницы в масштабе движения Соппротивления в обеих странах, и многих других обстоятельств (практически игнорировавшихся западными и советскими историками) в период двухлетней нацистско-советской дружбы (1939–1941 гг.). В своем последнем романе Энн Райс замечательно подметила последствия, которые влекут за собой злые поступки в зависимости от их веса и обстоятельств:

«Я видел поступки... самые мелкие, самые обыденные... Я видел, как они разрастаются, как сплетаются с другими деяниями, и как все вместе образуют непроходимые заросли и великие разрастающиеся пустыни, от которых мир делается маленьким, словно нарисованным на карте, тот мир, образ которого мы храним в душе... И лицо Иакова, когда я сказал те слова: "ты меня утомил, брат мой", и с того мгновения злые слова отдались в пространстве миллионным эхом для тех, кто слышал или думал, что слышит, для тех, кто запомнил, повторил, признал, подхватил... Пока не уперся в небо перст указующий, не сошел на воду корабль, армия не погибла в северном лесу, не сгорел город, где пламя в ярости бросалось от одного дома к другому!»⁵²⁷

Если ученый не стал рабом механицистской логики Просвещения, параллели между художественным текстом Райс и научным текстом становятся очевидны. Для ученого, который знает факты, даже если они еще не спеклись в «события», последствия немецких деяний по всей Европе были несравнимо более вредоносны, чем последствия французского или швейцарского недеяния, которое

⁵²⁷ Rice A. The Road to Cana. N. Y., 2008. P. 181–182.

само по себе было вызвано изначально немецкими проступками. Любое теоретизирование по поводу относительности этих последствий допустимо со стороны ученых, хорошо знакомых с любой пострадавшей (Франция) или смертельно раненной (Польша) страной, однако же Ассманн не в состоянии провести различий, необходимых для оценки последствий немецких действий.

Разум Просвещения, на который ссылается Ассманн в начале своего доклада, относительно методологических инструментов не много что может предложить для справедливого разрешения вышеописанных проблем. Поэтому ее попытки выработать общий подход к исторической памяти тех стран, тяжесть потерь которых несоразмерна, обречены на неудачу. Для того чтобы найти общее отношение к действиям, последствиям действий и одновременно к относительному весу действий, следует употреблять понятия, укорененные в морали, опирающиеся на что-либо иное, нежели логика Просвещения. Несомненно, приравнивание такой страны, как Швейцария, с ее беспримерно эгоистической политикой обеспечения комфорта собственным гражданам путем закрытия границ для гуманитарных миссий, к немецкой агрессии не только по отношению к евреям, но также к католикам, которые были главной целью нацистской кампании массовых убийств в 1939–1941 гг. (Освенцим изначально был построен с целью истребления образованных слоев польского народа), указывает на неспособность давать сравнительную оценку моральному значению исторических событий при одновременном призыве принять универсальные критерии, которые обеспечили бы примат этических принципов в межевропейских отношениях. Ассманн пытается воспрепятствовать «взаимному соперничеству» жертв и «сравнениям» различных периодов, проведенных в состоянии жертвы, без исследований этих периодов и без необходимых знаний, обязательных для того чтобы положить конец таким сравнениям и такому соперничеству. Она не осознает, что хотя немцы целиком приняли на свои плечи все последствия своего поведения по отношению к евреям (и частью этой тяжестью было воспитание каждого немца с осознанием того, что произошло в немецко-еврейских отношениях во время войны), то в отношении поляков в Германии такого осознания не существует. Современные немцы не знают и (судя по примеру Ассманн) не хотят знать, что совершили немцы против католиков на Востоке и что в этой области совершил Советский Союз. Из очерка Ассманн и его

заключительных выводов ясно следует, что она не читала ни одной книги, выделяющей нацистские и советские декларации относительно католиков на Востоке и их реализацию. Она знает о Едвабне, но не знает про Конюхи или Налибоки; не слышала о Быковне, Замостье, Райске, Михнёве, Склобах, Кульне, Цицове, Ольшанке, Борове, Лазке, Юзефове, Сумене, Ямах, Милеёве, Кашицах, Сохах, Липне, Мрозах, Крушах — у каждой из этих деревень есть история не менее пронзительная, в каждой из них жертвами были католики. Ее ссылки не содержат упоминания даже настолько базовых книг как «Забывтый холокост» (*The Forgotten Holocaust*) Ричарда Лукаса. Кажется, она абсолютно не понимает «заражения земли», которое немцы совершили на польских, чешских и украинских территориях, расположив там Аушвиц, Терезиенштадт, Бабий Яр и другие лагеря смерти и места совершения массовых убийств. Хотя лагеря уничтожения строились также и на немецкой земле, достаточно упомянуть только Бухенвальд и Дахау, в большинстве они были построены на оккупированных территориях, так чтобы «иным» пришлось иметь дело с упреками за обладание подобными «навязанными» воспоминаниями. Здесь дело не в «соревновании жертв», это вопрос немецкого невежества, незнания о том, что совершали нацисты по отношению к восточноевропейским католикам и вопрос отсутствия воли, чтобы найти средства от этого невежества. Такие вопросы должны обсуждаться немецкими учеными, прежде чем они предложат своим восточно- и центральноевропейским коллегам инструкцию, как перейти «от травмы к пониманию», как «отделить память от аргументов», как остановить «соревнование жертв», и насколько лучше «делиться воспоминаниями, нежели держаться исключительно за воспоминания своего общества».

Последствия 50 лет советского тоталитаризма (прямого результата гитлеровского нашествия), в Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Западной Украине и Белоруссии, утрата таким образом нескольких поколений, не соотносится с легкомысленным призывом Ассманн перестать сравнивать и заморозить европейские воспоминания в их текущей фазе, ссылаясь на швейцарские и французские воспоминания (которые не всегда представляют швейцарцев и французов в добром свете), в контексте немецких преступлений Ассманн пытается дать понять, что западноевропейские страны, которые вели себя недостойно во время Второй Мировой войны, сейчас должны

стать рядом с Германией как равно виновные, и приглашает страны к востоку от Германии признать и подтвердить свое собственное (т.е. восточноевропейское) соучастие в нацистских преступлениях. С исторической, психологической и моральной точки зрения это требование абсурдно.

Доклад Ассманн и вся конференция были лишены участия ученых, знакомых с воспоминаниями и исследующих их и возможности справиться с ними, используемые в Центральной и Восточной Европе. Ассманн выразила свое мнение на тему статуса «коммерциального сознания» в странах, истории которых она не изучала; кроме того, она приняла как само собой разумеющееся, что при конструировании европейской памяти надо опустить все метафизические размышления. Дерзость в приведении подобных высказываний по отношению к таким странам, как Польша или Литва, где подавляющее большинство населения является религиозным, вызывает мозговые конвульсии. Это, как я понимаю, частое явление в немецкой интеллектуальной жизни. Смелость немецкого теоретизирования относительно мира и окружающей действительности хорошо известна, а также многократно была одобрена и принята в научных кругах стран «Первого мира». Но когда эта самая смелость бьет по людям, на чьей земле немцы построили лагеря смерти, людям, которые остались практикующими христианами, она становится чем-то, что принять невозможно.

Меня удивляет, что такой ученый, как Ассманн, будучи высокочувствительной к страданиям евреев, и сориентированный в вариантах контекстуализации еврейских исторических воспоминаний, посчитала себя лицом, достаточно компетентным для создания теории относительно народов, ей неизвестных. Единственным возможным вариантом объяснения может быть, что 50 лет молчания, навязанного советским террором негерманской Центральной и Восточной Европе, привели к тому, что теперь у немецких ученых появилась позиция, будто странам к востоку от Германии нечего сказать по поводу Второй мировой войны, и что все уже было сказано исследователями Холокоста и немецкими исследователями.

Ассманн с одобрением приводит мнение Петера Эстерхази о «лжи относительно единственного преступника и... неправде относительно исключительной жертвы Второй мировой войны». Ни разу не вспоминает она о переломных, но забытых двух первых годах

Второй Мировой войны от сентября 1939 до немецкого нападения на Советскую Россию (т.е., скорее, и на оккупированные Советским Союзом польские земли) 22 июня 1941 г. Она элементарно не знает, кто там воевал, против кого, когда и почему, и какие у этого были последствия. Она ссылается на комментарии Христиана Майера относительно «зверств», совершенных немцами «в Польше и России». Однако можно ли на самом деле отбросить все последствия немецких деяний в Польше, на Украине, в Литве при помощи единственного слова «зверства», а затем читать лекции о том, как эти страны должны справиться с собственным знанием об этом и с собственными воспоминаниями? На конференции Немецкого исторического института не было ученых, представлявших польские, литовские, латышские, эстонские, белорусские или украинские территории — не было Анджея Пачковского, Януша Куртыки, Яна Кеневича, Анджея Новака, Генрика Виснера, Антония Дудки, Яна Жарина, Мариуша Мушиньского, Петра Гонтарчика, Марека Яна Ходакевича или Себастьяна Боемского. В сущности, вся эта конференция кажется организованной таким образом, чтобы лишить слова восточноевропейских католиков. Немецкие обычаи ставят Германию в «центр» цивилизации и интеллектуальной артикуляции, признавая, таким образом, немецких ученых уполномоченными самостоятельно транслировать голос «периферии» (Центральной и Восточной Европы). Эта «иная Европа» признается местом для колонизации, наставлений, экспериментов инициированного Германией исторического прогресса, но никогда не считается местом, которое может предложить собственную точку зрения — местом, где западная цивилизация развивается неповторимым, несколько отличным от Западной Европы образом, но также, без сомнения, остается и строится на западном, латинском, фундаменте. В недавней статье историк Ян Кеневич аргументировал, что прибалтийские государства, а также Польша, Венгрия, Чехия и Словакия изобрели собственную цивилизационную модель, опирающуюся на те же самые, что и принятые в Западной Европе, принципы, но примененные иным образом, с учетом других географических и политических обстоятельств⁵²⁸.

⁵²⁸ См.: *Kieniewicz J. Civilizational Aspects of the Eastern Boundaries of Europe // The State and Development in Africa and Other Regions: Past and Present. Studies and Essays in Honor of Professor Jan J. Milewski. Warsaw, 2007.*

Я не знаю ни одного немецкого ученого, который захотел бы всерьез принять во внимание такие тезисы. В немецкой историографии страны к востоку от Германии существуют как не культурно-родственные, а как отдельные и самостоятельные элементы бытия. Все они подгоняются под туманный образ некоей территории, которая требует наставников и артикуляции извне — образ остановки по дороге в Россию, которой немцы до сих пор очарованы.

Представление Ассманн еще более укореняет эти дурные привычки колониального сознания. Она предложила модель памяти, которая, как она заявила, является универсальной, хотя базируется исключительно на опыте Западной Европы и Германии, а также на теориях марксистской франкфуртской школы. Я считаю, что без того, чтобы принять во внимание голоса и точку зрения новой Европы, проект создания общей европейской исторической памяти не может быть запущен.

Докладчики конференции были подобраны Немецким историческим институтом. В этом контексте жест в сторону «безмолвных масс» на Востоке имеет свое значение. Вместо того чтобы пригласить польских, литовских, эстонских, украинских или литовских исследователей, специализирующихся на истории Второй мировой войны и проблемах исторической памяти, Немецкий исторический институт пригласил польского посла в США Януша Рейтера. Нетрудно понять, что присутствие посла Рейтера имело целью создать впечатление, будто все стороны были приглашены к дискуссии, и что теоретизирование теперь может проходить в атмосфере полного понимания.

Случайность (*contingency*) была признана фундаментальным и всеобъемлющим принципом, а единственным возможным указателем при этом должно было быть осуществление властных функций («если происшествие было достаточно широко обсуждено»). Питер Новик с презрением говорил о концепции «органического развития общества», о точке зрения, являвшейся сутью мысли Джона Генри Ньюмана и Т.С. Элиота (не говоря уже о миллионах менее известных авторов, которые до сих пор рассматривают общество, как «органически развивающееся»). Однако по мнению П. Новика, этот тип мышления был дискредитирован, и не должен приниматься во внимание учеными, претендующих на статус ученых

мирового уровня⁵²⁹. Другими словами, П. Новик заявил, что тех, чье мировоззрение основано на эссенциалистических понятиях, нельзя считать серьезными учеными. В такой ситуации католическим ученым, включая двух последних Римских Пап, надо отказать в научном статусе, попросту потому, что они признают действительность, которая дала начало метафоре органичного развития. Лишение их статуса ученых мирового уровня является догматизмом *a rebours*, который не сочетается со свободой научных исследований и нейтральным отношением к широкому спектру эпистемологических подходов, с чем и ассоциируется научность в открытом обществе.

Стоит также припомнить, что постулат примата прав личности над правами общества был предложен здесь представителем самого сильного среди всех европейских сообществ, а именно немецкого народа. Скорее всего, кажется маловероятным, чтобы права этого сообщества могли бы быть попораны в каких бы то ни было возможных обстоятельствах. Общественные права немецкого народа в последнее время были укреплены финансированием немецким правительством Центра против выселений в Берлине, который призван сохранить память о выселении немцев с территорий, признанных «Большой Четверкой» после Второй мировой войны частью Чехословакии и Польши. Этот центр был построен, несмотря на протесты чехов и поляков. Он игнорирует или же крайне мало говорит о других выселениях, в частности, тех, что были инициированы Советской Россией и обернулись переселением на бывшие немецкие территории более миллиона нерусских, до того времени живших в Литве, Белоруссии и на Украине. Те, кто протестовал против создания Центра, видели элемент гротеска в стремлении почтить немецкие страдания, связанные с гитлеровской войной, прежде чем почтить память немемецких жертв-католиков, число которых достигает нескольких миллионов. Центр был основан до того как в немецких исторических книгах было бы выражено соответствующее отношение ко всей тяжести немецкой вины, хотя бы по отношению к полякам⁵³⁰. Несмотря

⁵²⁹ См.: *Novick P. Comments on Aleida Assmann's Lecture*, GHIВ 40 (spring, 2007). P. 28–29.

⁵³⁰ В статье «Widoczny znak». Rząd polski nie zgłasza sprzeciwu Marek Чихоцкий утверждает, что Центр был построен невзирая на предостережения польской стороны. В результате, говорит Чихоцкий, постройка Центра доказала, что «польско-немецкий диалог — это фикция» // *Rzeczpospolita*. 25.03.2008.

на то что Ассманн выразила свое неодобрение агрессивных инициатив организаций немецких переселенцев, она не могла не осознавать, что такие как она, высказывающиеся на научной конференции, проходящей на американской территории, не играют значительной роли в политике немецкого правительства.

Можно ли в Европе сформировать общую историческую память? Верю, что это так. В XXI в. Европа объединена политически, а до определенной степени также экономически и идеологически. Однако же существует определенная дисгармония касательно знаний друг о друге между странами «старой» и «новой» Европы. Исправить эту ситуацию можно, если немецкие ученые подробно ознакомятся с историей и воспоминаниями своих восточных соседей. До сих пор они отказывались это сделать.

Существует связь между тем, как народ относится к собственной политической безопасности, и способностью конвертировать свои воспоминания в тот вид памяти, который описывает в своей книге Винтерс, либо тот вид памяти, который был признан участниками конференции Немецкого исторического института и способен безотлагательно стать частью самовосприятия каждого из нас. Каждый народ достигает определенного уровня стабильности и с уважением признается соседними нациями как творец и хозяин собственной истории (вносящий вклад в формирование возможных способов восприятия истории соседями). Он может вспоминать прошлое вместе со своими бывшими оппонентами без горечи в отношении давних обид и потерь. Достижение данного состояния требует, чтобы история и автовосприятие этого народа были в определенной мере разделены соседними народами, в особенности теми народами, которые некогда жестоко с ним обходились. Если народ не достиг подобного состояния безопасности и стабильности, попытки поучать его и говорить о более высококультурном поведении его соседей равняются интеллектуальному насилию и культурному империализму.

Нужно отдать должное Немецкому историческому институту. Другая немецкая докладчица, выступавшая на конференции, Гезине Шван, выдвинула подобные постулаты:

«Исследования показывают, что поляки проявляют не только больше уважения, но также гораздо больше симпатии к немцам, нежели немцы к полякам. Отношение немцев

изменяется очень медленно. Однако заслуживает внимания факт, что поляки, которые были жертвами немецкой политики не только во времена правления национал-социалистов, но и ранее, гораздо более свободны и более миролюбиво настроены к немцам, нежели наоборот. Это понятно с психологической точки зрения, поскольку те, которые совершили что-то плохое, часто проявляют подсознательную тенденцию думать, что жертвы также должны были принимать в этом участие. Этот психологический механизм создает «антисемитизм враждебности» (*anti-semitism of resentment*). Поскольку мы не хотим признавать нашей роли в качестве преступников, то чтобы облегчить наши эмоции, говорим: «сами жертвы также принимают в этом участие». И до определенной степени это также относится к Польше. Я бы сказала, особенно в последние годы. Публичные дискуссии в Германии о нацистском прошлом и Второй Мировой войне изначально касались евреев, а после — изгнанных. Однако не так уж часто — того, что причинили Польше. Я думаю, что это дефицит, который необходимо восполнить, чтобы показать современной Германии то, что на самом деле произошло в Польше»⁵³¹.

Однако замечания Шван были проигнорированы.

Чеслав Милош в своей нобелевской лекции говорил о «другой Европе»⁵³². Он не имел в виду Россию, которая известна концентрацией на самой себе, но скорее страны на запад от России, культура которых имеет корни в западном христианстве и греко-римских образцах, но которые, однако, утратили политическую независимость в разные моменты истории и обрели ее в результате Первой мировой войны⁵³³. Битвы, памятники, музеи и *lieux de mémoire*, связан-

⁵³¹ Schwan G. Bridging the Oder. Reflections on Poland, Germany, and the Transformation of Europe: P. I. GHIB 40 (spring, 2007). P. 45.

⁵³² Miłosz Cz. Nobel Lecture. URL: http://nobelprize.org/nobel_prizcs/literature/laureates/1980/irii-losz-lecture.html

⁵³³ Приспособление к западному мышлению, которое должно здесь произойти, имеет связь с тем фактом, что Первая Мировая война не считается катастрофой в негерманской Центральной Европе, поскольку она принесла свободу поработенным ранее народам и позволила им начать восстановление их государственности и самоидентификации.

ные с «великой войной», рассеяны по этим странам. Но названия этих мест, городов, населенных пунктов и лиц, с ними связанных, не присутствуют в памяти западных европейцев, т.е. в общей памяти, которая была предметом дискуссии на конференции Немецкого исторического института. Исключением являются места, связанные с Холокостом. Страны, расположенные к востоку от Германии, в т.ч. Польша, были в XIX в. разделены между империями, в результате чего более ранняя их история была стерта из европейского, а главным образом, из немецкого сознания. Несмотря на это, данные страны сыграли значительную роль в предыдущих столетиях. И даже сейчас, после всех этих поражений, располагают сильной и выразительной идентичностью. Польша насчитывает почти 40 млн. граждан, из которых 97 % воспринимает себя как поляков (в Германии 91,5 % граждан воспринимает себя как немцев⁵³⁴). Кто же за пределами Польши вспомнит сейчас, что Павел Влодковиц (1370–1435) представил в 1412 г. на Соборе в Констанце трактат *De potestate papae et imperatoris*, в котором сформулировал основы международного права и провозгласил, что «также язычники имеют право на жизнь в мире»? Или о том, что в Праге и Кракове университеты были раньше Вены и Гейдельберга? В связи с подобного рода амнезией, в XXI в., после присоединения к Европейскому Союзу, страны к востоку от Германии называются «новой Европой», так, будто бы их Средневековье, Возрождение и барокко никогда не существовали, будто Европа началась с Просвещения.

Почему эти вопросы столь важны для американской интеллектуальной жизни, и американского консерватизма в особенности? Поскольку, во-первых, сейчас консерваторов в «новой» Европе больше чем в «старой», и именно с ними американские консерваторы обязаны начать диалог. В этой «другой Европе» больше исповедующих христианство, нежели в Западной Европе. Несмотря на вторжение постмодернизма в восточно- и центральноевропейские университеты и в систему образования, гуманитарные науки в этих странах отличает в немалой степени логоцентризм, и поэтому они также более гармонируют с консервативной мыслью в Соединенных Штатах, чем с гуманистической научной мыслью в «старой» Европе. Это

⁵³⁴ См.: CIA World Factbook 2008. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-worldfact-book>

особенно релевантно по отношению к Польше, где аристотелевские рассуждения (т.е. такой вид мышления, началом которого служит признание действительности, существующей вне людского сознания, в большей степени, нежели начало, происходящее от человеческого сознания — так, как этого хотели Декарт и Просвещение), принимается гораздо более широко, чем в Германии или в американских университетах.

Потому также важно понять последствия подхода к исторической памяти, пропагандируемого в ходе конференции Немецкого исторического института. Этот подход призывает «старую» Европу отбросить свою логоцентрическую ориентацию и реструктурировать свою систему ценностей в соответствии с постсовременными принципами. «Конструктивистский» подход Ассманн находится в «особой оппозиции» к эссенциализму, если воспользоваться ее собственными словами. Она утверждает, что мы всегда выбираем из прошлого то, что для нас наиболее выгодно. Другими словами, мы всегда относимся к прошлому инструментально, более помня о собственных интересах, чем о принципах объективности. Однако существует огромная разница между признанием в том, что мы никогда не сможем быть совершенно объективны, и ограничением нашей памяти только лишь собственными интересами. Ассманн признает вслед за Хальбвахом, что коллективная память является конструкцией памяти «соответствующей потребностям современности». В связи с тем, что современность и с какой точки зрения не стабильна, реконструкция прошлого является изменяющимся открыто-закрытым проектом⁵³⁵. Другими словами, правды о прошлом не существует.

Осмелюсь сказать, что это издевательство над концепцией памяти, которой придерживаются американские консерваторы, и которая до недавнего времени была принята также и в Европе. Разумеется, наше представление о прошлом всегда возникает в процессе конструкции. В конструктивизме Ассманн, однако, не хватает механизмов, предупреждающих нас, что определенная важная часть прошлого не была принята во внимание; это уничтожает разницу между «существенным» и «второстепенным», ограничивая процесс нашего запоминания тем, что служит современности. Заявление

⁵³⁵ См. A. Assmann, Response to Peter Novick, GHIB 40 (spring 2007). S. 34.

Ассманн является рафинированной и применимой в частном случае версией марксистского принципа, что наш материальный статус определяет наше сознание. Ассманн может предложить нам только лишь кратковременную замену европейской памяти, ту, что опирается на «события» Каролы Дитце, излагаемые и разъясняемые выдающимися личностями, престижными университетами и хорошо известными издательствами. Народы, которые сумели сформулировать свою историю мира, будут удовлетворены таким порядком вещей, но от тех, которые этого не сделали, нельзя ожидать согласия на что-либо, что является для них разрушением истории. Таким образом возникают конфликты между народами.

Историки, которые собрались в Немецком историческом институте в ноябре 2006 г., чтобы оглашать ученые трактаты, дискутировали об истории таким образом, который подразумевал, что их дискурс является единственным признаваемым на мировом уровне, и в связи с этим он не может быть подвергнут сомнению. Хотя тенденция к навязыванию интерпретаций появилась в искусственной атмосфере академии и поэтому может также представляться незначительной, необходимо принимать во внимание угрозу, связанную с подобной манерой поведения. Постмодернистский подход к истории не может быть принят восточными соседями Германии, а также теми, кто отказывается бросить логоцентризм в «мешок беспамятства», если пользоваться определением Оруэлла. Анализ конференций, подобных этой, дает понять, что современная западноевропейская наука не является союзником в борьбе за выживание западной культурной традиции. Если должны быть найдены интеллектуальные союзники, надо сосредоточиться на «новой» Европе и ее интеллектуалах, от Вацлава Клауса и Виктора Орбана до Рышарда Легутко и Здислава Краснодембского⁵³⁶.

С английского языка перевел Павел П. Врублевский

⁵³⁶ Виктор Орбан [Viktor Orbán] лидер венгерской партии Fidesz; Рышард Легутко — министр образования в правительстве Качиньского, профессор философии Ягеллонского Университета; Здислав Краснодембский — профессор социологии Университета в Бремене (Германия), а также Университета Кардинала Стефана Вышиньского в Варшаве. См. также: *Dempsey J.* Letter from Europe: a new conservatism rises in Eastern Europe // "International Herald Tribune" 04.10.2007.

Ева Семашко*Варшава*

Состояние исследований геноцида, совершенного против польского населения Организацией Украинских Националистов и Украинской Повстанческой Армией

Тема преступлений украинских националистов в течение нескольких десятков послевоенных лет практически отсутствовала в научных работах и публицистике, за исключением преступлений, совершенных на территориях современной Польши, которым были посвящены публицистические работы явно пропагандистского звучания и воспоминания. Вплоть до 1989 г. и конца функционирования политической системы ПНР обсуждение тематики, касавшей земель, присоединенных в 1944 г. к СССР, не приветствовалось властями. В свою очередь, в Третьей Речи Посполитой стремление воздержаться от исследований геноцида, совершенного ОУН-УПА, следует из общепринятой концепции налаживания добрососедских отношений с независимой Украиной путем избегания щекотливых тем.

До 1989 г. убийствам поляков украинскими националистическими группировками были посвящены краткие разделы в нескольких научных работах, а их авторы опирались исключительно на фрагментарные донесения либо на общие обсуждения ситуации польского населения в документах польского подпольного государства, которые, впрочем, были доступны исследователям исключительно после получения специального разрешения. Из общего объема публикаций в период ПНР не следовала полная картина хода и размеров преступлений украинских националистов, и не одно научное учреждение не приступало к углубленным исследованиям.

1. Инициативы и работы Общества ветеранов 27 Волынской пехотной дивизии АК, а также товариществ жителей Кресов

В описанной выше ситуации бывшие аковцы, солдаты 27 Волынской пехотной дивизии АК, в большинстве своем осведомленные о пре-

ступлениях украинских националистов, силами своего общества взялись за сбор свидетельств преступлений, т.е. сообщений свидетелей о потерпевших. Ранее подобного типа доказательств преступлений никто не собирал. Собранный материал затем был обработан и издан в 1990 г. Главной комиссией изучения гитлеровских преступлений (современное название более поздней Главной комиссии расследования преступлений против польского народа — Институт Национальной Памяти). Это была работа за авторством двух солдат 27 ВПДАК Юзефа Туровского и Владислава Семашко под названием «Преступления украинских националистов, совершенные против польского населения на Волыни 1939–1945»⁵³⁷, в которой, в хронологическом порядке, были представлены преступные действия на в населенных пунктах на территории Волыни, с указанием численности жертв и их именными списками, а также обстоятельства преступления в разной степени подробности. Кроме сообщений свидетелей были использованы найденные материалы округа АК Волынь. Необходимо отметить, что на этом этапе исследования преступлений на Волыни именные списки жертв были короткими. Поскольку работа Туровского и Семашко вызвала резонанс среди бывших жителей Волыни, которые предоставляли новые свидетельства, В. Семашко продолжил эти исследования, стремясь максимально подробно отобразить ход и масштаб преступлений на основании разрозненной базы источников. К этой работе подключилась также его дочь Ева Семашко.

Одновременно Общество ветеранов 27 Волынской дивизии АК, переформированное в 1991 г. в Округ Волынь Всемирного Союза солдат АК, пыталось заинтересовать этой темой научных работников, публицистов и политиков. Как вспоминает многолетний председатель Общества Волынских Ветеранов Анджей Жупаньский:

«В течение первых двух лет независимости проходили различные встречи на польско-украинские темы: историков, публицистов и политиков. В некоторых из них принимали участие и члены нашего общества. Все они проходили под знаком объединения с украинцами. И всегда, именно всегда, слово на них брали люди, которые стояли на твер-

⁵³⁷ Zbrodnie nacjonalistów ukraińskich dokonane na ludności polskiej na Wołyniu 1939–1945.

дой позиции, заключающейся в том, чтобы не напоминать украинцам о преступлениях, совершенных ОУН-УПА. Можно сказать, что любая наша попытка представить истинный ход событий во время войны и сразу после нее всегда отвергалась. Наши собеседники воспринимали нас как людей, переполненных ненавистью к украинцам и тем самым причиняющих вред Польше»⁵³⁸.

Первая работа Туровского и Семашко о преступлениях на Волыни, вопреки здравому смыслу, была встречена с недоверием, и, по причине принадлежности ее авторов к АК, сильной связи с этой средой, а также пребывания авторов во время волынской резни на Волыни, считалась субъективной и малодостоверной.

Несмотря на неблагоприятную общественно-политическую атмосферу, в 1992–1994 гг. Всемирный союз солдат АК (ВССАК) обратился к научным кругам с инициативой заняться исследованием волынской резни. По воспоминаниям А. Жупаньского, реакция в те времена была следующей:

«Мы посетили несколько крупнейших университетов (Варшавский, Краковский, Вроцлавский, Торуньский, Люблинский), пытаюсь разузнать, есть ли там кто-либо серьезно заинтересованный волыньским делом. Везде результат переговоров был отрицательным. От знакомых компетентных профессоров мы узнали, что в некоторых других учебных заведениях было то же самое»⁵³⁹.

Не переставая прилагать усилия по освещению волыньских преступлений и сбору неоспоримых доказательств, ВССАК выступил с рискованной инициативой по организации циклов семинаров с участием профессиональных историков Польши и Украины из нескольких научных центров под общим названием: «Польша — Украина: трудные вопросы», результатом которых — по планам ВССАК — должно было стать совместное польско-украинское определение и описание причин, хода и последствий волыньско-малопольской резни.

⁵³⁸ Żupański A. Droga do prawdy o wydarzeniach na Wołyniu. Toruń, 2006. S. 38–39.

⁵³⁹ Ibid. S. 110.

В 1997–2001 гг. состоялось 11 исторических семинаров, на которых был рассмотрен весь комплекс проблем, составляющих *Польско-украинские отношения в годы Второй мировой войны*. Были опубликованы доклады, а также т.н. протоколы согласования и расхождения по каждой встрече, свидетельствовавшие о разном подходе и различных интерпретациях проблем, обсуждаемых польскими и украинскими историками. Если польская сторона, по крайней мере, в принципе, представила обстоятельства преступлений соответствующими действительности, то определение причин преступлений вызывает опасение. Идеология украинского национализма не указана как основная. Занижена также численность потерь польского населения. Это вызвано тем, что описывавшие потери не проводили углубленных исследований, они исходили исключительно из анализа данных, приведенных в публикациях и некоторых архивных документах, которые авторы сопровождали собственными оценками.

Получение независимости в 1989 г. активизировало также деятельность других сообществ бывших жителей Кресов. В 1990 г. возникло Товарищество по увековечиванию памяти жертв преступлений украинских националистов с резиденцией во Вроцлаве, которое также занялось сбором документов, относящихся к этим преступлениям. С 1992 г. Товарищество издает журнал «На рубеже» (*“Na Rubieży”*), в котором публикуются работы, посвященные преступлениям в отдельных административных округах довоенной и послевоенной Польши, а также избранные документы, собранные Товариществом. Найденные документы — это сообщения и воспоминания лиц, потерявших близких, родственников, соседей и друзей; фотографии, личные документы, например, свидетельства о периоде преступлений и террора, касающиеся всей территории, на которой был совершен геноцид. Это самое большое в Польше собрание подобного рода свидетельств. Собранная Товариществом документация, а также материалы, находящиеся вне архивов Товарищества, в том числе воспоминания, которые издавались главным образом после 1989 г., и отдельные публикации, относящиеся к некоторым территориям совершения преступлений, Товарищество подвергло обработке и анализу, результатом которых стала публикация трех важных работ, касающихся трех малопольских воеводств. Эти работы будут рассмотрены ниже.

Определенный вклад в изучение преступлений украинских националистов вносят также другие товарищества, в которые входят бывшие жители Волыни, собирающие, подобно Товариществу во Вроцлаве, сообщения и воспоминания свидетелей, публикующиеся затем в форме книг и использующиеся исследователями волынского геноцида. Это Товарищество памяти поляков, убитых на Волыни с резиденцией в Замостье, и Товарищество друзей Кременца и Волыньско-Подольской земли с резиденцией в Люблине.

Главную тяжесть раскрытия правды о муках поляков на Кресах, таким образом, взяли свои плечи пострадавшие.

2. Работы государственных органов следствия и разоблачения преступлений

Участие польского государства в выяснении обстоятельств преступлений на Волыни и в Малопольше выражаются исключительно в работах органа, созданного для расследования и разоблачения преступлений, совершенных против польского народа. Сперва их проводила в (1991–1999 гг.) Главная комиссия расследования преступлений против польского народа — Институт Национальной Памяти, затем — созданная на ее основе в 2000 г. Главная комиссия разоблачения преступлений против польского народа, как структура Института Национальной Памяти, в состав которой входят окружные комиссии расследования преступлений. Следствия «по делу об убийстве в 1939–1945 гг. украинскими националистами нескольких десятков тысяч мужчин, женщин и детей польской национальности» на территории Волынского, Тарнопольского, Львовского, Станиславовского воеводств и Люблинского воеводства были возбуждены в 1991–1993 гг., и до сих пор продолжаются. По установленным данным, только одна из трех проводящих следствие окружных комиссий прослушала 4 500 свидетелей⁵⁴⁰. Таким образом, можно предположить, что число показаний как минимум в 2 раза больше. Комиссия, кроме огромной доказательной базы, распола-

⁵⁴⁰ *Miszko P., Matkowski K.* Zbrodnie ludobójstwa popełnione przez nacjonalistów ukraińskich w Małopolsce Wschodniej w latach 1939–1945 na osobach narodowości polskiej w świetle śledztw OKSŻpNP we Wrocławiu // *Zbrodnie przeszłości. Opracowania i materiały prokuratorów IPN.* T. 2. Ludobójstwo, Red. R. Ignaticw, A. Kura. Warszawa, 2008. S. 52.

гает также многочисленными копиями исторических документов разного характера, и даже фотографической документацией. Поскольку следствия еще не закончены, не были оглашены и их окончательные результаты. Тем не менее, публикуемые выводы отдельных этапов следствий сходны с выводами исследователей вне Института Национальной Памяти, о чем будет сказано далее, хотя способы установления картины преступления прокурорами, документалистами и историками отличаются друг от друга. Таким образом, можно констатировать, что выводы органов следствия при расследовании преступления, даже если они не окончательны, образуют существенный вклад в изучение украинского геноцида. В последнее время они публиковались в 2008 г. в 10 сборниках вспомогательных материалов Института Национальной Памяти: *Преступления прошлого. Исследования и материалы прокуроров ИМП. Т. 2. Геноцид*⁵⁴¹. Там находятся две статьи, посвященные геноциду на Волыни и в Восточной Малопольше, обобщающие результаты прокурорских расследований⁵⁴².

В свою очередь, научно-исследовательский отдел ИПН до 2007 г. не проводил углубленных исследований, направленных на упорядочивание реестра преступлений и определение их масштаба. Преступлениям на Волыни и в Малопольше был посвящен сборник докладов на конференции «Антипольская операция ОУН-УПА 1943–1944. Факты и интерпретации»⁵⁴³, изданный под тем же названием в 2002 г. В этом сборнике величайшее из преступлений, т.е. геноцид, даже не называют преступлением, но именуют маскирующим сущность событий термином, происходящим из документов преступников — «антипольская акция». В содержании некоторых докладов была уменьшена роль интегрального украинского национализма как причины геноцида, и сделан акцент на мотивах из категории «смягчающих обстоятельств», внушающих необходимость понимания преступников.

⁵⁴¹ Zbrodnie przeszłości. Opracowania i materiały prokuratorów IPN. T. 2. Ludobójstwo.

⁵⁴² Это: Prześladowania ludności narodowości polskiej na terenie Wołynia w latach 1939–1945 — ocena karnopravna zdarzeń w oparciu o ustalenia śledztwa OKSZpNP w Lublinie прокурора Петра Зайонца, а также упоминаемые в примечании 3 Zbrodnie ludobójstwa popełnione przez nacjonalistów ukraińskich w Małopolsce Wschodniej... прокуроров Мишко и Матковского.

⁵⁴³ Antypolska akcja OUN-UPA 1943–1944. Fakty i interpretacje.

В 2005 г. ИНП совместно с архивом Министерства Внутренних Дел, Государственным архивом Службы Безопасности Украины и Институтом политических и национальных исследований Национальной академии Украины, издал сборник документов: «*Польская Украина в тридцатые-сороковые годы XX века. Неизвестные документы из архивов спецслужб. Т. 4. Поляки и украинцы между двух тоталитарных систем 1942–1945*»⁵⁴⁴, содержащий 194 документа, подобранные таким образом, что возникает ощущение симметрии между антипольскими выступлениями украинских националистов и польскими акциями возмездия, и даже — в отношении некоторых регионов — создается ощущение, что это преступная агрессия польской стороны вызвала украинское возмездие.

В ходе работ ИНП, кроме того, был составлен реестр случаев спасения поляков украинцами, которые с риском для жизни различным образом способствовали спасению жизни многих поляков, озаглавленный «*Книга праведных на Кресах 1939–1945. Об украинцах, спасавших поляков, подвергавшихся уничтожению ОУН и УПА*»⁵⁴⁵. Автор, Ромуальд Недзелько, опирался на публикации и не публиковавшиеся ранее свидетельства. С 2007 г. в исследовательском отделе Института Национальной Памяти, т.е. в Бюро Общественного Образования, реализуется многолетняя программа исследований «*Людские потери польско-украинского конфликта в 1939–1947 годах*»⁵⁴⁶, которая ограничена территориями послевоенной Польши. Поскольку исследования продолжаются, их результаты будут известны в будущем. В качестве вклада в полное прояснение обстоятельств геноцида можно рассмотреть изданную ИНП в 2010 г. книгу «*Сестры-монахини — жертвы преступлений украинских националистов на территории львовской метрополии латинского обряда в 1939–1945*»⁵⁴⁷ за авторством сестры Агнешки Михной. Ценность этой работы заключается в использовании материалов, находящихся в недоступных для общего пользования архивах женских монастырских общин.

⁵⁴⁴ Polska Ukraina w latach trzydziestych-czterdzieści-tych XX wieku. Nieznane dokumenty z archiwów służb specjalnych. T. 4. Polacy i Ukraińcy pomiędzy dwoma systemami totalitarnymi 1942–1945.

⁵⁴⁵ Kresowa księga sprawiedliwych 1939–1945. O Ukraińcach ratujących Polaków podanych ehterminacji przez OUN i UPA. Warszawa, 2007.

⁵⁴⁶ Straty osobowe konfliktu polsko-ukraińskiego w latach 1939–1947.

⁵⁴⁷ Siostry zakonne — ofiary zbrodni nacjonalistów ukraińskich na terenie metropolii lwowskiej obrządku łacińskiego w latach 1939–1945.

3. Важнейшие публикации, реконструирующие преступления

Как следует из представленной истории обсуждения непопулярной темы преступлений украинских националистов, *подробные исследования, направленные на установление фактов преступлений и их последствий на уровне минимальных административных единиц довоенного административного деления, до сего времени проводились в Польше прежде всего общественными силами.*

Их результатом стало издание четырех работ, рассматривающих волинско-малопольские преступления на главных территориях их совершения, т.е. в довоенных воеводствах: Волинском, Тарнопольском, Станиславовском и Львовском. Пятая работа касается территорий, находящихся в границах послевоенной Польши, и охватывает восточный пояс повятов, входящих в состав Люблинского и Жешувского воеводств (часть повятов Жешувского воеводства принадлежали ранее к Львовскому воеводству).

– Первая работа появилась в 2000 г.: *«Геноцид, совершенный украинскими националистами в отношении польского населения Волины 1939–1945»*⁵⁴⁸ (2 тома, 1438 страниц), ее авторы — Владислав Семашко и Ева Семашко. Изначально она возникла на основе работы Туровского и Семашко, изданной в 1990 г., однако же, поскольку база источников возросла почти в 20 раз, она стала совершенно новой работой. При подготовке исследования были использованы 2 534 источника, в т.ч. 1759 сообщений и воспоминаний, писем, 204 судебных документа, 136 документов из следственных дел, проводимых Комиссией расследования преступлений против польского народа, 58 документов польского подпольного государства, 37 церковных документов, а также иные различного рода источники, как, например, донесения, памятные доски.

– В 2004 г. Товарищество памяти жертв украинских националистов во Вроцлаве издало работу *Геноцид, совершенный украинскими националистами против поляков в Тарнопольском воеводстве в 1939–1946*, авторства Генрика Команьского и Щепана Секерки⁵⁴⁹

⁵⁴⁸ Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939–1945. W 2 t.

⁵⁴⁹ Komański H., Sikiorka S. Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na Polakach w województwie tarnopolskim w latach 1939–1946. Wrocław, 2004. 1182 s.

(на основании 2 956 сообщений свидетелей и 694 различных источников, описанных как «публикации»).

– Следующая работа появилась в 2006 г.: «Геноцид, совершенный украинскими националистами против поляков в Львовском воеводстве в 1939–1947», авторства Щепана Секерки, Генрика Команьского, Кшиштофа Бульзацкого⁵⁵⁰ (на основании 2098 сообщений свидетелей и 1143 публикаций).

– В 2007 г. Вроцлавское товарищество опубликовало очередной реестр преступлений: «Геноцид, совершенный украинскими националистами против поляков в Станиславовском воеводстве в 1939–1946», авторства Щепана Секерки, Генрика Команьского, Эугениуша Ружаньского⁵⁵¹ (на основании 1 215 сообщений свидетелей и 357 публикаций).

В группе источников, определенных во всех трех работах Вроцлавского товарищества как «публикации», находятся ошибочно отнесенные сюда архивные документы (например, сообщения и рапорты Делегатуры лондонского правительства, документы РГО), акты судебно-медицинской экспертизы, свидетельства о смерти и об обстоятельствах ее наступления, а также иного типа источники, в т.ч. памятные доски, надгробия, некрологи.

Все перечисленные публикации приводят факты преступлений в территориально-хронологическом порядке. Используя довоенное административное деление, населенные пункты, в которых имели место преступления, были сгруппированы в алфавитном порядке по повятам (в случае с Волынским воеводством еще и по гминам), а внутри каждого раздела проведено хронологическое описание преступных действий и событий, с ними связанных, для каждой местности в отдельности. При этом для большинства населенных пунктов указаны число и список убитых.

– В свою очередь, пятая работа 2006 г., авторства архивиста (т.е. профессионала) Здислава Конечного «Польско-украинские отношения на землях современной Польши в 1918–1947», которая также была

⁵⁵⁰ Siekierka S., Komański H., Bulzacki K. Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistyw ukraińskich na Polakach w województwie lwowskim w latach 1939–1947. Wrocław, 2006. S. 1269.

⁵⁵¹ Siekierka S., Komański H., Ryżański E. Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistyw ukraińskich na Polakach w województwie stanisławowskim w latach 1939–1946. Wrocław, 2007. S. 879.

издана Товариществом памяти жертв украинских националистов во Вроцлаве, отличается по своему составлению от предыдущих, поскольку представляет собой хронологический реестр преступлений на территории 17 восточных и юго-восточных послевоенных повятов, в котором перечисляются жертвы, известные по фамилиям (большинство указанных жертв).

Это наиболее важные работы, которые достаточно точно отражают (даже если можно наткнуться на единичные ошибочные сведения, что представляется неизбежным при реконструкции событий через несколько десятков лет), ход преступлений практически на всей территории их совершения, а также содержат огромную массу сведений, отвечающих на возникающий вопрос: «Как могло произойти тотальное уничтожение польского населения руками ОУН и УПА на Волыни и Восточной Малопольше?» Эти работы также определяют масштабы совершенных преступлений. Впечатление, которое остается после их прочтения у читателей, особенно у тех, кто не родился на территориях преступлений, и в связи с этим не имеет никакой информации по этой теме, в самом общем случае можно определить как потрясение, настолько негативный образ ОУН-УПА вызывает реакцию, силящуюся уменьшить познавательную ценность этих работ. Не раз поднимался вопрос субъективности сообщений и воспоминаний, которая могла бы поколебать истинность свидетельств. Дело в том, что упрек в субъективизме и следующее за этим сомнение в масштабе и жестокости преступлений выдвигается практически исключительно в отношении свидетельств, касающихся преступлений ОУН-УПА. Никто не отваживается упрекать в субъективности показания уцелевших узников немецких концентрационных лагерей или сосланных в Сибирь заключенных лагерей советских. Огромная заслуга в деле выявления истинной причины осуществления на Волыни и Восточной Малопольше актов геноцида, направленных против польского населения, принадлежит ныне уже покойному доктору Виктору Полищуку, украинцу из Польши, который с 1981 г. жил в Канаде. Его основные работы указывают на идеологию интегрального украинского национализма, как на источник решения о преступном истреблении и изгнании польского населения с земель, которые поляки населяли вместе с украинцами; на способы проведения этих акций, а также на моральное разрушение той части украинского общества, которая принимала данную идео-

логию. Наиболее важные аналитические работы В. Полищука это: «Интегральный украинский национализм как разновидность фашизма». Т. 1. «Идеологические принципы украинского национализма. Украинское националистическое движение: организационная структура и программные положения». Торонто, 1998; Т. 2. «Деятельность украинских националистических структур в 1920–1999». Торонто, 2000; «Доктрина Дмитро Донцова». Торонто, 2006⁵⁵².

Указанию на роль идеологии украинского национализма в деполонизации Волыни и Восточной Малопольши способствовали также Кшиштоф Лада и Чеслав Партач, разместившие в опубликованной ими работе «Польша относительно украинского стремления к независимости во время Второй Мировой войны». Торунь, 2004⁵⁵³ две главы, посвященные возникшей на переломе XIX и XX вв. и постепенно развивающейся концепции мононационального государства, т.е. Украины для украинцев, а также методам укоренения этих идей среди украинского народа.

4. Менее значительные работы, посвященные отдельным районам преступлений.

Следовало бы перечислить еще много работ, также явившихся результатом исследований, проведенных общественными деятелями, которые касаются отдельных районов преступлений — повятов, гмин и приходов, или даже отдельных польских населенных пунктов. Список был бы слишком длинным, поэтому я приведу только некоторые примеры:

– монография, посвященная двум уничтоженным деревням — Островки и Воле Островецкой — авторства доктора Леона Попека, профессионального историка, семья которого связана с Волынью, и трех бывших жителей Любомельского повята — Томаша Трусюка, Павла Виры и Зенона Виры «Волынское завещание»⁵⁵⁴. Люблин, 1997;

⁵⁵² Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. T. 1. Zasady ideologiczne nacjonalizmu ukraińskiego. Ukraiński ruch nacjonalistyczny: struktura organizacyjna i założenia programowe. Toronto, 1998; T. 2. Działalność ukraińskich struktur nacjonalistycznych w latach 1920–1999. Toronto, 2000; Doktryna Dmytra Doncowa. Toronto, 2006

⁵⁵³ Partacz C., Łada K. Polska wobec ukraińskich dążeń niepodległościowych w czasie II wojny światowej. Toruń, 2004.

⁵⁵⁴ Popek L. Wołyński testament. Lublin, 1997.

– Влодзимеж Славош Дембский, «Жило-было местечко. Во-лынское сказание»⁵⁵⁵. Люблин, 2006. Монография, посвященная Киселину и Киселинскому приходу в Гороховском повете на Во-лыни;

– Феликс Ясиньский, «Хроника. Судьбы поляков прихода Конты Кременецкого повята Волинского воеводства в 1939–1945»⁵⁵⁶. Сан-домир, 1999. Эта очень ценная работа содержит документы о деполонизации 19 деревень и поселений;

– четыре работы Чеслава Пиотровского о нескольких гминах Костопольского, Сарненского и Луцкого повятов, а именно: «Кровавая жатва за Стырью, Горынью и Случью»⁵⁵⁷, 2 издания: Варшава, 1995 и Торунь, 2004; «Уничтоженные и забытые польские поселения и костелы в гминах Колки и Сильно Луцкого повята на Волыни»⁵⁵⁸. Варшава, 2001; «Уничтоженные и забытые польские поселения и костелы в Костопольском повяте на Волыни»⁵⁵⁹. Варшава, 2004; «Уничтоженные и забытые польские поселения и костелы в Сарнецком повяте на Во-лыни»⁵⁶⁰. Варшава, 2004;

– Владислав Бонковский, «Гибель Гуты Пеняцкой»⁵⁶¹. Краков, 2001. Это исследование ликвидации польской деревни в повяте Броды Тарнопольского воеводства;

– Ян Бяловонс, «Кровавый подольский сочельник в Игровице в 1944 году»⁵⁶². Люблин 2003. Здесь речь идет о гибели польской деревни в Тарнопольском повяте;

– историю обороны и разгрома поляков в Подкамень в Бродском повяте Тарнопольского воеводства рассказал Збигнев Ян Иловский в своей книге «Подкамень. Холм апокалипсиса»⁵⁶³. Ополе, 2011;

⁵⁵⁵ Było sobie miasteczko. Opowieść wołyńska.

⁵⁵⁶ Losy Polaków parafii Kąty powiatu krzemienieckiego województwa wołyńskiego w latach 1939–1945.

⁵⁵⁷ Krwawe żniwa za Styrem, Horyniem i Słuczą.

⁵⁵⁸ Zniszczone i zapomniane osiedla polskie i kościoły w gminach Kołki i Silno powiatu łuckiego na Wołyniu.

⁵⁵⁹ Zniszczone i zapomniane osiedla polskie oraz kościoły w powiecie kostopolskim na Wołyniu.

⁵⁶⁰ Zniszczone i zapomniane osiedla polskie oraz kościoły w powiecie sarneńskim na Wołyniu.

⁵⁶¹ Zagłada Huty Pieniackiej.

⁵⁶² Krwawa Podolska Wigilia w Ithrowicy w 1944 roku.

⁵⁶³ Podkamień. Apokaliptyczne wzgryzcie.

– Юзеф Выспяньский, «Бесчинства ОУН-УПА»⁵⁶⁴. Люблин, 2009. Эта работа касается Пшемысльского повета в Тарнопольском воеводстве.

5. Публикации, содержащие источники

Огромные заслуги в деле проведения исследований геноцида ОУН-УПА, совершенного против поляков, принадлежат в последнее время немногочисленным профессиональным историкам, которые отыскивают в архивах ранее неизвестные документы и готовят их к публикации. Речь идет о документах, возникших в период совершения кровавой деполонизации польского пограничья и вскоре после этого. Перечислю самые важные примеры, которые образуют неоценимое собрание т.н. прямых доказательств преступления:

– Ян Бжеский, Адам Ролиньский, «Архив Адама Бенья, Национальный архив 1942–1944»⁵⁶⁵. Краков, 2001;

– Люцина Кулиньская, «История Комитета Западных Земель на фоне судеб населения польского пограничья в 1943–1947»⁵⁶⁶. Т. 1. Краков, 2002; Т. 2. «Документы и материалы, собранные деятелями и членами КЗЗ»⁵⁶⁷. Краков, 2001;

– Люцина Кулиньская, Адам Ролиньский, «Антипольская операция украинских националистов в Восточной Малопольше в свете документов Главного опекунского совета»⁵⁶⁸. Краков, 2003;

– Люцина Кулиньская, Адам Ролиньский, «Украинский вопрос и истребление польского населения в Восточной Малопольше в свете документов польского подпольного государства»⁵⁶⁹. Краков, 2004;

– Мечислав Адамчик, Януш Гмитрук, Адам Косеский (ред.), «Восточные земли. Рапорты Восточного бюро Делегатуры эмигрантского правительства в Польше 1943–1944»⁵⁷⁰. Варшава-Пултуск, 2005;

⁵⁶⁴ Barbarzyństwa OUN-UPA.

⁵⁶⁵ Archiwum Adama Bienia, Akta Narodowościowe (1942–1944).

⁵⁶⁶ Dzieje Komitetu Ziemi Wschodnich na tle losów ludności polskich Kresów w latach 1943–1947. T. 1.

⁵⁶⁷ Dokumenty i materiały zgromadzone przez działaczy i członków KZWi.

⁵⁶⁸ Antypolska akcja nacjonalistów ukraińskich w Małopolsce Wschodniej w świetle dokumentów Rady Główniej Opiekunów.

⁵⁶⁹ Kwestia ukraińska i eksterminacja ludności polskiej w Małopolsce Wschodniej w świetle dokumentów Polskiego Państwa Podziemnego.

⁵⁷⁰ Ziemię Wschodnie. Raporty Biura Wschodniego Delegatury Rządu na Kraj, 1943–1944.

– Мечислав Адамчик, Януш Гмитрук, Адам Косеский, «Восточные земли. Еженедельные рапорты Департамента печати и информации Делегатуры эмигрантского правительства в Польше, март-апрель 1944 года»⁵⁷¹. Варшава-Пултуск-Кельце, 2006;

– Ежи Дембский, Леон Попек, «Жестокое предупреждение»⁵⁷². Люблин, 1997. (сборник сообщений свидетелей преступлений, составленный усилиями Товарищества памяти поляков, убитых на Волыни и в Замостье);

– Леон Карлович, Леон Попек, «По следам геноцида на Волыни»⁵⁷³. Люблин, 1998 (сборник сообщений свидетелей преступлений, составленный усилиями Товарищества памяти поляков, убитых на Волыни и в Замостье, и Товарищества друзей Кременца и Волынского-Подольской земли в Люблине);

– Люцина Кулиньская, «Дети Кресов»⁵⁷⁴. Варшава, 2003 (сборник сообщений), а также следующие тома под тем же самым заглавием: «Дети Кресов II»⁵⁷⁵. Краков, 2006; «Дети Кресов III»⁵⁷⁶. Краков, 2009;

Как следует из заглавий представленных сборников документов, они содержат:

1) свидетельства уцелевших, но пострадавших поляков, собранные непосредственно после нападения ОУН-УПА, либо в недолгом времени после него.

2) Сведения, собранные членами различных структур польского подпольного государства и обработанные в форме рапортов, отчетов, докладов и обсуждений ситуации и т.п.

Три сборника документов, по большей части связанных со структурами националистических организаций, составляющие доказательства их преступного характера, собрал и опубликовал Виктор Полищук в качестве дополнений к своим работам об интегральном украинском национализме:

– «Украинский национализм в документах. Интегральный украинский национализм как разновидность фашизма». Т. 3. «Докумен-

⁵⁷¹ Ziemie Wschodnie. Meldunki tygodniowe Sekcji Wschodniej Departamentu Informacji i Prasy Delegatury Rządu na Kraj, kwiecień-lipiec 1944 roku.

⁵⁷² Okrutna przestroga.

⁵⁷³ Siadami ludobójstwa na Wołyniu.

⁵⁷⁴ Dzieci Kresyw.

⁵⁷⁵ Dzieci Kresyw II.

⁵⁷⁶ Dzieci Kresyw III.

ты из области идеологических принципов и программных положений украинского национализма»⁵⁷⁷. Торонто, 2002;

– «Украинский национализм в документах. Интегральный украинский национализм как разновидность фашизма». Т. 4. «Документы из области деятельности структур украинского национализма в период с 1920 до декабря 1943 года»⁵⁷⁸. Торонто, 2002;

– «Украинский национализм в документах. Интегральный украинский национализм как разновидность фашизма». Т. 4. «Документы из области деятельности структур украинского национализма в период с декабря 1943 по 1950 год»⁵⁷⁹. Торонто, 2003;

В последние года ценные документы были обнаружены в церковных архивах. Если говорить о римско-католической церкви в Малопольше, то это записки и сообщения приходских священников и старост приходов, а также священников, исполнявших другие функции, направленные в курию метрополии во Львове и, сразу же после войны, в курию архиепископа в Любачове; хроники приходов и монастырей на территории Восточной Малопольши; сообщения прихожан, собранные приходскими священниками. Они являются необычайно ценным и достоверным подтверждением и дополнением других «гражданских» документов и свидетельств, которые были получены через несколько десятков лет, и становятся особенно сильным обвинением в преступлениях ОУН-УПА и поддерживавших их слоев украинского общества. Эти документы собрал и подготовил к печати ксендз профессор Юзеф Волчаньский из Университета Папы Иоанна Павла II в Кракове: «Истребление польского народа и римско-католической церкви украинскими националистами в Восточной Малопольше в 1939–1945»⁵⁸⁰. Т. 1. Краков, 2005; Т. 2. Краков, 2006.

⁵⁷⁷ *Nacjonalizm ukraiński w dokumentach. Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu*. Т. 3. Dokumenty z zakresu zasad ideologicznych i założeń programowych nacjonalizmu ukraińskiego.

⁵⁷⁸ *Nacjonalizm ukraiński w dokumentach. Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu*. Т. 4. Dokumenty z zakresu działań struktur nacjonalizmu ukraińskiego w okresie od 1920 do grudnia 1943 roku.

⁵⁷⁹ *Nacjonalizm ukraiński w dokumentach. Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu*. Т. 5. Dokumenty z zakresu działań struktur nacjonalizmu ukraińskiego w okresie od grudnia 1943 do 1950 roku.

⁵⁸⁰ *Eksterminacja narodu polskiego i Kościoła rzymskokatolickiego przez ukraińskich nacjonalistów w Małopolsce Wschodniej w latach 1939–1945*.

В связи с тем, что положение римско-католической церкви на Волыни было еще более трагичным, чем в Восточной Малопольше, документация с этих территорий сохранилась исключительно в отрывочном состоянии. В 2005 г. доктор Мария Дембовская из Католического университета в Люблине опубликовала «Материалы к истории Луцкой децезии. Сообщения о состоянии деканатов и приходов в 1941–1944»⁵⁸¹. Бялы-Дунаец-Люблин-Луцк-Острог, 2005. Это немногочисленные уцелевшие письма приходских священников в епископскую курию в Луцке о состоянии приходов, и переписка между некоторыми священниками, в которой, с точки зрения безопасности, обзорно описано трагическое положение польского населения, в том числе убийства, нападения на костелы, уничтожение церковного имущества, а также упадок приходов по причине гибели и бегства верующих. В 2010 г. в Люблине опубликована работа Марии Дембовской и Леона Попека «Духовенство Луцкой децезии. Жертвы войны и репрессий оккупантов»⁵⁸², в которой в качестве приложений размещены около 20 документов со сведениями об убийствах, совершавшихся ОУН-УПА даже в отношении православных священников.

Подводя итог описанию усилий, приложенных исследователями, и их материального эффекта в виде публикаций, можно констатировать, что, несмотря на неблагоприятные условия, такие как отсутствие финансирования исследований и неблагоприятная атмосфера вокруг данной темы, чаще всего продиктованная ложно понимаемой необходимостью налаживания хороших отношений с Украиной путем замалчивания черных страниц прошлого, в течение последних 20 лет удалось собрать обширный объем задокументированных доказательств преступлений, обеспечить доступ широким слоям читателей к неизвестным ценным документам, и на основе этого провести реконструкцию преступлений и оценить их с точки зрения права. Это, однако, не означает, что мы получили полную картину волынско-малопольских преступлений, в особенности если речь идет об установлении имен всех жертв.

⁵⁸¹ Materiały do dziejów diecezji łuckiej. Relacje o stanie dekanatów i parafii 1941–1944.

⁵⁸² Duchowieństwo diecezji łuckiej. Ofiary wojny i represji okupantów 1939–1945.

6. Важнейшие результаты исследований на основе документов и обработанных сведений

6.1. Мотивы преступлений и их идеологические обоснования

Следственный материал Главной Комиссии расследования преступлений против польского народа — Института Национальной Памяти, многие тысячи сообщений свидетелей, документы польского подпольного государства и Главного опекунского совета, документы католической церкви, опубликованные документы ОУН (особенно рапорты и донесения местных структур), разведывательные материалы советских партизанских отрядов, протоколы допросов членов ОУН и УПА, бывших фигурантами судебного следствия в Советском Союзе и в Польше — неоспоримо свидетельствуют о национальном мотиве преступлений, совершенных украинскими националистами против польского населения. Они стремились к изменению национальной структуры территорий, которые населяли вместе с поляками, любыми средствами, причем в качестве наиболее успешного метода выбирали массовые убийства. Окончательной целью должно было стать создание независимого украинского государства, предназначенного исключительно для украинцев.

Цели ОУН и способ их реализации следовали из принятой этой организацией крайне националистической фашистской доктрины интегрального украинского национализма, сформулированной Дмитро Донцовым. Донцов полагал, что нации являются биологическими видами, которые, для того чтобы существовать, должны постоянно бороться за жизненное пространство и бытие. Таким образом, нации по отношению друг к другу естественным образом остаются в состоянии враждебности, при этом «природная правда» находится на стороне более сильных. В борьбе за жизнь нации Донцов «позволял» пользоваться любыми методами, в том числе убийством, обманом, жестокостью и порабощением, отрицая христианские ценности и принципы. Он указывал на необходимость отбросить все моральные принципы, рекомендовал применять насилие для достижения целей, использовать как движущую силу для реализации целей жестокость и ненависть, экспансию, фанатизм.

Согласно этой доктрине, ОУН действовала по следующим принципам: подчинение организации вождю, а народа — так называемому инициативному меньшинству, т.е. элите «лучших людей, задачей которых является применение творческого насилия», касавшегося не только наций-конкурентов, но и собственной. Националисты использовали в качестве популярного толкования этих принципов «Декалог Украинского Националиста»⁵⁸³, который противоречил общепринятым моральным заповедям и толкал к преступлениям. Намерение избавиться от неукраинских народов на землях, определяемых, как этнически украинские, было выражено в документах высших органов ОУН — сперва в момент создания организации, на учредительном конгрессе в 1929 г. в Вене, а затем на II конгрессе украинских националистов в Риме в конце августа 1939 г. (Украина для украинцев. Не оставить ни пяди земли в руках врагов и чужеземцев). Акт провозглашения 30 июня 1941 г. ОУН Бандеры во Львове независимой Украины (не признанной гитлеровской Германией) обещал Украину для украинцев. Согласно косвенным уликам, постановление об уничтожении поляков на Волыни было принято в феврале 1943 г. на III конференции ОУН Бандеры. Было принято решение «убрать» всех не-украинцев, которые, по мнению ОУН, заняли украинские земли. Немногочисленные сохранившиеся документы ОУН и УПА от 1943 г., касающиеся кровавых операций против поляков на низовом уровне этих формирований, указывают на выполнение приказов по полному уничтожению польского населения, переданных с вышестоящих уровней. Во всех документах явным образом сформулировано намерение уничтожить поляков как поляков. Это также подтверждает характер совершения преступных действий против польского населения, что следует из показаний польских свидетелей.

6.2. Территории совершения преступлений

Геноцид польского населения имел место главным образом на территории четырех довоенных воеводств: Волынского, Тарнопольского, Станиславовского и Львовского, причем меньшая часть последнего вошла в состав послевоенной Польши. Преступления, хотя и с меньшим размахом, также совершались в восточных повятах Люблинского

⁵⁸³ Декалог Українського Націоналіста.

воеводства (Томашовский, Хрубешовский, Хелмский, Влодавский), и южных повятах довоенного Полесского воеводства (Столинский, южная часть Пинского, Каменско-Коширский, южная часть Брестского).

6.3. Хронологические рамки преступлений

Период, в котором украинские националисты убивали поляков, можно разделить на два подпериода: прегеноцидальную фазу и собственно период геноцида. В прегеноцидальной фазе мы имеем террористические акты по отношению к полякам, устрашение, избиения, грабеж, сожжение и уничтожение имущества, различного рода издевательства и преследования, а также убийства, часто из засады, единичные или групповые, но еще не связанные с национальным, этническим, расовым или религиозным мотивами. Кроме актов, направленных непосредственно против лиц польской национальности, украинские националисты в разной форме проводили антипольскую агитацию среди украинского населения (собрания, объясняющие необходимость истребления поляков, литература и песни, подпитывающие ненависть), создающую соответствующий климат и инициирующую акты насилия.

Прегеноцидальная фаза длилась на Волыни в течение 1939–1942 гг. со значительными перерывами: в сентябре-октябре 1939 г. (т.е. после нападения на Польшу Германии с запада и Союза Советских Социалистических Республик с востока), а затем летом 1941 г. после нападения Германии на СССР и смены советской оккупации пограничья ПР (17 сентября 1939 — 22 июня 1941) на немецкую, а также в 1942 г., особенно осенью и зимой.

В Восточной Малопольше прегеноцидальная фаза продолжалась дольше, от 1939 г. до второй половины 1943 г. Увеличение числа преступлений и террористических нападений наступило, точно так же, как и на Волыни, в сентябре-октябре 1939 г. и летом 1941 г. Среди совершавших антипольские выступления на Волыни, в отличие от Восточной Малопольши, с украинскими националистами были и коммунисты.

В начале войны для всей территории, на которых совершались преступления украинских националистов, особенно характерны были нападения на солдат Войска Польского и полицейских. В сентябре 1939 г. в Восточной Малопольше, по согласованию с властями

гитлеровского Рейха, силами ОУН должно было быть поднято украинское восстание. Однако, после удара с востока сил Советского Союза, немцы отказались от попыток его инициировать. Нападения на поляков прекратились после завершения IV раздела Польши.

Следующая явная волна нападений на Воьлини и в Восточной Малопольше — период после нападения Германии на Советский Союз в 1941 г., т.е. в конце июня и в июле, — была спровоцирована прибывшими вместе с немецкими войсками активистами ОУН, агитировавшими за «национальную революцию», которой в то время не удалось совершить, скорее всего, по причине значительного ослабления ОУН советскими репрессиями.

Период собственно геноцида начался на Воьлини с наступлением 1943 г. и продолжался до второй половины 1945. Ранее, в конце 1942, было отмечено постепенное усиление нападений на единичных лиц и целые семьи, которое разрослось в массовые убийства, грабежи, уничтожение имущества и поджоги, систематически очищавшие от поляков сельские территории с востока на запад. Преступления массового характера совершались в 1943 и в первом квартале 1944 г. В то же самое время, что и на Воьлини, украинские националисты истребляли поляков в южной части Полесского воеводства. Позднее убивали уже только отдельных лиц, поскольку антипольская активность УПА ослабевала по мере того, как Воьлинь и Полесье занимали советские войска и НКВД, которые приступили к планомерной ликвидации украинского подполья. В 1945 г. большинство поляков, еще проживавших на Воьлини, были экспатрированы в Польшу в ее послевоенных границах.

Во второй половине 1943 г. начался рост числа нападений на поляков в Восточной Малопольше, а также в Хрубешовском и Томашовском повятах Люблинского воеводства, т.е. начала на этих территориях собственно геноцида. Апогей преступлений в Малопольше (а на Люблинщине апогей преступлений и польско-украинских боев) наступил в первой половине 1944 г. Экспатриация населения из той части Восточной Малопольши, которая была включена в состав Советского Союза, продолжалась дольше, чем на Воьлини, поскольку шла еще в 1946 году, и убийства поляков, хоть и все более редкие, происходили вплоть до завершения переселения. На территориях послевоенной Польши больше всего убийств поляков происходило в 1944–1945 гг. позднее их число уменьшалось, а единичные убийства совершались вплоть до проведения операции «Висла», т.е. до 1947 г.

6.4. Преступники и организаторы преступлений

Концепция физического устранения поляков, составлявших на Волыни и в Восточной Малопольше меньшинство по отношению к украинцам, была выдвинута Организацией Украинских Националистов, запланирована ей⁵⁸⁴, и долгое время подготавливалась. Еще в межвоенный период ОУН проводила террористические и диверсионные акты⁵⁸⁵, вела среди украинского общества пропаганду, возбуждавшую ненависть к полякам и побуждавшую к кровавой реализации украинских государственных амбиций⁵⁸⁶.

Намерения ОУН были воплощены в жизнь после раздела ОУН в 1940 г. на две фракции: ОУН Степана Бандеры (ОУН-Б, бандеровцы), и ОУН Андрия Мельника (ОУН-М, мельниковцы), причем главным организатором и исполнителем геноцида поляков была имевшая численный перевес и отличавшаяся большей экспансивностью ОУН

⁵⁸⁴ Планы ОУН по построению независимого единого украинского государства, монолитного с национальной точки зрения, содержались в постановлениях I Конгресса ОУН в 1929 г. в Вене (учредительного), и II Великого Съезда Украинский Националистов в 1939 в Риме, то есть непосредственно перед началом войны. См.: Poliszczuk W. Dowody zbrodni OUN i UPA. Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. T. 2. Działalność ukraińskich struktur nacjonalistycznych w latach 1920–1999. Toronto, 2000. S. 120–123; *Idem*. Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. T. 1. Zasady ideologiczne nacjonalizmu ukraińskiego. Ukraiński ruch nacjonalistyczny: struktura i założenia programowe. Toronto, 1998. S. 150.

⁵⁸⁵ Полный арсенал антигосударственной террористической и саботажной деятельности ОУН в 30-е годы, как и его предшественницы, Украинской Военной Организации [Українська військова організація] (подобной направленности) в 20-е годы, целью которой было в том числе идеологическое воздействие на украинское население и его моральная подготовка к беспощадной расправе с польскими соседями, впервые представила Люцина Кулиньская: *Kulińska L. Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922–1939*. Kraków, 2009. Преступный итог их деятельности: *Idem. Działalność terrorystyczna ukraińskich organizacji nacjonalistycznych w Polsce w okresie międzywojennym // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 7–8 (116–117), VII–VIII 2010. S. 41–57.

⁵⁸⁶ Пропаганда ненависти и кровавой реализации украинских государственных амбиций присутствовала в пропагандистских материалах ОУН с начала 30-х годов (а ранее в материалах Украинской Военной Организации), а следовательно, геноцид в 40-е был эффектом долговременной работы, которая охватила главным образом молодых людей. Примеры преступной агитации, а также ее эффектов: *Partacz C. Łada K. Polska wobec ukraińskich dążeń niepodległościowych w czasie II wojny światowej*, Toruń 2003. S. 84–87; *Siemaszko E., Przemiany relacji polsko-ukraińskich od połowy lat trzydziestych do II wojny światowej*, “Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej” 7–8 (116–117), VII–VIII 2010. S. 65–67.

Бандеры. Именно эта фракция организовала вооруженные отряды под названием «Украинская Повстанческая Армия» (УПА), которые в 1943–1946 гг. совершали массовые преступления против поляков. В этих преступлениях участвовали также выделенные боевые группы ОУН и боевые группы Службы Безопасности УПА.

Кроме того, ОУН Бандеры располагала деревенскими боевыми группами под названием «Кущевые Отряды Самообороны»⁵⁸⁷ (в Восточной Малопольше они изначально назывались Украинской Народной Самообороной), члены которых в повседневной жизни занимались сельским хозяйством, а по призывам ОУН и УПА подключались к их операциям, в т.ч. к ликвидации путем убийств, грабежей и поджогов польских поселений и хозяйств в смешанных по национальному признаку местностях. Деревенские боевые группы, как правило, не располагали огнестрельным оружием, вместо которого использовали различного типа хозяйственные инструменты, такие как: вилы, косы, секиры, лопаты, ножи, пилы и т.п.

В акциях по уничтожению поляков не раз участвовали соответственным образом сагитированные ОУН-УПА лица, находившиеся вне организационных структур, в т.ч. женщины, подростки и практически дети.

Обе фракции ОУН посылали своих членов на службу к немцам в ряды украинской вспомогательной полиции, которая также имеет на своем счету преступления против поляков, совершенные самостоятельно, без взаимодействия с немцами (не считая операций под немецким командованием)⁵⁸⁸.

Значительно менее многочисленные мельниковцы также принимали участие в убийствах поляков, хотя и в значительно меньшей степени, нежели бандеровцы, и только на Волыни⁵⁸⁹.

⁵⁸⁷ Самооборонні Кущові Видділи.

⁵⁸⁸ На подчинение ОУН украинской полиции и местной администрации указывается, например, в ситуационном рапорте с Восточных земель за первый квартал 1943 года, опубликованном в: M. Adamczyk, J. Gmitruk, A. Koseski, Ziemia Wschodnie. Raporty Biura Wschodniego Delegatury Rządu na Kraj, 1943–1944, Warszawa — Pułtusk, 2005. S. 22.

⁵⁸⁹ Например, нападение на деревню Куты провели совместно, по предварительной договоренности, группы боевиков УПА Бандеры под командованием Ивана Климишина «Крука» [Иван Климишин «Крук»] и мельниковские боевики под командованием Микола Недвезького «Хрина» [Микола Недвезький «Хрін»], см.: *Siemaszko W., Siemaszko E. Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939–1945. Warszawa, 2000. S. 450.*

В свою очередь, недостаточно выяснено участие в геноциде на Волыни националистической организации Максима Боровца «Тараса Бульбы» (бульбовцы). Последний раньше чем бандеровцы и мельниковцы организовал вооруженные отряды, действовавшие на Северо-Восточной Волыни. Сам командующий «Бульба», в переписке с руководством ОУН Бандеры, осуждал нападения на поляков, но многочисленные свидетели указывают на бульбовцев, как на совершавших преступления, точно так же, как на это указывает разведка действовавших на Волыни советских партизан. Оценка отношения бульбовцев к полякам не проста. С одной стороны, трудности в идентификации националистических группировок, действовавших в конспирации, могли вызвать ошибочную идентификацию, с другой же стороны, возникает подозрение, что отряды «Бульбы» совершали нападения на поляков без его ведома, а сам «Бульба» стремился уберечь себя от возможной ответственности, отрекаясь от преступных акций⁵⁹⁰. С осени 1943 г. большинство бульбовцев и мельниковцев, из-за террора УПА вынуждены были вступать в ряды бандеровских боевых групп, в составе которых позднее убивали поляков.

Заслуживает внимания, что как жертвы-поляки, так и преступники-украинцы были польскими гражданами и жили вместе. Оставшимся в живых польским жертвам было особенно больно от того, что беспощадными преступниками, нападавшими на них, часто оказывались их же близкие украинские соседи, с которыми до того их объединяли дружеские отношения.

6.5. Жертвы

Действия ОУН-УПА были направлены против польского населения как такового, безотносительно возраста, пола, физиологического со-

⁵⁹⁰ Например, в письмах Краевому Провиду ОУН Бандеры от 25 марта и с начала августа 1943 года, см.: *Poliszczuk W. Nacjonalizm ukraiński w dokumentach* (Cz. 2). *Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu*. Т. 4. *Dokumenty z zakresu działań struktur nacjonalizmu ukraińskiego w okresie od 1920 do grudnia 1943 roku*. Toronto, 2002. S. 180–187, 270–281. Огорчение «Бульбы» нападениями бандеровцев на поляков в приводимых письмах выглядит странным в сопоставлении с призывом, который он сам ранее бросил в журнале «Гайдамак» от 31 августа 1941 года: «Украинцы! Режьте, рубите и каленым железом выжигайте всех врагов Украины! Вы их убивайте, чтобы они вас не убивали!». См.: *Poliszczuk W. Nacjonalizm ukraiński w dokumentach* (Cz. 2). S. 164.

стояния (беременные женщины), здоровья (инвалиды), имущественного статуса, положения в обществе, профессии и вероисповедания. Поводом совершения преступлений была исключительно принадлежность к польскому народу. Это следовало из характера и результатов действий националистов, а также из лозунгов, распространявшихся в различных версиях и формах, как до начала актов геноцида, так и непосредственно в ходе них. Эти лозунги выражали единственную мысль: смерть всякому поляку. Жертвами геноцида были, главным образом, безоружные поляки — женщины, дети, старики.

Уничтожению также подвергались смешанные польско-украинские семьи, рассматривавшиеся как элемент, зараженный чуждой, нежелательной кровью. Эти семьи погибали полностью или частично — той частью, которая признавалась польской (дети того же пола, что и польский супруг или супруга, либо все дети). Презрительное название этих семей: крижаки⁵⁹¹ — польско-украинские семьи, и покурчи — дети из таких семей, — давали понять, что их существование в украинском обществе исключено.

От смерти поляков не спасала ни православная вера, ни греко-католический обряд, которые были типичны для украинского населения. Это доказывает намерение истребить всех поляков как лиц неукраинской национальности. На Вольни убивали поляков православного вероисповедания, а также поляков, которые переходили в православие, в надежде таким образом быть отнесенными к украинскому народу и спастись; лиц, которые перешли из православия в католицизм, а значит, были признаны украинцами-предателями. В Восточной Малопольше, где среди украинцев доминирующим вероисповедованием был католицизм восточного обряда, убивали также поляков греко-католического вероисповедания.

Программное стремление ОУН-УПА Бандеры получить национально однородную территорию, заселенную исключительно украинцами, диктовало также уничтожение других национальностей кроме польской. Как исключительно нежелательный элемент рассматривались евреи. Их уничтожение, правда, организовывали немцы, но на Вольни и в Восточной Малопольше их пособниками в преступлениях были украинские полицейские, одновременно являвшиеся члена-

⁵⁹¹ Здесь дословно: «крестоносцы», смешанные, «скрещенные» браки и их потомство. — Прим. пер.

ми ОУН, а позже членами УПА (после окончания службы у немцев). Евреев, которые избежали гибели во время массовых казней, жестоко преследовали, отлавливали и убивали бандеровцы и их сторонники. Убийства также коснулись других национальностей: русских, чехов, армян, цыган.

Жертвами ОУН-УПА в большой степени становились также украинцы. Среди причин, из-за которых украинцы становились жертвами ОУН-УПА были: неподчинения требованиям ОУН-УПА, демонстрация неприязни к этим формированиям, отказ вступать в УПА, дезертирство из ее рядов, принадлежность к советским партизанам или сотрудничество с коммунистами, коммунистические убеждения, подчинение требованиям советской власти, помощь полякам, отказ участвовать в убийствах, принадлежность к националистическим организациям Мельника и «Тараса Бульбы». Особенно преследуемой группой были украинцы, происходившие из т. н. Восточной, советской Украины, называвшиеся «схидняками». Причем, среди преследуемых были даже те, которые вступили в УПА. Это были лица, бежавшие из немецкого плена, вывезенные немцами во время отступления немецких войск, или дезертиры из формирований, состоявших на немецкой службе⁵⁹².

В 1944 г., после изгнания с Волыни и Восточной Малопольши немцев, прихода на эти территории советских войск, и установление советской администрации, УПА совершала убийства представителей советской администрации, председателей колхозов, солдат Красной Армии, прибывших с Востока учителей, врачей и других специалистов разных национальностей.

6.6. Организация и совершение преступлений

Для совершения в благоприятный момент так называемой национальной революции, что в терминологии ОУН означало вовлечение украинских масс в «устранение» всех врагов и очистку украинских земель от неукраинских элементов (в особенности поляков, считавшихся главными противниками независимости Украины), сперва

⁵⁹² УПА ликвидировала не только «схидняков»-украинцев, но также считавшихся «схидняками» лиц других национальностей, входивших в состав Советского Союза, в т. ч. выходцев с Кавказа.

ОУН, а позже также УПА, должны были проделать огромную «разъяснительную» и организационную работу.

Годами, начиная еще с межвоенного периода, проводились тайные собрания, действовали кружки самообразования, распространялись пропагандистские материалы, в которых говорилось о необходимости изгнать ляхов с украинской земли. Систематическое насаждение идеологии ненависти поэтапно воздействовало на польско-украинские отношения. Сначала на определенной территории обрывались общие связи между украинским и польским обществом, затем ослабевали соседские отношения и постепенно разрушались связи, вплоть до формирования враждебности и готовности к преступлению. В самом конце наступал раздел внутри смешанных семей, что не раз приводило к убийству их польских членов. Организационная и пропагандистская работа ОУН особенно усилилась с 1941 г., вместе с оккупацией немцами Волыни и Восточной Малопольши, к чему немцы, считая ОУН противовесом польской среды, относились с пониманием, до тех пор, пока не нарушались их интересы. Неудачи немцев на советском фронте мобилизовали ОУН и побудили в начале 1943 г. развязать геноцид поляков.

В марте-апреле 1943 г. часть украинской полиции, находившейся на немецкой службе на Волыни (около 5000 человек с оружием и боеприпасами), дезертировала, усилив созданные в 1942 г. националистические лесные отряды, благодаря чему реализация постановлений III Конференции ОУН приобрела размах: в огромных масштабах совершались массовые убийства поляков, составлявших в то время (после ликвидации в 1942 г. Немцами, при участии украинской полиции, евреев) самую многочисленную неукраинскую этническую группу на территории действий ОУН.

Несколько иной была ситуация в Восточной Малопольше. Если на Волыни УПА господствовала на сельских территориях, и уже с февраля 1943 массово ликвидировала поляков, в Восточной Малопольше бандеровские отряды начали создаваться только в июне 1943 г.

Нападения на польские поселения и семьи, жившие в населенных пунктах с этнически смешанным составом, усиливались, охватив в первые месяцы 1943 г. северо-восточные повяты Волыни — Сарненский и Костопольский. Кроме этих повятов, резня охватила граничившие с ними регионы Луцкого и Ровненского, а также Кременецкий повят. В мае и июне 1943 г. случаи нападений участились в следующих

повятах: Дубненском, Луцком, Столбуновском. В июле 1943 геноцид охватил всю Волинь, но крупнейшие акции геноцида произошли во Владимирском и Гороховском повятах, т.е. там, где ранее нападений было немного, и где они были старательно спланированы и организованы. Особенно ужасающие по своим масштабам и способам убийств «расправы с ляхами» произошли 11–12 июля 1943 г., когда поляков убивали одновременно в 125 населенных пунктах. Столь же крупные акции, хотя и уступавшие по масштабам совершенным 11–12 июля, были проведены 4–5 июля (в Луцком повяте), 16–18 июля (в Гороховском, Костопольском и Сарненском повятах), 30 июля (в Сарненском повяте).

В августе 1943 г. Боевики ОУН-УПА стремились ликвидировать все еще существовавшие крупные общины поляков и уничтожить поляков в тех регионах, где они, несмотря на угрозу жизни, пытались выжить. Нападения были во всех повятах, но более всего пострадали Владимирский, Любомельский, Ковельский и Ровненский. Главные удары по польским поселениям имели место во второй половине августа, особенно в последние дни этого месяца. В течение 28–31 августа 1943 г. произошло повторение масштабного геноцида 11–12 июля — одновременно были атакованы поляки, проживавшие в 4 повятах. В это время их убивали в 139 административных пунктах. В сентябре 1943 в волинских деревнях жило не так много поляков, но их все продолжали убивать. Поляки выжили главным образом на территории около 20 очагов самообороны, в основном защищаемых организованными после июльской резни отрядами, а также в городах и небольших местечках, охранявшихся немецкими гарнизонами, где из-за наплыва беженцев возникло перенаселение, сопровождавшееся плохими санитарными условиями и голодом. Только немногочисленные поляки продолжали пребывать в своих хозяйствах в деревнях и поселениях, расположенных вокруг городов, у железнодорожных станций, охраняемых немцами и венграми, а также в районе упомянутых 20 центров самообороны. Часть беженцев, отправившихся в город (вероятно, около 50 тыс.), была вывезена на принудительные работы в Германию. С весны 1943 г. волинские поляки, разными способами преодолевая охраняемый кордон между Волинью и Восточной Малопольшей и Люблинщиной, относившимися к генерал-губернаторству, искали там безопасности. В это время акции геноцида распространились с территории

Волыни на остальные территории, на которых совместно проживали поляки и украинцы.

В то же самое время, что и на Волыни, ОУН-УПА проводила геноцид в южных повятах Полесского воеводства.

Во второй половине 1943 г. волна убийств поляков поднялась в малопольских воеводствах — Львовском, Станиславском, Тернопольском. Особенно пострадали повяты, граничившие с Волынью, откуда переходили банды УПА, в т.ч. Збаражский, Сокальский и прилегавший к нему Равский, а затем следующие подкарпатские повяты: Долинский, Надвожанский, Турчанский и прилегавший к нему Дрогобычский, а также район четырех повятов центрального пояса восточной части Малопольши, т.е. Чортковский, Бучацкий, Станиславовский и Рогатинский повяты. Здесь совершались единичные и реже групповые убийства. С января 1944 г., в связи с приближением советско-немецкого фронта к Тернопольщине, и после истребления поляков на Волыни, ОУН-УПА приступила к деполонизации Восточной Малопольши в большом масштабе. Было заметно стремление избавиться от поляков до окончания войны, чтобы после победы над Германией у Польши не было аргументов на международных переговорах относительно границ вновь создающихся государств. Постепенное вытеснение немцев Красной Армией с Волыни и Восточной Малопольши началось в начале 1944 и продолжалось в течение более полугода. На занятых территориях немедленно создавались институты советской власти и проводилась мобилизация мужчин в 1-ю и 2-ю Армии Войска Польского, что существенно ослабило безопасность остававшегося там гражданского польского населения — женщин, детей, стариков, брошенных на произвол УПА. Больше всего нападений было совершено в первом полугодии, с особенным ростом их числа в феврале-апреле. Они затронули 32 из 47 малопольских повятов. В остальных 15 повятах убийства происходили либо с одинаковой частотой в течение всего года, либо чаще во втором полугодии. Для Восточной Малопольши 1944 г. был самым интенсивным периодом массовых убийств и нападений на поляков.

Значительное снижение числа жертв среди поляков, погибших от рук ОУН-УПА, наступило в 1945 г. В этом году было реализовано заключенное 9 сентября 1944 г. соглашение между Польским Комитетом Национального Освобождения и правительством Украинской Советской Социалистической Республики об обмене польским и украинс-

ким населением в форме переселения. В двух регионах, в восточных повятах Тарнопольского и западных повятах Львовского воеводства, т.е. в тех, которые с сентября 1945 г. принадлежали Польской Республике, преступная активность бандеровцев в 1945 г. была особенной. На южных и восточных землях современной Республики Польша нападения на поляков продолжались вплоть до 1947 г. Их ход был подобен событиям на Волыни, а цель была той же самой — уничтожение поляков. На Волыни стремились истребить всех поляков, до которых удавалось дотянуться — от грудных детей до старцев. А в Восточной Малопольше, где польская общность была более многочисленна, а значит, и истребить ее было значительно труднее, стремились уничтожить как можно большее число поляков и вынудить террором к бегству тех, кого не удастся вырезать. Поэтому в Малопольше применялись и более «мягкие» способы избавления от польского населения. В некоторых населенных пунктах полякам подбрасывали или вешали на видных местах листовки, призывавшие их немедленно, в течение 24 или 48 часов, «убираться за Сан» под угрозой смерти, в случае если они не подчинятся приказу⁵⁹³. Однако речь не всегда шла именно об изгнании, поскольку имели место и нападения на поляков, уже собиравшихся покидать деревни.

На всей территории действий ОУН и УПА можно было выделить несколько видов нападений. Чисто польские поселения или поселения с преобладанием поляков ликвидировались крупными отрядами УПА и ОУН с участием боевых групп КОС, а также сагитированного украинского населения без организационной принадлежности. Польские поселения окружал кордон стрельцов УПА, задачей которых было вылавливать убегающих, а украинцы из всех боевых групп, вооруженные разнообразными хозяйственными орудиями, способными причинить смерть, захватывали село, хватали поляков и убивали их. Затем следовали разграбление имущества и сожжение построек, которые совершались непосредственно после нападения или через некоторое время. Второй тип нападений касался маленьких общин

⁵⁹³ На Волыни польскому населению не направлялось никаких письменных распоряжений или воззваний покинуть «украинские земли». Наоборот, очень часто, для того чтобы перебить как можно больше поляков, паникующее польское население успокаивали, говоря, что ему ничего не грозит, и даже были отмечены случаи, когда беженцев завлекали вернуться из города в деревню ложными гарантиями безопасности.

поляков, обычно из нескольких хозяйств, находившихся на территории украинской деревни, либо функционировавших как отдельная часть поселения. Они уничтожались небольшими группами нападавших из ОУН, УПА и КОС. На некоторые населенные пункты совершали по нескольку нападений, если устанавливали, что предыдущие не привели к полному уничтожению поляков.

Третий тип нападений — это убийства отдельных лиц, а также групп лиц, как правило, вне места их жительства, совершавшиеся патрулями УПА и КОС из двух и более человек. Их жертвами становились: по разным причинам направлявшиеся в другие населенные пункты; в поиске более безопасных мест спасавшиеся бегством из родных мест; возвращавшиеся в свои хозяйства после вылазки за продовольствием или с целью проведения сельскохозяйственных работ; т.е., кого нападавшим удавалось выманить из деревни или поселения; работавшие в поле; укрывавшиеся в полях, лесопосадках, лесах, украинских хозяйственных постройках; пожилые люди, которые несмотря на бегство всех поляков из деревни или поселения, оставались в своих хозяйствах, т.к. были неспособны обустроить свою жизнь в новых, неизвестных условиях. Они считались для украинских националистов безопасным противником.

Четвертый тип нападений происходил главным образом в Восточной Малопольше, и заключался в похищении отдельных лиц, прежде всего мужчин, останки которых находили затем в отдаленных местах либо же не находили никаких следов. Целью таких нападений было либо устранение лиц, способных сыграть важную роль в самообороне, либо устрашение и попытка вызвать бегство остальных.

Кроме физического уничтожения поляков, стремление к ликвидации следов польского присутствия на Волыни и в Восточной Малопольше проявлялось и в истреблении материального и культурного наследия, создававшегося в течение нескольких сотен лет. Кроме личных утрат, которые понесли уцелевшие, но изгнанные (ограбленные, оставившие уничтоженные хозяйства и мастерские и лишенные материальных средств к существованию), были потери, которые понесло польское общество в целом. ОУН-УПА уничтожила огромное количество неинвентаризованных (в основном старинных) объектов, таких как: костелы, часовни, усадьбы, дворцы вместе с их ценной обстановкой, парки, школы, народные дома, промышленные постройки и оборудование.

7. Genocidium atrox

Для геноцида, совершенного украинскими националистами, было характерно повсеместное издевательство над жертвами, не исключая детей и женщин, в т.ч. беременных. Садистское поведение было настолько отвратительно, что производило впечатление не только на немецкую администрацию, но даже на немецких солдат и полицейских, многие из которых также имели на своей советси преступления. Среди практиковавшихся по отношению к полякам зверств отмечены: разрубание секирой или топором конечностей и иных частей тела, вспарывание животов с извлечением внутренностей, в том числе нерожденных детей, ломание конечностей, выкалывание глаз, отрезание языков, ушей, носов, груди, гениталий, сожжение живьем, связывание колючей проволокой и утопление в реке или болоте, волочение за лошадью, сбрасывание в колодцы живых и раненых, нанесение колотых ран острыми предметами по всему телу, оставление раненых в муравейниках, распиливание живых. Такие способы убийства дают основание применить для украинского геноцида специальный термин *genocidium atrox*: геноцид дикий, страшный, зверский⁵⁹⁴.

7.1. Масштабы преступлений

Доступные на сегодня результаты детальных исследований геноцида, опубликованные в 5 работах, содержащих реестры преступлений и списки жертв⁵⁹⁵, а также неопубликованные собственные подсчеты позволили автору произвести анализ статистики преступлений⁵⁹⁶. Подсчет общего числа потерь польского населения

⁵⁹⁴ Термин, предложенный Рышардом Шавловским в статье «Геноцид» (“Ludobyjstwo”) w Encyklopedii białych plam, Radom 2003. Т. 9. S. 174. См. также: Пафал Лемкин (1900–1959). Польский юрист, автор понятия “ludobyjstwo”, “Sprawy Międzynarodowe” 2005. Nr. 2. S. 103. В последнее время широкое обоснование концепции *genocidium atrox* привел Р. Шавловский в своей статье *Trzy tematy z dziedziny genocydrologii, zamieszczonym w Zbrodniach przeszłości. Opracowaniach i materiałach prokuratoryw IPN. Т. 2. Ludobyjstwo. S. 26–27.*

⁵⁹⁵ *Siemaszko W., Siemaszko E. Ludobyjstwo [...] na ludności polskiej Wołynia...; Komański H., Siekierka S. Ludobyjstwo [...] na Polakach w województwie tarnopolskim...; Siekierka S., Komański H., Bulzacki K. Ludobyjstwo [...] w województwie lwowskim...; Siekierka S., Komański H., Ryżański E. Ludobyjstwo [...] w województwie stanisławowskim...; Konieczny Z. Stosunki polsko-ukraińskie na ziemiach obecnej Polski...*

⁵⁹⁶ Более подробные подсчеты потерь польского населения в отдельных повятах и

в результате преступных действий украинских националистов, отражающий актуальное состояние исследований по данному вопросу, содержится в следующей таблице:

ТАБЛИЦА. Поляки, убитые ОУН-УПА и другими вооруженными формированиями украинских националистов в 1939–1948 гг. Документально подтвержденные цифры и расчеты.

Воеводство	Число установленных населенных пунктов, где убивали поляков	Задокументированное число убитых (округленно) (1)	Число убитых, известных по фамильно	Предполагаемое число жертв сверх точно установленных (2)	Вероятное число убитых поляков (округленно) (1+2)
Волыньское	1 865	~38 600	22 113	21 400 ⁵⁹⁵	~60 000
Львовское	1 007	~15 400	6 397	9 395 ⁵⁹⁶	~24 800
Станиславовское	422	~11 700	3 843	6 700 ⁵⁹⁷	~18 400
Тарнопольское	850	~23 000	10 143	4 585 ⁵⁹⁸	~27 600
Люблинское	170	~2 500	1 491	500 ⁵⁹⁹	~3 000
Всего	4 314	~91 200	43 987	42 580	~13 3800

воеводства в 1939–1948, содержатся в моей работе *Straty ludności polskiej w wyniku zbrodni ludobójstwa dokonanej w latach czterdziestych XX wieku przez nacjonalistów ukraińskich*. Aktualny stan badań, // *Wołyń 1943 — rozliczenie. Materiały przeglądowej konferencji naukowej “W 65. rocznicę eksterminacji ludności polskiej na Kresach Wschodnich, dokonanej przez nacjonalistów ukraińskich”*. Warszawa, 10 lipca 2008. Warszawa, 2010. S. 78–103.

⁵⁹⁷ Подсчет автора — см. также *Siemaszko W., Siemaszko E. Ludobójstwo [...] na Wołyńniu...* S. 1056–1057. *Siemaszko W., Siemaszko E. Ludobójstwo [...] na Wołyńniu...* S. 1056–1057.

⁵⁹⁸ Предполагаемое число убитых поляков в повятах: Бобрка, Бжозов, Добромиль, Дрогобыч, Грудек, Ягеллонский, Ярослав, Яворов, Леско, Любачов, Мосьщишка, Ниско, Пшемьсль, Рава Русская, Рудки, Самбор, Санок, Сокаль, Турка, Жолкев по: *Siekierka S., Komański H., Bulzacki K. Ludobójstwo [...] w województwie lwowskim...* S. 31, 94, 148, 187, 221, 288, 357, 425, 509, 636, 734, 778, 835, 915, 1030, 1113, 1144

⁵⁹⁹ Предполагаемое число убитых поляков для всех повятов Станиславовского воеводства по: *Siekierka S., Komański H., Ryżański E. Ludobójstwo [...] w województwie stanisławowskim...* S. 36, 118, 169, 258, 292, 354, 419, 508, 591, 650, 716, 769.

⁶⁰⁰ Предполагаемое число убитых поляков для повятов: Борщов, Броды, Бжежаны, Чортков, Каменка Струмилова, Копычиньцы, Радзехов, Злочев, по: *Komański H., Siekierka S. Ludobójstwo [...] w województwie tarnopolskim...* S. 58, 99, 137, 200, 225, 251, 329, 517. Для остальных повятов расчеты не были представлены.

⁶⁰¹ Расчет автора.

Акции геноцида коснулись поляков *по крайней мере в 4 314 населенных пунктах*. Наибольшее количество населенных пунктов, охваченных геноцидом (1865), установлено на Волыни. *Задокументированное число жертв, следующее из установленных фактов преступлений, включая жертвы, известные и неизвестные по фамилиям, в 5 воеводствах составляет по крайней мере 91 200 человек*. В том числе 42 % жертв — это поляки, убитые на Волыни (по крайней мере, 38 600 человек). *К настоящему времени было идентифицировано 43 998 жертв, т.е. 48 % от общего числа установленных жертв*, а результаты проведенных на настоящий момент исследований показывают, что это число еще возрастет. Неустановленные преступления находят место в подсчетах, которые были выполнены методом экстраполяции результатов исследования и указаны в таблице для отдельных воеводств. *Общее предполагаемое число убитых для 5 воеводств — это 42 580 поляков*.

Из сравнения потерь в 5 воеводствах следует, что наибольшие масштабы украинский геноцид принял на Волыни. В этом воеводстве было установлено наибольшее число как задокументированных убийств (около 38 600), так и предполагаемых (21 400), что в сумме дает цифру 60 000 поляков, лишившихся жизни в ходе преступных нападений.

Вероятные потери польского населения в ходе геноцида ОУН-УПА и других украинских националистических организаций, *которые являются суммой числа задокументированных и предполагаемых жертв для 5 воеводств, составляют по крайней мере 133 800 поляков*.

Отсутствие детальных исследований, представляющих картину преступлений ОУН-УПА на территории Полесского воеводства, побудило автора воздержаться от приведения цифр, способных вызвать сомнения. Анализируя ситуацию в этом регионе и действия ОУН-УПА, можно сделать предположение, что в данном регионе поляков убивали в меньшем количестве, нежели в Волынском воеводстве, поскольку большие группы советских партизан боролись с УПА, а также предоставляли охрану польским беженцам в лагерях при своих отрядах.

То, что исследования геноцида ОУН-УПА начались через несколько десятков лет после совершения преступлений, несомненно, ограничило степень полноты его изучения, однако благодаря реше-

тельности исследователей и общественной поддержке, все же удалось установить относительно точное число польских жертв.

7.2. Квалификация преступлений

Из доступного материала исследований следует, что убийства, совершенные украинскими националистами на Волыни, Восточной Малопольше, Полесье и на Восточной Люблинщине были спланированы, подготовлены и совершены с тщательностью, свидетельствующей о намерении истребить всех поляков, которых можно было обнаружить. Поводом для убийств была принадлежность жертв к польскому народу, часть которого, проживавшую на территориях планируемого ОУН украинского государства, было решено уничтожить.

Подобные действия и их мотивы однозначно отвечают определению геноцида, сформулированному в Конвенции о предотвращении и преследовании геноцида, принятой на заседании генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1948 г. Согласно статье II этой Конвенции, геноцидом называется

«следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;*
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;*
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;*
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;*
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»⁶⁰².*

Первым волынско-малопольские преступления, к огромному неудовольствию политических кругов, части научных кругов и средств массовой информации, квалифицировал как геноцид профессор Рышард Шавловский. Эту квалификацию он представил и

⁶⁰² Текст конвенции на польском языке см.: Dz.U. z 1952, Nr 2, poz. 9.

обосновал в 2000 г. во вступительном слове к «Геноциду [...] на Волыни», развивая эту тему в следующих работах и доказав, что волинско-малопольское преступление было третьим геноцидом, совершенным по отношению к польскому народу — после немецкого и советского.

Таковую же квалификацию преступлений ОУН-УПА против поляков приняли прокуроры Главной комиссии расследования преступлений против польского народа Института Национальной Памяти, ведущие следствия по делу о геноциде, совершенном в 1939–1945 украинскими националистами на территории Волынского воеводства в границах Второй Речи Посполитой и на территории Восточной Малопольши, т.е. воеводств Тарнопольского, Станиславовского и Львовского в части, оставшейся вне послевоенных границ Польши. При вынесении уголовно-правовой оценки преступлений, ИНП пользовался указанной *Конвенцией о противодействии и преследовании геноцида*, а также параграфом 1 статьи 188 польского Уголовного Кодекса от 1997 г.⁶⁰³

⁶⁰³ См.: Zajac P. Prześladowania ludności narodowości polskiej na terenie Wołynia w latach 1939–1945 ocena karno-prawna zdarzeń w oparciu o ustalenia śledztwa OKSZ-pNP w Lublinie; Miszko P., Matkowski K. Zbrodnie ludobójstwa popełnione przez nacjonalistów ukraińskich w Małopolsce Wschodniej w latach 1939–1945 na osobach narodowości polskiej w świetle śledztw OKSZpNP we Wrocławiu, // Zbrodnie przeszłości. Opracowania i materiały prokuratorów IPN. T. 2. Ludobójstwo... S. 34–52.

Люцина Кулиньская
*Краковская горно-металлургическая академия,
гуманитарный факультет*

Проблема отношения и осуждения преступлений ОУН-УПА, СС «Галичина» и других коллаборационистских формирований украинцев со стороны западных демократий во время «холодной войны»⁶⁰⁴

1. Вступление

В последние годы в Европе возникло явление ревизионизма по отношению к истории XX в. Особенно это затрагивает период Второй мировой войны и первых 20 лет с момента ее окончания. Причины данного явления комплексные. В большой степени оно стало результатом углубления знаний о прошлом, связанного с рассекречиванием скрываемых десятки лет документов секретных служб. Кроме того, в некоторых странах можно наблюдать тенденцию к оправданию и даже к возведению в ранг героев лиц, организаций или целых военных формирований, которые в годы войны совершали преступления против человечности. Это особенно касается таких стран как Украина и Латвия. Эта тенденция не миновала также Германии, Австрии, стран, сотрудничавших с гитлеровцами, как, например, Венгрия, или

⁶⁰⁴ Доклад был прочитан на конференции, которая состоялась во Вроцлаве в июне 2010 г. Затем через несколько месяцев в Соединенных Штатах была опубликована книга под названием «Тень Гитлера, нацистские военные преступники, американская разведка и «холодная война» (Hitler's Shadow. Nazi War Criminals, US Intelligence, and the Cold War (Cień Hitlera, nazistowscy zbrodniarze wojenni, wywiad amerykański i "zimna wojna") за авторством Ричарда Брайтмана и Нормана Дж. У. Годи, изданная Американским Национальным Архивом. Гл. V этой книги, под названием «Сотрудники: разведка союзников и Организация Украинских Националистов (Collaborators: Allied Intelligence and the Organization of Ukrainian Nationalists / Współpracownicy: wywiad Sprzymierzonych i Organizacja Ukraińskich Nacjonalistów) посвящена проблемам, затрагиваемым автором, и значительно укрепляет ее базу источников. Кроме того, там приводится множество новых фактов по этой, еще слабо разработанной в науке теме.

даже тех, граждане которых были объектом планомерного геноцида. Примером такой страны может быть Польша, где в течение многих лет развивается вдохновляемый украинскими националистами при помощи части элит, формирующих общественное мнение, процесс оправдания преступлений членов ОУН-УПА, и почитание их за их послевоенную борьбу с коммунизмом.

Данная статья содержит размышления над причинами безнаказанности, которой, после войны, на Западе пользовались члены украинских организаций, ответственные за истребление населения юго-восточных воеводств Польской Республики. В нем мы постараемся приблизиться к ответу на следующие вопросы:

1. Какие причины склонили представителей западных демократий и Ватикана к сокрытию и уничтожению следов военных преступлений, совершенных членами украинской вспомогательной полиции, отрядов «Нахтигаль», «Роланд», дивизии СС «Галичина», ОУН, а также УПА, которые нашли убежище на Западе?

2. Какие пропагандистские действия украинских националистов и прикрывавших их западных элит привели к тому, что информация о преступлениях на Кресах исчезла из коллективного сознания европейцев и даже народов, которых непосредственно коснулось уничтожение?

3. Почему современное возрождение крайнего национализма на Украине не встречает однозначного осуждения со стороны Польши, Европы или демократического мира?

Следует отметить, что темы эти не только вообще не исследованы, но даже не поднимаются польскими учеными, в то время как эти вопросы чрезвычайно важны как с научной и политической, так и с этической точки зрения.

2. Начало «Холодной войны»

Вслед за отступавшими немецкими войсками на Запад потянулась большая часть деятелей и членов УПА, а также украинских организаций, сотрудничавших с гитлеровской Германией. После войны самая большая их группа обосновалась в Германии, Великобритании, США, Канаде и странах Южной Америки. Многие из них имели на своей совести военные преступления, в том числе геноцид еврейского и польского населения Кресов. Несмотря на ожидания жертв, преступники

не были не только осуждены правосудием, но даже не встретили морального осуждения со стороны западных демократий⁶⁰⁵.

Объяснение этому явлению нам придётся искать в конфликте между союзниками, который произошёл после окончания Второй мировой войны. Он известен в литературе под названием «Холодная война». Ещё до директивы А. Даллеса, черпавшей поддержку в фултонской речи У. Черчилля произнесенной в 1946 году, которая считается отправной точкой «холодной войны», все средства массовой информации США и той части европейских стран, которые поддерживали политику Вашингтона, начали пропагандистскую войну против СССР. Решением Г. Трумэна от 26 июля 1947 года было создано Центральное Разведывательное Управление (ЦРУ). Для того чтобы придать его функционированию формальные рамки, Совет Национальной Безопасности США 14 декабря 1947 г. издал директиву № 4/17, согласно которой Управлению поручались особые задания, включавшие также психологическую войну⁶⁰⁶.

Информация о «Холодной войне» сейчас весьма незначительна, а многие невыгодные, компрометирующие события умалчиваются и затушевываются. «Холодная война»⁶⁰⁷ была битвой аппаратов про-

⁶⁰⁵ Доказательства укрывания властями США нацистов и других военных преступников можно найти в 600-страничном рапорте, опубликованном ЦРУ в 2010 г. Он посвящен деятельности так называемого Бюро Особых Расследований в министерстве юстиции Соединенных Штатов. Правительство США признало в нем, что многие гитлеровцы были привлечены к сотрудничеству и использованы в качестве ценных источников информации и в секретных операциях в период «холодной войны». На эту тему см. статью Эрика Лихтблау «Нацистам дали свободное небо, говорится в рапорте США» ("Nazis were given 'safe haven' in U.S., Report says"), опубликованной в «Нью-Йорк Таймс» 13.11.2010. Полное содержание рапорта доступно по адресу URL: <http://documents.nytimes.com/confidential-report-provides-ncw-evidence-of-notorious-nazi-cases?ref=us#p=1> (дата обращения: 17.11.2010).

⁶⁰⁶ Smolorz R.P. Kontekst międzynarodowy wyjścia Brygady Świętokrzyskiej na zachód Europy w 1945 roku. Przez Śląsk i Czechy do Ratyżony // *Obóz Narodowy w obliczu dwóch totalitaryzmów*. Poznań, 2010. S. 115.

⁶⁰⁷ «Холодная война» условно продолжалась с 1946 года — от распада антигитлеровской коалиции и получения СССР доминирующей позиции в Центральной Европе, до 1991 года, когда наступил распад Советского Союза. Конфронтация между двумя сверхдержавами продолжалась во многих плоскостях: военной, идеологической, психологической, экономической. Началом «Холодной войны» считается выступление Уинстона Черчилля в Фултоне (США) 5 марта 1946 года. Однако Иосиф Сталин месяцем ранее констатировал, что «коммунизм и капитализм не могут сосуществовать», а СССР должен быть готов к любым возможным

паганды и разведок, она была полна саботажно-диверсионных операций и провокаций, и часто велась с использованием неэтичных методов. Лучшим тому доказательством было вовлечение в нее бывших военных преступников. Определенно, эти люди повлияли на затягивание и эскалацию «Холодной войны», конфликта, продолжение которого, так или иначе, обеспечивало им безнаказанность. Истощенное и обедневшее население центрально-европейских стран, проданное в Ялте Иосифу Сталину, стало пешкой в беспощадной игре двух гигантов. На них также лежит ответственность за втягивание в конфликт очередных сотен и тысяч людей и заманивание их надеждой на Третью мировую войну, что на практике приводило к увеличению списков репрессированных, заключенных, сосланных, убитых. На победителях также лежит вина за продолжающееся до сих пор молчание вокруг совершенного против поляков украинскими националистами и коллаборационистами геноцида на Кресах.

В конце войны украинские националисты, очень многие из которых совершили преступления против гражданского населения оккупированных территорий, начали искать новых покровителей на Западе. Довольно быстро они заметили симптомы распада антигитлеровской коалиции, а прикидки на скорое начало Третьей мировой войны стали основой для их дальнейших политических расчетов. Еще в ходе военных действий они начали заботиться о завязывании сотрудничества с союзниками.

Уже в сентябре 1944 г. руководство ОУН, через посредников, обратилось к английскому правительству с беспардонной просьбой признать их борьбу «национально-освободительной». Пребывавшие за границей лидеры ОУН связались также с представителями разведок США и Англии на территории капитулирующей Германии, и начали в массовом порядке наниматься на службу к новым хозяевам, обещая им свою помощь в борьбе против Советского

последствиям, что было воспринято на Западе как угроза Третьей Мировой войны. В ответ в сентябре того же года американский госсекретарь Джеймс Бёрнс декларировал постоянное присутствие США в Германии, за которой постепенно должен был быть признан суверенитет, а границу по Одере и Нысе Лужицкой определил как временную. В мае 1947 г. Президент США Гарри Трумэн представил принципы «доктрины сдерживания», известной с тех пор как доктрина Трумэна. Она санкционировала разделение мира на американскую и советскую сферы влияния, а ограничения сил СССР усматривала в «долговременном, терпеливом, но решительном и чутком сдерживании экспансивных тенденций».

Союза. Среди них были: Степан Бандера, Микола Лебедь, Иван Гринёх, Степан Ленкавский, Василь Охримович, Мирон Матвиенко, Ярослав Стецько и многие другие⁶⁰⁸. При этом они утверждали, что в западных регионах Украины существует и сражается против коммунистических властей насчитывавшая почти 100 000 человек УПА. Однако в тот раз ни США, ни Англия не были заинтересованы принять предложение⁶⁰⁹. Эффект от этих действий наступил после капитуляции Германии.

3. На службе западных разведок

После капитуляции Германии большинство украинских националистов, бегущих от советской армии, оказалось на территории Западной Германии. Следует помнить, что сама Германия уже осенью 1944 начала создание т.н. антисоветского блока. Это действие предполагало изменение расклада сил в коалиции. В первую очередь немцы начали приготовления к передаче 3-й американской армии всех своих контактов с антикоммунистическими деятелями в Центральной и Восточное Европе, в т.ч. с членами ОУН и УПА. Немцы проводили концентрацию рассеянных по территории всей Германии функционеров, главным образом в Регенсбурге⁶¹⁰. Этот город вскоре стал главным центром деятельности Организации Украинских Националистов и Украинской Повстанческой Армии на Западе⁶¹¹. В мае 1945 г. в Ратсбоне пребывало уже около 8 000 так называемых перемещенных лиц — DPs (Displaced Persons). В пиковый

⁶⁰⁸ Центральный Провид ОУН-Б в 1944 году выслал на Запад специальную миссию ОУН-Б и УГВР, чтобы получить международную поддержку украинского подполья. Главой миссии стал Микола Лебедь. Однако с самого начала возникло непонимание между членами УГВР и выпущенными из тюрьм бандеровцами. Как С. Бандера, так и Я. Стецько не хотели соглашаться с той символической ролью, которую отводили им новые власти ОУН.

⁶⁰⁹ *Вереїцак В.* «Правду не одолеть». Киев, 2003; Информация относительно положения в украинских националистических центрах в капиталистических странах, IPN, шифр IPN Wr 054/692.

⁶¹⁰ Их описал Роман П. Смолёж, в частности в: *Smolorz R.P.* Displaced Persons (DPs). Autoritiden und Anjuhrer im angehenden Kalten Krieg im ostlichen Bayern. Regensburg, 2009; *Idem.* Kontekst międzynarodowy...

⁶¹¹ *Hałagida I.* Prowokacja “Zenona”. Geneza, przebieg i skutki operacji MBP o kryptonimie “C-1” przeciwko banderowskiej frakcji OUN i wywiadowi brytyjskiemu (1950–1954). Warszawa, 2005. S. 63; *Smolorz R.P.* Displaced Persons... P. 49, 76–84.

период (июнь 1948 года) их число составило 11 710 человек. Самую большую группу, 5 000–6 000 человек, составляли украинцы, большинство которых до войны было польскими гражданами⁶¹². Оккупационные американские власти гарантировали им полную безнаказанность, несмотря на то, что многие из них совершили действия, квалифицированные Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге, как преступления против человечности⁶¹³.

Многие бывшие члены украинской полиции и других коллаборационистских и националистических формирований, американскими оккупационными властями были сгруппированы в лагере Бад-Вёрисхофен в Баварии (80 км к западу от Мюнхена). Там они готовились к действиям против СССР и стран, находившихся в орбите его влияния. В лагере проходили регулярные военные учения, главным образом в области диверсий, саботажа и шпионской деятельности⁶¹⁴.

В Западной Германии, под прикрытием оккупационных властей, украинские националисты вели свободную деятельность. В 1947 г. в Баварии легально издавались следующие газеты и журналы: «Украинская трибуна» [«Українська трибуна»] (Мюнхен), «Наша жизнь» [«Наше життя»] (Аугсбург), «Украинская мысль» [«Українська думка»] (Ансбах), «Украинские известия» [«Українські вісті»] (Ной-Ульм), и «Время» [«Час»] (Нюрнберг), который был бандеровским еженедельником⁶¹⁵. Среди чисто бандеровской прессы выделялись орган Главного Провода ОУН «Освобожденная политика» [«Визволена політика»] и «Украинская трибуна». Похожая ситуация была и в других западных странах⁶¹⁶.

⁶¹² Одним из самых важных критериев, позволявшим избежать принудительной репатриации из американской оккупационной зоны в СССР было гражданство довоенной Польши. (*Polian P. Deportiert nach Hause. München, 2001. S. 67, 121.*)

⁶¹³ В будущей Федеративной Республике Германии союз бывших эсэсовцев насчитывал 300 тысяч человек. См: *Kuta T. Anatomia Kłamstwa. Gdynia, 1968. S. 332.*

⁶¹⁴ «Громенко» Михайло Дуда — командир сотни из куреня «Байды» [«Байди»], после прорыва в американскую оккупационную зону изъявил желание работать в разведке НАТО, где вербовал шпионов для деятельности на территории Польши, в том числе Яна Ханяка; *Szcześniak A.B., Szota W.Z. Droga do nikąd. Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i jej likwidacja w Polsce. Warszawa, 1973. S. 470; Jarnicki W. Spalona Ziemia. Lublin, 1970.*

⁶¹⁵ *Szcześniak A.B., Szota W.Z. Op. cit. S. 469.*

⁶¹⁶ В архиве IPN в Варшаве под разными шифрами можно найти множество номеров журналов украинских организаций бандеровского толка, издававшихся на Западе в 1945–1965.

Весь этот период украинские националисты из ОУН-УПА, украинской полиции или дивизии СС «Галичина» особенно полезными для западных разведок при проведении антикоммунистической деятельности. Их характеризовали фанатизм, умение проводить акты террора и саботажа, производить разведку, а также антисоветская и антипольская направленность. Они были великолепным материалом для выполнения самых рискованных заданий. Большинство располагало богатым конспиративным опытом, прекрасно разбиралось в методах партизанской войны и, что самое важное, было родом с территорий, на которых планировались антисоветские операции. И также большое значение имело их владение польским языком, благодаря чему они могли выполнять свои задания, не возбуждая подозрения, что являются украинцами.

Тем временем в лоне ОУН дошло до внутренних конфликтов между новым руководством, сосредоточившимся вокруг Главной Украинской Освободительной Рады Микола Лебеда, и выпущенным из немецкой тюрьмы Степаном Бандерой. В феврале 1946 в Мюнхене бандеровцы создали Заграничные Части ОУН, управляемые Бандерой (сокращенно ЗЧ ОУН-Б)⁶¹⁷. Важную их часть составляла Служба Безопасности ЗЧ ОУН, которая, как в прошлом, так и теперь, должна была заниматься убийствами советских агентов и политических противников. В 1947 г. в Германию прибыли еще несколько сотен членов УПА, которые пробились из Польши. Они заинтересовали западные разведки возможностью использовать их в разведывательных операциях. Однако это не разрядило внутреннего напряжения. 28–31 августа 1948 г. в Миттенвальде собралась чрезвычайная конференция ЗЧ ОУН, на которой произошел раскол, в результате чего из партии, среди прочих, вышли Лев Ребет и Микола Лебедь. Это вызвало критику Центрального Провода ОУН. В свою очередь, Степан Бандера отрекся от руководства ЗЧ ОУН. В партию вновь приняли исключенных ранее членов УГВР [Українська Головна Визвольна Рада]. В 1951 г., на III конференции ЗЧ ОУН, председателем был выбран Я. Стецько. Однако согласие продлилось недолго. 25 декабря 1956 г. Лев Ребет основал новую организацию, ОУН-3, опирающуюся на демократическую платформу

⁶¹⁷ Kaczyński A. Spadochroniarze OUN. Historia desantów z 14 maja 1951 r., "Wiedza i Życie. Inne Oblicza Historii". 21.02.2010.

УГВР. Одновременно ЗЧ ОУН официально вернулись к идеологии Дмитро Донцова⁶¹⁸.

Поскольку обе фракции ОУН срочно искали покровителя, союзники поделились ими. Великобритания начала сотрудничество с Бандерой, а США с Лебедем. На первый взгляд, такой расклад был выгоден обеим сторонам. Украинские националисты получали необходимую для выживания финансовую поддержку, а англосаксы — доступ к обширной базе потенциальных шпионов⁶¹⁹.

При посредничестве представителей Ватикана Микола Лебедь и Иван Гринёх связались с американской разведкой⁶²⁰. В обмен на финансовую помощь они обязались активизировать антисоветскую деятельность и шпионаж не только в Украинской Советской Социалистической Республике, но и на всей территории Советского Союза. Такой приказ был передан Роману Шухевичу, которому было поставлено задание реорганизовать УПА в Галиции и создать в западной части УССР небольшие оуновские боевые группы, которые, террористической деятельностью, должны были создать впечатление подготовки к общенародному восстанию. Взамен американцы обещали материальную помощь и присвоение членам ОУН и УПА статуса «участников восстания»⁶²¹.

Тем временем Степан Бандера и Ярослав Стецько подписали соглашение с англичанами. Они обязались доставлять английской разведке шпионские сведения о СССР и других социалистических странах. Англичане, со своей стороны, также начали финансирование ОУН. В своем письме к Шухевичу, посланном 18 ноября 1946 г. из Мюнхена, Бандера так описывал сотрудничество лидеров ОУН-Б со «спецслужбами» западных государств:

«[...] Мы, сориентировавшись в ситуации и, в отношении союзников, приняли решение не напирать и не напрашиваться задаром, чтобы не скомпрометировать себя... Пока что мы ограничились информированием их источников, которые выражают заинтересованность... Теперь вместе

⁶¹⁸ Верещак В. Указ. соч. С. 44.

⁶¹⁹ Kaszyński A. Op. cit.

⁶²⁰ Участие представителей Ватикана в защите военных преступников это трудная и деликатная проблема. Она будет рассмотрена в дальнейшем.

⁶²¹ Верещак В. Указ. соч. С. 44.

с развитием и осложнением международных условий начинает возрастать заинтересованность такими силами, как мы. Надеюсь, что нам будет открыта официальная дорога. Этих возможностей мы не упустим. Мы сделали многое в области пропаганды общего фронта... В Германии всюду ширится братство между украинцами и союзниками... Ясно, что теперь присутствует политический, дипломатический конфликт между Советским Союзом с одной стороны, и союзниками — с другой. Союзники, жестко поставив вопрос, хотят вынудить большевиков отступить на линию 1939 года, ситуация похожа на ту, какая была в 1941–1942 годах. В этом наш интерес и главная задача: своими силами и при помощи союзников реализовать нашу собственную концепцию — национальную революцию»⁶²².

Поскольку украинские националисты знали, что их деятельность возбуждает живой интерес, особенно у американских военных и в разведывательных кругах на территории Западной Германии, их козырной картой было умелое ведение пропаганды. Особенно большое поле для успешных действий они получили именно после 1946 года, когда мир начал погружаться в атмосферу «Холодной войны»⁶²³. Ложная, антиисторическая, можно было бы сказать, геббельсовская интерпретация фактов имела решающее значение на формирование благоприятного для ОУН-УПА общественного мнения в мире. Члены ОУН располагали с этой точки зрения богатым опытом еще до войны⁶²⁴. Показателем успешности их действий послужил в том числе визит, нанесенный представителями США местному командованию УПА в районе Прешова в Словакии 15 мая 1947 г. Туда, вместе с корреспондентом «Ассошиэйтед Пресс», аккредитованном в Праге, прибыл вице-консул. На месте они ознакомились с положе-

⁶²² *Верещак В.* Указ. соч. С. 44. См. также: OUN. Depozyt Petra Fedoriwa ps. “Dalny” [Петро Федорів «Дальний»]: struktura OUN na świecie, wywiad anglo-amerykański, sieć banderowska, ukraińskie nacjonalistyczne ośrodki za granicą, IPN, sygn. IPN BU 1554/1.

⁶²³ OUN kierunki propagandy instrukcja, IPN, sygn. IPN BU 1554/10.

⁶²⁴ Эти элементы отлично усвоили украинские националисты еще перед войной, ведя пропагандистскую войну с польским государством. Много информации на эту тему в: *Kulińska L.* Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922–1939. Kraków, 2009.

нием военизированного подполья украинских националистов⁶²⁵. К прославлению начинаний УПА подключились даже умеренные газеты, такие как шведская «Стокгольмс Тидинген» или французская «Ля Републик». В 1948 г. они опубликовали множество статей, популяризовавших УПА и «генерала Чупринку» (Романа Шухевича).

Пропагандистский аппарат ОУН-УПА поддерживал дух своих членов, постоянно обманывая их надеждой на скорое начало Третьей мировой войны. «Дожить до времени начала мирового конфликта» стало главным лозунгом бандеровцев⁶²⁶. За чистую монету принимались выступления западных политиков в духе «Холодной войны», интерпретировались их заявления и недружественные действия по отношению к СССР и его социалистическим странам-союзникам. Доказательство этому можно найти в переписке уповцев под псевдонимами «Гринь» и «Роман» от 7 мая 1947 г.:

«[...] В эти дни к нам из американской зоны добровольно прибыл старший сержант СС (возможно, что шпион), и рассказал очень интересные вещи, а именно: конференция сорвана и больше ее уже не будет — как сказал Маршалл; 70 % американского населения выражает желание сражаться с большевиками; американцы, французы, японцы и т.д. поздравляли украинского кошевого по поводу убийства Сверчевского⁶²⁷ ... Весь год об УПА говорили, как о бандитах. Теперь весь мир говорит о нас, как о величайших героях: война будет в июне-июле»⁶²⁸.

⁶²⁵ Szczęśniak A.B., Szota W.Z. Op. cit. S. 472.

⁶²⁶ Ibid. S. 440. Zob. też OUN. Depozyt Piotra Fedoriwa ps. Dalnycz: pisma i ulotki propagandowe z lat 1946–1947, IPN, sygn. IPN BU 1554/14.

⁶²⁷ Сверчевский Кароль (1903–1947) — член Коммунистической партии Польши, участник Гражданской войны. Командир 14-й интербригады в Испании. В годы Второй мировой войны — командующий 2-й армией Войска Польского. 28 марта 1947 г. во время инспекции войсковых частей в ходе военной операции против бандеровцев в Яблонках недалеко от Балигорода попал в засаду и был убит бандеровцами. Убийство Сверчевского было использовано как предлог для начала в 1947 г. войсковой операции «Висла», завершившейся окончательным разгромом УПА в Польше и принудительным выселением украинского населения из восточных воеводств Польши на территорию УССР. — Прим. пер.

⁶²⁸ Szczęśniak A.B., Szota W.Z. Op. cit. S. 440. См. также: ОУН. Крайовый Провид Закарпатский Край: Отдел пропаганды. Отчет о встрече с корреспондентом английской газеты ..., которая состоялась в ночь с 3 на 4 августа 1946 г., IPN, шифр

С течением времени сотрудничество привело к разработке конкретных операций против Советского Союза⁶²⁹. Бывший член ЦП ОУН Мирон Матвиенко в книге «Черные дела ЗЧ ОУН» писал:

«В связи с обострением в 1948 международной политической ситуации, Бандера и заграничные отряды ОУН подготовили к заброске в помощь генерал-гауптману Шухевичу организованные и вооруженные группы»⁶³⁰.

Сброшенные с самолетов парашютисты — агенты иностранных спецслужб, а также эмиссары ОУН, после их задержания на «западно-украинских» землях подтвердили, что разведка Англии и Америки уже:

«с 1945 вела переговоры с руководителями ОУН о создании на территории СССР широко разветвленной сети шпионов, диверсантов и террористов, и особых террористических отрядов для участия в грядущей войне...»⁶³¹

В свою очередь из документов Министерства Общественной Безопасности в Варшаве от июня 1949 г., известно, что с 1947 г. в здании Украинской высшей школы экономики в Регенсбурге размещалась разведывательная школа американской военной раз-

---

IPN BU 1554/26; ОУН-УПА Запад: протокол о пребывании на польской территории в период с 28 июля по 4 августа 1946 года. Отчет о встрече с английскими корреспондентами, IPN BU 1554/140; ОУН. Крайовый Провид Закерзонский Край: Референт политики и пропаганды Василь Галана (Галаса), псевд. «Савченко» — текст о политическом конфликте между наглосаксами и СССР. IPN, шифр IPN BU 1554/27; Отдел пропаганды: призывы и листовки, IPN, шифр. IPN BU 1552/53.

⁶²⁹ ОУН. Документы разработок: фотографии вещественных доказательств (радиостанций, тайников), IPN, шифр IPN BU OUN IX/147; OUN-UPA. Фотокопии шифров и кодов, а также отчетный протокол, частично зашифрованный, от 05.06.1946 г., IPN BU 1554/173; ОУН. Организационные материалы: инструкции по организационным вопросам, ведение разведки, шифры. Фотографии вещественных доказательств (радиостанций, схронов), а также рапорт агента УБ о локализации точки контактов ОУН от 15 июня 1953 года, IPN BU 1554/184.

⁶³⁰ Матвиенко М. «Черные дела ЗЧОУН». Киев, 1962. С. 149–150.

⁶³¹ Верещак В. Указ. соч. С. 44; см. также: Kuźmicz Ł. Zbrodnie bez kary. Rzeszów, 2006; Kaczyński A. Op. cit. S. 59–69.

ведки (СИС) для граждан Восточной Европы, главным образом украинцев⁶³².

В конце 1949 г. гражданским судом американской оккупационной зоны в Баварии лагерь для перемещенных лиц в Регенсбурге был распущен. Тогда также строились планы создания в этом месте Института Восточной Европы⁶³³. Такой же институт позже был создан в Мюнхене, куда вскоре переселились жившие в Германии украинские националисты, прежде всего члены ОУН-Б⁶³⁴. Директором мюнхенского института стал профессор доктор Ганс Кох⁶³⁵, который перед войной сотрудничал с ОУН и выполнял шпионские задания в Польше⁶³⁶. По заказу правительственных департаментов, институт, в большой мере опирался на сведения, предоставляемые украинскими эмигрантами, проводил научный анализ⁶³⁷. Тайный инициатор работы этого центра, Теодор Оберлендер⁶³⁸, до 1954 работал на уже упомянутую американскую разведку СИС, частью которой была организация Гелена, т.е. бывшего руководителя управления Иностранная армия востока — создатель немецкой Федеральной Разведывательной Службы⁶³⁹. Шпионажем в пользу немецкой разведки занимались особые разведывательные группы, возглавляемые Романом Хайлингером (псевдоним «доктор Грау»), работником Восточного института в Мюнхене⁶⁴⁰. Многие из сотрудников доктора Грау набирались из ОУН (Провод которой размещался в Мюнхене)⁶⁴¹.

⁶³² IPN, шифр. IPN BU 0236/63.

⁶³³ Газеты и министерство баварского правительства утверждали, что этот институт будет организован в Регенсбурге под руководством профессора доктора Теодора Оберлендера, военного преступника, непосредственно ответственного за уничтожение львовской профессуры. (*Smolorz R. Displaced Persons...* S. 78–84).

⁶³⁴ Ibid.

⁶³⁵ *Smolorz R. Kontekst międzynarodowy...*

⁶³⁶ *Kulińska L. Op. cit. S. 136, 656.*

⁶³⁷ *Smolorz R. Kontekst międzynarodowy...*

⁶³⁸ *Idem. Das Sudosleuropa-Institut Regensburg 1949–1958. Regensburger Neugründung oder Dresdner Tradition? // Boeckh K., Smolorz R. Osteuropa in Regensburg. Institutionen der Osteuropa-Forschung in Regensburg aus ihrer historischen Perspektive. Regensburg, 2008. S. 69–83.*

⁶³⁹ *Idem. Kontekst międzynarodowy...*

⁶⁴⁰ Он размещался в Мюнхене на улице Максимилианштрассе, 24.

⁶⁴¹ В 1973 году резиденция руководства ОУН размещалась в Мюнхене на Цепелинштрассе, 67. См.: *Szczęśniak A.B., Szota W.Z. Op. cit. S. 478.*

Важную роль в затушевывании правды об истреблении поляков сыграл переведенный из Праги в Мюнхен Свободный украинский университет, который присуждал «докторские степени» за деятельность не столько научную, сколько политическую (напр., Василю Вериге или Богдану Осадчуку). Членом попечительского совета Свободного украинского университета в Мюнхене, в котором беспрепятственно преподавал, в том числе, бывший капеллан батальона «Нахтигаль» и член Украинского Национального Комитета ксендз Иван Гринёх, с 1949 г. был профессор Кох⁶⁴².

Летом 1950 г. работник американской разведки Блэк, под просмотром которого работал Иван Гринёх, порекомендовал ему перейти на работу в разведывательную школу⁶⁴³. До 1953 Гринёх занимался подбором агентов среди украинских националистов, их подготовкой и заброской на территорию УССР с заданиями американской разведки. В 50-е гг. Иван Верчун, один из бандеровских агентов, который изначально работал на западногерманскую разведку, а затем стал агентом американской военной разведки, открыл некоторые подробности тайного сотрудничества бывших руководителей оуновского подполья в УССР с западными спецслужбами. В мае 1955 он открыто делился своими наблюдениями и опытом шпионской деятельности:

«В 1948–1949 я работал в подчинении сотрудника западногерманской разведки доктор Грау... Затем я начал сотрудничать с военной разведкой американской армии на территории Западной Германии... Мне известно, что в 1948 г., для ведения подрывной деятельности против Советского Союза и Польши, сотрудником геленовской разведывательной службы был завербован священник греко-католической церкви Иван Гринёх. Я лично знал нескольких агентов, которых Гринёх сбросил на Украину и Польшу»⁶⁴⁴.

⁶⁴² Smolorz R. Kontekst międzynarodowy...; URL: <http://www.ukrainische-freie-universitaet.mhn.de/Ger/indexger.html> (дата обращения: 27.XII.2007).

⁶⁴³ Верещак В. Указ. соч. С. 45.

⁶⁴⁴ Документы, которые касаются дела И. Верчуна, хранятся в архиве ФСБ в России.

Вот как пишет об этом английский публицист Джеффри Ричелсон:

«Операции начались в 1949 г. с переброски агентов в Советский Союз сухопутным, водным и воздушным путем. В течение 5 лет такие операции не принесли практически никаких результатов и были приостановлены. Потери были велики, затраты значительными, а результаты минимальны»⁶⁴⁵.

Также не миф, а подтвержденный источниками факт, что получивших отпущение грехов от спецслужб США и Западной Европы бандеровцев выбрасывали на польскую территорию с оружием, большими суммами денег, радиостанциями и взрывчатыми веществами, используя их для шпионажа и диверсий⁶⁴⁶. В собраниях документов ИНП находится много доказательств ведения бандеровцами саботажной и террористической деятельности⁶⁴⁷. Оживили сеть бывшей «Основы», антипольской украинской организации, действовавшей в Гданьске, Гдыне, Познани⁶⁴⁸. Помимо антикоммунистического, их деятельность носила гораздо более широкий и опасный антипольский характер⁶⁴⁹. Акции, начавшиеся в 40-х гг., продолжа-

⁶⁴⁵ Ричельсон Д. История шпионажа. Москва, 2000. С. 281–282.

⁶⁴⁶ В первой половине 50-х годов XX века было проведено множество таких операций, в том числе десанты были сброшены под Тарнополем и Любачовым; они были частью более широкой операции, проводившейся союзниками. См.: Kaczorowski R. Z notatnika oficera MO. Warszawa, 1970. S. 154–164.

⁶⁴⁷ ОУН. Организационные материалы: инструкции по организационным вопросам, ведению разведки, шифры. Фотографии вещественных доказательств (радиостанций, схронов), а также рапорт агента УБ о локализации точки контактов ОУН от 15 июня 1953 года, шифр IPN BU 1554/184.

⁶⁴⁸ Автор обнаружил информацию о том, что бывшие украинские сотрудники Абвера из «Основы» входили в кадровый состав восстанавливавшихся морских школ. В ИНП можно найти множество папок и микрофильмов на эту тему, в частности, IPN BU под шифрами 00231/132 или 01355/251.

⁶⁴⁹ Об этом говорят архивные документы, находящиеся сейчас в БУ ИПН, например, ОУН. Депозит Петра Федорива, псевд. «Дальний»: бюллетень пропаганды против WOP (Войск Охраны Границы), шифр IPN BU 1554/134; ОУН. Крайовый Провид: Отдел Связи в Польше: организационные, информационные, разведывательные вопросы, рапорты Богуслава (боёвка Бурлаки) Пидгайному Богдану, псевд. «Аскольд» [Богдан Підгайний «Аскольд»], шифр. IPN BU 1554/30; ОУН. Крайовый Провид: Отдел Связи в Стране: переписка Пидгайного Богда-

лись до 60-х гг. XX в., на севере и западе Польши их тыл составляли группы переселенного в рамках операции «Висла» украинского и лемкского населения⁶⁵⁰.

Необходимо помнить, что советские спецслужбы, с задачей дезинформации именно ЗЧ ОУН, вели оперативную игру с украинскими националистами в эмиграции. Операция эта началась в 1948 г. вербовкой Леона Лапинского, псевдоним «Зенон». С этого времени заброски парашютистов на территорию СССР контролировались, а агенты обезвреживались. Кроме того, были созданы подставные отряды подпольной сети, передавались фальшивые радиogramмы в бандеровский центр в Германии. С 1951 по 1954 г. были перехвачены 4 группы курьеров, ликвидированы 33 агента ЦРУ и СИС. Удалось схватить двух последних членов Центрального Провода ОУН — Василя Галасу и Василя Кука⁶⁵¹.

В начале 50-х нажим британцев, добывавшихся конкретных разведывательных данных, а также страх перед утерей влияния в подполье на территории СССР, склонили Степана Бандеру к радикальному шагу — посылке на Восток своего непосредственного представителя. Его задачей должна была стать реорганизация структур подполья и их полное переподчинение ЗЧ ОУН. Поскольку во время пересечения границы курьерские группы все чаще проваливались, или же ликвидировались еще в Чехословакии, на этот раз было решено перевозить курьера воздушным путем. И эта опе-

---

на, псевд. «Аскольд», с Богуславом, пароли, IPN BU шифр. 1554/31; ОУН-УПА. Фотокопии шифров и кодов, шифр IPN BU 1554/172; ОУН. Крайовый Провид: Отдел Связи в Стране: переписка Пидгайного Богдана, псевд. «Аскольд», с Богуславом, почта Богуслава, инструкции разведки, отчеты по организационной работе ОУН в Польше, извлечения из метрик, свидетельства о крещении, брошюра Олега М., шифр IPN BU 1554/33; ОУН. Документы разработки: фотографии членов и различных торжеств, фотокопия чешского паспорта на фамилию Скала Адам, фотография балонц, переписка, удостоверения, справки, шифр IPN BU 1554/148; ОУН. Депозит Петра Федорива, псевд. «Дальний»: телефонограммы об операциях УПА в населенном пункте Ханна Влодавского повята. IPN, шифр IPN BU 1554/22.

⁶⁵⁰ *Owczarek B., Denar J.* Nacjonalistyczne organizacje ukraińskie w Polsce. Wybrane problemy, шифр IPN BU 00495/1448; Группа УПА Нечая. Характеристика № 35 на 5 членов отряда УПА под командованием Гжегожа Гарсыма, псевд. «Нечай»: Олштыньское воеводство в 1947–1948 годах, шифр IPN BU 0182/34; Характеристика № 62 на членов отряда УПА под командованием Евгена Штендеры, псевд. «Прырва» после 1947; Олштыньское воеводство, шифр IPN BU 0182/61.

⁶⁵¹ *Kaczyński A.* Op. cit. S. 69.

рация закончилась неудачей. В самолете, везущем диверсионные группы, оказалось двое советских агентов, по одному на группу. В 1954 г., после провала сети «Зенона», британцы разорвали сотрудничество с ОУН. В 1955 они окончательно утвердились во мнении, что Бандера их обманывает, а единственной целью мнимой разведывательной деятельности было вытягивание больших сумм денег. Сотрудничество переросло в конфликт, и Бандере даже запретили въезд на территорию Великобритании. В 1956 г. советские органы госбезопасности посчитали, что дальнейшее пребывание на свободе недобитых членов украинского подполья лишено смысла. Начались аресты. Последними «взяли» двух эмиссаров, присланных итальянской разведкой. После обнаружения, что с самого начала вся их деятельность проходила под контролем советских органов госбезопасности, один из них покончил жизнь самоубийством⁶⁵².

Члены ОУН также активно действовали в Северной Лиге — антикоммунистической организации со штаб-квартирой в Голландии, основанной в 1958 г. и насчитывавшей около 5 000 членов. Эмблемой этой организации были соединенные гербы — гитлеровская свастика и оуновский трезубец⁶⁵³.

4. Украинские военные преступники в США и Канаде

В 1940 г., после раскола в Организации Украинских Националистов, ОУН Бандеры создала Всемирный Украинский Освободительный Фронт (Світовий Український Визвольний Фронт), в рамках которого действовали местные бандеровские организации. Американцы поставили бандеровцам определенные условия (отречься от фашистской идеологии), что для исповедовавших Декалог украинского националиста, конечно, не составляло никаких проблем. Здесь следует искать генезис возникновения т.н. ОУН за границей (ОУН-З), или Украинского главного освободительного совета (*Українська Головна Визвольна Рада, УГВР*), который также называли «двийкарями»⁶⁵⁴.

⁶⁵² Kaczyński A. Op. cit. S. 69.

⁶⁵³ Szczęśniak A.B., Szota W.Z. Op. cit. S. 477.

⁶⁵⁴ Двийкари, от укр. «двійка» («двойка»), разг. название организации ОУН за границей (ОУН-З) по количеству ее организаторов и лидеров. Организацию создали Лев Ребет и Зиновий Матла. — Прим. пер.

В Соединенных Штатах бандеровцы вскоре взяли под контроль всеамериканский Комитет Конгресса Украинцев Америки (УККА) [Український Конгресовий Комітет Америки]. В свою очередь, мельниковцы создали организацию Украинская Американская Координационная Рада (УАКРада) [Українська Американська Координаційна Рада]. В Канаде оуновцы подчинили себе Комитет Украинцев Канады [Комітет Українців Канади]. В результате соглашения, заключенного между бандеровцами и мельниковцами, был созван Всемирный Конгресс Вольных Украинцев (СКВУ) [Світовий Конгрес Вільних Українців]. После возникновения украинского государства название было сокращено: Всемирный Конгресс Украинцев (ВКУ) [Світовий Конгрес Українців]. Эта организация контролируется бандеровцами. Союз Украинцев в Польше является ее членом. Председателем ВКУ был известный бандеровский деятель Аскольд Лозинский.

Следует подчеркнуть, что в период «Холодной войны» националистические деятели контролировали жизнь украинских диаспор на западе. На американские деньги оуновцы широко развернули пропагандистскую и издательскую деятельность (примерно как перед войной). Примером тому может стать издательство «Пролог», выпускающее журнал «Современность» [«Сучасність»], бандеровский журнал «Ukrainian Quarterly», т.е. «Украинский историк» [«Український Історик»]. Большими тиражами издавались бандеровские и мельниковские журнальчики и газеты. Возникли националистические научные центры при американских и канадских университетах (особенно в Гарварде и Эдмонтоне). Огромное значение для фальсификации правды о преступлениях на Кресах сыграла публикация в Торонто 38 томов «Хроник УПА» [«Літописи УПА»], авторы которых (в большинстве своем военные преступники), представили миру препарированную версию периода оккупации. Они оказались великолепным орудием для навязывания «отбеленного» образа украинского национализма, впрочем, без сопротивления, а нередко и с одобрения польских исследователей. Имеет значение также состоятельность украинской диаспоры на Западе, благодаря чему она без проблем может финансировать гранты и стипендии, читать: покупать избранных историков для написания работ в националистическом духе. Большая часть убийц, осевших на Западе, осталась абсолютно безнаказанной. Например, Дмитро Купьяк, псевдоним

«Клей», командир боёвки СБ ОУН-УПА в 1943–1945 на территории повята Каменка Струмилова и соседних, несет ответственность за смерть как минимум 200 человек, в т.ч. женщин и детей, из которых около 20 он убил лично. В 1969 г. в Польше над ним состоялся заочный процесс. Однако, опознанный в 1946, он бежал в Канаду, где нашел убежище и удобно устроился на награбленное у жертв золото. Он абсолютно спокойно, не скрывая своих «заслуг», вел деятельность на благо украинского национализма.

Примером особого отношения оуновцев с американской разведкой является бывший агент немецких спецслужб Микола Лебедь. Принятый после войны западными союзниками, Лебедь учил американских спецназовцев убивать. С этой целью, не принимая во внимание его пожилого возраста, Лебеда привлекали как «специалиста» по подготовке их к боям во Вьетнаме⁶⁵⁵. Украинские националистические деятели быстро взбирались по финансовой и политической лестнице, становясь даже советниками высших властей США.

5. Действия Ватикана по оправданию палачей

Трудно согласиться с фактом оказания всесторонней помощи и предоставления убежища украинским эсэсовцам, бандеровцам и иным, в том числе духовным, сподвижникам гитлеровцев со стороны Ватикана. Однако все больше исторических исследований доказывает, что Ватикан и Международный Красный Крест были причастны к спасению, укрывательству и организации побега нацистов. Считается, что в 1945–1948 в западные страны (а главным образом, в Латинскую Америку), было перебросено около 30 000 лиц, подозреваемых в совершении преступлений против человечности либо военных преступлений. Переброской занималась возглавляемая австрийским епископом Алоизом Худалем организация под названием «Спасение». Спасали не только немцев, но также лиц, разыскиваемых СССР, т.е. прежде всего украинских и хорватских националистов⁶⁵⁶. Дискуссии историков многие годы вызыва-

⁶⁵⁵ *Верецак В.* Указ. соч. С. 45.

⁶⁵⁶ Подробнее об этом см.: *Agnosiewicz M.* Kościół a faszyzm. Anatomia kolaboracji. Wrocław, 2009; *Deschner K.* Abermals krahte der Hahn. Stuttgart, 1962; *Matheson P.* The Third Reich and the Christian Churches, Edinburgh 1981; *Cohn-Sherbok D.* The Crucified Jew. London, 1992.

ет факт существования тайной эсэсовской организации, занимавшейся эвакуацией военных преступников — «Одесса» (Organisation der Ehemaligen SS-Angehorigen — организация бывших членов СС), с которой должен был сотрудничать Ватикан⁶⁵⁷.

Рим стал главным местом «паломничества» нацистов, нуждавшихся в безопасном размещении, питании, деньгах, одежде, а прежде всего, в поддельных документах, которые позволили бы им покинуть Европу через итальянские порты в Генуе и Неаполе. Церковное государство создало специальную организацию под названием Pontifica Commissione Assistenza, которая, точно так же, как и Красный Крест, подбирала для фашистов удостоверения личности.

Главный «ловец» нацистов, основатель Центра еврейской документации Симон Визенталь, указывал также на вовлечение в спасение нацистов духовенства католических благотворительных организаций (Каритас). Он утверждал, что римско-католическое духовенство, главным образом францисканцы, помогали тайно пе-

⁶⁵⁷ Согласно одной из версий, уже в конце 1942 г. группа высших офицеров СС и немецкой военной разведки поняла, что развязанная Гитлером война должна кончиться поражением Германии. Эти люди создали тайную организацию под названием «Одесса», которая в момент разгрома должна была помочь эвакуировать из Европы как можно больше чиновников и солдат Третьего Рейха. Ее создавали самые заметные палачи и вместе с тем антикоммунисты, которые являлись в глазах части церковных кругов не военными преступниками, а воинами и героями, пытавшимися спасти мир от экспансии большевизма. Того же мнения придерживались многие сановники Ватикана. Для того чтобы спасти как можно большее число нацистов, в рамках операции «Спасение» к сотрудничеству с «Одессой» подключились сотрудники ватиканской разведки. Со своей стороны, внедряя своих людей в структуры Международного Красного Креста, они получали доступ к паспортам этой организации и к данным о пропавших без вести, фамилии которых получали бежавшие из Европы нацисты. Главным организатором этой операции был епископ Генуи Алоиз Хундаль. Переброска проходила под прикрытием Международной католической эмиграционной комиссии. Бегущие нацисты чаще всего пользовались дорогой, ведущей через монастыри в Тироле и Италии и порт в Генуе, где их сажали на суда, идущие в Аргентину. До начала 60-х гг. так удалось бежать около 30 000 нацистов, разыскиваемых союзниками. Многие гитлеровские преступники, в том числе с территории Польши, избежали таким образом привлечения к суду. Среди них был Франц Штангль, один из величайших преступников Второй Мировой войны, ответственный за смерть около миллиона человек. С помощью ватиканских чиновников он перебрался в Сирию, а затем в Бразилию. Он был схвачен только в 1967 г. и приговорен к пожизненному заключению. Именно он в ходе процесса выдал многие секреты, касавшиеся операции «Спасение».

реправлять беженцев от монастыря к монастырю, вплоть до Рима, где их принимал Каритас. В тайном рапорте от 15 мая 1947 г., отправленном в Вашингтон, агент американских служб безопасности Винсент Ла Виста заявлял, что Ватикан был самой большой организацией, замешанной в нелегальную эмиграцию, и помогал всем, вне зависимости от их политических убеждений, кто был настроен антикоммунистически и действовал в интересах Церкви⁶⁵⁸.

Джон Лофтус, который с 1979 г. занимался в Чрезвычайном следственном департаменте американского Министерства Юстиции преследованием и депортацией нацистских военных преступников, а сейчас является директором Музея Холокоста во Флориде, писал:

«Ватикан всегда утверждал, что не имел понятия о том, кем являлись лица, которым он предоставлял гуманитарную помощь, однако, в сущности, многие влиятельные духовные лица не только знали, кто именно из них были нацистами, но целенаправленно разыскивали их и обеспечивали им особое отношение»⁶⁵⁹.

Епископ Алоиз Хундаль, ректор Collegio Teutonico di Santa Maria dell' Anima в Риме и председатель Папского Комитета Помощи в Австрии открыто признал, что помог многочисленным нацистам, которые «часто были абсолютно невиновны». В своих дневниках он писал, что благодаря фальшивым документам многие из них «могли ускользнуть от преследователей и бежать в счастливые страны». Он хвалился, что помог Оттону Вехтеру, бывшему оккупационному губернатору округа Галиция, ответственному за смерть десятков тысяч евреев и поляков⁶⁶⁰. После войны Вехтер укрылся под видом монаха в одном из римских монастырей под фамилией Отто Райнхардт. Хундаль описал его смерть в 1949 г. в римском госпитале Санто Спирито.

В Генуе бжевавшие нацисты пользовались расположением архиепископа Джузеппе Сири, который, опекая отправку беженцев, создал комитет, выславший их главным образом в Аргентину. Со-

⁶⁵⁸ Piaseczny J. Uciezka klasztorną drogą, "Przegląd" 2008. Nr. 34 (18.VIII.2008).

⁶⁵⁹ Ibid.

⁶⁶⁰ Генерал-лейтенант полиции и группенфюрер СС барон фон Вахтер, разыскивавшийся после войны союзниками и евреями.

гласно рапорту разведки США, архиепископ Сири обращал особое внимание на эмиграцию европейских антикоммунистов в Южную Америку: «К общей классификации антикоммунистов относятся, очевидно, фашисты, усташи, и другие подобные им группы»⁶⁶¹.

Некоторые историки стараются приуменьшить действия Хундаля и его помощников. Утверждают, что он делал это по собственной инициативе, что Папа ничего не знал, а большинство документов были подделаны восточногерманской службой ШТази. Уки Гони, автор фундаментальной работы на тему роли Ватикана в бегстве нацистов под названием «Настоящая Одесса», замечает:

«Епископы и архиепископы, такие как Хундаль и Сири, делали все необходимые приготовления. Священники, такие как Драганович, Хайнеман или Дёмётер, подписывали запросы на выдачу паспортов. Перед лицом настолько однозначных доказательств вопрос о том, был ли Папа Пий XII полностью информирован обо всей операции, является не только излишним, но также абсолютно наивным»⁶⁶².

Историк из Южного Тироля, работающий в краевом архиве Больцано, доктор Геральд Штайнахер многие годы исследовал тайны бегства нацистов. Штайнахер проанализировал неизвестные до сих пор документы Международного Красного Креста в Женеве, который открыл свои архивы для исследователей, и дела союзников из римского Палаццо Цези, резиденции итальянской военной прокуратуры. В результате появилась книга “Nazis auf der Flucht. Wie NS-Kriegsverbrecher uber Italien nach Ubersee entkamen 1946–1955” («Нацисты в бегах. Как нацистские военные преступники в 1946–1955 бежали через Италию за море»). Автор утверждает, что тайной «Одессы» не существовало, а побег для нацистских убийц организовали американские спецслужбы, католическая церковь (а также и евангелистские церкви), и Международный Красный Крест.

Возникает вопрос, почему же после войны Ватикан помогал коричневым палачам. Доктор Штайнахер объясняет:

⁶⁶¹ Piaseczny J. Op. cit.

⁶⁶² Ibid.

«После того как нацизм годами распространял так называемое неоязычество, католическая, а также евангелистская церкви, стремились к рехристианизации Европы. Коричневым овечкам охотно простили грехи, чтобы привести их обратно в лоно матери-Церкви. Это делалось даже не совпадающим с христианской доктриной образом, например, посредством повторного массового крещения»⁶⁶³.

Епископ Хундаль не был исключением. Ватикан организовал целую систему помощи нацистам. После войны наибольшей опасностью для Церкви стал коммунизм. Гитлеризм же был признан закрытой главой, к которой больше не следует возвращаться. Штайнахер утверждает, что секретные службы США прекрасно знали о монастырских путях бегства, однако не сделали ничего, чтобы положить конец начинаниям ватиканских иерархов. Более того, они использовали эти пути для эвакуации своих шпионов из советской оккупационной зоны в Австрии. Епископ Хундаль получал финансирование от американской разведки УСС. Так же как и Ватикан, Вашингтон прежде всего опасался, что к власти в Италии придут коммунисты, а бывших гитлеровцев считали лучшими экспертами по борьбе с «красной заразой». Поэтому только доли процента гитлеровских преступников были осуждены и наказаны по справедливости.

6. Примат политики над моралью. Поляки предают польские жертвы украинского национализма

Реабилитации украинского национализма способствовали также — о чудо! — сами поляки. Неясную роль в укрывании польскими солдатами большой группы украинских националистов сыграл генерал Владислав Андерс. Это касается, прежде всего, солдат дивизии СС «Галичина», которые сдались союзникам в окрестностях Радштадта и Тамсвега на итальянско-австрийско-словенской границе, и были заключены в лагерях под Римини. Благодаря стараниям генерала Андерса, произошло неслыханное: он не только признал

⁶⁶³ Piaseczny J. Op. cit.

их польское гражданство, и тем самым спас от выдачи Советской России, но еще и нашел для них место в шеренгах II Польского корпуса. Факт, что виновные в преступлениях против польского народа встали под польские знамена, подтверждает Василь Верига, солдат и историк дивизии СС «Галичина». 7 июня 1945 г. во II корпус перешло 176 человек⁶⁶⁴. Благодаря старанием дипломатов, в том числе ватиканских, и помощи генерала Андерса в 1946–1947 гг. для нескольких тысяч украинских коллаборационистов, в том числе членов СС, стала возможным эвакуация в Англию. Часть зачем эмигрировала в Канаду, Австралию и США, где вместе с националистами из ОУН-УПА они создали сильные националистические центры⁶⁶⁵.

Преступники дождались также отпущения грехов от части польской эмиграции, особенно той части, которая быстрее всего установила связи с американской разведкой и перешла на ее содержание. Такой поступок не только продемонстрировал пренебрежение к жертвам, но также проложил бандеровцам дорогу к власти после получения независимости Украиной. Самую важную роль в релятивизации вины украинских палачей следует приписать Ежи Гедройцу, людям из круга парижской «Культуры» и польской службы радиостанции «Свободная Европа»⁶⁶⁶. Обосновавшиеся в этих институтах польскоязычные украинские националисты оказали влияние на искажение правды о геноциде и антипольских действиях ОУН и УПА на Кресах. Особенно непристойным и возмутительным следует признать тот факт, что Гедройц принимал в институте и в своем доме главного идеолога украинского фашизма Дмитро Донцова. Хуже того, он предоставил страницы «Культуры» моральным вдохновителям и физическим исполнителям волинских и малопольских убийств, таким как Лебедь или Кубийович. Там регулярно

⁶⁶⁴ Poliszczuk W. *Gorzka prawda*. Toronto, 1995. S. 321.

⁶⁶⁵ Множество данных на тему истории СС «Галичина» в фильме “SS in Britain” (2001), реж. Джулиан Хенди [Julian Hendy]; *Korman A. Nieukarane zbrodnie SS Galizien z lat 1943–1945*. Londyn, 1990; *Prus E. Rycerze zelaznej ostrogi: oddzialy wojskowe ukraińskich nacjonalistów w okresie II wojny światowej*. Wroclaw, 2000.

⁶⁶⁶ Poliszczuk W. *Zbrodnie OUN Bandery w Kulturze Paryskiej*. “Na Rubieży”. 2006. Nr. 86. S. 28–33; *Grott B. Interpretacja stosunków polsko-ukraińskich w środowisku “Paryskiej Kultury” 1 jej funkcja po upadku komunizmu // Materiały i studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich*. Kraków, 2008. S. 159–178; См. также URL: http://www.kyivpost.com/ncws/opinion/op_cd/dc-tail/112603/ (дата обращения: 6.11.2011).

пописывал со временем превратившийся в так называемый духовный авторитет немецкий коллаборационист и враг всего польского Богдан Осадчук. А ведь на «Культуре» выросло все поколение «Солидарности», получая оттуда исковерканную и оболганную информацию о прошлом. В очередной раз политика восторжествовала над исторической правдой.

7. Итог

Первой, и самой важной причиной безнаказанности части украинских военных преступников стало начало «Холодной войны». Эта многочисленная группа, отчаянно старающаяся скрыть от мира свои массовые злодеяния против гражданского населения, неожиданно выросла до серьезного партнера мировых держав. Это произошло благодаря вовлечению ее британскими и американскими спецслужбами в саботажную и разведывательную деятельность против коммунистов. В безопасности под крылом западных разведок укрылись и сумели уйти от правосудия тысячи убийц. Западные демократические государства не выполнили условия Декларации о зверствах, принятой представителями трех мировых держав в Москве 1 ноября 1943 г., согласно которой преступники должны были быть выданы стране, на территории которой они совершили преступления, с целью их осуждения и наказания.

По иронии судьбы для украинских националистов пропуском в спокойную и удобную жизнь на Западе стало так ненавидимое ими довоенное польское гражданство. В их спасении и укрывании на территории Великобритании и обеих Америк значительную роль сыграли Ватикан и Международный Красный Крест. Наиболее неосознанной и возбуждающей противоречивые чувства стала помощь, которую оказала бандеровцам и идеологам украинского национализма часть польской эмиграции на Западе, в том числе сотрудников парижской «Культуры» и радио «Свободная Европа».

Продолжающийся до сих пор заговор молчания и попустительство возрождающемуся на Украине крайнему национализму, отчетливо показывают, что по крайней мере в этом вопросе «Холодная война» все еще продолжается.

Томаш Роля

Портал www.kresy.pl

Образ ОУН-УПА и геноцида на Кресах в современной Украине

Если бы возникла необходимость с первых слов суммировать информацию об уровне знаний украинского общества относительно геноцида на Кресах, можно было бы сказать только одно: он невысок. Хуже того, даже если хотя бы часть украинцев слышала что-либо на эту тему, то их знания фрагментарны и часто не соответствуют действительности.

До недавнего времени о геноциде на Волыни не слышали даже украинские историки. Трудно в связи с этим говорить о том, что знает общество. Ярослав Грицак, один из наиболее известных украинских историков, открыто говорит, что сам он узнал об этом в конце 80-х гг.⁶⁶⁷ А ведь он тогда уже был доктором исторических наук в Львовском университете. В официальных учебниках и советской литературе эта тема практически полностью отсутствовала. Грицак также вспоминает, что когда в 2003 г. эта тема, в связи с подготовкой польско-украинских мероприятий к 60 годовщине волынской резни, в которых должны были принять участие президенты Александр Квасьневский и Леонид Кучма, появилась на Украине, его коллеги, историки из Киева, ничего не знали о событиях, годовщина которых отмечалась. Стоит добавить, что Ярослав Грицак один из немногих украинских историков, кто, говоря о преступлениях, совершенных Украинской Повстанческой Армией (УПА) на Волыни и в Восточной Малопольше, употребил термин «геноцид»⁶⁶⁸.

Таким образом, в момент возникновения независимой Украины абсолютно отсутствовала информация на тему преступлений на Кресах, кроме Волыни и частично Восточной Галиции, где она су-

⁶⁶⁷ Bandera wasz i nasz. Rozmowa z Jarosławem Hrycakiem. "Polityka". 33 (2718). 15 sierpnia, 2008. S. 76–77.

⁶⁶⁸ Hrycak: Wołyń 1943 to było ludobójstwo, portal Kresy.pl, URL: <http://www.kresy.pl/wydarzenia/zobacz/hrycak-wolyn-1943-to-bylo-ludobojstwo> (дата обращения: 28.IV.2011).

ществовала в виде памяти непосредственных свидетелей и их семей. Это было начало столкновения на Украине двух мировоззрений и двух взглядов на историю. Согласно первому из них, бесспорно доминировавшему до 1991 г., УПА — это организация коллаборационистов, взаимодействовавшая с гитлеровской Германией, т.е. предательская. Героями, в свою очередь, были солдаты Красной Армии, сражавшиеся за освобождение СССР, в состав которого входила Советская Украина.

Другая точка зрения в большой степени была импортирована из-за границы, из среды украинской диаспоры, в которой наиболее многочисленными и лучше всего организованными группами были ветераны и продолжатели традиции ОУН-УПА. Именно националисты, деятели ОУН Бандеры, а также другой группы ОУН — мельниковской, подчинили себе большинство структур этой эмиграции, задавая им тон высказываний. Когда в 1992 г. президент Украинской Народной Республики (УНР), наиболее престижной структуры украинской эмиграции, торжественно передавал символы власти первому президенту независимой Украины Леониду Кравчуку, то этот акт передачи совершал националист Микола Плавук, проводник мельниковской ОУН и одновременно президент УНР.

Наиболее многочисленную и самую сильную националистическую группу составляла, однако, ОУН-Б. Когда возникла независимая Украина, она начала активную работу над возрождением бандеровских структур на Украине. Это было нелегко, и сегодня можно прямо сказать, что это им не удалось. Однако они достигли успеха в других областях, прежде всего в области истории и культуры. Уже в начале 90-х гг. националистические эмигранты придавали особый вес распространению на Украине своих взглядов на историю. Благодаря деньгам украинской диаспоры издавались сотни книг и дотиrowалась националистическая пресса. Изначально это были работы, написанные в эмиграции. Сейчас эстафетную палочку приняли молодые 20–30-летние историки, воспитанные в молодежных националистических организациях. Наиболее известен среди них сегодня Володимир Вятрович, который до недавнего времени, при президенте Викторе Ющенко, исполнял обязанности директора архива Службы Безопасности Украины. Значительные деньги от диаспоры все еще поступают, благодаря чему на Украине появляется множество прекрасно изданных книг, посвященных прославлению

ОУН-УПА. Хотя, очевидно, не только благодаря этим средствам. Современные публикации подобного рода дотируются также органами самоуправления на Западной Украине, в которых доминируют националисты, националистическими организациями всех мастей и частными спонсорами. Для примера, не далее как несколько дней тому назад я держал в руках прекрасно изданный украинский альбом о дивизии СС «Галичина», который вышел в свет благодаря частичному финансированию из бюджета города Драгобыча.

На Украине существуют два доминирующих взгляда на прошлое. Первый — советский: Красная Армия — это освободители, русские — это братья украинцев, а УПА — это коллаборационисты и предатели. И второй, бандеровский: ОУН-УПА — это освободительное движение, сражавшееся за независимость Украины с двумя оккупантами, т.е. гитлеровской Германией и Советским Союзом. Голоса, находящиеся между двумя этими точками зрения, слышны редко.

Тема же Польши и польско-украинского конфликта во внутриукраинской дискуссии появляется редко, чаще всего с комментарием, что этот конфликт не был нужен. Что не мешает при этом возлагать вину за его развязывание на поляков. В свою очередь, тема геноцида на Волыни и в Восточной Малопольше релятивизируется. Вина возлагается на обе стороны, чаще всего при этом сообщается, что число жертв с обеих сторон неизвестно, или же... приблизительно одинаково. Я уже упоминал, что политически бандеровцы являются маргиналами. Однако благодаря тому, что большая часть украинского политического общества приняла бандеровский взгляд на историю, националистам открыта дорога к карьерам в самых значительных политических партиях. Особенно националистам младшего поколения, мыслящим реалистичными, не догматическими категориями. Бывшие бандеровцы действуют таким образом в самой большой оппозиционной партии, блоке Юлии Тимошенко. Молодежная организация другой большой партии — «Наша Украина» — также возглавляется лицами или прямо происходящими из бандеровских организаций, или разделяющими их точку зрения.

Разумеется, это касается не только двух данных партий. Раздел на противников и сторонников УПА лучше всего виден именно в молодом поколении украинцев. Патриотически настроенная молодежь, которая отбросила советский взгляд на историю, приняла традицию ОУН-УПА. Согласно ей, боевики ОУН-УПА — это ро-

мантические рыцари, сражавшиеся и отдавшие жизнь за святое дело независимой Украины — ценность, которая очень дорога также современному молодому поколению на Днестре. В свою очередь, знания современной молодежи по теме преступлений этих формирований против поляков и других национальностей, к сожалению, практически нулевые.

В этой связи стоит затронуть еще одну проблему: бои украинцев с советской властью продолжались почти до 60-х гг. За это время через УПА прошли многие, кто никогда не принимал участия в преступлениях 40-х. Мой знакомый, поляк с Украины, рассказывал недавно, как посетил кладбище боевиков УПА под Станиславовом. Там лежат убитые в 1959 молодые, 18–19-летние ребята, которым в момент, когда на Волыни происходил геноцид поляков, было по 2–3 года.

Быть может, именно признание польским общественным мнением того, что часть УПА не запятнала себя преступлениями, а украинским — что не следует ставить памятников преступникам, станет началом столь необходимого объединения и примирения между нашими народами? Я надеюсь, что так и будет. Однако для этого прежде всего необходима правда, часто болезненная для обеих сторон. Только она может стать фундаментом понимания.

Польско-украинскому единению вредят сегодня прежде всего те лица, которые релятивизируют, а временами даже отрицают факт совершения УПА убийств польского населения.

В конце я хочу еще раз подчеркнуть: средний украинец ничего не знает о геноциде на Кресах. А если что-то и услышит, то в манипулятивном или прямо ложном контексте. Хорошим примером и итогом моего выступления пусть будут события декабря прошлого года.

В то время в деревне Малиновке Ружищанского района на Волыни прошли торжественные мероприятия, как их описывали в местной прессе: в честь «жертв польско-украинского конфликта в годы Второй Мировой войны». В мероприятиях, в ходе которых в том числе был открыт финансируемый, главным образом, из бюджета местного самоуправления, памятник этим жертвам, приняли участие представители высших региональных властей во главе с тогдашним губернатором Волыни Миколой Романюком.

Описание совершенного в деревне преступления, которое появилось в волынской печати, звучит знакомо для тех, кто сталки-

вался с сообщениями свидетелей геноцида, совершенного УПА на Волыни и в Восточной Малопольше, с той разницей, что здесь, безусловно, говорилось о преступлении, совершенном против украинцев Армией Крайовой и Батальонами Хлопскими. Вот описание, которое появилось в волынских СМИ:

«Трагедия в Малиновке произошла на рассвете 13 декабря 1943 г. Деревню окружили группы польских националистов. Одновременно они врываются в соседнюю деревню Марьяновку. Каратели не выбирали — убивали и молодых и старых, кололи штыками, рубили секирами. Свидетели вспоминают, что младенцам разбивали головы о деревья. Всего после нападения на улицах деревни осталось 26 трупов».

Что еще интересней, фотография, которая иллюстрировала эту статью, это известное в Польше изображение ребенка, убитого УПА во время нападения на деревню Липники в марте 1943 г. Фотография никоим образом не была описана, т.е. читатель должен был думать, что это фотография украинского ребенка, убитого АК...

VI. ГЕНОЦИД НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПОГРАНИЧЬЕ П РП В ПЕРСПЕКТИВЕ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Алексей Мартынов

Центр политологического анализа и технологий, Донецк

Украинский полицейский коллаборационизм в контексте фальсификаций истории великой отечественной войны: постановка проблемы

Оригинальная версия доклада на международной научно-практической конференции «Украина в Великой Отечественной войне: осмысление прошлого — взгляд в будущее. К 65-летию освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков» (Донецк, 30 октября 2009 г.).

В текущем году прогрессивная общественность отмечает годовщину 65-летия освобождения Украины от гитлеровских оккупантов, и этот памятный юбилей побуждает к дополнительному осмыслению многоаспектного исторического феномена Великой Отечественной войны. Согласно Постановления Верховной Рады Украины № 842-VI от 13 января 2009 г. «О праздновании 65-летия Победы в Великой Отечественной войне и освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков» — центральным и местным

органам государственной власти, негосударственным учреждениям и организациям поручено принять максимум мер, чтобы надлежащим образом справить годовщину Великой Победы, сберечь военные мемориалы, проводить воспитательно-патриотическую работу, а также неукоснительно соблюдать базовый Закон Украины № 1684-III от 20 апреля 2000 г. «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне»⁶⁶⁹. Аналогичные требования были изложены в Постановлении Верховной Рады № 1260-VI от 14 апреля 2009 г. «О праздновании 64-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне»⁶⁷⁰. В связи с этим возникает необходимость еще раз обратиться к драматическим событиям истории Украины периода Второй мировой войны, чтобы извлечь из них поучительные уроки для настоящего. Эта задача приобретает особенную актуальность в связи с попытками националистических сил Украины навязать обществу ревизионистский взгляд на события той сложной эпохи и героизировать местных коллаборационистов — движение ОУН-УПА.

Националистическая фальсификация истории давно уже стала своеобразной болезнью украинских гуманитариев. Извращения истории Великой Отечественной войны (вплоть до замены самого этого понятия на «советско-немецкую войну») восходят к началу 1990-х гг., когда украинская историческая наука стала «суверенной». Однако наиболее политизированные и антинаучные формы искажения истории приобрели после «оранжевой революции» 2004 г., когда в украинской историографии прочно закрепилась концепция так называемого «украиноцентризма», которая явилась конъюнктурной политологической схемой, модернизированной версией «украинского интегрального национализма» 1920–1950-х гг. «Украиноцентризм» стал административным путем активно внедряться в сферу образования и науки Украины в качестве официальной государственной идеологии. В итоге вся историческая литература, начиная от школьных учебников и заканчивая академическими изданиями, пропагандирует культ нацистских пособников из ОУН-УПА, кото-

⁶⁶⁹ Постановление Верховного Совета Украины «О праздновании 65-летия Победы в Великой Отечественной войне и освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков» // Ведомости Верховного Совета Украины. 2009. № 26. Ст. 331.

⁶⁷⁰ Постановление Верховного Совета Украины «О праздновании 64-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне» // Ведомости Верховного Совета Украины. 2009. № 39. Ст. 561.

рые изображаются «борцами за независимость», в отличие от «советских оккупантов» — бойцов Красной Армии и партизан. Преступления ОУН-УПА и факты коллаборационизма этих структур замалчиваются, вместо этого искажается деятельность советских борцов с фашизмом. Националисты выглядят жертвами «московского тоталитаризма», а все компрометирующие их факты замалчиваются, превратно интерпретируются или же отрицаются как «пропаганда Кремля»⁶⁷¹. Как отмечает российский эксперт **Тамара Гузенкова**, в переписанной украинской истории Второй мировой войны события на Западной Украине занимают едва ли не центральное место, УПА предстает в образе истинных победителей, на фоне которых вклад Советского Союза в разгром фашизма девальвирован, а победитель — советский народ — выглядит слепым орудием в руках сталинского режима⁶⁷².

Характерным проявлением ревизионизма официозной украинской историографии стала презентация в 2005 г. так называемого «Профессионального вывода», который подготовила «рабочая группа историков при правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА». Руководитель рабочей группы заместитель директора Института истории НАН Украины **Станислав Кульчицкий** и его коллеги представили, по существу, националистическую интерпретацию истории Украины в период Второй мировой войны, обеляя ОУН-УПА от совершенных ими преступлений и популяризуя их в качестве «национально-освободительного движения»⁶⁷³. Анализу данных «выводов» посвятили свою работу днепропетровские историки **Валентин Иваненко** и **Виктор Якунин**, которые подвергли системной критике работу С. Кульчицкого, отметив, что истинная её цель состояла в том, чтобы:

⁶⁷¹ *Мартынов А.* Фальсификация истории — синдром украинской гуманитарной науки // Украина. Информационно-аналитический мониторинг Института стран СНГ (Москва). № 6 (26), март 2009. С. 35–39.

⁶⁷² *Гузенкова Т.С.* Украина: разрыв с наследием Великой Победы // Покушение на Великую Победу. М., 2005. С. 294.

⁶⁷³ *Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Фаховий висновок робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА / С. Кульчицкий.* Київ, 2005; *Полищук В.* Гора родила мышь. Бандеровскую. Критика «Отчета рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА (исторический вывод)». Киев, 2006.

«Прикрываясь именами известных историков, ... навязать обществу взгляды, выгодные определенным политическим силам»⁶⁷⁴.

Перед этим, в апреле 2005 г., представители историографии «украиноцентризма» — доктора исторических наук А. Гуржий, В. Кучер, В. Король, С. Кульчицкий, А. Лысенко, А. Реент, В. Сергейчук, В. Стецкевич, О. Удод, Ю. Шаповал — обратились с открытым письмом к президенту Украины, премьер-министру и главе парламента, в котором фактически выступили против Организации ветеранов Украины. Своих оппонентов апологеты «украиноцентризма» обвинили в *«отстаивании сталинско-брежневской концепции истории войны»*, предвзятой трактовке войны *«сквозь призму компартийно-генеральского историописания советской эпохи»*. Кроме того, авторы открытого письма потребовали от властей вывести председателя Организации ветеранов Украины генерала И. Герасимова из состава Главной редакционной коллегии «Книги Памяти Украины» и в завершенное призвали:

«Создать условия для свободного ... научного осмысления событий Второй мировой войны, формирования ее украиноцентричной концепции»⁶⁷⁵.

В последние годы «бои за историю» приобрели особую остроту, началась протестная активизация антифашистских общественно-политических сил. Так, 16 декабря 2006 г. в г. Киеве в Музее Великой Отечественной войны состоялся Антифашистский форум Украины, на котором представители ветеранских организаций и левых политических партий выступили с протестом против реабилитации нацистских пособников и фашизации украинского общества. В обращении Антифашистского форума Украины в числе прочих содержалось также требование:

⁶⁷⁴ *Иваненко В.В., Якунін В.К.* ОУН і УПА у Другій світовій війні: проблеми історіографії та методології. Монографія. Дніпропетровськ, 2006. С. 147.

⁶⁷⁵ «Это нужно не мертвым — это нужно живым», или Можно ли монополизировать истину. Открытое письмо Президенту Украины В. Ющенко, председателю Верховной Рады Украины В. Литвину, премьер-министру Украины Ю. Тимошенко // День. 2005. 9 апреля.

«Изъятия из школьных и вузовских библиотек учебников и учебных пособий, допускающих умышленное искажение истории Великой Отечественной войны, освободительной роли Красной Армии в Европе»⁶⁷⁶.

Второй Всеукраинский съезд народных депутатов, состоявшийся в г. Северодонецке 1 марта 2008 г., в своей резолюции также указал на недопустимость фальсификаций истории и предоставления неправдивой информации о деятельности нацистских преступников и ОУН-УПА⁶⁷⁷. Наконец, в сентябре 2009 г. во время научно-практической конференции «Вторая мировая война: уроки и значение для Украины», состоявшейся в Харькове, была оглашена Декларация о создании Антифашистского форума Украины как постоянно действующей структуры по противодействию националистическим фальсификациям⁶⁷⁸. Против реабилитации ОУН-УПА выступили украинские общественники **Георгий Крючков** и **Дмитрий Табачник**, которые заявили, что:

«Молодое поколение умышленно пичкается неким продуктом, который невозможно назвать даже извращённой версией истории»⁶⁷⁹.

В то же время националистические историки — например, **Роман Сербин** — отрицают Великую Отечественную войну, представляя её поражением украинского народа и восхваляя УПА⁶⁸⁰.

Как заметил известный историк, академик НАН Украины **Петр Тронько**, во многих академических изданиях, вузовских и школь-

⁶⁷⁶ Материалы Антифашистского форума «XXI столетие — уроки Нюрнберга». Киев, 2006. С. 5.

⁶⁷⁷ Резолюция II Всеукраинского съезда депутатов советов всех уровней, г. Северодонецк, 1 марта 2008 года. URL: <http://www.federal.org.ua/content/rezolyutsiya-ii-vseukrainskogo-sezda-deputatov-sovetov-vsekh-urovnei>

⁶⁷⁸ «Агрессивный национализм фашиствующего толка отвергается народом Украины...» — антифашисты в этом уверены. 7.09.2009. URL: <http://oblrada.lg.ua/content/%C2%ABagressivnyi-natsionalizm-fashistvuyushchego-tolka-otvergaetsyanarodom-ukrainy%E2%80%A6%C2%BB-%E2%80%93-antifash>

⁶⁷⁹ Крючков Г.К., Табачник Д.В. Фашизм в Украине: угроза или реальность? Харьков: 2008. С. 6.

⁶⁸⁰ Сербин Р. «Велика Вітчизняна війна»: історична пам'ять та її міфологізація // Архіви України, 2005, № 1–3. С. 648–649.

ных учебниках указанные годы представлены как период сплошных репрессий, тоталитаризма и диктатуры, «гулагов» и «голодоморов» и т.д. П. Тронько отмечает:

«Такой подход не имеет ничего общего с принципами научной и исторической правды, закрывает дорогу новым поколениям к знанию правды прошлого нашего народа, ведет к формированию нигилистического отношения к жизни и деятельности старших поколений своей Отчизны, деформирует духовность»⁶⁸¹.

О том же пишет представитель Организации ветеранов Украины доктор исторических наук, профессор **Юрий Шиловцев**:

«Националистические апологеты субъективно интерпретируют события и факты; оценивают их конъюнктурно; позволяют себе препарирование и даже подделку документов. Эти все приёмы, не известные массовому читателю, равно как и учёные звания и научные степени авторов, а тем более высокие марки тех учреждений, где одобряется и широко издаётся литература с позиций “новой концепции” — всё это служит ширмой, которая скрывает антиисторизм, противозаконность, социальную опасность и антинациональность попыток реабилитации ОУН и УПА»⁶⁸².

Следует также отметить, что большинство населения Украины не поддерживает курс на ревизию истории Великой Отечественной войны, реабилитацию и популяризацию украинского национализма. Согласно недавним исследованиям известной социологической организации Research & Branding Group, отношение к вооружённой борьбе ОУН-УПА распределилось следующим образом: 44 %

⁶⁸¹ Тронько П.Т. Внесок народу України в Перемогу над гітлерівськими загарбниками // Український історичний журнал. 2005. № 3. С. 98.

⁶⁸² Шиловцев Ю.В. Проблема ОУН-УПА: мифы и историческая правда // Без права на реабилитацию. (Сб. публикаций и документов, раскрывающих антинародную фашистскую сущность украинского национализма и его апологетов). Кн. II. Киев, 2006. С. 134.

опрошенных по всей Украине воспринимают эту борьбу негативно и лишь 20 % позитивно, соответственно на Западной Украине +52 % и -17 %, в Центре -41 % и +18%, на Юго-Востоке -58 % и +6%⁶⁸³. Таким образом, большинство граждан Украины, особенно жителей Юго-Востока и Центра, негативно оценивают действия ОУН-УПА, и даже на Западе страны 1/5 часть респондентов поддерживает эту позицию. Согласно другому исследованию Research & Branding Group, положительное отношение населения к национализму (Запад 63 %, Центр 36 %, Юго-Восток 21 %) явно уступает отрицательному отношению (Запад 24%, Центр 49 %, Юго-Восток 65%)⁶⁸⁴. При этом националистами себя назвали 46 % респондентов на Западе, 25 % в Центре и 13 % на Юго-Востоке; не считают себя националистами 47 % респондентов на Западе, 68 % в Центре и 82 % на Юго-Востоке⁶⁸⁵.

В целом же исторический ревизионизм и реабилитация нацистских пособников противоречат Закону Украины «Об увековечении Победы...», где в ст. 1 четко указано: *«Почтительное отношение к памяти о Победе и ветеранам Великой Отечественной войны является священной обязанностью государства и граждан Украины»*.

Закон устанавливает: *«Недопущение фальсификации истории Великой Отечественной войны в научных исследованиях, учебно-методической литературе, учебниках и средствах массовой информации» (ст. 2)*. В ст. 8 закона говорится:

«Украина неуклонно соблюдает взятые международные обязательства о недопущении проявлений фашизма в любой форме на своей территории»⁶⁸⁶.

⁶⁸³ Восприятие населением Украины истории советского и постсоветского периодов. Презентация результатов исследования в рамках проекта «Евразийский монитор». 11-я волна. Апрель-май 2009 г. Национальное исследование 25 апреля — 5 мая 2009 г. Research & Branding Group. С. 37.

⁶⁸⁴ Национализм в Украине. Презентация результатов исследования общественного мнения. Сентябрь 2009. Национальное исследование. Массовый опрос взрослого населения всех областей Украины и АР Крым старше 18-ти лет. 7-17 сентября 2009 г. Research & Branding Group. С. 3.

⁶⁸⁵ Там же. С. 8.

⁶⁸⁶ Закон Украины «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Ведомости Верховного Совета Украины, № 30. 2000. Ст. 239.

Таким образом, националистические извращения истории войны и отрицание её как Великой Отечественной являются прямым нарушением действующего законодательства Украины, не говоря уже о нормах международного права.

Характерной чертой новейших фальсификаций истории на Украине является умолчание преступлений «украинской вспомогательной полиции» — коллаборационистской структуры, созданной нацистскими оккупантами при участии украинских националистов, которая в период гитлеровской оккупации Украины проводила репрессивно-карательную политику оккупантов. Настоящая статья содержит постановку данной проблемы, обоснование её научной и общественной актуальности в свете выше изложенных фальсификаций истории Великой Отечественной войны. Автор частично осветил коллаборационистскую деятельность формирований «украинской полиции» в своём историческом очерке по проблеме ОУН-УПА⁶⁸⁷, поэтому в данном случае, опираясь на полученные исследовательские результаты, хотел бы представить историю создания «украинской полиции» и наметить перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Как отметил исследователь-антифашист **Виктор Полищук** из Канады, именно «украинская полиция» стала прообразом вооружённых сил украинских националистов, составив в 1942–1943 гг. ядро УПА Бандеры⁶⁸⁸. В этой связи вполне понятно, почему националистические украинские историки не хотят признавать, что «освободители» УПА вначале были карателями-полицаями, которых с ведома ОУН пособничали гитлеровцам в уничтожении мирного населения. Так, известный историк из националистической диаспоры **Орест Субтельный** ещё в начале 1990-х отрицал массовый характер преступлений «украинской полиции», заявляя:

«При том, что украинские коллаборационисты занимали в нацистском аппарате самые низкие должности, и при монополии СС в проведенных акциях экстерминации

⁶⁸⁷ Мартынов А. Историческая справка о военно-террористической деятельности ОУН-УПА // Украинский фашизм. Взгляд из Донбасса. Сб. материалов. Донецк: 2008. С. 197–208, 224–230, 245–254, 296–304, 313–323.

⁶⁸⁸ Poliszczuk W. Dowody zbrodni OUN i UPA. Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. Toronto, 2000. S. 311.

евреев, участие украинцев в этих бойнях не была ни широкомасштабной, ни решающей. Если же такое случалось, то в основном это были помощники-полицая, что загоняли евреев в гетто...»⁶⁸⁹.

Между тем документы свидетельствуют, что «украинская охрана» принимала самое активное участие в уничтожении еврейских заключенных в газовых камерах нацистских концлагерей Трешлинка, Собибор и др.⁶⁹⁰ Исследователи Холокоста на Украине **Рэй Брэндон** и **Уэнди Лоуэр** подчеркивают:

«Украинцы были самыми худшими!». Такое настроение или нечто подобное часто упоминается пережившими Холокост, когда они вспоминают своих мучителей в концентрационных лагерях и гетто во время Второй мировой войны. Иногда по уровню жестокости наравне считается латвийская и литовская полиция и охрана, но, как правило, украинцы в таких случаях выделяются в качестве необыкновенных мучителей»⁶⁹¹.

Для многих «украинских охранников» работа в концлагерях становилась настоящим промыслом, благодаря которому они быстро обогащались за счет имущества уничтожаемых людей⁶⁹². Помимо этого, как свидетельствуют опубликованные сразу же после войны польские документы, украинские коллаборационисты наряду с частями РОА Власова приняли активное участие в подавлении Варшавского вооруженного восстания (1 августа — 2 октября 1944 г.)⁶⁹³. В одном из тех свидетельств говорится:

⁶⁸⁹ Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1991. С. 409.

⁶⁹⁰ Belzec, Sobibor, Treblinka – the operation Reinhard death camps. Indiana University Press: 1987. P. 31–32, 70–71, 76–77, 121.

⁶⁹¹ Brandon R., Lower W. The Shoah in Ukraine: history, testimony, memorialization. Indiana University Press, 2008. P. 114.

⁶⁹² Русиняк М. Парадокс Трешлинки: лагерь уничтожения как источник дохода для администрации, охранников и местного населения // Голокост і сучасність. 2007. № 2. С. 65.

⁶⁹³ Crimes in Poland. Vol. I. Central Commission for the investigation of German crimes in Poland. Warsaw, 1946. P. 188–189, 193–195, 199–201, 212 etc.

«Вдруг украинец подошел и убил моего двухгодичного ребенка, словно собаку; затем он подошел ко мне с частью немцев и встал мне на грудь, чтобы проверить, живой я или нет»⁶⁹⁴.

Другой очевидец из Варшавы сообщал:

«Все мы знали, что ожидает нас здесь; оттуда было невозможно сбежать или откупиться; там была толпа немцев, украинцев (власовцев) и грузовиков»⁶⁹⁵.

Как показывает ныне разбираемое дело предполагаемого «украинского охранника» концлагеря Собибор Джона (Ивана) Демьянюка, на Западе преступления украинских коллаборационистов до сих пор выделяются особо⁶⁹⁶. Не меньший резонанс в последние годы получило дело эмигранта Джона (Ивана) Калимона, которого подозревают в преступлениях «украинской полиции» во Львове⁶⁹⁷. Ныне Министерство юстиции США намеревается предать суду Калимона, лишённого американского гражданства⁶⁹⁸. Из числа новейших материалов о преступлениях «украинской полиции» следует выделить недавно рассекреченные документы Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ), опубликованные 27 марта 2009 г. на сайте Министерства иностранных дел России. Это протоколы допросов полицейских и Акты Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, где говорится о массовых зверствах «украинской полиции» в населенных пунктах Западной Украины⁶⁹⁹. Тем не менее,

⁶⁹⁴ Crimes in Poland... P. 199.

⁶⁹⁵ Ibid. P. 201.

⁶⁹⁶ Roger Boyes in Berlin. Case of John Demjanjuk may be Germany's last Nazi war crimes trial // Times. 2009. May 13.

⁶⁹⁷ США депортируют в Украину очередного нациста // 2000. Неделя Украины. № 40 6–12 октября 2006 г.

⁶⁹⁸ Телеканал «Интер», программа «Подробности», эфир 1.09.2009.

⁶⁹⁹ Предоставленные Госархивом Российской Федерации документы, свидетельствующие о сотрудничестве националистических формирований на Украине в годы Второй мировой войны с нацистами и их злодеяниях. URL: <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/932b471b7dc29104c32572ba00560533/5919e8082ae6094dc3257589002fbc1c?OpenDocument>

официозная украинская историография предпочитает игнорировать факты преступлений «украинской полиции», даже ищет для неё оправдания.

Примером подобных фальсификаций может служить монография украинского историка **Валентины Шайкан** «Коллаборационизм на территории рейхскомиссариата Украина» (2005). В. Шайкан, с одной стороны, вынуждена признать, что «*украинские полицейские и охранные части начали создаваться под контролем и по инициативе, как гитлеровцев, так и ОУН, с самого начала войны*»⁷⁰⁰, однако стремится обелить эти формирования, совершенно искусственно разделяя их на причастных и не причастных к карательным операциям⁷⁰¹. Рецензируя работу В. Шайкан, историки В. Иваненко и В. Якунин заметили:

«С одной стороны, авторша будто и признает, что украинское самостийническое движение стало на путь коллаборационизма, но в то же время оправдывает ОУН(б), мотивируя это тем, что сотрудничество с нацистами было для них, дескать, лишь тактикой. <...> Если это научная логика, то что же тогда есть политико-идеологическая предубежденность? По нашему убеждению, именно такие утверждения и есть ничто иное, как “идеологические рудименты” антикоммунизма периода “холодной войны”, которые не имеют ничего общего с наукой»⁷⁰².

Отметим, что В. Шайкан полностью следует положениям историков-ревизионистов С. Кульчицкого, В. Сергийчука и др. Подобные интерпретации давно уже укоренились в украинской историографии. Например, историк **Иван Дерейко** в своей диссертации утверждает, что, не являясь принципиальными сторонниками национал — социализма, украинские полицейские коллаборационисты «*так и не стали надежным способом проведения оккупационной*

⁷⁰⁰ Шайкан В.О. Коллаборационизм на території рейхскомісаріату Україна і військової зони в роки Другої світової війни. Монографія. Кривий Ріг, 2005. С. 233.

⁷⁰¹ Там же. С. 243.

⁷⁰² Иваненко В.В., Якунин В.К. ОУН і УПА у Другій світовій війні: проблеми історіографії та методології. Монографія. С. 127–128.

политики и опорой нацизма ни в Украине, ни за ее пределами»⁷⁰³. Следует отметить, что подобные утверждения имеют много общего с утверждениями эмигрантских националистических авторов. Например, **Лев Шанковский** писал, что «украинская милиция» (полиция) не принимала никакого участия в гитлеровских преступлениях, а если подобные случаи и были, то их, дескать, совершали набранные немцами уголовники и «москали»⁷⁰⁴.

Между тем многочисленный документальный материал неопровержимо доказывает, что в период Второй мировой войны украинский полицейский коллаборационизм служил репрессивно-карательным орудием нацизма, и украинские полиция сыграла весьма значительную роль в уничтожении мирного населения на оккупированной территории Советского Союза, Польши и в концлагерях. Однако националистические историки сознательно игнорируют эти факты, прибегая, таким образом, к созданию неполной, сфальсифицированной картины деятельности украинских коллаборационистов. Например, эмигрантский автор **Владимир Косик** опубликовал выдержки из многочисленных немецких архивных документов, стремясь показать, как гитлеровцы репрессировали активистов ОУН в 1941 г. — в основном это сообщения гестапо и айнзатцгрупп о событиях на оккупированной территории СССР⁷⁰⁵. Однако, если сопоставить выдержки из документов В. Косика с данными из тех же самых сообщений айнзатцгрупп, которые опубликовали израильские историки Холокоста **Ицхак Арад**, **Шмуэль Краковский** и **Шмуэль Спектор**, то обнаруживается, что В. Косик опустил множество фактов участия созданной бандеровцами «украинской милиции» (полиции) в расправах над мирным населением в первые дни, недели и месяцы оккупации Западной Украины⁷⁰⁶. Иначе как можно объяснить, что В. Косик наряду с израильскими историками приводит одни и те же сооб-

⁷⁰³ Дерейко І.І. Місцеві військові формування збройних сил Німеччини на території рейхскомісаріату «Україна» (1941–1944 роки). Автореферат дисс. канд. іст. наук. Київ, 2006. С. 15.

⁷⁰⁴ Шанковський Л. Похідні групи ОУН. Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941–1943 рр. Мюнхен, 1958. С. 46.

⁷⁰⁵ Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж — Нью-Йорк — Львів, 1993. С. 507–550.

⁷⁰⁶ The Einsatzgruppen Reports. N.-Y.: Holocaust Library, 1989. P. 8–12, 16–19, 28–33, 58–60, 127, 133–134, 171–174, 236, 243–244, 279–283.

щения айнзатцгруп, но в обрезанном варианте В. Косика о массовых преступлениях «украинской полиции» не говорится ни слова? Впрочем, к подобным манипуляциям (вернее, фальсификациям) с фактами и документами прибегают и представители историографии «украиноцентризма».

Достаточно привести пример с интерпретацией печально известной Львовской резни 1941 г., когда возглавляемый Романом Шухевичем батальон «Нахтигаль» и созданная ОУН Бандеры «украинская милиция» развязали кровавый террор против нескольких тысяч польского и еврейского населения Львова. Об этом будет сказано ниже, в данном случае лишь отметим, что в изложении В. Косика, а также в «Профессиональном выводе» под редакцией С. Кульчицкого преступления «Нахтигалья» отрицаются под двумя основными предлогами: 1) якобы на заседаниях Нюрнбергского процесса 15 февраля и 30 августа 1946 г. при разборе данного дела «Нахтигаль» не был упомянут; 2) после возникновения в 1959 г. политического скандала вокруг министра ФРГ Теодора Оберлендера, бывшего немецкого командира «Нахтигалья», западногерманский суд вынес оправдательный вердикт по этому делу, что было подтверждено прокуратурой Гамбурга в 1966 г.⁷⁰⁷ Однако при обращении к первоначальным источникам оказывается, что интерпретации В. Косика и «рабочей группы» С. Кульчицкого являются недобросовестными.

Так, из стенограммы заседания Нюрнбергского трибунала от 15 февраля 1946 г. следует, что советский обвинитель Смирнов представил общие данные о Львовской резне, обвиняя нацистские структуры, а не украинских коллаборационистов⁷⁰⁸. Такую же общую картину Львовской резни на заседании Нюрнбергского трибунала от 30 августа 1946 г. представил советский обвинитель Руденко, но в его выступлении был один примечательный штрих:

⁷⁰⁷ Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. С. 154–155; Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Фаховий висновок робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. С. 8.

⁷⁰⁸ Nuremberg Trial Proceedings. Vol. 7. P. 490–491, 498. Здесь и далее ссылки на полную англоязычную версию материалов Нюрнбергского процесса приводятся по электронному изданию: The International Military Tribunal for Germany. Contents of The Nuremberg Trials Collection. URL: http://avalon.law.yale.edu/subject_menus/imt.asp#cited

«Перед тем как немецкие войска оккупировали Львов, подразделения гестапо имело в своем распоряжении списки ведущих представителей львовской интеллигенции, которые подлежали уничтожению»⁷⁰⁹.

Между тем известно, что еще в декабре 1940 г. был принят «единый генеральный план повстанческого штаба ОУН», в котором среди прочего говорилось:

«Составляем “черные списки”, план выступления в первую ночь... Надо в ту же ночь ликвидировать всех, занесенных в “черные списки”, чтобы лишить врага людских резервов (организаторов вражеской диверсии и т.д.). А также углубить панику»⁷¹⁰.

Итак, во время Львовской резни гитлеровцы и «украинская полиция» вполне могли действовать по «черным спискам» бандеровцев. Наконец, говоря о заседаниях Нюрнбергского трибунала 15 февраля и 30 августа, В. Косик и С. Кульчицкий почему-то промолчали относительно заседания 21 августа 1946 г., на котором было заявлено, что «немецкий вермахт 1 июля 1941 г. совершил массовое убийство во Львове... 2 июля 49-й горный корпус предпринял шаги против дурного обращения местных украинцев с евреями»⁷¹¹. Не это ли ключ к решению вопроса? Ведь известно, что именно «Нахтигаль» и «украинская милиция» первыми начали массовые убийства во Львове, так что немцы даже вынуждены были частично распустить милицейские формирования, чтобы избежать беспорядков. Немецкий историк **Вальтер Брокдорф** в работе «Тайные отряды Второй мировой войны» (Мюнхен, 1967) подчеркнул:

«Немецкие солдаты, ожидавшие приказа о наступлении, с ужасом освобождали дорогу украинцам. “Нахтигалевицы” взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава гимнастеров, держа оружие на изготовку. Их вид был омер-

⁷⁰⁹ Nuremberg Trial Proceedings. Vol. 22. P. 345.

⁷¹⁰ Как трезубец вплеся в свастику. О несостоявшемся походе украинских националистов на Москву // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 79.

⁷¹¹ Nuremberg Trial Proceedings. Vol. 21. P. 401.

зителен, когда они в 23.00 29 июня 1941 года бросились в город... Словно бесноватые, громко гикая, с пеной на устах, с вытаращенными глазами неслись украинцы улицами Львова... Каждый, кто попадался им в руки, был жестоко казнен...»⁷¹².

А вот что говорится в донесении начальника полиции безопасности и СД от 18 августа 1941 г. указано:

«Украинская милиция не прекращает разорять, издеваться, убивать... Поляки приравнены к евреям, и от них требуют носить повязки на руках. Во многих городах украинская милиция создала такие подразделения, как “Украинская служба безопасности”, “Украинское гестапо” и т. п. Городские и полевые коменданты частично разоряют милицию»⁷¹³.

Итак, к августу 1941 г. даже нацисты посчитали «акции» бандеровских полицаев чрезмерными.

О причастности украинских коллаборационистов к Львовской резне пишут многие зарубежные авторы, но украинская националистическая историография предпочитает замалчивать эти данные. Приведем лишь несколько примеров из многих подобных работ. Так, немецкий историк **Норберт Мюллер** и британский **Уилл Фаулер** прямо говорят о причастности «Нахтигалья» к истреблению населения Львова⁷¹⁴. Об участии «украинцев» (понятно, что националистов) во Львовской резне пишет американский исследователь **Ричард Брейтман** с коллегами, которые опираются на данные американских спецслужб, рассекреченные в рамках закона США 1998 г. о разоблачении нацистских военных преступлений (Nazi War Crimes Disclosure Act

⁷¹² Чередниченко В.П. Анатомия предательства. Украинский буржуазный национализм – орудие антисоветской политики империализма. Киев, 1983. С. 86.

⁷¹³ Дюков А. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: 2008. С. 61.

⁷¹⁴ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М.: 1974. С. 144; Фаулер У. План «Барбаросса». Блицкриг на Востоке. 7 первых дней операции. М.: 2007. С. 104.

1998)⁷¹⁵. Заметим, что Р. Брейтман опубликовал ряд примечательных фактов сотрудничества украинских коллаборационистов со спецслужбами США после Второй мировой войны: среди основных фигурантов называется бандеровец Николай Лебедь, который создал «украинскую милицию» (полицию) в 1941 г.⁷¹⁶ Р. Брейтман пишет следующее:

«Дела ФБР по нацистским коллаборационистам в Соединённых Штатах являются важным источником информации о военной и послевоенной деятельности этих фигур, большинство которых особенно не упоминаются... Например, о деятельности Лебеда военной эпохи в записях ФБР информации больше, чем в записях самого Германского Генерального Штаба»⁷¹⁷.

Наконец, в недавнем исследовании Холокоста, которое опубликовал историк **Сол Фридлендер**, констатируется, что в издательствах и убийствах, произведенных в начале оккупации Львова, наряду с нацистами приняли участие вспомогательные отряды ОУН Бандеры⁷¹⁸. Еще раз отметим — это лишь немногие примеры из общего числа зарубежных изданий, где упоминаются львовские преступления «Нахтигалья» и бандеровской «украинской милиции».

Что же касается второго довода В. Косика — С. Кульчицкого — о том, что немецкие суды якобы опровергли причастность «Нахтигалья» к Львовской резне, — то данная интерпретация также не соответствует истине. В 1959 г. Боннский суд действительно «выгородил» Оберлендера, как члена правительства ФРГ, однако признал:

«...На основании расследований нельзя исключить, что украинские члены батальона “Нахтигаль”, имена которых не установлены, приняли участие в побищах и убийствах ...».

⁷¹⁵ Breitman R., Goda N., Naftali T., Wolfe R. U.S. Intelligence and the Nazis. N.-Y.: Cambridge University Press, 2005. P. 65.

⁷¹⁶ Ibid. P. 249–255.

⁷¹⁷ Ibid. P. 255.

⁷¹⁸ Friedlander S. Nazi Germany and the Jews. 1933–1945. Harper Collins e-books, 2009. P. 237–238.

И далее в прокурорском выводе говорилось:

«Эта акция была направлена, согласно подготовленным планам, против еврейских жителей Львова, против членов и приверженцев коммунистической партии и против определенного количества польской интеллигенции, в том числе и прежде всего против профессоров Львовского университета. Массовые аресты были проведены с помощью украинской милиции, созданной из членов разных национально-украинских групп»⁷¹⁹.

Таким образом, суд ФРГ не только не опроверг, но подтвердил ответственность «Нахтигалья» за убийства поляков во Львове. Установление прокуратурой Гамбурга в 1966 г. того факта, что эти казни совершались по приказу бригаденфюрера СС Шенгарта, несколько не противоречит фактам участия украинских националистов в резне, которые действительно орудовали совместно с гитлеровскими оккупантами и в осуществление их приказов. Вот что говорилось в документе гамбургского прокурора ван Белова от 2 мая 1966 г.:

«Поиски внутри и вне страны привели к следующим заключениям. Лемберг был взят немецкими войсками 30 июня 1941 г. Перед своим отступлением Красная Армия расстреляла около 3.000 заключенных, в основном украинских националистов, в Лемберге во дворе Бригидки и Лонской тюрьме. Обнаружение этих мертвецов привело к распространению эксцессов против еврейского и коммунистического населения в первые дни немецкой оккупации. Украинская милиция и “украинская освободительная армия” приняли участие в этих беззакониях, которые также сопровождались произвольными убийствами»⁷²⁰.

Таким образом, вопреки конъюнктурным националистическим измышлениям, факты свидетельствуют, что коллаборационистская

⁷¹⁹ Замлинський В. Шлях чорної зради. Львів: 1969. С. 95.

⁷²⁰ Piotrowski T. Poland's Holocaust: Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918–1947. Jefferson — North Carolina, 1998. P. 210.

«украинская полиция» в структурном отношении родилась во время Львовской резни в июне-июле 1941 г., а её прототипом выступил батальон «Нахтигаль», сформированный гитлеровцами из активистов ОУН Бандеры. «Украинская полиция» изначально проявила свою террористическую сущность, будучи применена в охранных целях и в нацистских акциях уничтожения.

Батальон «Нахтигаль» ворвался во Львов на рассвете 30 июня 1941 г., и в тот же день бандеровцы провозгласили «Акт независимости Украины». В этом Акте говорилось:

«Восстановленная Украинская Держава будет тесно взаимодействовать с Национал-социалистической Великой Германией, что под руководством Адольфа Гитлера создаёт новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации».

И далее объявлялось, что в борьбе против «московской оккупации» будет участвовать «украинская национальная революционная армия»⁷²¹. Кадрами этой «украинской армии» считались батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», а основу ее должны были составить отряды «народной милиции», которая начала повсеместно создаваться бандеровцами. Еще в июне 1941 г. краевой провод ОУН Бандеры издал приказ о содействии создававшихся частей «украинской армии» (полиции) гитлеровским войскам как «союзникам», а также о занятии этими частями путей сообщения, предприятий и других объектов в оккупированных немцами населенных пунктах⁷²².

Украинские националисты с первых же дней оккупации постарались реализовать свою «государственную политику». Даже сочувствовавший ОУН американский историк **Джон Армстронг** признал:

«Теория и учение националистов были очень близки к фашизму, а в некоторых отношениях, таких как отстаивание “чистоты расы”, не далеко ушли от первоначальных фашистских доктрин»⁷²³.

⁷²¹ Хрестоматія з історії держави і права України. Т. 2. Київ, 1997. С. 459–460.

⁷²² ОУН в 1941 році: Документи. Ч. 1. Київ, 2006. С. 196–197.

⁷²³ *Armstrong J. Ukrainian Nationalism 1939–1945. N.Y., 1955. P. 279.*

Вполне логично, что заявив о «самостийности», бандеровцы сразу же развязали террор против «врагов украинской нации». В июне 1941 г. «премьер» **Ярослав Стецько** прямо писал Розенбергу:

«Москва и жидовство — это самые большие враги Украины и носители разлагающих большевистских интернационалистических идей... Поэтому настаиваю на уничтожении жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстерминации жидовства»⁷²⁴.

Потом, уже после войны, Стецько в своих мемуарах заявит, что «украинская милиция», дескать:

«Тщательно заботилась о том, чтобы не допускать украинцев в антижидовские, а на ЗУЗ [западно-украинские землях] также антипольские погромы... Ни при каких условиях и ни в какой ситуации украинская милиция, сколько она находилась под влиянием ОУН, никогда не вовлекалась в противожидовские эксцессы, которые ОУН принципиально осуждала и осуждает»⁷²⁵.

Однако устроенные бандеровцами этнические чистки — известный и неопровержимый исторический факт. Например, в Ровенской области тогда распространялись объявления:

«Украинский Народ!... Сегодняшнее сражение ведём под предводительством нашего и твоего вождя Степана Бандеры... Бери в свои руки различное правление, всю власть... Знай: Москва, Польша, венгры, жиды — это твои враги! Уничтожай их! Твоим руководством является Провод украинских националистов на материнских украинских землях»⁷²⁶.

⁷²⁴ Документы изобличают. Сборник документов и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами фашистской Германии. Киев, 2004. С. 93

⁷²⁵ Стецько Я. 30 червня 1941. Проголошення відновлення державности України. Торонто — Нью-Йорк — Лондон, 1967. С. 77.

⁷²⁶ Верещак В.И. Правду не одолеть. Киев, 2003. С. 90.

В связи с событиями Львовской резни сошлемся ряд зарубежных свидетельств.

Очевидец Холокоста **Давид Кагане** в «Дневнике Львовского гетто» (1978) так сообщает об этих расправах:

«Началась бесовская игра. Немцы хватали евреев прямо на улицах и в домах и заставляли работать в тюрьмах. Задача поимки евреев, кроме того, была возложена на только что созданную украинскую полицию»⁷²⁷.

О зверствах «украинской полиции» во Львове в июле 1941 г. подробно пишет также американский исследователь **Кристофер Симпсон**:

«...Полицейские и милицейские силы, предположительно под командованием министра полиции Лебеда, днями и ночами совершали облавы на безоружных мужчин и женщин, публичные вешания, избивание и другие виды насилия. Евреев Львова арестовывали, предавали пыткам и расстреливали в больших количествах как отряды ОУН, так и немецкие айнзацкоманды. Их самые популярные кличи “Да здравствует Адольф Гитлер и Степан Бандера!”, “Смерть евреям и коммунистам!”... Полицейские и милицейские части ОУН безнаказанно насиловали польских и еврейских женщин; польских профессоров сгоняли, избивали и истребляли, а украинские национал-экстремисты участвовали в массовом уничтожении евреев в газовых камерах недалеко от города»⁷²⁸.

Историк Холокоста **Рубен Эйзенштейн** приводит следующие данные об «украинской милиции» ОУН:

«Стецько и Бандера провозгласили создание “свободной Украины” и организовали 31.000 милицейских сил... Ми-

⁷²⁷ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сб. документов и материалов. Иерусалим: Яд Вашем, 1991. С. 75–76.

⁷²⁸ Документы избобличают. С. 265.

лиция играла наиболее значимую роль в осуществлении мероприятий айнзацкоманды, исполняя задачи геноцида и террора вплоть до середины августа... Затем милиция была расформирована, а 3 000 головорезов получили разрешение вступить в украинскую вспомогательную полицию, которая выполняла такую же отвратительную роль в истреблении евреев Восточной Европы»⁷²⁹.

Итак, «украинская полиция» ясно позиционировала себя в качестве террористической организации фашистского типа, за что её создатель Лебедь удостоился личной благодарности от командира «Нахтигалья» Оберлендера. Об этом известно из письма Оберлендера, писанного 14 июля 1941 г. со Львова начальнику 2-го отдела Абвера полковнику Эрвину Лахузену в Берлин. Оберлендер заявил Лебедею, что:

«Ранее проводившаяся им работа высоко оценивается начальником полиции безопасности и службой безопасности во Львове».

В ответ на похвалу, пишет далее Оберлендер Лахузену:

«Лебедь заверил меня, что он охотно предоставляет себя в наше распоряжение в интересах совместной борьбы против большевизма и еврейства»⁷³⁰.

Если украинские коллаборационисты не участвовали во Львовской резне, за что же нацистам через две недели оккупации города благодарить бандеровцов? И как понимать заверения Лебеда о готовности к «совместной борьбе против большевизма и еврейства» — ведь методы этой борьбы вполне известны? Как же тогда понять следующий пассаж в «выводах» С. Кульчицкого и его коллег:

⁷²⁹ Tottle D. Fraud, Famine and Fascism. The Ukrainian Genocide Myth from Hitler to Harvard. Toronto: 1987. P. 104.

⁷³⁰ Poliszczuk W. Dowody zbrodni OUN i UPA. Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. S. 614.

«Обвинения националистов в коллаборационизме разбиваются одним коротким тезисом: понятие “коллаборационизм” всегда связано с сотрудничеством двух сторон — господствующей и подчиненной. Если нет одной из сторон, то нет и коллаборационизма»⁷³¹.

Как видим, сотрудничество украинских националистов с нацистами таки было, причем довольно обширное, и «украинская полиция» с первых дней оккупации Западной Украины сыграла в этом большую роль.

Украинский полицейский коллаборационизм продолжался и далее, до конца гитлеровской оккупации Украины. Американский исследователь **Кевин Раффнер** на основании рассекреченных документов ЦРУ пишет следующее:

«Борьба между вермахтом и Красной Армией пробудила и разожгла давнее соперничество и ненависть на Украине; многие украинцы презирали поляков и евреев так же, как советских коммунистов. Украинцы служили в немецкой армии и были причастны к нацистским зверствам на Восточном фронте»⁷³².

И далее К. Раффнер подчеркивает:

«Бандера заслужил свирепую репутацию за проведение “власти террора” во время Второй мировой войны. Он возглавлял самую большую фракцию ОУН (которая раскололась в начале войны), Андрей Мельник возглавлял меньшую. Обе фракции перед войной участвовали в террористической деятельности против польских чиновников, затем украинские националисты вступили в союз со своими нацистскими “освободителями” в течение первых дней операции “Барбаросса” в 1941 г. Даже когда энтузиазм ОУН поубавился, после того как нацисты отказались

⁷³¹ Poliszczuk W. Cit. op. S. 12.

⁷³² Ruffner K. Cold War Allies: The Origins of the CIA's Relationship with Ukrainian Nationalists. Fifty Years of the CIA. Langley, Virginia: Central Intelligence Agency, 1998. P. 21–22.

поддержат украинские приготовления, многие украинцы до конца войны продолжали воевать по одну сторону с немцами»⁷³³.

Этот факт подчеркивает и выше упоминавшийся исследователь Холокоста Уэнди Лоуэр, который отмечает, что вследствие недостатка полицейских сил гитлеровцы «скоро сообразили, что украинцам и местным этническим немцам можно было доверить содействие в убийстве, и что немногие в рамках немецкой администрации будут открыто сопротивляться массовому убийству»⁷³⁴. Так, каратели из «украинской полиции» участвовали в событиях в Бабьем Яру Киева осенью 1941 г., о чем, в частности, свидетельствуют протоколы допросов самих полицейцев, изобилующие жестокими подробностями этих казней⁷³⁵. Затем части «украинской полиции» отметились в многочисленных карательных операциях на оккупированной территории Украины и Белоруссии, борясь с партизанами и уничтожая мирное население. Из числа подразделений «украинской полиции» наиболее известны 118-й и 201-й батальоны. 118-й украинский полицейский батальон 22 марта 1943 г. участвовал в уничтожении печально известной белорусской Хатыни, где погибло около 150 человек, из них 75 человек детей. Недавно в Минске вышел сборник документов, где подробно изложено расправа украинских полицейцев в Хатыни⁷³⁶.

201-й украинский полицейский батальон известен, прежде всего, тем, что его капитаном был активист ОУН Бандеры Роман Шухевич, который указом «оранжевого» президента Виктора Ющенко от 12 октября 2007 г. получил звание «Герой Украины». Именно поэтому украинские историки-фальсификаторы всячески скрывают, чем занимался «герой» Шухевич в 1942 г. в Белоруссии. 201-й батальон «украинской полиции» был сформирован осенью 1941 г. на базе подразделений «Нахтигаль» и «Роланд», входивших до того

⁷³³ Ruffner K. Cit. op. P. 27.

⁷³⁴ Lower W. From Berlin to Babi Yar. The Nazi War against the Jews, 1941–1944 // Journal of Religion & Society. Vol. 9. 2007. P. 6.

⁷³⁵ Бабий Яр: Человек, власть, история. Документы и материалы. Кн. 1. Историческая топография. Хронология событий. Киев, 2004. № 28. С. 38–42, 93–95.

⁷³⁶ Хатынь. Трагедия и память. Документы и материалы. Минск: 2009. С. 19, 35, 40, 48, 64, 88, 90.

в диверсионный полк Абвера «Бранденбург-800». Подписав контракт с гитлеровцами, подчиненные Шухевича в составе 201-го батальона были направлены в Белоруссию, где им поручили охранять рейхскомиссара Вильгельма Кубе, а также проводить «зачистку» местности от партизан. В течение 1942 г. полицаи 201-го батальона проводили карательные операции в Белоруссии, пока, наконец, партизаны не нанесли им большие потери, что заставило Шухевича и его соратника майора Евгена Побигущего возвратиться в Галицию. Тем не менее, шуцманы 201-й батальона получили «благодарность» от своего непосредственного начальника — генерала СС фон дем Бах-Зелевски, который по приказу Гимmlера руководил айнцагруппой «В» и проводил карательные операции в Белоруссии. Как вспоминал потом Побигущий, фон дем Бах назвал 201-й батальон лучшим из всех охранявших средний тыл Восточного фронта. Многие кадры батальона, получившие «боевой опыт» в карательных операциях, вскоре стали видными деятелями УПА — например, тот же Шухевич. Побигущий пошел служить майором в дивизию СС «Галичина»⁷³⁷.

Таким образом, и в дистрикте «Галиция», и в рейхскомиссариате «Украина», и даже в оккупированной Белоруссии «украинская полиция» исполняла роль репрессивного инструмента СС и утверждала оккупационный режим, принимала участие в гитлеровском геноциде населения Советского Союза. Активисты ОУН наподобие Шухевича были непосредственно причастны к этим преступным деяниям. Как показал впоследствии соратник Шухевича по 201-му батальону **Александр Луцкий**, ОУН стремилась засекретить свое участие в этих акциях:

«...Было получено указание — находясь на востоке, т.е. в Белоруссии, тщательно скрывать от местного населения, что мы являемся членами организации украинских националистов, ..., тем самым скрывать компрометирующую ОУН связь с немцами. Мы должны были выдавать себя за украинцев, насильно мобилизованных немцами. Во взаимоотношениях с местным населени-

⁷³⁷ Мартынов А. Историческая справка о военно-террористической деятельности ОУН-УПА. С. 313–318.

ем — вести себя хорошо, стремясь завоевать его доверие»⁷³⁸.

Приобрести доверие белорусского населения националистическим карателям так и не удалось, однако компрометирующий характер своей деятельности под руководством СС они хорошо сознавали. Эта боязнь разоблачения передалась их современным идейным наследникам, которые также получают указания от своих патронов тщательно скрывать от населения Украины правду о деятельности «героя» Шухевича и его 201-го батальона в оккупированной Беларуси. Ведущий сотрудник Института истории НАН Беларуси **Алексей Литвин**, исследовавший преступления «украинской полиции» на территории республики, пришел к следующим выводам:

«Материалы архивных фондов однозначно свидетельствуют: украинские полицейские формирования запятнали себя тяжкими кровавыми преступлениями на белорусской земле. Давно назрела необходимость подготовить комплексное исследование о военно-полицейских формированиях, действовавших в годы войны на оккупированной советской территории на стороне Германии. Это не только поможет полнее осветить события того времени и глубже осознать сложные военно-политические процессы Великой Отечественной войны, но и будет препятствовать возникновению различных околосторических спекуляций и мифов»⁷³⁹.

Остается лишь присоединиться к таким пожеланиям. Преступления «украинской полиции» в Белоруссии в данном случае выделены не случайно, поскольку белорусская «эпопея» украинских коллаборационистов является одним из наиболее существенных актов её участия в гитлеровском геноциде населения СССР. Поскольку украинская националистическая историография этот вопрос совершенно замалчивает, исследование преступлений «украинской полиции» в Белору-

⁷³⁸ Роман Шухевич у документах радянських органів державної безпеки (1940–1950). Т. 1. Київ, 2007. С. 530.

⁷³⁹ Литвин А. Кровь и пепел. Украинские полицейские батальоны на территории Беларуси в 1941–1944 годах // Белорусская думка. № 4. Апрель 2009. С. 101.

сии можно считать одной из приоритетных задач при разборе данной проблемы. Американский исследователь **Мартин Дин** на основании множества фактов доказал, что украинские и белорусские полицейские коллаборационисты сыграли важнейшую роль в уничтожении советского мирного населения, он констатирует:

«Значение украинской и белорусской полиции в осуществлении Холокоста можно усмотреть из того факта, что в этих преобладающих сельских территориях во время убийств летом и зимой 1942 г. они соотносились с жандармами как пять к десяти»⁷⁴⁰.

Монография М. Дина, изданная еще в 2000 г., до сих пор замалчивается официальной украинской историографией и не используется при освещении указанной темы.

Итак, уже краткий обзор деятельности «украинской полиции», с учетом предыстории ее образования, указывает на два неопровержимых факта: 1) непосредственное отношение к созданию полиции имела ОУН, члены которой участвовали в гитлеровском геноциде мирного населения; 2) сама полиция была репрессивным орудием нацистов, при помощи которого оккупанты терроризировали советских граждан, принуждая их к работам либо вывозя в Германию, а также боролись с партизанским движением. Коллаборационистская полиция на оккупированной территории СССР в ноябре 1941 г. получила название «вспомогательной службы полиции порядка» (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei) и была подчинена шефу германской полиции и СС рейхсфюреру Гиммлеру⁷⁴¹. Но еще 17 июля 1941 г. был издан приказ Гитлер о полномочиях рейхсфюрера СС на Востоке, где говорилось:

«Полицейское обеспечение оккупированных восточных областей является обязанностью рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции»⁷⁴².

⁷⁴⁰ Dean M. Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944. N.Y.: 2000. P. 101.

⁷⁴¹ Дробязко С., Каращук А. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М.: 2001. С. 4.

⁷⁴² Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Берлин: 1992. С. 99.

Таким образом, украинские полицаи фактически были эсэсовцами, подчиняясь руководству СС и полиции и выполняя его указания. Как заметил исследователь СС **Гордон Уильямсон**:

«Многие украинские вспомогательные части заслужили себе такую страшную репутацию, от которой волосы встают дыбом, — таким зверским было их обращение с мирным населением. При проведении операций по выявлению и ликвидации евреев они часто действовали рука об руку с эйнзацкомандами. Солдаты немецких частей, взаимодействовавших с ними, не испытывали к ним ничего, кроме презрения»⁷⁴³.

В батальоны «украинской полиции» вошли десятки тысяч коллаборационистов, часть их которых составляли активисты ОУН. Здесь следует отметить, что далеко не все участники «украинской полиции» были националистами, и жестокость полицаев следует объяснять не только идеологическим влиянием ОУН, но также преобладающим нацистским влиянием. Будучи частью карательного аппарата СС, «украинская полиция» напрямую несет ответственность за преступления против мира и человечества, совершенные на территории Украины. Напомним, что в Приговоре Международного Военного Трибунала в Нюрнберге четко указано:

«Невозможно выделить какую-либо часть СС, которая не принимала бы участия в этой преступной деятельности... При совершении зверств в оккупированных странах и истреблениях евреев там также широко использовались различные части полиции СС. Центральная организация СС осуществляла верховное руководство над деятельностью этих различных соединений...»⁷⁴⁴.

Закон Украины № 962-ХІІ от 17 апреля 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» (ст. 2) также не позволяет оправдывать лиц, судимых за «измену Родине, шпионаж, диверсии, вре-

⁷⁴³ Уильямсон Г. СС — инструмент террора. Смоленск, 1999. С. 372.

⁷⁴⁴ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. II. М.: 1954. С. 1037–1038.

дательство, саботаж, террористические акты; — преступления против человечества и человечности, карательные акции относительно мирного населения, убийства, истязания граждан и пособничество в этом оккупантам в период Великой Отечественной войны»⁷⁴⁵. В условиях происходящих на Украине процессов реабилитации украинского коллаборационизма формирования «украинской полиции», положившие начало вооруженным подразделениям ОУН-УПА, должны получить объективную и справедливую историческую и морально-политическую оценку.

В перспективе автор считает необходимым комплексно рассмотреть коллаборационистскую деятельность формирований «украинской полиции» на территории дистрикта «Галиция» Польского генерал-губернаторства рейха, в рейхскомиссариате «Украина» и в генеральном округе «Белоруссия». Также представляет целесообразным изучение соответствующих деяний 14-й дивизии ваффен СС «Галиция», которая имела в своем составе полицейские полки и применялась в карательных операциях, например, в печально известной ликвидации Гуты Пеняцкой в Тернопольской области в феврале 1944 г.⁷⁴⁶ Кроме того, для комплексного исследования проблемы необходимо также исследование преступлений подчиненной СС «украинской охраны» в концлагерях на территории СССР, Польши и Рейха. Указанные задачи выполнимы при условии объективной интерпретации источников и учета имеющихся наработок зарубежных исследователей, которые — как показывает, в том числе, и настоящая работа — полностью замалчиваются украинской националистической историографией из конъюнктурных целей. Полезно также выявление новых либо мало известных архивных документов и их приобщение к студиям. Важно учитывать региональный аспект украинского полицейского коллаборационизма, различать его местные вариации, но при этом рассматривать в общем контексте проблемы ОУН-УПА. Изучение истории «украинской полиции» является неотъемлемым условием для полноценного анализа украинского националистического движения во время Второй мировой войны.

⁷⁴⁵ Закон України «Про реабілітацію жертв політичних репресій на Україні». URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=962-12>

⁷⁴⁶ Мартынов А. Историческая справка о военно-террористической деятельности ОУН-УПА. С. 289, 311–312.

Адольф Кондрацкий
Институт истории НАН Украины

Волынская трагедия глазами ученых независимой Украины

Для выяснения правды о событиях достаточно не лгать.
Эль Гран Вайоминг, испанский актер

Этот эпиграф, как мне кажется, лучше всего раскрывает идею данной статьи.

Обращаю внимание на то, что при подготовке настоящей работы были использованы труды историков, проживающих на территории Украины, и они не претендуют на безошибочность суждений. В период после обретения Украиной независимости, современные историки и политологи практически впервые получили возможность обратить внимание и ознакомиться с той обойденной молчанием в эпоху коммунистического тоталитарного режима проблемой, которой явилась волынская трагедия, — один из самых кровавых братоубийственных конфликтов между поляками и украинцами в годы Второй мировой войны.

В наше время, к сожалению, эта трагическая страница истории Украины и Польши трактуется совершенно по-разному. С одной стороны, провозглашается, что это была этническая чистка, организованная украинскими националистическими группировками. С другой стороны, в свою очередь, выдвигается утверждение, что это была расплата, акция возмездия Украинской Повстанческой Армии (УПА), созданной в 1943 году Организацией Украинских Националистов, за насильственные действия, совершавшиеся Армией Крайовой в отношении украинского гражданского населения. Кроме того, поляки обвиняются в сотрудничестве с гитлеровцами, советскими партизанами, и прочих «грехах».

В настоящее время, вопреки законодательству Украины, продолжается интенсивный процесс реабилитации бевших функционеров ОУН-УПА. В западных регионах страны органы местной власти выдают бовикам ОУН-УПА удостоверения участников боевых действий в ходе

Второй Мировой войны и реабилитируют их на основе пунктов I и III закона «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» [«Про реабілітацію жертв політичних репресій в Україні»], и признают за ними право на материальные и социальные льготы.

Для того чтобы придать этому беззаконию исторический флер, постановлением № 1004 кабинета министров Украины от 12 сентября 1997 года даже была создана Комиссия по делам изучения деятельности Украинской Повстанческой Армии [Урядова комісія з вивчення діяльності ОУН-УПА]. Практическое воплощение, реализацию этой идеи поручили группе профессиональных историков Украины. Руководителем этой группы стал бывший заместитель директора Института истории Академии Наук Украины профессор С.В. Кульчицкий, специалист в области истории Украины XIX–XX веков, известный тем, что всегда поступает в зависимости от политической ситуации. Рабочая группа была сформирована из историков и архивистов разных поколений. Некогда эти люди верой и правдой служили советской власти. Сегодня они эту власть критикуют.

Это сообщество искушенных и молодых историков приступило к выполнению государственного заказа. Сначала работы двигались медленно. Было выявлено много «белых пятен», подготавливались отчеты и материалы, и в 2005 году появились документы, подводящие итог исследований по вопросу «белых пятен».

Если отбросить большое количество фактов и документов, сопровождаемых научными комментариями, в которых правда переплетается с неправдой, остается нечто вроде итогового «соломонова решения» — вина в одинаковой мере лежит на обеих сторонах. Каждый остался при своей версии исторической правды. При этом исследователей не трогает факт, что на Волыни исчезло самое большое из национальных меньшинств — поляки. Территория региона была очищена от поляков.

Руководитель рабочей группы, подводя итог проделанной работе, пишет, что не всем авторским коллективом удалось прийти к единому мнению⁷⁴⁷.

⁷⁴⁷ Організація українських націоналістів і українська повстанська армія. Фаховий висновок робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. / Ред. С. Кульчицький, О. Веселова. 3-тє стереотипне видання. Київ, 2005. С. 70.

И словно наперекор всему в 2007 году было объявлено, что президент Украины награждает Романа Шухевича и его сына Звездой Героев Украины. Как известно, Украина является стратегическим партнером Польши, а между тем, одному из организаторов этнических чисток на Волыни присваивают самое высокое звание — Героя Нации. В 2010 году Героем Украины становится Степан Бандера. Если члены рабочей группы еще испытывали какие-то угрызения совести, то таковых точно не испытывал, восхваляя ОУН-УПА, профессор Киевского Национального университета имени Тараса Шевченко В. Сергийчук. Это его заслугой является введение в научный обиход богатого фактографического материала из специальных архивов Украины, относящегося к деятельности ОУН-УПА и лидера этой формации Р. Шухевича, которого Сергийчук нарекает именем «Прометей украинского сопротивления».

В своих работах, посвященных волынской проблематике, Сергийчук силится доказать, что польско-украинские «недоразумения» были спровоцированы иностранными агентами из-за Сана, а резня на Волыни явилась акцией возмездия украинцев в отношении поляков. Сергийчук утверждает, что сотрудничество украинских атаманов с гитлеровцами было вынужденным. Руководители ОУН и УПА надеялись, что при помощи гитлеровцев им удастся создать самостоятельное украинское государство. Этот аргумент, разумеется, насквозь лжив. Разве Бандера и Шухевич не знали «Mein Kampf» и работ Альфреда Розенберга, в которых славянам предрекалось физическое уничтожение, а тем, кто выживет, судьба рабов на всех оккупированных территориях вплоть до Урала?⁷⁴⁸

Возможно, что руководители ОУН и УПА считали себя не украинцами, а потомками германских готов.

Нормальному человеку трудно понять мечты, о которых идет речь в документах спецархивов. Например, мечту о Третьей мировой войне. Неужели Бандера и Шухевич надеялись, что они спасутся от огненного шторма водородных бомб, от радиации, выживут в своих схронах, а затем на пепелищах миллионов соотечественников построят независимую Украину?

⁷⁴⁸ См.: *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. München, 1930.*

Хочет этого Сергейчук или нет, но эти опубликованные документы свидетельствуют, что верхушка ОУН-УПА прошла агентурное обучение в разведшколах Третьего Рейха, получала от него финансовую помощь, вооружение, а также имела немецкие воинские звания — вахмистров, обер-лейтенантов, капитанов и т.д.

Из украинцев в структурах СС были сформированы дивизии и батальоны, которые четко реализовывали политику репрессий и выполняли карательные и охранные функции на территории Украины и за ее пределами. Можно ли это сравнить с мифическим польским батальоном, о котором идет речь в документах. Опираясь именно на них, Сергейчук старается доказать факт активного сотрудничества поляков с оккупантами. Он пишет, что в настоящее время определенные круги в Польше, среди них историки Эдвард Прус, Владислав и Ева Семашко, Виктор Полищук, ведут широкую пропагандистскую кампанию с целью очернения УПА. Сергейчуку очень импонирует расистская, проникнутая патологической ненавистью к полякам работа Зубенко, отрывки из которой он цитирует в своих сочинениях.

Вызывают вопросы также численные данные, относящиеся к потерям с обеих сторон — 248 155 человек, в т.ч. 140 000–165 000 поляков. Так оценивает потери В. Сергейчук⁷⁴⁹. Если в определенный период он только теоретизировал, то в последнее время принимает участие также в выступлениях против инакомыслящих. Примером может служить провокация в Украинском Доме в апреле 2010 года.

Другие украинские историки, за исключением Л. Зашкільняка и М. Крикуна, приводят следующие данные: 76 000 поляков и 35 000 украинцев⁷⁵⁰. Даже при поверхностном взгляде на данные о последствиях братоубийственных боев на Волыни, рождается вопрос: почему в течение нескольких десятков лет совместных поисков и научных исследований нельзя было установить точного числа погибших, и почему расхождения данных столь велики? Вот задача для историков — исследовать и тщательно проанализировать весь феномен, чтобы выяснить это вопрос.

⁷⁴⁹ Роман Шухевич у документах радянських органів державної безпеки (1940–1950 рр.). Т. 1. Київ, 2007. С. 3–18; Т. 2. С. 3–18.

⁷⁵⁰ *Зашкільняк Л., Крикун М. Історія Польщі. Львів, 2002. С. 527.*

В сложившейся ситуации, когда готовится закон по проекту прежнего президента Украины об уголовной ответственности за отрицание Голодомора, становится небезопасно критиковать лидеров ОУН и УПА, ведь это свидетельствовало бы о существовании иной точки зрения на трагедию Волыни.

К числу таких смельчаков относится редактор журнала «История в школе» Юрий Войцеховский. Об этих проблемах он рассказывал методистам и учителям средних школ Украины. Нашими украинскими «полищуками» можно также назвать профессоров Анатолия Чайковского и Игоря Ильюшина, которые внесли ценный вклад в борьбу с мифами, связанными с ОУН-УПА.

Антиоуновская позиция представлена в левой и еврейской печати, а также в продукции некоторых региональных издательств, особенно в восточных и южных регионах Украины.

Сердце замирает, когда мы читаем задокументированные факты и подробности преступлений ОУН-УПА, о которых пишут газеты и журналы на Украине в канун столетия со дня рождения Р. Шухевича. В своей статье во влиятельной украинской газете «Зеркало недели», Ю. Шаповал приводит факты, отраженные на интернет-сайте Партии Регионов, в т.ч. о том, как в пятидесятую годовщину Шухевича УПА преподнесла ему в подарок три головы замученных поляков⁷⁵¹.

Необходимо также упомянуть о спланированной резне поляков на Волыни, где были зверски убиты 120 000 этнических поляков.

Вопреки фактам, бывший работник Института истории КПСС при Центральном Комитете Коммунистической партии Украины (а сегодня работник другого научного института), оценивает Р. Шухевича, как выдающуюся личность, а газета «Век» упоминает, что в 201-м штрафном батальоне, подчинявшемся генералу СС Эриху фон дем Бах-Залевскому, палачу Варшавы и Белоруссии, Роман Шухевич занимал высокую должность, чем сам хвалился в письме к своему духовному наставнику А. Шептицкому.

22 сентября 1942 года, т.е. уже после ликвидации немцами марионеточного украинского правительства Я. Стецько, солдаты 201-го батальона поголовно уничтожили украинскую деревню Кортелесы на Волыни (было сожжено живьем 2 875 жителей деревни,

⁷⁵¹ Шаповал Ю. Роман Шухевич и политика памяти в современной Украине // «Зеркало недели». 23 июня 2007. № 24 (653).

в т.ч. 1 600 детей). За эту и другие операции Р. Шухевич был награжден двумя Железными Крестами⁷⁵². Это лишь незначительная часть только то, что публикуется на страницах левой печати. Диаметрально противоположную позицию занимают авторы публикаций из националистических кругов. В них Р. Шухевич представлен как легендарный националист, сражавшийся за независимость Украины, несгибаемый главнокомандующий УПА и других формирований.

Кроме того, необходимо отметить альманах «Наша Волянь», который в 2003 году, к 60 годовщине УПА, опубликовал очерк, посвященной истории этой организации. Авторы публикации, В. Пранчук и В. Шишковский, не владея элементарными знаниями, отважились на нескольких страницах изложить многовековую историю Воляни.

Свои замечания мы выражаем исключительно по поводу того образа событий Второй мировой войны, который был представлен украинскими националистами. Здесь читатель не дожидается со стороны украинцев извинений за массовые преступления против поляков.

Одновременно здесь провозглашаются героями оуновец Дмитро Клячковский, Тарас «Бульба» Боровец, Микола Лебедь и другие. Поляки представлены как грабители, приспешники гитлеровцев и красных партизан, угнетатели украинцев.

Опубликованы карты «Великой Воляни», на которых в качестве важнейших украинских центров перечисляются польские города — Белз, Хелм, Хрубешов, Бяла Подляска и другие польские населенные пункты. Подобная ревизия государственных границ является уголовным преступлением⁷⁵³.

Кость Бондаренко в журнале «Дзеркало тижня» пишет, что на Воляни не было этнических чисток, а только лишь столкновения между этническими группами и противоречия на религиозной почве. Бондаренко считает, что на Воляни погибли 15 000 поляков и 12 000 украинцев⁷⁵⁴.

⁷⁵² Поддубный Л. Судьба крови. Свидетельство. Документы. Факты // «Век, ежегодник всеукраинского еврейского конгресса». 2007. № 28–35.

⁷⁵³ Наша Волянь. Альманах (Спеціальний випуск № 17 громадського та літературного часопису «Зона» Всеукраїнського товариства політв'язнів і репресованих). Рівно, 2003. С. 4–45.

⁷⁵⁴ Бондаренко К. Трагедія Воляні: Погляд скрізь десятиріччя // «Дзеркало тижня». 15 февраля 2003.

Сегодня вызывает беспокойство героизация лидеров ОУН-УПА украинским государством. В информационных программах телевидения, радио, на страницах печати, в кинотеатрах, на конференциях и семинарах продолжается одурманивание и обман общества, а особенно молодежи.

Известный ученый, академик и общественный деятель Мирослав Попович считает, что Украина должна взять на себя ответственность за волынскую резню и покаяться⁷⁵⁵.

Самое время, чтобы украинский Институт Национальной Памяти предпринял усилия, чтобы остановить тех, кто пропагандирует интегральный национализм на Украине. Необходимо это сделать, пока еще не поздно. Первые шаги президента Виктора Януковича дают надежду на более успешное разрешение этих вопросов.

---

⁷⁵⁵ *Попович М.* Це повинно бути спокуютою гріхів перед своєю совістю // «Дзеркало тижня». 15 февраля 2003.

Игорь Ильюшин
Киевский государственный университет

УПА и АК. Военно-политический конфликт на Западной Украине (Волынь и Восточная Галиция в годы Второй Мировой войны)

Проблема, которая вынесена в заголовок данной статьи, до сих пор остается одной из наиболее горячо обсуждаемых тем польской и украинской историографии, а также наиболее болезненной проблемой в актуальных отношениях между соседними народами. Несмотря на то, что с момента этих событий прошло уже почти 70 лет, многие поляки и украинцы все еще не могут простить обид, причиненных друг другу во время последней мировой войны.

Хорошо известны случаи преследования польскими властями во Второй Речи Посполитой украинского национального меньшинства. До сего дня не затянулись раны в памяти украинского населения, которое пало жертвой депортации в 1947 году, известной как операция «Висла». В свою очередь польская сторона, а прежде всего представители старшего поколения, не соглашаясь с тем, что украинцы в Польше в прошлом действительно страдали от необоснованных преследований, заявляют, что «обиды, которые были причинены украинцам со стороны Второй Речи Посполитой, несравнимо малы в сравнении с преступлениями, совершенными УПА против поляков»⁷⁵⁶.

Подтверждением подобного положения вещей была проходившая летом 2003 года дискуссия по поводу трагических событий на Волыни, а также памятные мероприятия в честь жертв по обе стороны границы. Продолжением этой дискуссии стало постановление Сейма Польской Республики от 15 июля 2009 года, касавшееся трагической судьбы поляков на Кресах⁷⁵⁷.

⁷⁵⁶ Позиция Всемирного Союза Солдат Армии Крайовой по вопросам польско-украинских отношений, 25.03.1993; подписано и.о. председателя Главного Правления Александром Тышкевичем.

⁷⁵⁷ URL: <http://www.orka.sejm.gov.pl>

Однако предпринятые до сей поры Киевом и Варшавой шаги не закрыли научных дискуссий, а, напротив, стали серьезным импульсом к формированию нового взгляда на исторические события. Несмотря на то что, в силу различных причин, конфликт на Волыни был наиболее кровавым, а факты, касающиеся этой темы, получили в последние годы наибольшую огласку, стоит заметить, что в 1939–1945 гг. военно-политический конфликт между Организацией Украинских Националистов (ОУН) и Украинской Повстанческой Армией (УПА) с одной стороны, и представительскими структурами польского правительства в эмиграции и Армии Крайовой (АК) с другой, охватил практически все территории, которые совместно заселяли украинцы и поляки, т.е. не только Волынь, но также Восточную Галицию, Хелмщину, Подляшье, Надсанье, Лемковщину. Поэтому мы считаем, что эти события следует анализировать комплексно, а также в контексте всей предыдущей истории польско-украинских отношений.

В Годы Второй мировой войны одной из главных причин этого конфликта, на территории совместно заселенной обоими народами, было то, что поляки, высоко оценивая свой значительный вклад в экономическое и культурное развитие земель Западной Украины, и ошибочно считая, что данный вклад никто не может отрицать, с сентября 1939 года, с момента утраты этой территории, ни на минуту не сомневались в том, что после победы союзников она должна быть возвращена Польше.

Поляки полагали, что единственным народом, с которым по определенным причинам стоит считаться при определении послевоенного статуса Волыни и Восточной Галиции, являются местные украинцы, а это около 5 млн. человек. Однако наиболее влиятельные военно-политические круги в Польше рассматривали данную проблему, прежде всего как внутреннюю, игнорируя существование «Великой Украины», которая была создана в том числе при участии большевиков. В ходе обсуждения⁷⁵⁸ территориального конфликта с представителями украинских политических сил, местных украинцев не рассматривали как равноправных партнеров — от них лишь ожидали, чтобы в условиях разгрома и оккупации Польши они оставались по отношению к ней лояльны.

⁷⁵⁸ См.: *Iljuszyn I. UPA i AK. Konflikt w Zachodniej Ukrainie 1939–1945. Warszawa, 2009. S. 171–175.*

Позиция, которую разделяли Делегатура Правительства ПР в Польше и руководство АК на Волыни, поддерживалась местным польским населением, и оставалась в абсолютном противоречии с планами наиболее влиятельной в то время на этих землях политической силы — бандеровской фракции ОУН. Это стало причиной роста напряжения в польско-украинских отношениях, которое в конце 1942 — начале 1943 г. переродилось в кровавый конфликт.

В определенный момент эпицентром этого конфликта стали Хелмщина и Волынь, где со второго квартала 1943 года взаимные убийства стали чем-то обыденным. Без сомнения, это было связано с созданием первых партизанских отрядов — как польских (на Хелмщине), так и украинских (на Волыни). Существенной причиной этих убийств было также осознание того, что война приближается к концу, и, в преддверии решающих для обоих народов событий, необходимо нейтрализовать потенциальных претендентов на власть в регионах, совместно населенных поляками и украинцами.

Современного исследователя ожидают существенные трудности при попытке ответить на вопрос, в какой мере антиукраинские действия отрядов АК и БХ на Хелмщине и Хрубешовщине во время реализуемых гитлеровцами переселений, могли спровоцировать массовый антипольский террор со стороны формирований УПА на Волыни. Однако документация украинского подполья доказывает, что ОУН-СД (самостийники-державники) или ОУН-Б к решению о начале проведения операции по «деполонизации» на землях Волыни и Восточной Галиции подтолкнули действия местных поляков (т.е. поляков волынских и галицийских).

На основе продолжающихся уже долгое время исследований причин, а также мотивов, которые привели к тому что волынское руководство ОУН-Б и руководство УПА во главе с Дмитро Клячківским («Климом Савуром») приступило к массовым операциям на Волыни, можно сформулировать следующий вывод:

Польско-украинский конфликт был вызван в первую очередь не присутствием отрядов АК, которые были созданы только лишь в качестве ответной меры на упомянутую операцию, и не присутствием на землях Волыни и Восточной Галиции политического представительства польского эмигрантского правительства, обязанного в любых условиях воплощать в жизнь правительственные планы по

удержанию послевоенной Польшей ее восточных территорий, хотя оба этих фактора и сыграли в этих событиях свою роль.

Непосредственной причиной начала и продолжения массовых антипольских акций в 1943–1944 в значительной степени стал тот факт, что местные поляки старались проникнуть в административные, хозяйственные и торговые структуры немецких оккупационных властей, и тем самым создавали себе фундамент, опираясь на который, могли бы сохранить влияние на Волыни и в Восточной Галиции после поражения гитлеровской Германии. Именно такое положение вещей, которое сложилось весной и летом 1943 года, констатировали хорошо знакомые с ситуацией на оккупированных территориях немецкие функционеры, советские оперативные группы НКВД и, очевидно, также представители местного украинского общества.

Следует напомнить, что польское население на Волыни было многочисленным (не более чем 15–16 % от всех жителей), но, несмотря на это, оно жаждало выступать в роли хозяина (даже в отношениях с оккупационными властями), особенно после того, как службу в немецкой полиции бросили около 5 000 местных украинцев, которые ушли в лес, чтобы начать борьбу с упомянутыми властями. Желание местных поляков любой ценой играть доминирующую роль не могло не возбудить недоверия со стороны украинских политических деятелей на Волыни и не привести к обострению и без того напряженных польско-украинских отношений.

В этом контексте одним из наиболее убедительных документов среди тех, которые демонстрируют мотивацию украинских повстанцев, является обращение Краевого Провода ОУН на Волыни от 18 мая 1943 года с призывом к полякам покинуть должности в местных немецких административных и полицейских структурах⁷⁵⁹. Поскольку этого не случилось, и даже наоборот, часть поляков желала укрепиться на своих позициях с целью увеличения польского влияния на Западной Украине накануне поражения вермахта и вступления Красной Армии, и произошло то, что предсказывалось в обращении. На полях стоит подчеркнуть также и то, что сами по себе попытки отыскать в этих трудных условиях хоть какую-то

⁷⁵⁹ Archiwum Akt Nowych (AAN), отдел VI, собрание документов Армии Крайовой. Командование округа «Львов», шифр 203/XV/44, Воззвание Краевого Провода ОУН на северо-западных украинских землях (PZUZ) от 18.05.1943, к. 6.

работу, даже если это была работа в оккупационных органах администрации, если только она не была связана непосредственно с карательными операциями против местного населения, свидетельствовали исключительно о стремлении выжить и поддержать тем самым своих соотечественников. Это касалось в равной степени как поляков, так и украинцев.

Трагизм ситуации заключался прежде всего в том, что антипольская операция изначально, на первый взгляд, абсолютно обоснованная с точки зрения украинских национальных интересов, очень быстро приобрела невиданный темп и размах, а также чрезвычайно кровавый характер, поскольку проводилась жестоким образом при участии деревенских жителей, вооруженных тем, что было под рукой, а также коснулась объективно, казалось бы, невинных людей, в том числе женщин, стариков и детей. А это уже было преступлением. Польскому населению Волыни, а позднее также и Восточной Галиции, пришлось с лихвой заплатить за предвоенную политику Второй Польской Республики по отношению к украинцам, как и за собственные фантазии и взгляды относительно этой политики, которые, в общем, хорошо видны в документах т.н. Польского Подпольного Государства.

В одном из этих документов, рапорте от декабря 1942 года, высланном в Варшаву командованием округа АК «Львов» писалось, например, о настроениях местных поляков:

«Отношение к украинцам повсеместно враждебное. В дискуссиях нет и следа хотя бы какого-то политического реализма относительно украинского вопроса. Любая программа, провозглашающая решение украинского вопроса в [том] смысле, что единственными хозяевами на этих землях могут быть только поляки, находит в обществе самое широкое одобрение. Какая-либо попытка той или иной политической автономии этих земель заранее обречена на неудачу [...]. Если кто-либо захочет занять другую позицию, то в глазах местного общества проигрывает, пусть даже он будет наиболее популярной личностью»⁷⁶⁰.

⁷⁶⁰ AAN, шифр 203/XV/27, выдержка из отчета об украинской политике за декабрь 1942, к. 55.

Как говорится, без комментариев.

Планы Краевого Провода ОУН на северо-западных украинских землях (Волынь и Полесье), а также командования УПА, касавшиеся «деполонизации» этих территорий, возникли также в связи с активным сотрудничеством поляков с советскими партизанами, а в особенности с оперативными группами НКВД, которые создавали свои базы в польских населенных пунктах и вынуждали их жителей оказывать им помощь различными способами, иногда даже втягивая поляков в разведывательную и диверсионную деятельность, как антинемецкую, так и антиуповскую. Часто поляки сами охотно соглашались на такое сотрудничество, особенно если оно было направлено против украинских повстанцев. Очевидно, что участие поляков в действиях советских сил оуновцы воспринимали, как принципиально противоречащее их собственным интересам, т.е. борьбе с врагом №1 — Советским Союзом, и по этой причине беспощадно мстили местному польскому населению.

В этом, по моему мнению, случае следует сказать о той роли, которую несомненно, сознательно или несознательно, в польско-украинском конфликте сыграла советская сторона. После немецких и уповских карательных операций, которые были мезтью за сотрудничество с советскими партизанами, командиры АК, дабы в меру возможностей избежать дальнейших репрессий, запрещали польским поселениям принимать у себя красных и продолжать сотрудничество с ними. В ответ советские партизаны прибегали к убийствам или арестам командиров польских отрядов АК, причем не щадили даже тех из них, с которыми еще вчера проводили совместные операции против немцев. Стоит также напомнить, что уже в 1944–1945 представители органов советской власти с большой охотой включали поляков в состав т.н. истребительных батальонов, а тем самым, без сомнения, вызывали обострение польско-украинских отношений.

Кроме того, что уже было сказано относительно роли нацистов в этом конфликте, стоит заметить, что подготовленная операция УПА, направленная против польских крестьян, и прежде всего, против работников местной немецкой администрации, которые руководили службами охраны лесов и обобщественного имущества (Liegenschaft), не могла получить одобрения оккупационных властей. Ведь она не только нарушала удерживаемые немцами любой ценой порядок и спокойствие на их тылах, но и препятство-

вала вовремя и без потерь собирать продовольствие, необходимое для вермахта. Немцы даже довооружали некоторые польские базы самообороны на Волыни, чтобы те могли обороняться от УПА, поскольку именно оттуда вывозили хлеб (напр., из колонии Халы около Сарн).

На третьем чрезвычайном Большом сборе ОУН (ОУН Самостийники-Державники, ОУН-СД), проходившем в августе 1943 года на хуторе возле деревни Золотая Слобода Козловского округа на Тарнопольщине, освобожденный в то время от обязанностей проводника Микола Лебедь даже заявлял, что УПА скомпрометировала себя своими антипольскими действиями, и что действия эти провоцируют немцев на карательные операции по усмирению украинских деревень. По крайней мере, такую информацию содержит показания участника этого Сбора, члена Центрального Провода ОУН Михайло Степаняка, которые он дал в НКВД 25 августа 1944 года⁷⁶¹.

Так или иначе, не подлежит сомнению, что гитлеровцы использовали антипольские действия УПА, чтобы провести набор в свои полицейские формирования среди перепуганных местных поляков, а также перебросить на Волынь польские отряды жандармерии из генерал-губернаторства, с целью включения их в антиуповские операции и акции возмездия против мирного украинского населения.

Уже в марте-апреле 1944 года в ходе переговоров, проводившихся членом Центрального Провода ОУН-Б Иваном Гринёхом с представителями немецкой службы безопасности и полиции в генерал-губернаторстве, последние потребовали от украинской стороны немедленного прекращения антипольских действий. Гринёх ответил, что:

«ОУН сделает это, но при условии, что будут ликвидированы все препятствия на пути к достижению организацией ее важнейшей цели — борьбы с большевизмом, а немцы гарантируют украинцам прекращения польского террора против них»⁷⁶².

⁷⁶¹ Kokin S. Anotowanyj pokazczyk dokumenliw z istoriji OUN i UPA ufondach Dczrżawnoho Archiwu SBU. T. 1. Kyjiw, 2000. S. 19.

⁷⁶² Информация для командующего полицией безопасности и СД в генерал-губернаторстве оберфюрера СС и полковника полиции Биркампа о контактах с представителем центрального руководства бандеровской группы Герасимов-

Таким образом, немецкая оккупационная администрация, будучи, в общем, заинтересованной в поддержании враждебности между украинцами и поляками, не стремилась, однако к тому, чтобы враждебность эта принимала форму массовой вооруженной конфронтации, т.е. обоюдных карательных рейдов, над которыми немецкая администрация была бы не в состоянии получить контроль.

Украинско-польский военно-политический конфликт должен был привести к трагическим для гражданского населения последствиям. Как украинцы, так и поляки считали Волынь, Восточную Галицию, Хелмщину, Подляшье, Лемковщину и Надсанье своими родными землями, за которые было заплачено тяжким трудом многих поколений. По этой причине население было непосредственно заинтересовано в победе одной из сражающихся сторон: УПА или АК, и поэтому также дало втянуть себя в конфликт. Правы были те, кто считал сражение между соседями лишенным перспектив и пытался остановить его. Были и те, кто покидал территории, охваченные конфликтом, теряя при этом дом и все имущество, но сохраняя жизнь.

Признавая тот факт, что у украинского национального освободительного движения были поводы, чтобы начать борьбу с местным польским подпольем, действовавшим согласно планам польского эмиграционного правительства и стремившимся удержать эту территорию, как наследство Второй Речи Посполитой (хотя здесь нужно подчеркнуть, что ни польское, ни советское правительство никогда не относились к УПА как к легальной структуре), однако же ни в коей мере нельзя оправдать методов и средств ведения этой борьбы, включая применявшийся ОУН-СД по отношению к польскому населению, в том числе к старикам, женщинам и детям, принцип коллективной ответственности. Это были методы, противоречащие всем международным правовым нормам, относящимся к военным действиям, и в послевоенный период они рассматривались, как «преступные». Очевидно, что осуждения требует не только практика террора УПА против гражданского населения, но

ским, 13.03.1944 // Центральный Державный Архив Высших Органов Влады и Управления Украины (Центральный Государственный Архив Высших Органов Власти Украины), Коллекция трофейных документов, касающихся сотрудничества украинских националистов и командования УПА с немецко-фашистским оккупантом. Ф. 4628. Оп. 1. Отч. 10. Л. 179.

также идеология т.н. интегрального национализма ОУН, которая сыграла значительную роль в дестабилизации польско-украинских отношений уже в межвоенный период. Осуждению подлежат также антиукраинские действия польских вооруженных формирований, которые привели к жертвам среди украинского гражданского населения.

Принимая во внимание бескомпромиссность позиций польского правительства и украинских политических сил, а прежде всего ОУН-СД и ОУН-Б в годы войны по вопросам территориальных уступок, реальный шанс на согласие, установление сотрудничества и возможность избежать кровопролития или же частично ограничить его, представляется ничтожным. Исторический опыт показывает, что ни одна страна и народ никогда добровольно не отрекается от земель, которые по той или иной причине считает своими.

Быть может, только в конце войны, когда как для польского, так и для украинского движения сопротивления стало одинаково очевидным, что их усилия не повлияют на окончательное решение проблемы принадлежности спорных территорий, возникли некоторые предпосылки для создания общего фронта. К сожалению, было уже слишком поздно. Кроме того, над украинцами и поляками довели прошлые обиды и давние счеты, которые накапливались несколько столетий. Польские политические силы не отреклись от прав на земли Волыни и Восточной Галиции, и не сумели рассмотреть в «польских» (западных) украинцах равноправных партнеров. Перемены наступили значительно позже.

Научное издание

Неизвестный геноцид

**Преступления украинских националистов
на юго-восточном пограничье Польши,
1939–1946 гг.**

Редактор-составитель
проф. Вроцлавского университета
Богуслав Пазь

Перевод с польского
Юрий Андрейчук

Ответственный редактор Д. С. Горчакова
Корректор Е. А. Ершова
Верстка Т. В. Елесина

ООО «Издательство Алгоритм»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: (495) 617-08-25
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронна почта: algoritm-kniga@mail.ru

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям
«Историческая память»
119019 Москва, ул. Волхонка д. 5/6 стр. 9, оф. 77,
Тел./факс (495) 697-34-31
www.historyfoundation.ru
historyfoundation.ru@gmail.com

Подписано в печать 30.11.14. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «БЭСТ-принт»
107076, г. Москва, Колодезный пер., д. 14, офис 608